

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ТОМ ХАРПЕР

ДЕТЕКТИВ

ГРОБНИЦА
СУДЬБЫ

КНИГА-ЗАГАДКА
КНИГА-БЕСТСЕЛЕР

КНИГА-БЕСТСЕЛЕР
КНИГА-БЕСТСЕЛЕР

Annotation

В закоулках лондонского Сити скрывается банк Монсальват – неприметная, но очень богатая и влиятельная организация. Когда бедная студентка Элли Стентон получает из него письмо с приглашением на работу, она хватается за такой роскошный шанс. Но вскоре девушка понимает, что хранилища банка скрывают больше, чем просто сокровища и ценные бумаги, а саму ее наняли вовсе не благодаря деловым навыкам. Эта история началась восемьсот лет назад, когда безвестный рыцарь бросил вызов зловещей организации, сеющей раздор и играющей королями, словно пешками. Тайная война за власть над судьбами народов идет уже много веков, и Элли была обречена сразиться в ней еще до того, как родилась...

- [Том Харпер](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Примечания и благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
-

Том Харпер

Гробница судьбы

*Посвящается
Джейн Конуэй-
Гордон*

лучше, чем
пальцем в глаз

– Честное
слово, – сказал сэра
Гиромелант. – Твои
истории вызывают
у меня изумление.
Это настоящее
удовольствие –
слушать, как ты
рассказываешь их,
словно менестрель
или трубадур. Ты
прирожденный
бард. И все же
поначалу я принял
тебя за рыцаря и
решил, что ты
совершил великие
подвиги.

*Кретьен де Труа.
«Персиваль»*

Глава 1

Лондон

Элли убеждала себя, что ей вовсе не нужна эта работа. Она только что поступила в докторантуру по предмету, о котором могла разве что мечтать. До сих пор ее жизнь была простой и унылой, а теперь Элли вступила в новый, волшебный мир. После девяти месяцев учебы в Оксфорде, в окружении всей этой красоты – горгулий, бельведеров и аккуратно постриженных лужаек – ей все еще приходилось щипать себя, дабы удостовериться, не сон ли это. У нее был куратор, уважающий ее научные изыскания, парень, который обожал ее, и мать, которая едва не лопалась от гордости, рассказывая соседям об успехах своей дочери.

Но все это не помешало Элли встать в шесть часов серым, пасмурным утром, натянуть колготки, слишком толстые для мая, и твидовую юбку, купленную специально для собеседования, и отправиться на автобусе в Лондон по автостраде М-40. У Мраморной Арки она вышла из автобуса, спустилась в метро и втиснулась в вагон, словно зубная паста из тюбика, удивляясь, как люди способны выдерживать подобное каждый день. Она крепко прижала сумку к животу. Внутри находились бутылка воды, сэндвич, который предполагалось съесть на обратном пути домой, и письмо, отпечатанное на листе толстой бумаги кремового цвета со штампом геральдического знака вверху. В нем-то и заключалась причина ее поездки.

Директор, мистер Вивиан Бланшар, будет рад, если вы сможете посетить его с целью обсуждения ваших потенциальных карьерных возможностей в банке «Монсальват»...

Поезд нырнул в туннель. У нее на спине выступили капельки пота. Спертый воздух в вагоне был насыщен запахами тел и дешевой парфюмерии. Элли стало дурно и уже не хотелось никуда ехать.

Выйдя на улицу на станции Бэнк-стейшн, девушка тут же почувствовала опасность, витавшую в воздухе. У дверей Английского банка собралась толпа демонстрантов, скандировавших лозунги и размахивавших потрепанными флагами. Полицейские лошади били асфальт массивными копытами и обнажали зубы. Всадники напряженно всматривались в толпу поверх щитов, через матовые козырьки своих шлемов. В руках они держали резиновые дубинки, подобно рыцарям, изготовившимся к схватке. Сверху, из стеклянных башен, за происходящим наблюдали акулы капитализма, соглашаясь друг с другом в том, что именно за это они и платят налоги.

Элли попыталась миновать митингующих, но ее все же несколько раз толкнули, и она едва не выронила сумку. Полицейский смерил девушку взглядом с головы до ног и решил, что она не представляет угрозы. В твидовой юбке и шерстяном жакете, она не очень походила на демонстрантку, как и любой другой обитатель Сити. Дорого наряженные манекены в витринах забаррикадированных магазинов смотрели на нее с презрением, застывшим на неподвижных лицах. Элли уже жалела, что здесь оказалась.

– Смотрите, куда идете! – раздался возмущенный возглас.

Элли шла прямо на человека – одного из протестовавших. Худое, изможденное лицо, обрамленное длинными, спутанными волосами, пристальный взгляд, неровные зубы. Его тенниска выглядела так, будто он не снимал ее несколько недель. Надпись на транспаранте, который он нес на плече, гласила: «Капитализм убивает нас».

– Извините, – девушка попыталась обойти его, но он преградил ей путь.

– Опасные времена, голубушка, – мужчина подался вперед. – Нужно соблюдать осторожность, понимаете, что я имею в виду? Необходимо вырубить мертвые деревья, остановить разложение, прежде чем двигаться дальше. Искоренить болезнь.

От него пахло отбросами недельной давности. Элли отпрянула назад, но толпа вновь прижала ее к нему.

– Общество гибнет, – демонстрант возвысил голос, и на его губах выступила слюна. – Этот мир поражен болезнью, и она убивает всех нас. Посмотрите вокруг. Гибнут деревья и пчелы. Уровень океана поднимается, но в нем нет рыбы. Это катастрофа.

Элли посмотрела на часы. У нее совсем не было времени.

– Извините, но...

– Нет, вы должны выслушать меня!

В сторону Элли потянулась рука с темными, похожими на когти ногтями. По всей видимости, он хотел схватить ее за руку. Девушка рванулась в сторону, его пальцы смогли лишь зацепиться за ремешок ее сумки, и та упала с ее плеча. И в этот момент Элли, должно быть, закричала.

В ту же секунду за спиной мужчины что-то взметнулось вверх, и он с воплем повалился на колени. Сзади стоял полицейский в поблескивающем желтом жилете с резиновой дубинкой в руке. Вероятно, он некоторое время наблюдал за ними в ожидании предложения, для того чтобы вмешаться. В одно мгновение двое других полицейских заломили демонстранту руки за спину и оттащили его в сторону.

Элли начала, запинаясь, благодарить полицейского, но тот резко оборвал ее.

– Уходите отсюда! – крикнул он – Здесь опасно!

С лицом, искаженным гримасой гнева под матовым козырьком шлема, он выглядел еще более устрашающе, чем участники митинга.

Элли вцепилась в сумочку и стала прокладывать себе путь сквозь толпу.

Спустя несколько секунд она испытала угрызения совести. У демонстранта не было дурных намерений. Наверное, ей следовало запомнить номер на значке полицейского на тот случай, если этот человек решит подать жалобу. Она оглянулась, но полицейский уже растворился в боевых порядках желтых жилетов.

Разгоряченная и возбужденная, Элли опоздала на десять минут. Столкновение с демонстрантом потрясло ее, но не оно одно послужило причиной ее задержки. Девушка заблудилась. На карте, которую она посмотрела перед поездкой, то место, где находился банк, обозначалось большим серым прямоугольником. В реальности этот квартал представлял собой лабиринт узеньких дорожек и аллей, извивавшихся вокруг старых домов и заканчивавшихся тупиками, упираясь в глухие стены. И когда она уже была готова сдаться, перед ней из вымощенной булыжником аллеи выросло старинное каменное здание с узкими окнами и маленькими башенками по углам.

Рядом с особняком стоял сверкающий черный «Ягуар». *Как он сюда попал?* Едва Элли приблизилась к машине, из салона выскочил водитель в фирменной фуражке и открыл заднюю дверцу, словно только и ждал ее. Однако дверцу он открыл вовсе не для нее. По ступенькам лестницы спустился мужчина в костюме в тонкую полоску и синем галстуке. Не прошло и мгновения, как он уже устроился на заднем сиденье. Водитель захлопнул за ним дверцу, сел за руль, и «Ягуар» тронулся с места. Элли вынуждена была прижаться к стене, чтобы не оказаться под колесами. Автомобиль пронесся мимо нее и скрылся за углом, но девушка успела на долю секунды заметить в окне знакомое лицо, склонившееся над содержимым красного кожаного портфеля.

Элли взглянула на здание банка. Над дверями красовалась чугунная вывеска с изображением окаймленного щитом орла с раскрытым клювом, державшего в когтях копье. Это изображение было продублировано на матированной стеклянной двери, а также на латунной табличке, висевшей на стене в приемной.

Секретарь с кислым лицом, чем-то похожая на орла с таблички, смотрела на нее с недовольным видом. Девушка порылась в сумке и достала из нее письмо.

– Элли Стентон. Я пришла поговорить... с Вивианом Бланшаром.

Секретарь подняла телефонную трубку и объявила посетительницу скрипучим голосом, напоминавшим скрежет металла по стеклу.

– Он будет через минуту.

В приемной не было ни одного стула. И девушке ничего не оставалось, как приткнуться возле стола секретаря. Элли так и не смогла справиться с раздражавшим ее любопытством.

– Человек, который только что вышел, – это не...?

Сотрудница банка поджала губы.

– Мы никогда не обсуждаем наших клиентов.

Элли покраснела. Не потеряла ли она уже свой шанс? *Возьми себя в руки*, – сказала она себе. – *Тебе не нужно ничего доказывать. Это они пригласили тебя.*

Тишину нарушил телефонный звонок. Секретарь говорила в трубку, не сводя глаз с Элли.

– Вы можете подняться.

Офис Вивиана Бланшара находился на шестом этаже, откуда через заднее окно открывался неповторимый вид на старую часть города. Но Элли даже не заметила этого. Банкир, заполнявший все пространство комнаты, радостно приветствовал ее, извинился за то, что заставил себя ждать, и предложил кофе. Его бившая фонтаном энергия ошеломляла и подавляла. Пожимая ей руку, он слегка притянул ее к себе и наклонился вперед, словно собирался поцеловать.

– Очень приятно, – пробормотала в ответ Элли.

Бланшар предложил ей сесть на обтянутый кожей мягкий диван, затем извлек из ящика стола толстую сигару и серебряный нож, весьма экономно обрезал кончик сигары и достал зажигалку.

– Вы не возражаете?

Элли, еще не успев прийти в себя, покачала головой. Он не был похож ни на кого из тех людей, которых ей до сих пор доводилось встречать. Все в нем было преувеличенным и изысканным: высокий рост, широкие плечи, шикарный серый костюм, сидевший на нем, словно боевые доспехи, пышная грива зачесанных назад серебристых волос, резкие черты лица, орлиный нос и колючий взгляд сверкающих глаз. Запястье его левой руки украшали часы «Картье». Галстук «Гермес», туфли (хотя Элли и не могла знать об этом) были сшиты вручную парижским обувщиком, изготавливавшим всего сотню пар в год. В довершение всего в его речи присутствовал едва уловимый иностранный акцент.

– Спасибо за то, что пришли, Элли. Я могу вас так называть? – не дожидаясь ответа, Бланшар продолжил: – Я извиняюсь, если наш подход кажется вам излишне... таинственным.

– Да, меня не каждый день приглашают на собеседование по поводу работы, на которую я никогда не претендовала.

– К тому же в компанию, о которой вы никогда не слышали, не так ли? – Бланшар выпустил облако дыма в сторону висевшей над камином картины маслом, изображавшей рыцаря и представлявшей собой копию работы одного из прерафаэлитов.

Отрицать это не было никакого смысла. К кому бы Элли ни обращалась, никто не слышал об этом банке. Правда, у них имелся сайт в интернете, но это, скорее всего, было лишь данью современности: одна страничка, содержащая геральдический знак и

телефонный номер. В службе трудоустройства университета информация об этой фирме отсутствовала. Все сведения, почерпнутые в сети, сводились к нескольким сделанным мимоходом ссылкам в «Файнэншл Таймс» и паре упоминаний в «Экономисте». Складывалось впечатление, будто этот банк избегает любого упоминания о своем существовании.

– Слышала, но очень немного.

– Это вполне объяснимо, – Бланшар добродушно улыбнулся, обнажив зубы. – Осторожность – одна из наших главных добродетелей. Мы тщательно заботимся о неприкосновенности своей конфиденциальной информации.

– Мне известно, что банк был основан в шестнадцатом веке приехавшим из Франции купцом по имени Сен-Лазар де Моргон, – добавила Элли. – Следовательно, он является одним из первых в Англии и одним из двух или трех старейших банков в Европе. В эпоху Реформации он разбогател на операциях с доходами от упразднения монастырей. К восемнадцатому веку стал первым среди банков, финансировавших правителей европейских стран, готовившихся начать военные действия.

Бланшар наклонил голову, отдавая должное глубине ее познаний.

– В двадцатом веке он пережил войны и депрессии, будучи небольшим, но влиятельным коммерческим банком, обслуживавшим состоятельных частных лиц и их компании. Сейчас организация остается одной из последних, кого не поглотил очередной крупный международный конгломерат. Пока.

Бланшар внимательно слушал Элли, на его сигаре образовался толстый слой пепла. Он стряхнул его в хрустальную пепельницу и сделал глубокую затяжку. Его лицо выражало удовольствие.

– Не думаю, что львиная доля этой информации когда-либо содержалась в общедоступных источниках.

Элли почувствовала, что краснеет под его пристальным взглядом.

– Просто меня разобрало любопытство, когда я получила ваше письмо.

Любопытство по поводу того, что банк, о котором никто никогда не слышал, хочет взять на работу девушку, о которой никто никогда не слышал, не имеющую ни опыта, ни желания работать в Сити. Она два дня рылась в грудях пожелтевших документов и

рассыпающихся книг, пытаясь выяснить, существует ли вообще банк «Монсальват».

– В том, как мы вышли на вас, нет большого секрета. Помните вашу дипломную работу, получившую премию?

Премию Спенсера. Элли никогда не слышала об этой премии, пока однажды руководитель не принес в ее комнату в общежитии анкету. Она отправила свою дипломную работу по почте и тут же забыла об этом. Через три месяца на ее имя пришло письмо с поздравлениями и чеком на пятьсот фунтов.

– Мы выплачиваем эту премию от имени одного из наших клиентов. Время от времени с его разрешения мы выбираем среди конкурсантов людей, которые могут представлять для нас интерес.

Элли почти физически ощущала на себе его взгляд. Она невольно сжалась и отвела глаза в сторону, вновь принявшись рассматривать картину над камином. На заднем плане была изображена привязанная к дереву женщина в прозрачной сорочке. Рыцарь наполовину обнажил меч, хотя было непонятно, для чего – то ли чтобы освободить от пут пленницу, то ли чтобы бросить вызов врагу, находившемуся за пределами полотна. Элли вдруг подумала, действительно ли это копия.

Бланшар откинулся на спинку кресла.

– Позвольте мне рассказать вам, что мы сегодня собой представляем. Мы – необычная фирма. Я бы сказал, исключительная. Некоторые называют нас старомодными, и, в определенном смысле, они правы. Но мы отдаем себе отчет в том, что для того, чтобы сохранять независимость, нам необходимо постоянно опережать наших конкурентов. Самые современные методы, самое прогрессивное мышление. Новая мебель в старом доме.

Его речь изобиловала метафорами. Возраст массивного стола из темного дерева, за которым он сидел, составлял по меньшей мере триста лет. Его вполне могли сделать в одном из упраздненных монастырей, за счет которых обогатился банк «Монсальват».

– Наши клиенты в большинстве своем представляют старые капиталы – некоторые поистине берут свое начало из глубины веков. Наши клиенты понимают, что деньги не должны быть вульгарными. Им требуются банкиры, хранящие их с определенной...

– Осторожностью? – предположила Элли.

– Эстетикой.

Девушка согласно кивнула, хотя в действительности ничего не поняла.

– Нуворишей – арабов, американцев и прочих – мы оставляем другим. У евреев имеются собственные банкиры.

От взгляда Бланшара не ускользнуло выражение недоумения, хотя Элли тщетно пыталась его согнать со своего лица.

– Я знаю, говорить так неполиткорректно, но это *фактически* корректно. А деньги не допускают ничего иного, кроме фактов.

Бланшар вновь стряхнул пепел с сигары.

– Я уже говорил вам, мы – исключительная компания. Мы не владеем собственными крупными активами и не инвестируем крупные суммы денег от своего имени. Наше богатство заключено в умах и сердцах наших сотрудников. Исключительных сотрудников. Таких, как вы.

Элли сидела на огромном диване в неудобной позе, сжав колени.

– Вы думаете, я лъщу вам? Я мог бы дать объявления в лучших университетах, и через неделю получил бы пять сотен безупречных резюме. Все было бы одно и то же: одно и то же образование, одни и те же дипломы, одно и то же мышление. Все они будут работать хорошо, но только в рамках системы, призванной обеспечивать им достижение успеха. Что касается вас, Элли, вы достигли успеха за пределами этой системы. И в этом ваша исключительность. Эти другие, они думают, будто жизнь – игра, происходящая по определенным правилам, с ведением счета и с участием арбитров, использующих свисток, когда кто-то бьет им между ног. Мы с вами думаем иначе.

Бланшар открыл лежавшую на столе папку и вынул из нее два листа, очень похожих на ее личное дело. Как они попали к нему?

– Расскажите мне о себе.

– А почему бы вам не рассказать мне обо мне?

Элли поразила смелость произнесенных ею слов. Вероятно, ей действительно не нужна эта работа. Но Бланшар не выглядел оскорбленным. Она почему-то чувствовала, что его не возмутит ее ответ.

– Элеонор Кэрис Стентон. Родилась 22 февраля 1987 года в Ньюпорте, Южный Уэльс. Ваша мать выполняла разную работу на производственных предприятиях, ваш отец... – Бланшар пожал плечами. Элли не видела, чтобы он читал все это по бумажке. – В

школе вы добились замечательных результатов. Вам предложили учебу в Оксфордском университете со стипендией, но вы предпочли ничем не примечательную местную политехническую школу. Вас так напугал Оксфорд? Его привилегированность и элитарность? Вы боялись, что вас будут воспринимать как нуждающуюся?

– Нет. Даже с теми деньгами, которые мне предлагали, я не смогла бы позволить себе туда поехать.

– Опасение – это не так уж и плохо, – заметил Бланшар. – Те, кто считает, что им нечего бояться, как правило, ничего не достигают.

Элли отнюдь не была уверена, что это действительно так.

– Тем не менее в конце концов я поступила в Оксфорд.

– В самом деле. Диплом с отличием по истории Средневековья. Вы могли бы пройти любую последипломную программу обучения в стране, но предпочли добиваться докторской степени. Немногие сделали бы такой выбор. У вас не было соблазна заняться чем-то, что приносит хорошие деньги, и тем самым вырваться из своей социальной среды?

Элли напряглась. Не слишком ли он бесцеремонен? Или, может быть, он испытывает ее? Она посмотрела банкиру прямо в глаза, и ей показалось, что в них мелькнула улыбка. Ублюдок.

– Деньги – не единственный способ вырваться из своей социальной среды, – это было все, что она могла сказать.

Бланшар кивнул, покачиваясь в кресле.

– Скучность идей, это вы имеете в виду?

– Что-то в этом роде.

– Но идеям свойственна собственная ограниченность. Академическая башня из слоновой кости – это эхо-камера, зеркальный зал. Вы смотрите на мир сквозь стекло и со временем понимаете, что видите только себя. Разве это может удовлетворить вас?

Здесь опасно. Элли неожиданно вспомнила слова полицейского.

– Мне очень льстит ваше приглашение, – с уверенностью произнесла девушка. – Но я твердо намерена получить докторскую степень, а до этого еще три с половиной года. Боюсь, в данный момент я не могу все бросить.

Она репетировала эту фразу в автобусе, подбирая нужный тон – не резкий и вызывающий, но и не оставляющий никаких сомнений.

Подобный тому, каким обычно девушка говорит парню во время свидания, что не собирается идти к нему домой.

На лице Бланшара появилось скучающее выражение.

– Вы раньше не работали в банковской сфере?

Элли не сразу поняла, что он имеет в виду. Это было так давно.

– Всего лишь временная работа летом. Совсем другое дело. Двенадцать часов в неделю в местном строительном обществе^[1], коричневые ковры и стены, отделанные штукатуркой с каменной крошкой. Единственными обладателями старых капиталов здесь были пенсионеры.

– Чем привлекала вас эта работа?

Элли с удивлением посмотрела на банкира.

– Прошу прощения?

– Почему не бар или не магазин одежды, куда обычно устраиваются на временную работу молодые женщины?

– Я решила, что мне следует познакомиться с обратной стороной монеты.

Я хотела увидеть, откуда берутся деньги. Хотела поддержать их в руках, ощутить себя их обладательницей, пусть всего лишь на мгновение.

Семья все время нуждалась в средствах, и Элли ненавидела бедность. Память навсегда запечатлела отчаяние в глазах матери, когда та приходила с ночной смены, выражение ужаса на ее лице при каждом стуке в дверь. Девочка испытывала счастливое чувство каждый раз, когда им приходилось внезапно уезжать из дома со своим скудным скарбом. И остро ощущала социальную несправедливость, глядя на хорошо одетых одноклассников с лэптопами и мобильными телефонами, тогда как ей приходилось одеваться в магазинах секонд-хенда. В университете лэптопы и мобильные телефоны трансформировались в автомобили и квартиры, тогда как Элли жила над бедной забегаловкой, сидела над учебниками до поздней ночи, вдыхая запах дешевого жира, а в свободное время подрабатывала всюду, где только могла найти работу, получая мизерную зарплату.

– Позвольте мне вкратце рассказать вам о нашей политике вознаграждения за труд, – прервал ее воспоминания Бланшар. – Будучи маленькой фирмой, мы прекрасно понимаем, что должны платить служащим больше, нежели платят наши конкуренты. – Он взял

серебряный нож и стряхнул прилипшие к его лезвию крошки табака. – К счастью, у нас глубокие карманы. В качестве стартовой зарплаты мы предлагаем семьдесят пять тысяч фунтов, и, кроме того, вы можете рассчитывать на бонус, составляющий десять-пятнадцать процентов. Со временем процент бонуса возрастает.

У Элли отвисла нижняя челюсть. Ее не заботило то, что Бланшар видит это. Неужели он сказал – семьдесят пять тысяч фунтов? Сумма гранта на ее программу по соисканию докторской степени составляла восемь тысяч, и для нее это были огромные деньги. Ее знакомые по университету, устроившиеся в крупнейшие юридические фирмы Лондона, не получали и половины этого. Элли знала это, поскольку они месяцами бахвалились своими зарплатами.

– Мы понимаем, что в Лондоне жить нелегко, – продолжал Бланшар, – и поэтому стараемся помогать в переходный период. В течение первого года вы можете занять квартиру, принадлежащую компании. Район Барбикан, тридцать девятый этаж. Изумительный вид из окна.

Элли задумчиво кивнула. *Семьдесят пять тысяч фунтов.*

– Разумеется, мы обеспечим вас всем необходимым для работы – лэптоп, мобильный телефон последней модели, если для вас это имеет значение. Субсидия на приобретение одежды.

Элли машинально потеряла дешевую ткань своей юбки и представила себя в нарядах, которые она видела в витринах модных магазинов.

– Мы не предоставляем автомобиль, поскольку он вам не понадобится. Ездить по Лондону – настоящее мучение. В случае необходимости вас будет обслуживать наш водитель. И большинство ваших поездок будут за границу.

– Их будет много?

– Наши клиенты живут по всей Европе – Швейцария, Италия, Германия, ну и, конечно, Франция. Иногда они приезжают в Лондон, но обычно предпочитают, чтобы мы ездили к ним.

Элли лишь однажды выезжала за пределы Великобритании. Тогда ей было восемнадцать, она только что сдала экзамены. Полугодовых накоплений от работы по субботам хватило на неделю в испанском хостеле, пропахшем канализационными стоками.

– Естественно, мы обеспечиваем максимально возможный комфорт – бизнес-класс и хорошие отели.

– Я уверена...

Бланшар прервал ее взмахом серебряного ножа.

– Элли, будем честны друг с другом. В большинстве случаев собеседование основывается на лжи. Кандидат лжет по поводу того, какой он замечательный и трудолюбивый, а представители компании лгут по поводу того, какое это счастье – работать на них и какую блестящую карьеру можно при этом сделать. Кончается все тем, что они держат его на бумажной работе до тех пор, пока он не ослепнет, а затем выставляют за порог.

Элли молча слушала. Дым сигары Бланшара вызывал у нее головокружение.

– У нас не так. Мы тщательно выбираем того, кто нам нужен, и, заполучив его, стараемся удержать. Для нас вы инвестиция – в потенциале стоящая миллионы. Как в случае с любой инвестицией, мы будем помогать вам, увеличивать вашу стоимость. Да, работа не проста. Будут долгие рабочие дни, а иногда и вечера, но можете мне поверить, это гораздо интереснее всего того, чем вам приходилось заниматься прежде. Вы будете лично общаться с могущественнейшими и умнейшими людьми в Европе, и они будут выслушивать вас. С уважением и благодарностью. Поскольку вы будете представлять банк «Монсальват», и поскольку они будут видеть в вас родственную душу. Как видим мы.

Бланшар сцепил ладони и наклонился вперед, перегнувшись через стол.

– Элли, мы очень хотим, чтобы вы работали у нас. Что нужно сделать, чтобы вас уговорить?

Глава 2

Иль-де-Пеш, 1142 г.

Мы плывем убивать графа дождливым утром. От капель дождя на ровной глади моря расходятся круги, наползая друг на друга и образуя замысловатые узоры. Наши плоские лодки скользят по воде, разрушая эту благодородную вязь. Днище настолько тонкое, что я ощущаю под ним воду, как наездник может чувствовать лошадиную плоть через седло.

Наши лодки чуть больше коракла^[2]. В определенном смысле мы – пилигримы. Кожа головы зудит в том месте, где Малегант прошлой ночью выбрил мне своим охотничьим ножом ложную тонзуру. Там, где грубая шерсть рясы не натирает кожу, по ней бегают мурашки. Неделю назад мы раздели группу монахов, которых застигли врасплох на дороге вблизи Ренна. Швы впиваются в плечи: мы несколько шире среднего монаха. И к тому же под рясами у нас кольчуги.

Над морем поднимается туман. Он обволакивает нас, пустой белый гобелен на стенах нашего мира. Эта бухта насчитывает три сотни островов, но все они скрыты от наших глаз. Погода для нас просто идеальна. Черные лодки на фоне темного моря будут почти невидимы для дозорных. И даже если они заметят нас, тетивы их луков уже размокли под дождем. Малегант говорит, что в этом проявляется Божья воля, и мы смеемся, оценив шутку.

Нас восемь человек, и у каждого на лезвии меча имеются метки по меньшей мере дюжины сражений. Наши руки в крови, наши лица в шрамах. Мы не из тех, кого хочется встретить на дороге – в чем убедились те самые монахи. Но все мы боимся Малеганта. Он выше любого из нас на голову, и все в нем черное: волосы, глаза, камень в рукоятке меча, орел с раскрытым клювом, нарисованный на щите. Даже кольчуга у него изготовлена из черного сплава.

Малегант достает охотничий нож и разрезает свою рясу от шеи донизу, как будто вспарывает тело. Так будет легче сбросить с себя

маскировку, когда начнется битва. Все мы делаем то же самое. Звук разрываемой ткани нарушает тишину, царящую над морем.

Впереди среди тумана появляется тень. Я слышу, как вода плещется о берег. Тень увеличивается в размерах, нависая над нами. Жалобно кричит выпь. На скале, вплотную подступающей к морю, высится замок. Мы подплываем достаточно близко, и я различаю ракушки, украшающие пунктирными линиями стены. Из воды торчат палки, отмечающие расположение плетеных ловушек для лобстеров.

Мы направляем лодки на птичий крик и обнаруживаем вал, спускающийся от ворот замка к морю. Ворота открыты: рядом с ними стоит монах-картезианец в рясе цвета тумана. Крик выпя исходит из его рта, к которому он прислонил ладони.

Он опускает руки, открывая свое молодое и чистое лицо, и я замечаю, что он, как никто из нас, похож на монаха.

– Они что-нибудь заподозрили? – спрашивает Малегант. Даже голос его черен, как сажа.

Картезианец качает головой.

– Граф молится в своей часовне.

Мы соскакиваем в воду, не осмелившись вытаскивать лодку, поскольку это неизбежно создало бы шум. Я высвобождаю свой меч от обертки. Убитые нами монахи имели при себе книги, а пергамент не пропускает воду. Я бросаю листы в воду и наблюдаю, как они уплывают прочь. Дождь пытается утопить их.

– Сторожи ворота, – бросает Малегант картезианцу. – Когда начнется схватка, ни один из них не должен уйти.

Он завязывает пояс слабым узлом поверх рясы. Рукоятка меча выпирает внизу живота, и со стороны это выглядит неприлично и одновременно смешно. Мы натягиваем на головы капюшоны и цепочкой проходим в ворота.

Еще только начинает светать, но в замке уже кипит жизнь. Грумы выносят из конюшни дымящиеся ведра с навозом и вываливают их содержимое во дворе кухни. Слуги выметают стебли тростника из большого зала и относят их к печи пекарни, чтобы сжечь. Где-то кричат соколы, которым сокольничие дают свежее мясо. Женщина в белом платье стоит на балконе, перегнувшись через перила. Я поворачиваю голову, чтобы рассмотреть ее через отверстие капюшона, но она окутана туманом и похожа на эфемерного ангела.

На мгновение мне кажется, что это Ада. Мне чудится, будто я вижу красный шнурок, стягивающий сзади ее волосы, темные глаза, лучащиеся смехом, и брошь на шее – мой подарок.

Не смотри, молю я ее. Где бы ты ни была, отведи глаза. Не может быть и речи о том, чтобы просить ее помолиться за меня.

Эта женщина – не Ада. Я натягиваю капюшон, чтобы не видеть ее.

Часовня представляет собой сложенное из камня темное и мрачное здание, примыкающее к скале. Множество ног за бесчисленное количество лет отполировали его пол. В задней стене устроено сводчатое окно, выходящее на море. На его стекле три красных круга, похожие на раны. Под окном располагается алтарь с двумя подсвечниками, каждый на две свечи, и рака – все из золота.

Граф стоит перед алтарем на коленях. Он совсем не такой, каким я его себе представлял: худощавый, с седыми, редящими волосами и пунцовыми щеками. Он читает Библию, лежащую на низком аналое, в то время как два ряда монахов – настоящих – стоят друг против друга и поют литургию над его головой.

Помилуй меня, Господи, грешника.

У меня кружится голова. Как бы мне хотелось изменить свою судьбу. Малегант идет большими шагами через помещение часовни, сбрасывая на ходу рясу с плеч. Кончик его меча прикасается к плечу графа, словно он посвящает его в рыцари. Когда голова графа поворачивается в его сторону, наш предводитель улыбается ему.

Лезвие меча рассекает ключицу графа и достигает легкого. Кровь бьет фонтаном, голова болтается из стороны в сторону, подобно свиному пузырю на веревке. Малегант упирается ботинком в спину мертвеца и извлекает из его тела меч. Граф валится вперед, и по страницам Библии струится кровь. Один из монахов подбегает к алтарю и накрывает раку своим телом, но Малегант перерезает ему горло и оттаскивает труп в сторону.

Сзади нас раздаются крики и топот. Слишком поздно, стражи графа проспали смертельную угрозу. Малегант берет раку и поднимает ее вверх, словно чашу. Его лицо светится триумфом, в то время как остальные рубят оставшихся монахов.

А я? Я знаю, что должен вытащить меч и сделать то, ради чего меня наняли. По крайней мере, защитить себя. Но мною овладевает

некая высшая сила. Я вспоминаю клятву, данную мной полжизни назад.

Защищать церковь, своего господина, невинных и слабых.

Как я дошел до такого?

Глава 3

Люксембург

Лемми Маартенс всегда знал, что его работа – самая легкая на свете. Он работал банковским инспектором в налоговой службе и любил шутить, что самой трудной задачей в течение рабочего дня является выбор заведения для ланча. Но сегодня его работа не казалась ему такой уж легкой. Сегодня ему пришлось попотеть.

– Хотите еще кофе?

Секретарь в очередной раз принесла кофейник. Лемми толкнул чашку через стол, поскольку не хотел, чтобы она видела, как у него дрожат руки. Чашка была из тонкого фарфора – «Виллерой энд Бош». Лемми прочел это, перевернув блюдце, когда секретарь вышла из кабинета.

– Менеджер будет незамедлительно, – прозвучал голос секретаря.

На протяжении всей своей жизни Лемми был уверен в том, что мир дает ему меньше, чем должен. Его работа, предусматривавшая общение с представителями международных финансовых кругов, лучащимися богатством и высокомерием, только укрепляла эту уверенность. Ему хотелось иметь дорогой немецкий автомобиль, какой он видел на парковке, итальянский костюм, в каких проходили мимо него люди в коридорах. И он был убежден, что заслуживает всего этого.

Поэтому Лемми и решил найти подработку. В других странах государственные чиновники, контролировавшие банковскую систему, за взятки закрывали глаза на всевозможные махинации. В Люксембурге закрывать глаза было для него чуть ли не официальной должностной инструкцией. Но ему также платили за благоразумие – и это было предметом определенных договоренностей. Ничего серьезного, но если вы хотели узнать, не испытывает ли компания-конкурент трудности с оплатой труда своих служащих или не разорется ли ее дочерняя компания и нельзя ли ее приобрести, Лемми мог выяснить это для вас. Это приносило ему в месяц, помимо

зарплаты, кругленькую сумму в десять тысяч евро, скрываемую в надежном месте, где никто не мог бы ее найти. Но этот заработок каждый раз доставался ему потом, если не кровью.

Он еще раз прочитал надпись на настенной табличке. *Банк «Монсальват»*. Даже в период работы в министерстве он не слышал о такой компании, но это его не удивило. В Люксембурге действовало около полутора сотен финансовых учреждений, привлеченных низкими налогами и тем, что местные чиновники, контролирующие банковскую систему, не задают слишком много вопросов. Физическое присутствие большинства из этих банков ограничивалось табличкой с названием и телефонным номером.

Из внутренней двери вышла женщина. Она была одета в узкую серую юбку и белую блузку с расстегнутым воротом. Ей было под пятьдесят, но дважды разведенный Лемми сумел оценить ее стройную фигуру и властную красоту.

– Кристин Лафарж, – она протянула ему руку. – Я менеджер этого офиса. Мы не ожидали кого-либо из вашего департамента именно сегодня.

– Выборочная проверка, – успокоил ее Лемми. – Чистая формальность. Перемена климата, так сказать. Мы должны продемонстрировать свою активность.

Ее глаза прищурились.

– Ваш директор обычно оказывает нам любезность, предупреждая нас о проверке по телефону, дабы мы могли подготовить документы.

Лемми положил руки на стол в надежде на то, что она не заметит, как они дрожат.

– Могу лишь принести свои извинения.

Секретарь принесла нужную ему распечатку – перечень счетов. Лемми просмотрел его и сделал вид, будто выбрал один наугад.

– Вот этот.

Брови миссис Лафарж поползли вверх.

– Это один из самых ценных наших счетов. Если клиент узнает, что вы изучаете его деятельность, он... – она задумалась, подбирая подходящее выражение. – Он посчитает себя оскорбленным.

В деликатном мире банковской сферы Люксембурга это было самое недвусмысленное предупреждение, какое сотрудница банка могла сделать. *Отвяжись*. В другое время Лемми тут же извинился бы

за явную ошибку и попросил бы другой счет, возможно, тот, который предложила бы сама сотрудница банка. После трех часов демонстрации тщательной проверки он заверил бы ее в том, что все в порядке.

Но люди, пославшие сюда Лемми, платили за его работу немалые деньги. Он сцепил пальцы рук, и его лицо приобрело жесткое выражение.

– Боюсь, я вынужден настаивать. Наши процедуры... – Маартенс возвел очи горе, представ в образе покорного служителя высших сил.

– Конечно, – это было все, что могла сказать миссис Лафарж. – Сейчас вы получите документы. А я проинформирую наш головной офис в Лондоне.

Лемми с улыбкой поблагодарил ее за любезность, стараясь не демонстрировать свои кривые зубы и удивляясь, почему у него так сухо во рту.

Лондон

В первый день на свою новую работу Элли явилась с опозданием, совершенно измученная. Пелена серых облаков давила сверху на город, обволакивая его жарой и сыростью до такой степени, что все в нем сделалось липким. Девушка планировала приехать в Лондон предыдущим вечером, но осталась в Оксфорде и полночи спорила с Дугом о том же, о чем они спорили все лето. В конце концов Элли закрылась в спальне и, проплакав еще час, уснула. Спустя, как ей показалось, несколько минут прозвонил будильник.

Как же ей не хотелось вставать! Даже сейчас, когда она поднималась по лестнице к дверям банка, ее душа стремилась обратно. В новом костюме и туфлях она ощущала себя неловко и глупо. Эта одежда была слишком нарядной и одновременно убогой. Элли была готова к тому, что секретарь даст ей от ворот поворот.

Тебе там не место.

Из всего, что сказал ей Дуг, это было самое обидное.

Секретарь доложила о ней по телефону. Элли не расслышала ответ.

«Он наверняка забыл, – подумала она. – Или передумал».

Ей придется вернуться в Оксфорд, к Дугу, и признать свою ошибку. Девушка почти желала, чтобы так все и вышло.

– Элли.

В приемной появился Бланшар. Одним непрерывным движением он пожал ей руку, хлопнул по плечу и наклонился, чтобы поцеловать в щеку.

– Добро пожаловать в «Монсальват», – банкир взял ее под локоть и повел в сторону лифта. – Я очень рад, что вы поступили к нам. Добрались нормально?

– Нормально, – эхом отозвалась Элли.

Она вновь испытала головокружение, попав под непреодолимое влияние харизмы Бланшара. Вероятно, потому что очень устала.

Бланшар извинился за то, что ее квартира не была подготовлена прошлым вечером.

– Электрик делал новую проводку, и работа слишком затянулась. Но сейчас все в полном порядке. Мой водитель отвезет вас после работы. Как провели лето? Чему-нибудь научились?

– Я узнала очень многое.

Благодаря любезности потенциальных работодателей Элли провела восемь недель в июле и августе в сельском доме в Дорсете, в летнем лагере, где были организованы курсы обучения для будущих инвестиционных банкиров.

– Мы получили отзыв, – продолжил Бланшар. – Они сообщили, что выпускной экзамен вы сдали лучше всех в классе.

Элли пожалала плечами, залившись краской. Всю жизнь ей приходилось трудиться усерднее других, чтобы добиваться своих целей. Она имела мало общего с остальными студентами, в большинстве своем воспринимавшими курсы как продолжение учебы в частных школах и колледжах, которые они не так давно закончили. Пока они пили в баре и флиртовали, Элли сидела в своей комнате над книгами. Так она поступала всегда.

Бланшар испытующе посмотрел на нее.

– Вероятно, вы не очень много общались с другими учащимися. Возможно, они казались вам не такими, как вы.

Элли в недоумении уставилась на него, не понимая, каким образом он сумел прочесть ее мысли.

– Но вам следует научиться общаться с людьми. Наша работа – это не сдача экзаменов и изучение правил. Разумеется, от вас потребуется и это, но одного этого недостаточно. Вам придется иметь дело с этими людьми. Не потому, что они вам нравятся, а потому, что однажды они окажутся по другую сторону стола во время переговоров. И тогда вам будут известны их слабости.

В его тоне слышались холодность и безжалостность охотника. Элли вспомнила слова Дуга: *«Эти люди – хищники. При первых признаках слабости они разорвут тебя на части»*. В ответ Элли обвинила его в мелодраматизме.

– Ну, вот мы и на месте.

Бланшар открыл дверь и пропустил ее в маленький кабинет квадратной формы. Элли, изучавшей историю Средневековья, он напомнил монашескую келью. Пол был выложен темными деревянными досками, стены слепили яркой белизной. Посредине стояли старый, потрескавшийся стол и обитое кожей кресло. За креслом располагался шкаф с картотекой. На столе не было ни компьютера, ни телефонного аппарата – только стопка папок с бумагами.

– Я попросил секретаря принести документы по некоторым из крупных проектов, осуществлением которых мы в настоящее время занимаемся. Вы должны ознакомиться с ними, прежде чем начнете общаться с клиентами.

– Когда это произойдет?

Бланшар пожал плечами.

– Может быть, завтра. Наша работа непредсказуема. Я уже говорил: это не то, чему можно научиться по книгам. В течение шести месяцев вы будете исполнять обязанности моего личного помощника. В силу специфики моих функций вы будете работать не с конкретным клиентом, а по мере необходимости с различными проектами. Некоторые задачи покажутся вам рутинными или бессмысленными, другие будут иметь чрезвычайно большое значение. В случае их успешного выполнения вы приобретете редчайшие знания.

Он явно собирался сказать что-то еще, но в этот момент, приоткрыв дверь, в комнату заглянула женщина средних лет.

– Звонит миссис Лафарж.

Бланшар кивнул.

– Прошу прощения, Элли. Через несколько минут придет Дестриер и вручит вам ваши пропуска, ключи и аппаратуру. Он отвечает за безопасность нашей фирмы. Этот человек настоящий параноик, но за это мы ему и платим. Отнеситесь к нему с юмором.

Задержавшись в дверях, он обернулся и обдал Элли взглядом, от которого девушка остолбенела.

– Помните, Элли, мы выбрали вас. Теперь вы одна из нас.

После ухода Бланшара Элли села за стол и воззрилась на стопку папок. *Самые современные методы, самое прогрессивное мышление.* Так сказал Бланшар во время собеседования. Но даже старинные библиотеки Оксфорда выглядят современнее, чем этот кабинет.

Она решила посмотреть содержимое шкафа с картотекой, но он оказался закрытым. В ее столе имелся выдвижной ящик. Элли открыла его, ожидая найти там гусиное перо и чернильницу. Вместо этого она увидела две прямоугольные коробки из глянцевого пластика, похожего на полированный базальт. Одна была размером с колоду карт, вторая походила на книгу в твердом переплете. В пыльном ящике они выглядели как артефакты инопланетной цивилизации.

На них не было никакой маркировки. Элли взяла меньшую из коробок, чтобы рассмотреть ее. После того, как она провела ладонью по поверхности, та неожиданно засветилась, и на ней появилась красная надпись: «введите пароль».

– Когда вы дотрагиваетесь до находящихся здесь предметов, следует соблюдать осторожность.

Элли уронила коробку. С глухим стуком она упала на стол, светясь, словно раскаленный уголь. В дверном проеме стоял человек – высокий, широкоплечий, с лицом, которое, по всей видимости, когда-то было симпатичным, но сейчас несло на себе следы бурной жизни. Когда он двигался, ткань его серого костюма переливалась. Из-под ворота рубашки виднелся завиток татуировки, а в левом ухе сверкала золотая пуссета.

Мужчина подошел к столу и взял выпавшую из рук Элли пластиковую коробку.

– Дестриер, – представился он. – Никогда не видели раньше мобильный телефон?

– У моего кнопки.

– Выбросьте его, – у него был мягкий голос с едва уловимым акцентом. – Это ваш новый лучший друг. Ваш пароль содержится в текстовом сообщении в телефоне. Запомните его и никогда не записывайте. Если забудете или сочтете, что он стал чьим-то достоянием, приходите ко мне.

Дестриер набрал номер на клавиатуре, появившейся под полосой. На панели высветились символы.

– Зеленая кнопка – звонок, красная – отбой. Он может делать и другие вещи. Мы покажем вам позже. Компания оплачивает мобильную связь без каких-либо ограничений, поэтому можете звонить по личным делам, сколько вам заблагорассудится. Это для нас дешевле, нежели выяснять, кто что кому сказал. То же самое относится и к компьютеру.

Дестриер достал из ящика вторую коробку и опять ввел номер. Элли услышала щелчок. Крышка компьютера поднялась на невидимых шарнирах, обнажив клавиатуру и экран.

– Это лэптоп, – произнесла она и тут же сникла под взглядом Дестриера.

– Вот ваши карты, – он достал из кармана пиджака картонный бумажник и положил его на стол. – Кредитная карта компании. Верхнего предела нет, но мы отслеживаем ваши расходы. Неограниченные траты в личных целях по этой карте не допускаются. А это пропуск для входа в здание. Прикладывайте его к считывающему устройству, куда бы вы ни шли. Если вам не полагается находиться в том или ином помещении, вы не сможете туда попасть. В частности, не пытайтесь проникнуть на седьмой этаж. Это запрещено.

Он взгромоздился на стол и склонился над ней. Элли, сидевшая в кресле, отодвинулась назад.

– Мы относимся к безопасности очень серьезно. Вся ваша компьютерная деятельность, электронная почта, телефонные звонки, приходы и уходы будут контролироваться.

– Разумеется, – Элли согласно кивнула, подумав при этом, за кого они ее все-таки принимают.

– Все наши компьютеры снабжены программами, которые не позволят вам причинить ущерб нашей безопасности. Даже случайно. – Дестриер положил перед ней лист бумаги. – Подпишите в

подтверждение того, что вы ознакомлены с данными положениями, осознаете их смысл и согласны с ними.

Элли достаточно долго смотрела на лист, дабы продемонстрировать, что она воспринимает все это всерьез, после чего поставила подпись.

Люксембург

К 16:15 Лемми выяснил то, что хотел знать его клиент. Он потел так, что его рубашка промокла насквозь. Его волосы были всклокочены, и в минуту раздумий он машинально дергал за них. Но эти испытания стоили заработанных им в тот день денежных средств.

Лемми посидел еще полчаса для пущей видимости, затем собрал свой портфель и закрыл за собой дверь. Он отыскал свой автомобиль на подземной автостоянке на Пляс де Мартир, и у него сразу поднялось настроение. Серебристый «Ауди», его маленькая слабость. Не самая классная модель, ничего такого, что могло бы вызывать зависть или подозрение коллег, но вполне приличный вариант. Лемми воспринимал его как первый взнос в грядущее благосостояние, перспективу светлого будущего.

Он завел двигатель и включил кондиционер, чтобы остудить липкое от пота лицо. В бардачке у него имелась фляжка с шотландским виски пятнадцатилетней выдержки, и Лемми отпил несколько глотков – еще одна слабость. Откинув голову на кожаный подголовник, он закрыл глаза и включил стереосистему. Хватит. Нужно сделать перерыв на несколько месяцев. В конце концов, сколько бы ни платил ему этот клиент, никакие деньги не способны компенсировать такой стресс. Тем более что острой необходимости в деньгах он в данный момент не испытывал.

Расслабляющий эффект виски почти полностью улетучился, когда он услышал легкий стук в окно. Его глаза открылись, и при виде Кристин Лафарж вызванный неожиданностью страх уступил место смятению.

Найдя на ощупь нужную кнопку, он опустил стекло и сунул фляжку в бардачок. В салон ворвалась струя аромата дорогой парфюмерии.

– Я что-нибудь забыл?

Возьми себя в руки.

Женщина улыбнулась, обнажив ровные зубы.

– Я просто хочу извиниться за то, что утром была несколько резкой с вами, – сотрудница банка приблизила голову к окну. – Меня удивил ваш визит. На нас сейчас оказывается такое давление.

– Это настоящее проклятье современного мира, – посочувствовал ей Лемми.

– Я понимаю, вы выполняете свою работу, – пальцы ее руки, покоившейся на кромке опущенного стекла, свисали вниз и касались кончиками его рукава.

До Лемми начало доходить, что он может получить незапланированный бонус за свою работу.

– Может быть, я угощу вас чем-нибудь?

Кристин рассмеялась.

– Было бы неплохо.

Она открыла дверцу и, сев на пассажирское сиденье, расправила юбку – так, чтобы были видны ее ноги. В салоне отчетливо пахло виски.

Пристегнув ремень безопасности, Кристин откинулась на спинку сиденья. Она поймала взгляд Лемми, украдкой брошенный на ее глубокое декольте, и улыбнулась.

Все складывалось как нельзя лучше.

Лондон

Телефон Элли зазвонил в пять часов. На пластиковой панели без кнопок она не сразу нашла место, куда следует нажать, чтобы ответить.

– Автомобиль мистера Бланшара ожидает вас, – услышала она в трубке голос секретаря.

Элли закрыла папку и взяла свою сумку. Когда она заглянула в кабинет Бланшара, тот разговаривал по телефону. Продолжая внимательно слушать собеседника, он улыбнулся ей в знак прощания.

Темно-синий автомобиль был огромным. Он занимал почти все пространство узкой аллеи. Водитель открыл ей дверцу, и она утонула в

мягком сиденье из белой кожи. Элли чувствовала себя неловко – как ребенок, попавший в магазин, полный дорогих и хрупких вещей. В центре рулевого колеса был изображен крылатый герб с буквой «В», и ей пришло в голову, что она может быть аббревиатурой «Bentley».

– Поступили к нам на работу, мадам? – спросил водитель.

Элли сжалась. Никто прежде не называл ее «мадам». Она кивнула.

– Наверное, всех доставляют домой в первый день работы.

Она заметила улыбку в зеркале заднего вида.

– Немногих, мадам.

– Элли.

С привычной легкостью он повернул в конце аллеи, хотя девушке показалось, что автомобиль должен был врезаться в стену. Когда они выехали на проезжую часть и влились в транспортный поток, она выглянула из окна и увидела толпы офисных служащих, сновавших в обе стороны по Кинг-Уильям-стрит. Большинство из них не замечали «Бентли» или, в лучшем случае, едва удостаивали его взглядом. Только один мальчик лет десяти, одетый во фланелевые шорты и мешковатую красную рубашку, остановился среди толпы словно замороженный и с наивным восхищением взирал на мощный автомобиль. Элли помахала ему рукой. Ей казалось невероятным, что в Сити могут существовать дети. Мальчик на ее приветствие не ответил.

– Он не мог вас видеть, – пояснил водитель, – стекла тонированы.

Элли откинулась назад, чувствуя себя сконфуженной.

Автомобиль остановился у подножия башни – одной из трех, торчащих из бетонной крепости Барбикана, северного бастиона города. Элли выбралась из салона, прежде чем водитель успел открыть ее дверцу, и подумала, не было ли это невежливо с ее стороны.

– Похоже, кто-то встречает вас, – сообщил он.

Сначала Элли никого не заметила, ища глазами фигуру в костюме, поскольку решила, что это, должно быть, кто-нибудь из банка. Она узнала его, только когда юноша двинулся в ее сторону. Вельветовая куртка, наполовину заправленная льняная рубашка с расшитым воротником, курчавые темные волосы и вечерняя тень на лице.

– Дуг?

Ее голос прозвучал жестче, чем она ожидала. Дуг олицетворял собой Оксфорд, ее прошлое, ее сомнения. Она не хотела его видеть

здесь. По крайней мере, сегодня.

Улыбка медленно сползла с его лица.

– Я звонил в банк. Твой босс дал адрес. Я... я хотел извиниться, – он бросил взгляд на «Бентли» и попытался изобразить безразличие. – Хороший автомобиль. Это часть твоего социального пакета?

– Пока нет, – Элли приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку. – Извинение принято.

За спиной Дуга она увидела водителя, ждущего, чтобы отдать ей связку ключей.

– Тридцать восьмой этаж. Вы найдете там все, что вам нужно.

Элли казалось, что лифт слишком медленно ползет вверх. Они с Дугом стояли в противоположных углах кабины. Вчерашняя ссора еще не была забыта.

– Ты уверен, что приехал извиниться? – спросила Элли. – Не спасать и не увозить меня силой обратно в Оксфорд?

Дуг поднял руки, выражая тем самым миролюбие.

– Я просто хотел удостовериться, что у тебя все в порядке.

Они вышли из кабины лифта. С минуту Элли перебирала связку в поисках ключа от входной двери.

Когда дверь открылась, они замерли на пороге. Внутреннее убранство квартиры в этой брутальной башне, вознесшейся над Лондоном на стометровую высоту, напоминало интерьер французского замка: симфония темного дерева и тяжелых тканей, позолоченных орнаментов с завитками и лакированных поверхностей. Стены, словно в музее, были увешаны картинами в затейливо украшенных рамах – кроме одной стены, полностью стеклянной. Ступались сумерки. Простиравшийся внизу город, насколько хватало глаз, уже светился мириадами огоньков. Элли не знала Лондон настолько хорошо, чтобы определить все его основные ориентиры, но она смогла различить здание Парламента и собор святого Павла.

– Взгляни-ка сюда, – Дуг рассматривал позолоченную тумбочку из черного дерева. – Думаю, это Людовик XIV. Семнадцатый век. А это кресло как будто привезли из Версаля.

Элли в изумлении бродила по квартире, не осмеливаясь ни до чего дотрагиваться. В спальне она обнаружила огромную кровать высотой почти по пояс, с каркасом из орешника, который вполне мог бы служить в качестве лодки. Свисавший над ней балдахин напоминал

шатер. Окна выходили на восток, и из них были видны башни Кэнэри Уорф и лента Темзы, тянувшаяся за темный горизонт.

Девушка вздрогнула, почувствовав на плече чью-то руку. Но это был всего лишь Дуг. Толстый ковер заглушил звук его шагов. Он наклонился и провел носом по ее шее. Затем снял с нее куртку, расстегнул пуговицы тонкой блузки и повел ее к кровати.

– Может быть, ты и была права, – прошептал он. – Может быть, все и не так плохо.

Глава 4

Иль-де-Пеш, 1142 г.

Граф все еще стоит на коленях перед алтарем, но его голова лежит в паре ярдов от тела. Вокруг растекаются струйки крови. Тело отчаянно нуждается в недостающей плоти. Стражи графа замерли у дверей часовни, они, судя по всему, потрясены увиденной картиной. Часовня превратилась в настоящую бойню.

Я вспоминаю мальчика, стоящего на коленях перед другим алтарем, в другом месте, очень далеко отсюда. В другом мире.

Как я дошел до такого?

Уэльс, 1127 г.

Я опускаюсь на колени перед епископом. Кожа головы зудит в том месте, где мне этим утром выбрили тонзуру, тело чешется от прикосновения грубой шерстяной рясы, которую меня заставили надеть. В колени вонзаются холодные, острые камни пола.

За происходящим наблюдает целая толпа. В первом ряду располагаются брат Ральф, отец, его мажордом и вавассоры^[3] и аббат монастыря Сент-Дэвида, надеющийся, что я однажды отдам его монастырю часть своего наследства. За ними стоят мать и сестры, где-то вдалеке – слуги, крепостные, их жены и дети. Пятьдесят или шестьдесят душ, зависимых от моего отца. Он разрешает их споры, защищает их дома и собирает с них налоги. Не все из них благодарны ему за это. Я чувствую их злобные взгляды, словно ножи, вонзающиеся мне в спину. Я – их враг.

Я знаю, хотя и не понимаю, почему это так. Они – валлийцы, бритты, а я – норманн. Но я родился здесь, как и мой отец. Моя нога никогда не ступала на землю Нормандии. Разумеется, я слышал предания о том, как герцог Вильгельм потребовал корону Англии у

узурпатора Харольда; о том, как мой прапрадед Энгерранд сражался с ним при Гастингсе и убил семнадцать англичан; о том, как мой дед Ральф последовал за графом Клэром в Уэльс и был вознагражден землями, которыми ныне владеет мой отец. Мне нравятся эти истории о рыцарях и битвах. Я постоянно докучаю просьбами брату Освальду, монаху, занимающемуся моим образованием, пересказать их. Он предпочитает предания о святых и Иисусе.

В том возрасте мне не приходило в голову, что у этих преданий существует обратная сторона. Что каждый раз, когда мои предки обнажали мечи и доставали копья, они обрушивались на предков тех, кто сейчас стоит в церкви в задних рядах и буравит меня недобрый взглядом.

Толстая золотая цепь с синим камнем на шее епископа нависает надо мной, когда он возлагает ладонь мне на лоб. Я смотрю на камень и стараюсь не плакать. Мне не хочется быть священником. Мне хочется быть рыцарем, как Ральф. Я уже умею сражаться деревянным мечом и скакать на коне по лугу вдоль реки. Но у рыцарей большие расходы: нужно покупать коней, сбрую, оружие, доспехи, содержать все это в хорошем состоянии, а также оплачивать и кормить грумов и оруженосцев. У священников расходов гораздо меньше. Отец говорит, что рыцарь извлекает прибыль только во время войны, а священник – круглый год.

Епископ наклоняется вперед. От него пахнет луком.

– Готов ли ты принести эти священные клятвы? Готов ли отвергнуть мирские соблазны и обратиться к Христу?

Огромным усилием воли мне удается подавить желание оглянуться назад. Я знаю, что Ральф смотрит сейчас на меня, и надеюсь, что он гордится мной.

– Воздерживаться от пролития крови.

Я сжимаю в кулак ладонь правой руки, обогренную кровью. На заре я проверял силки, которые мы с Ральфом расставили в лесу. В один из них попался дикий голубь. Я свернул ему шею.

– Хранить целомудрие.

Я с готовностью клянусь, хотя и не знаю, что это означает. Мне восемь лет.

– Питер Камросский, Церковь объявляет тебя принадлежащим ей.

В эту ночь я лежу на матрасе между собакой и моим братом и произношу шепотом клятвы. Они кажутся исполненными большого смысла. Впервые со мной обращались как со взрослым. Мне не нравится жизненный путь, избранный для меня, но я обещаю Богу соблюдать данные Ему клятвы.

Я и представить себе не могу, что со временем нарушу каждую из них.

Глава 5

Лондон

Элли взлетела наверх по ступенькам лестницы. Двери с матовыми стеклами раздвинулись перед ней, и ей пришло в голову, что в Средние века их приняли бы за волшебные. На этот раз она не заблудилась, но все равно явилась на работу позже, нежели планировала. Вырваться из объятий огромной кровати в ее новом жилище оказалось делом очень непростым, тем более что Дуг использовал всевозможные ухищрения, чтобы удержать ее там подольше.

Девушка поприветствовала секретаря кивком головы, подошла к лифту и замерла в недоумении, не найдя кнопки.

– Воспользуйтесь своим пропуском.

Из-за ее спины протянулась рука с блестящей золотой запонкой в манжете рукава рубашки и вставила карту в отверстие, находившееся рядом с лифтом. Элли полуобернулась.

– Вы новая сотрудница?

– Элли.

– Деламер.

Она уже обратила внимание на то, что в «Монсальвате» никто не называет друг друга по имени независимо от возраста. Деламер был слишком молод для такой манеры общения. У него были темные глаза, кожа землистого цвета, а губы постоянно растягивались в виноватой улыбке, будто он чего-то стеснялся. Его темные волосы были подернуты сединой на висках, хотя он выглядел ненамного старше Элли.

– Вы работаете в отделе мистера Бланшара? – спросила она.

Деламер рассмеялся.

– Все здесь работают на Бланшара. Я состою в юридической службе. Скука страшная.

Они вместе вошли в кабину лифта. Деламер нажал кнопку третьего этажа, а затем, не спрашивая, кнопку шестого этажа для

Элли. Она посмотрела на табло и вспомнила слова Дестриера. *Не пытайтесь попасть на седьмой этаж. Это запрещено.*

– А кто работает на седьмом этаже? – спросила девушка как можно более небрежным тоном.

Деламер, казалось, слегка вздрогнул и принялся теребить свой галстук.

– «Монсальват» – необычное место. Половину времени вы понятия не имеете, кто чем занимается, даже человек, работающий рядом с вами. Нас это сводит с ума, но Бланшар настаивает. Говорит, так надо для безопасности.

Колокольчик лифта возвестил о прибытии к месту назначения. Деламер вновь вставил карту в отверстие, чтобы открыть двери кабины.

– Судя по всему, безопасности здесь придается большое значение, – заметила Элли. – Кого они боятся, грабителей?

– Бланшар любит говорить, что банк может потерять нечто большее, нежели деньги. Старое здание, подобное этому, хранит множество тайн.

Двери начали закрываться. Деламер просунул между ними руку, затем взглянул на нее с улыбкой, в которой сквозила странная печаль.

– Пожалуй, вы не похожи на тех девушек, которых они обычно отбирают.

Эти слова неприятно поразили Элли. Она почувствовала, что вот-вот расплачется, и едва сдержала слезы. Это определенно положило бы конец ее карьере. Деламер, казалось, понял, что сказал лишнее.

– Я уверен, у вас все будет хорошо, – поспешил успокоить он ее. – Только будьте осмотрительны.

По всей видимости, он хотел что-то добавить, но сделать это ему не дали закрывшиеся двери. На сей раз он не стал препятствовать их плавному движению.

Когда Элли поднялась на шестой этаж, она уже пришла в себя в достаточной степени, чтобы не разрыдаться при виде первого же коллеги. *Идиотка*, сказала она себе. *Разумеется, ты не похожа на них.*

Ей все же еще требовалось немного времени, чтобы окончательно успокоиться и предстать перед Бланшаром в лучшем виде. Она пересекла пустой коридор и оперлась о подоконник. Здание банка имело замкнутый центральный двор, подобно школе или тюрьме. Элли

стояла у внутреннего окна, выходящего в этот двор. На противоположной крыше голубь чистил клювом перья.

Это натолкнуло ее на мысль. Прижав нос к стеклу, она посмотрела вниз и пересчитала этажи здания. Первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой – но дальше была лишь плоская крыша.

Седьмой этаж отсутствовал.

Девушка тряхнула головой, словно для того, чтобы избавиться от наваждения. *Старое здание, подобное этому, хранит множество тайн.* Элли достала из сумки платок и вытерла глаза, дабы ни одна предательская слеза не могла ее выдать. Теперь она была готова к встрече с банкиром.

Бланшара не было на месте. Он оставил на ее столе записку с извинениями на листе кремового цвета, со штампом герба банка вверх. Его почерк был весьма причудлив – не очень разборчивый викторианский курсив. Бумага впитала его запах: взяв лист, Элли ощутила цветочный аромат с легкой горчинкой. За ночь стопка папок на ее столе выросла на несколько сантиметров.

Она ввела свой пароль в компьютер и открыла его. В закрытом положении разделительная полоса между крышкой и корпусом была неразличима. На угольно-черной поверхности не было никакой маркировки – только отпечатки ее пальцев. Элли запустила программу электронной почты, как показал ей Дестриер.

93 новых сообщения.

Но ведь я только приступила к работе. За исключением Бланшара, имена отправителей были ей незнакомы.

Неожиданно без стука открылась дверь. В кабинет вошел человек в синем костюме и розовой рубашке и водрузил на стол Элли еще три папки. У него были мешки под глазами и одутловатое лицо со следами злоупотребления алкоголем. Его волосы, разделенные на прямой пробор, густо смазанные гелем, были зачесаны назад и торчали кустиками в разные стороны.

– Локтвайте, – пролаял он. – К ланчу мне нужны по две копии каждого документа.

Без лишних слов он повернулся на каблуках и вышел.

Элли посмотрела на гору папок на столе, затем перевела взгляд обратно на экран компьютера.

99 новых сообщений.

Элли снова почувствовала, как кровь прилила к ее щекам. *Успокойся*, сказала она себе. Однако ее пульс лишь участился. *Думай*.

Ксерокс находился в специальном помещении дальше по коридору. Он был выключен. Элли потеряла несколько драгоценных минут, пытаясь открыть его, пока не заметила отверстие считывающего устройства. После того, как она вставила туда карту, на панели загорелись красные огоньки, а затем из-под крышки начал пробиваться зеленый свет, по мере того как аппарат с урчанием возвращался к жизни, словно дракон, пробуждающийся в пещере.

Кто бы ни собирал документы в эти папки, он явно не предполагал, что их будут копировать. Большинство листов были соединены скрепками, многие имели нестандартные размеры. Среди них попадались небольшие записки и тонкие листки копировальной бумаги, способные вылететь из аппарата при малейшем дуновении. Элли попыталась пристроить компьютер с краю, чтобы начать просматривать сообщения по электронной почте, не прерывая копирование документов, но у нее ничего не получилось. Аппарат пожирал и выплевывал листы быстрее, чем она успевала вкладывать и убирать их. Через двадцать минут закончилась первая папка, а она в третий раз перечитывала один и тот же абзац одного и того же сообщения.

– Что вы здесь делаете?

В дверях стоял Бланшар с сигарой во рту. Небольшая кучка пепла у его ног свидетельствовала о том, что он некоторое время наблюдал за ней. Он был явно рассержен.

– Кто поручил вам заниматься этим?

– Кажется, его зовут Локтвайте.

– Захервелл. Локтвайте – это клиент. Здесь же написано.

Бланшар указал на наклейку на папке. Схватив ее, он стремительно вышел из комнаты. В тот момент, когда Элли, подхватив компьютер, выскочила вслед за ним, он находился уже в своем кабинете, посередине коридора. Из его раскрытых дверей до ее слуха доносилась гневная лекция о надлежащем использовании ресурсов. Спустя минуту Бланшар вновь появился в коридоре.

– Идемте со мной.

Через открытую дверь она увидела человека, чье имя было не Локтвайте, стоявшего у стола. За время, что они не виделись, его лицо приобрело еще более красный цвет. Когда она проходила мимо, он пронзил ее убийственным взглядом.

Бланшар направился к лифту.

– За последнее время в нашей профессии изменилось многое, но некоторые пережитки прошлого сохраняются у нас до сих пор. Ретрограды будут постоянно осложнять вам жизнь. По их мнению, женщина может быть только секретаршей. Таков образ их мышления, и с этим ничего не поделаешь. Поэтому вы должны оказывать им сопротивление. Приучите их к мысли, что они не имеют права вам приказывать. Язык силы – единственное, что они понимают.

Они спустились в вестибюль.

У входа в здание стоял автомобиль Бланшара.

– Мы опаздываем на встречу, – и тут банкир увидел смущенное выражение на лице Элли и сокрушенно щелкнул языком. – Вы не прочитали сообщения в вашей электронной почте?

Люксембург

Некогда этот город получил название Гибралтара северной Европы. Замок, воздвигнутый графом Зигфридом в Темные Века на скалах, высящихся над двумя глубокими оврагами, за восемь веков своего существования сделался благодаря человеческой изобретательности совершенно неприступным. Теперь большинство стен сохранились лишь в воспоминаниях, а то, что осталось, постепенно растаскивали туристы. Лучшими оборонительными сооружениями города являлись невидимые бастионы, защищавшие его банки, – сложные законы и абсолютная конфиденциальность. Они и обеспечивали безопасность хранящимся там богатствам.

Но оборонительные рвы остались. Там разбили парк, в то время как транспортное сообщение осуществлялось над ними – по старинному виадуку и мосту Адольфа. Именно по этому мосту дождливым сентябрьским вечером прогуливались и о чем-то спорили два человека. Один – высокий мужчина в черном пальто и в такой же темной фетровой шляпе, какие даже в Люксембурге уже лет сорок

назад вышли из моды. Она отбрасывала на его лицо густую тень. Второй, ниже ростом и коренастее, был одет в бесформенный синий макинтош, совершенно не подходивший к его фигуре. У него не было ни головного убора, ни зонта. Его мокрые волосы прилипли к голове и свисали вниз, а капли дождя катились по щекам, словно пот.

– Почему вы перенесли встречу? – спросил высокий.

Лемми Маартенс смахнул со лба капли воды. Его трясло.

– Мне показалось, что за мной следят.

Его высокий собеседник огляделся по сторонам. Они шли в одном направлении с движением, и передние фары проезжавших автомобилей освещали лишь их спины. В ста метрах позади них брел человек в белой полиэтиленовой накидке, какие обычно покупают застигнутые непогодой туристы, изучавший промокшую карту. Он напоминал привидение. В двадцати метрах впереди сидел на куске картона бездомный, завернувшийся в одеяло. Если не считать их, мост был безлюден.

Лемми кивнул головой в сторону человека с картой.

– Вы не думаете, что он наблюдает за нами?

– Не беспокойтесь, – человек в черном ускорил шаг.

Лемми еще раз оглянулся, словно ждал чьего-то появления.

– Что вам удалось найти?

В тоне вопроса прозвучали нотки волнения, граничившего с отчаянием. Маартенс, прекрасный знаток человеческих слабостей, отчетливо увидел открывшуюся ему возможность.

– Сначала деньги.

Его собеседник не стал спорить. Он достал из внутреннего кармана пальто конверт и протянул его налоговому агенту. «Боже, коричневый конверт, – подумал Лемми, – эти люди совершенно лишены воображения». Он потер его между большим и указательным пальцами, оценивая толщину стопки лежащих внутри купюр.

Обычно Лемми предпочитал электронные переводы. С помощью интернета он мог легко манипулировать деньгами, заставляя их появляться и исчезать в течение нескольких секунд. С наличностью было больше возни. Однако такая сумма стоила усилий. Когда расстояние между ними и бездомным сократилось до двух метров, Лемми остановился и вскрыл конверт. Если он и испытывал стыд, пересчитывая столь крупную сумму в присутствии человека, чье

единственное богатство заключалось в чашке из пенополистирола у его ног, то не показывал этого.

– Там все, как договаривались, – сказал его спутник. – Пойдемте.

Лемми обернулся. Как и прежде, в сотне метров позади них человек в белом дождевике силился рассмотреть карту при свете уличного фонаря.

– Вам-то не пришлось рисковать карьерой, приходя туда, – проворчал Лемми.

Рядом с ними у обочины остановился черный мини-фургон с номером транспортной компании на боку.

– Вы, кажется, промокли, – крикнул им водитель через открытое окно со стороны пассажирского сиденья. – Вас не подбросить куда-нибудь?

– У нас все в порядке, – ответил клиент Лемми.

Но оказалось, что это не совсем так. Неожиданно задняя дверца мини-фургона открылась, и из него выпрыгнули трое мужчин в трикотажных рубашках и черных джинсах, в то время как четвертый с пистолетом в руке остался внутри. Человек в черном среагировал мгновенно. Он не стал оказывать сопротивление, а тут же бросился к парапету моста, намереваясь перепрыгнуть через него. Однако все было продумано. В то же самое мгновение на него прыгнул бездомный и обхватил за ноги. Собеседник Лемми изо всех сил пытался вырваться, цепляясь за парапет руками и дергая ногами, но все было тщетно. Люди из мини-фургона оторвали его от парапета. Один из них достал шприц и сделал ему укол в шею. Его тело сразу обмякло и замерло на асфальте. Двое загрузили свою жертву в мини-фургон. Сквозь открытую дверцу Лемми заметил пару стройных женских ног в ярко-красных туфлях, обладательница которых сидела на заднем сиденье.

Третий поднял лежавшую на асфальте фетровую шляпу и швырнул ее внутрь автомобиля. Затем он впервые взглянул на Маартенса.

– Чистая работа, – произнес он.

Лемми смотрел на него с ужасом. Лицо человека было обезображено шрамами, по шее вилась уходящая под воротник татуировка. В ухе торчал золотой гвоздик.

– Разумеется, вы ничего не видели.

Лемми кивнул. Он сообразил, что до сих пор держит конверт открытым.

– Я могу оставить это себе?

Человек пожал плечами.

– Конечно.

Внезапно сильные руки обхватили Лемми сзади, прижав его руки к туловищу. Не успел он набрать в легкие воздух, чтобы крикнуть, как его подтащили к парапету, подняли вверх и перебросили через него. Пролетев пятьдесят метров, он упал в бетонный канал – все, что осталось от реки Петруссе. Люди, включая бездомного, сели в мини-фургон и уехали. Турист в белом дождевике исчез.

Тело Лемми обнаружил спустя полчаса французский бизнесмен, совершавший пробежку по парку. У полиции не заняло много времени установление его основных данных – имя, адрес, род занятий. При нем был найден конверт с купюрами по пятьсот евро, который он продолжал сжимать в руке. В ходе дальнейшего расследования выяснилось, что он ездил на немецком седане и что в его распоряжении находились документы, касающиеся ряда счетов в банках Каймановых островов, Лихтенштейна и Швейцарии. Факт визита Лемми в банк «Монсальват» днем ранее был отмечен, но признан не имеющим отношения к его гибели.

Проезжавший мимо водитель сообщил, что видел остановившийся на мосту мини-фургон и потасовку, в которой участвовали несколько человек. Однако транспортная компания, якобы владеющая этим автомобилем, привела доказательства того, что ни одна из ее машин не находилась в указанное время в этом месте и что описанные свидетелем люди не принадлежали к числу ее служащих.

Спустя два дня в газетах появилась небольшая заметка о том, что Лемми Маартенс, уважаемый сотрудник министерства финансов, покончил с собой, прыгнув с моста Адольфа. Он не оставил никакой записки. Полицейские выдвинули предположение, будто он находился под воздействием сильного стресса, вызванного финансовым кризисом и недавней волной банкротств банков. Возможно, он возлагал на себя ответственность за это. Согласно единодушному мнению его коллег, он был предан своему делу.

Глава 6

Уэльс, 1128 г.

Можно завоевать Уэльс, но нельзя победить валлийцев. Как говорил мой отец, все дело в земле: конные рыцари не могут преследовать мятежников в горах, лесах и болотах. Моя мать тоже считает, что все дело в земле – но имеет в виду другое.

Моя мать – бретонка, а значит, кузина бриттов, которые вспахивают поля и валят лес для моего отца. Она говорит, что Бретань похожа на Уэльс, что это такое же дикое царство на краю света. В этих местах границы между мирами становятся призрачными и проницаемыми. В Англии и Нормандии скалы – это скалы, а деревья – это деревья, либо это железо и дрова. В Уэльсе каждая скала и каждое дерево может скрывать в себе дверь в волшебную страну. Однажды, играя на берегу моря, рядом с устьем реки, я увидел мерцающую стену воздуха, словно смотрел сквозь огонь. В другой раз я приложил ухо к расщелине между скал и услышал смех, доносившийся из глубины.

В прошлом августе в поле сгорели три стога сена, принадлежавшие моему отцу. В октябре кто-то проник в конюшню и повредил подколенное сухожилие его боевому коню. Отцу пришлось перерезать коню горло. Когда он выходил из конюшни с руками по локоть в крови, я в первый и последний раз заметил в его глазах слезы. Он обвиняет разбойников, но слуги за его спиной шепчутся, будто это проделки эльфов.

Моя мать знает много историй про эльфов. Иногда, когда отец выпивает чуть больше обычного, она достает свою маленькую арфу и поет баллады, в то время как я сижу у огня, а собаки вылизывают жир в очаге. Иногда мы вместе с ней сидим на травянистом берегу реки под ивой. Больше всего мне нравятся те, что начинаются словами: «Давным-давно, когда Артур был королем...»

Я спрашиваю мать, когда Артур был королем. Она хмурится и повторяет, что это было давным-давно. Я спрашиваю брата Освальда,

который обучает меня истории. Это было до герцога Вильгельма? До Александра? До царя Соломона? Я думал, брат Освальд поколотит меня и расскажет очередную историю об Иисусе и святом Давиде, но он, пожевав свое тростниковое перо, объясняет мне, что Артур был потомком Энея и Брута и жил около шестисот лет назад, во времена святого Давида, когда римляне уже ушли, а о норманнах тут еще никто не слышал. Он сообщил, что Артур убил великана на горе святого Михаила и обрел такую силу, что даже разрушил Рим. Некоторые люди, шепчет он мне на ухо, говорят, будто он не умер, а просто спит в пещере и вернется в Британию, когда та будет больше всего в нем нуждаться.

При этих словах взгляд брата Освальда светлеет. Затем он что-то вспоминает и отсылает меня к моим занятиям.

Я сижу на солнце и слушаю мать.

– Давным-давно, когда Артур был королем, один рыцарь отправился на охоту. Он выследил белого оленя, начал преследовать его и очутился в глубине леса. Неожиданно в вечернем воздухе раздался крик, от которого его конь в страхе встал на дыбы. Он прищпорил коня, помчался среди деревьев и в скором времени выехал на поляну. На ней росло дерево, к его стволу была привязана девушка, самая красивая из тех, кого он когда-либо встречал. На ней были простые белые одежды. Ее густые волосы были настолько белоснежными, что даже Светловолосая Изольда выглядела бы рядом с ней замарашкой.

– Кто такая Светловолосая Изольда? – спрашиваю я.

– Я расскажу тебе эту историю, когда ты повзрослеешь, – ответила мать и продолжила: – Рыцарь вытащил меч, чтобы разрезать путы и освободить девушку. Но как только он спешился, земля задрожала под ударами приближавшихся копыт. Девушка застонала.

– Тебе лучше бежать, – сказала она ему. – Это скачет сэр Малиант, нечестивый рыцарь. Он держит меня в плену. Если он увидит тебя здесь, то непременно убьет.

– Клянусь честью, я никогда не бежал ни от одного человека, – ответил рыцарь и, оседлав лошадь, помчался навстречу врагу.

Их копья согнулись, словно луки, и сломались. Они вытащили мечи и обрушили их друг на друга с такой яростью, что трескалось

дерево, ломалось железо, и оба коня пали замертво. Единоборство продолжалось до тех пор, пока все доспехи противника рыцаря не оказались разбитыми. Наконец он сшиб с врага шлем и поверг его на землю. Тот запросил пощады, но девушка потребовала его голову, и рыцарь подчинился. После мощного удара голова нечестивца упала наземь. Не обращая внимания на свои раны, рыцарь приблизился к девушке и перерезал сковывавшие ее путы.

– Благодарю тебя, рыцарь, – произнесла она. – Ты уберег меня от печальной судьбы. Какую награду ты хочешь получить?

– Что-нибудь на память и, может быть, поцелуй.

Красавица рассмеялась.

– Я дам тебе кое-что лучше этого, – и, подав ему руку, подвела героя к другой стороне дерева. – Это то, что нечестивый рыцарь хотел получить от меня.

Рыцарь ничего не заметил. Тогда девушка показала ему дупло, отодвинув в сторону кусок коры, и внутри он увидел лестницу из корней дерева, уходившую спиралью в глубь земли.

– Это мое королевство, – пояснила девушка. – Давай спустимся вниз, и ты получишь свою награду.

Но рыцарь заколебался, ибо он понял, что спасенная им незнакомка была волшебницей, и ему пришло на ум, что он не знает, какие несчастья его поджидают в ее владениях.

– Не бойся, рыцарь. Ты сможешь вернуться оттуда, когда пожелаешь. Но ты должен пообещать, что перед тем, как покинуть меня, оставишь там все найденное тобой. В моем замке хранятся огромные богатства, и многие люди пытались украсть их.

Рыцарь поклялся и последовал за колдуньей вниз по лестнице. Он не был разочарован, ибо королевство оказалось именно таким, каким описывала его девушка. Она владела величественным замком с большим залом и галереями, и каждая его комната была заполнена сокровищами. Слуги перевязали его раны и поднесли ему золотой кубок с вином и оленью ногу, приправленную жгучим перцем. И рыцарь подумал, что никогда прежде не бывал в столь чудесном месте. Он оставался там год и один день. Вечерами он пировал и предавался наслаждениям с хозяйкой, а днем охотился и никогда не возвращался с пустыми руками, поскольку в замке имелись собаки, никогда не терявшие след, а его стрелы всегда точно поражали цель. Однако со

временем ему наскучил вечный праздник, и он решил вернуться в свой собственный мир. Перед возвращением он захватил с собой прекрасный кубок из чистого золота, инкрустированный драгоценными камнями. И хотя эта чаша выглядела скромно по сравнению с остальными сокровищами замка, рыцарь, тем не менее, считал ее самой красивой вещью, какую он когда-либо видел.

– У нее столько богатств, она наверняка не заметит отсутствия этого кубка, – сказал он себе. – А при дворе Артура мне не поверят, если я не принесу доказательство моего пребывания здесь.

Рыцарь спрятал кубок под одеждой и поднялся по лестнице к дуплу дерева. Спустя год он наконец увидел солнечный свет и вдохнул воздух своего мира. Но в этот самый момент земля затряслась, дупло захлопнулось, лестница из корней превратилась в труху, и он полетел вниз. Подойдя к замку, он увидел, что башни рухнули, а комнаты с сокровищами опустели.

Колдунья встретила его в большом зале. Ее глаза напоминали кусочки льда, а кожа была белой, как кость.

– Ты нарушил клятву, – произнесла она, – и уже никогда не покинешь мое королевство.

Ведьма заключила его в темницу. Отныне любая пища приобретала у него во рту вкус пепла, и ни один напиток не мог утолить его жажду.

– Продолжай, – прошу я. – Что произошло дальше? Как рыцарь от нее сбежал?

Мать откладывает арфу в сторону и складывает руки на коленях.

– Никак. Он нарушил слово и не смог вернуться в этот мир.

Я не сумел рассказать эту историю так же хорошо, как это делала моя мать. Наверное, потому что она мне не нравится. На мой взгляд, всегда можно вернуться назад.

Глава 7

Лондон

Первая неделя работы в банке показалась Элли самой длинной в ее жизни. В пятницу вечером она заказала пиццу и съела ее в кровати, постаравшись не испачкать томатным соусом шедевр столярного искусства XVIII века. Она проспала двенадцать часов, но тем не менее, проснувшись, все еще ощущала усталость. Лежа в кровати с компьютером и телефоном, она доделывала то, что не успела закончить в течение недели, и наблюдала за облаками, висевшими над Лондоном. Дуг уехал на конференцию в Ноттингем, и если раньше это огорчило бы ее, то сейчас стало облегчением.

В четыре часа дня Элли поняла, что умирает от голода. С большой неохотой поднявшись с кровати, она влезла в рубашку и джинсы. После пяти дней, проведенных в юбке и тесном пиджаке, ей хотелось расслабиться в удобной, свободной одежде. Спустившись на лифте с тридцать восьмого этажа, она с удивлением вдохнула ароматы города. Улицы Лондона были пусты. Офисные здания казались вымершими. Ей потребовалось полчаса, чтобы найти открытый продовольственный магазин, где она купила коробку кукурузных хлопьев, пакет молока, чипсы и шоколадку. Элли хотела было прогуляться до Темзы и собора святого Павла, но не слишком-то знакомый город вызывал у нее страх. Протиснувшись сквозь толпу меломанов, собравшихся возле концертного зала Барбикан, где скоро должно было начаться вечернее представление, она вернулась домой. К воскресному вечеру число необработанных сообщений в ее электронной почте сократилось до полдюжины. Она написала один отчет о приватизации государственной доли в банке и второй – о бельгийском конгломерате, собиравшемся приобрести компанию по производству цемента. Она узнала множество новых терминов, таких как *левередж*, *синергия* и *оптимизация капитала*. У девушки было ощущение, будто она студентка, сдающая экзамен по иностранному языку, который едва понимала. И на следующее утро все должно было начаться сначала.

В понедельник на столе Элли лежали только две папки. Она не имела понятия, кто положил их туда: Бланшар? секретарь? – и откуда этому человеку было известно, какие именно документы ей потребуются для работы в этот день. Не снимая пальто, она пробежала глазами заглавные страницы папок. До нее быстро дошло, как важно иметь хотя бы смутное представление о предстоящей работе.

Элли явилась на работу рано, преодолев путь до банка под осенним дождем. Вечером должен был приехать Дуг, и ей хотелось вернуться домой не слишком поздно. По дороге она зашла в супермаркет и купила в мясном отделе два бифштекса из вырезки, а потом потратила полчаса на поиск в интернете рецепта их приготовления. Они обошлись ей в тридцать фунтов – недельный бюджет расходов на питание в Оксфорде.

Здание банка было почти пустым, но когда она вошла в кабинет Бланшара, чтобы отдать ему отчеты, его куртка уже висела на спинке кресла. В воздухе ощущался его запах вперемешку с дымом от сигары. На столе лежала папка в красной кожаной обложке с тисненной золотом надписью. Ее шнуры были покрыты чем-то, напоминавшим засохшую кровь. Сургуч?

Надпись на папке гласила: *Лазарь*.

– Что вы делаете? – Голос Бланшара за ее спиной прозвучал неожиданно и резко. Элли повернулась к нему, стараясь не выглядеть виноватой. Его мощная, выдающаяся вперед нижняя челюсть слегка обвисла, губы растянулись в хищной улыбке. – С вас капает прямо на ковер.

Бланшар стоял вплотную к ней, почти касаясь ее тела. Банкир поднял руку и заправил ее мокрый локон волос за ухо.

– Вы сейчас похожи на мокрую мышь.

– У меня не было с собой зонта. – Из окна тридцать восьмого этажа дождь не казался слишком сильным, но Элли промокла насквозь почти сразу, как только вышла из дома. – Я долго не могла найти автобусную остановку.

– А вы когда-нибудь слышали о таком виде транспорта, как такси? – В голосе ее руководителя прозвучало изумление.

Элли сжалась. Ей не пришло в голову воспользоваться такси.

Она старалась спрятать глаза, и ее взгляд случайно уперся в пятно на манжете белоснежной рубашки Бланшара. Она тут же повернула голову, но от орлиного взора банкира ничто не могло ускользнуть.

– Что такое?

– Ничего, – Элли смутилась, – у вас на манжете рубашки пятно крови. – Бланшар молчал. – Я подумала, знаете ли вы об этом.

– Я порезался во время бритья, – он не взглянул на пятно, – послушайте, Элли, в нашей профессии внешний вид имеет большое значение. Встречают по одежке. Я понимаю, вам потребуется время, чтобы познакомиться со всеми премудростями этой работы. Но, пожалуйста, старайтесь не подводить нашу компанию, – на его лице заиграла холодная улыбка. – Думаю, мы платим вам достаточно для того, чтобы вы могли позволить себе приобрести зонт. И, может быть, даже ездить на такси.

Несмотря на то, что мокрая одежда прилипла к ее коже, Элли почувствовала, как ее захлестнула горячая волна стыда.

– Я не думала, что мне придется сегодня встречаться с клиентами.

– Никогда не знаешь, что с тобой может случиться в течение дня, – Бланшар окинул ее взглядом, словно раздевая глазами, – здесь недалеко от Кинг-Уильям-стрит есть магазин мужской одежды, но у них найдется кое-что и для вас. Отправляйтесь туда и купите по кредитной карте все, что вам нужно. Я пока посмотрю ваши отчеты. Если потратите меньше тысячи фунтов, очень меня разочаруете.

Элли молча кивнула.

– И постарайтесь уложиться в час. У нас назначена встреча. Все материалы на вашем столе.

Элли читала документы из папок, стоя перед зеркалом, пока пожилой продавец производил необходимые замеры. В соседнем магазине продавались товары из кожи. Там она приобрела пару туфель и сумку. Пусть теперь Бланшар говорит все, что ему угодно.

Завод автоматических систем Розенберга занимал ветхое здание бывшей фабрики, расположенное к востоку от Вулвича, недалеко от Темзы. После похода по магазинам Элли выглядела на тысячу фунтов. Ее раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, ей было дурно, и все из-за того, что она потратила за один раз столько денег, с

другой стороны – у нее кружилась голова при мысли, что она может позволить себе подобное сумасбродство. Ее обновки были безупречны. Каждый раз, когда шелковая подкладка юбки касалась ноги или гладкий шов куртки обтягивал плечи, ее переполняла уверенность в себе.

Ознакомившись с документами из папок, она выяснила, что компания была основана в 30-е годы XX века эмигрировавшим из России евреем и производила системы управления и контроля для машиностроительной промышленности. Элли не знала, что это означает, но была точно уверена, что это не имеет никакого значения. *Одни производят вареные бобы, другие – космические спутники, это всего лишь детали,* объяснял ей Бланшар. *У них есть капитал, у них есть долги, у них есть держатели акций и обязательства. А главное – они имеют цену.*

В данном случае держателем акций был старик, сын основателя компании, и такой же по-русски упрямый. После трех часов, проведенных в зале для переговоров за чаем из пластиковых чашек, они несколько не продвинулись в деле выяснения его цены. В Бланшаре, казалось, проснулся охотничий дух. Ему очень хотелось заключить эту сделку. Он уговаривал и льстил, настаивал и угрожал. Время от времени банкир вскакивал с кресла и принимался мерить комнату широкими шагами или наклонялся вперед и слушал с полузакрытыми глазами, как старик стучал кулаком по столу и в сотый раз приводил свои аргументы. Рядом с неуступчивым и непоколебимым стариком молча сидел его сын – угрюмый, темноглазый мужчина лет сорока с небольшим.

– Наследование имущества из поколения в поколение – основа семьи, – в очередной раз повторил старший Розенберг. – Главная обязанность отца состоит в том, чтобы соблюдать этот принцип. Мы довели численность персонала до оптимального уровня, приобрели новое оборудование, упорядочили систему снабжения, сделали все, что нам советовали сделать консультанты. Наша компания старая, но во всех отношениях современная. Такой она была всегда, и такой ее унаследует мой сын.

Когда они вышли на улицу, Бланшар был явно в дурном расположении духа.

– Черт бы подрал этот принцип наследования имущества из поколения в поколение, – бросил он в ярости. – Вы видели его сына? Будь у него возможность, он продал бы компанию в пять секунд. Но он трус и никогда не осмелится сказать об этом отцу.

Элли быстро перелистала документы.

– Старику, должно быть, под восемьдесят. Сколько он еще сможет протянуть?

– Прожить? Очень долго.

– Я не имела в виду...

– Если сделка не будет заключена в течение следующих двух недель, все потеряет смысл, мы потеряем клиента и соответственно лишимся гонорара. Пропадут втуне наши усилия и десятки часов, потраченных нами на подготовку этой сделки. И все из-за упрямого старика и запуганного ребенка.

– Старик тоже запуган, – вырвалось у Элли неожиданно для нее самой, хотя она именно так и считала.

Она выросла в окружении страха. Страх потерять работу, жилье, достоинство. Ей были хорошо известны его признаки: фальшивая гордость, наигранная бравада и бегающий из угла в угол взгляд.

– Чего же он боится? – спросил Бланшар. – Своего сына?

– Своей уязвимости. – Взгляд Элли был устремлен в спинку водительского сиденья. Она лихорадочно соображала. – Не сына, его он контролирует. Но у него явно какие-то проблемы в бизнесе. Каждый раз, когда мы заговаривали на эту тему, он тут же уходил от ее обсуждения.

– Выясните, что это за проблема. – В голосе Бланшара послышалось оживление, и он явно вдохновился идеей новой сотрудницы. – Разузнайте все об этой компании, все, что мы упустили. Это нужно сделать к среде.

Вернувшись в свой кабинет, Элли отключила мобильный телефон и приступила к изучению документации по заводу Розенберга: счета, клиенты, продукция. Она достала тетрадь с записями, сделанными ею во время обучения на курсах, и отыскала там описание характерных признаков низкой производительности подразделений, утечки наличности в зарубежных филиалах, неэффективных инвестиций. У Розенберга не было ничего подобного. Он управлял компанией по старинке, как его отец.

Мы довели численность персонала до оптимального уровня, приобрели новое оборудование, упорядочили систему снабжения, сделали все, что нам советовали сделать консультанты. В голосе старика слышались горечь, обида гордого человека, которому говорят, как следует управлять принадлежавшей ему компанией. И все же здесь было что-то еще.

За окном опускались сумерки. Начали гаснуть огни в больших башнях здания банка. В глазах Элли плыли цифры.

И тут она нашла, что искала. Одна строчка в счете, не более того. Ничего определенного – просто предположение, конец нити, которую она могла бы распутать.

Осторожный стук в дверь прервал ход ее мыслей. Она в раздражении подняла голову, но это был всего лишь ночной сторож.

– Я пробовал звонить, но ваш телефон отключен, – произнес он извиняющимся тоном, – вас внизу ждет какой-то мужчина, говорит, вы должны были встретиться с ним час назад.

Дуг. Элли неслышно выругалась. Она совсем забыла.

– Скажите ему, я сейчас спущусь.

Девушка собрала папки и положила их в сумку. Придется поработать еще после ужина, хотя Дуг наверняка будет недоволен. Проходя мимо кабинета Бланшара, она увидела, что у него все еще горит свет. Однако когда она попробовала открыть дверь в его кабинет, та оказалась заперта.

Дуг ждал ее в вестибюле. Одного взгляда на его лицо было достаточно для того, чтобы понять, что он вне себя от ярости.

– Пожалуйста, извини, – Элли обняла его и поцеловала в губы, – очень важная и срочная работа.

– Никаких проблем. – Дуг старался быть снисходительным, но не мог скрыть своего крайнего недовольства. Он осмотрел ее с ног до головы, думая, что бы ему такое сказать. – Замечательно выглядишь.

– Я купила новую одежду. – Элли уже начала ощущать ее как свою собственную, хотя ни за что не сказала бы ему, сколько ей пришлось за нее заплатить. – Пойдем.

Она взяла его за руку и прижалась к нему. Они почти не разговаривали. Дуг все еще злился. Элли все еще мысленно рылась в документах Розенберга.

Они уже вышли из лабиринта маленьких улочек, когда Элли вспомнила, что оставила бифштексы в холодильнике на шестом этаже.

– Мне нужно вернуться. Я забыла наш ужин в офисе.

– Купим что-нибудь по пути.

– Нет.

Потратить тысячу на одежду и беспокоиться по поводу бифштексов стоимостью тридцать фунтов.

– Это нечто особенное. Подожди, я быстро.

Ее каблук застучали по асфальту. У здания банка она увидела белый мини-фургон. Два человека в черных джинсах и черных пальто вытащили через заднюю дверцу большой ящик размером с гроб и занесли в здание. На мгновение ей показалось, что она стала свидетельницей ограбления банка. Но потом до нее дошло, что инвестиционные фирмы не грабят. К тому же ночной сторож, целый и невредимый, спокойно сидел за своим столом.

– Что это привезли? – спросила Элли, ожидая прибытия лифта.

Не отрывая глаз от своего кроссворда, сторож лаконично ответил:

– Посылку для мистера Бланшара.

Однако стрелка на старомодном табло свидетельствовала о том, что лифт находится на седьмом этаже.

Глава 8

Уэльс, 1129 г.

Мой дом – это замок. Не такой, как в Пемброке или Карнарвоне, с их каменными стенами и высокими башнями. Наш замок возведен главным образом из грязи: земляной вал, увенчанный частоколом, окружающим группу строений из глины и дерева. И амбар, и главное здание покрыты соломой, и их трудно отличить друг от друга. Зимой, когда льют дожди, двор превращается в болото. Отец называет это крепостным рвом, а мать рассказывает нам историю о рыцаре, выросшем в озере.

Этой весной отец нанял фламандского инженера для строительства сторожевой башни. Тот заострил колья частокола и заделал в нем бреши, пробитые скотом зимой. В округе снова беспокойно: в Бранденноге был убит человек. Никто не верит, что этому когда-нибудь придет конец. Валлийцы щепетильны в вопросах чести и любят воевать. Ральф говорит, что нам в замке ничто не угрожает, но отец, судя по всему, так не считает. Он говорит, что когда ты находишься за стенами замка, враги знают, где тебя искать.

Я думаю: если наши овцы способны проломить частокол, что же говорить о валлийцах?

В Уэльсе дождливая погода обычное дело, но я заметил, что дождь всегда идет в последний день весны. Отец и Ральф ушли прошлым вечером и пока не вернулись. Брата Освальда вызвали в монастырь, и я отвел своего коня в лес. Думаю, я мог бы проехаться по полям, где работают крепостные, но особой спешки нет. Деревья цветут, на кустах пробиваются листья, ласковые лучи солнца освещают утопающие в буйной зелени луга. Я спешиваюсь, иду босиком по траве, нежно щекочущей ноги, и отпускаю повод коня, давая ему возможность свободно пастись.

Я захватил с собой дротик и развлекаюсь тем, что метаю его в деревья. Брат дразнит меня, говоря, что дротик – это валлийское, а

следовательно, неблагородное оружие. Ральф говорит, что сражаться копьем можно, только держа его в руке и нанося им удары. Но Уллуч, пастух отца, научил меня обращаться с дротиком, и я могу сбить птицу с ветки одним броском.

Сегодня я не целюсь в птиц. Их песни освещают лес. Мое сердце выпрыгивает из груди от счастья. Я не хочу портить его кровопролитием. Каждый бросок уводит меня все дальше от дома, но это ничего. Я всегда смогу найти дорогу назад, и мой послушный конь не забредет слишком далеко.

Среди деревьев слышатся странные звуки, напоминающие барабанную дробь. Я крадусь на эти звуки, припадая к земле и сжимая в руке дротик. Все отчетливее становится звон металла — колокольчиков или цимбал. Из историй матери мне известно, что эльфы любят музыку, и мне кажется, что еще мгновение, и я их встречу.

Я осторожно выглядываю из-за гнилого пня и вижу их: пять вооруженных рыцарей едут верхом через лес. Это не эльфы, хотя под лучами солнца они похожи на ангелов. Они едут без всякой дороги. Ветви дубов и грабов шлепают по их доспехам, копья задевают щиты, кольца кольчуг звенят при соприкосновении друг с другом. Какое великолепное зрелище! Я страстно хочу стать рыцарем.

Мне хочется поприветствовать их, но что-то останавливает меня. Почему они едут вдали от дороги? Почему они снаряжены так, будто собираются вступить в битву? Я вжался в сырую землю. В плаще из оленьей шкуры и с дротиком в руке я похож на маленького валлийца, а в последнее время много говорят о том, что на рыцарей устраиваются засады. Я не хочу, чтобы они по ошибке приняли меня за врага.

Рыцари проезжают мимо. За ними среди деревьев пробирается группа воинов. В своих коричневых кожаных кольчугах и серо-зеленых туниках они почти невидимы. Они не разговаривают и не смеются, как это обычно делают идущие по дороге люди. Некоторые из них вооружены луками, другие топорами, третьи копьями. Тетивы луков натянуты, лезвия топоров не зачехлены, копья в боевом положении. И я понимаю, что они намереваются в скором времени вступить в сражение. Отряд движется вдоль реки.

Мне хорошо известно, куда держит свой путь река. Она течет в сторону отцовского замка.

Я крадусь, перехожу на бег, затем скачу верхом, прекрасно понимая, что не успею опередить врагов. Мне виден дым, поднимающийся от соломенных крыш, – отец всегда говорил, что они не годятся для замка. Сторожевая башня не спасла нас. И тогда я забираюсь на вершину холма и смотрю в сторону моего дома. Луга и море мерцают сквозь завесу дыма. Битва проиграна. Рыцари застали нас врасплох. Ворота открыты, и защитники замка даже не успели схватить оружие. Некоторые из них сражаются вилами и деревянными топорами, другие уже лежат замертво. Один отбивается серпом от конного рыцаря. С ужасом я узнаю в нем отца.

Моя старая кобыла – не боевой конь. Я сбежал по склону холма, поскользываясь и спотыкаясь на кочках. Никто из врагов не видит меня, а если кто и заметил, то скорее всего думает, что я один из них. Я перехожу мост через реку и беспрепятственно оказываюсь за воротами. Дым ест мне глаза. Битва, по всей видимости, близится к концу – пешие воины уже приступили к грабежу, но в дальнем углу, под сваями недостроенной сторожевой башни, защитники замка продолжают оказывать сопротивление. Два конных рыцаря напирают с двух сторон на человека, отбивающегося от них кривым ножом.

Это Ральф.

Я бегу в их сторону. Ральф не видит меня. Он бросается на одного из рыцарей и делает выпад. Тот парирует удар щитом и выбивает нож из руки моего брата. Второй пронзает его копьем, и он падает в грязь.

Я кричу. Рыцарь оборачивается, и в этот момент я бросаю в него дротик.

Хотя я меток, но мне, десятилетнему мальчику, еще недостает силы. Дротик вонзается в щит рыцаря, подобно стреле. Тот смеется, вытаскивает его и швыряет в грязь. Он направляет коня в мою сторону и, очевидно, решает – пронзить меня копьем или просто втоптать в грязь. Я хватаю тлеющую головешку, которая еще совсем недавно была балкой, и изо всех сил машу ею перед собой.

Второй рыцарь подъезжает к своему предводителю и трогает его за руку.

– Посмотри на его голову, – он заметил мою тонзуру. – Грех убивать монаха.

– И безумие оставлять в живых сына, – это слова предводителя, огромного человека, ростом выше главного здания замка. Хотя, может быть, это плод воображения десятилетнего мальчика. У него на шлеме забрало, и поэтому мне не видно его лицо. Я смотрю на него не мигая, поскольку знаю, что если не отводить взгляда от человека, который тебя убивает, то потом я смогу явиться к нему как призрак.

Только позже я понял, что он говорил по-французски. В этот же момент я ничего не замечаю. Предводитель все еще размышляет, убить меня или нет. Его конь роет землю копытом. Боевые кони не приучены стоять на месте во время битвы.

Откуда-то доносятся звуки рожка. Я не знаю, кто трубит, но эта музыка явно адресована предводителю. Он отвязывает от седла свой рожок и трубит в ответ. Шум битвы постепенно стихает.

Предводитель неожиданно прищипривает коня. Животное прыгает вперед и несется на меня. Я знаю, что должен отскочить в сторону, но не могу двинуться с места. Вероятно, мне хочется умереть. Земля сотрясается подо мной, словно готова разверзнуться и поглотить меня. Я закрываю глаза и жду смерти.

Но тут все успокаивается, и конь оказывается позади меня. Я даже не пошевелился. До меня дошло, что я все еще держу тлеющую головешку. Наверное, в последний момент конь отвернул в сторону от огня. Я уже никогда не узнаю, пощадил меня рыцарь или мне просто повезло. Если я когда-нибудь встречу его, непременно убью.

Второй рыцарь проезжает мимо. Он толкает меня тупым концом копья в ребра, и я падаю на землю. К тому моменту, когда я поднимаюсь на ноги, битва подходит к концу.

Я бреду к воротам и вижу врагов, гонящих через мост наш скот и лошадей и волокущих наши вещи, какие только можно унести. Один тащит под мышкой утку, другой держит перед собой стопку серебряных тарелок, которую венчает кубок.

За ними бежит моя мать с криком, разрывающим мою душу. Уже на мосту она догоняет рыцарей. Один из них поворачивается, делает неуловимое движение, и мать падает на землю. Впечатление такое, будто с ней случился обморок, но она больше никогда не поднимется на ноги. Мой отец мертв, сначала пронзенный копьем, а затем обезглавленный. Мой брат Ральф погиб рядом с ним. Бродя среди пепелища, я вижу, как к моим родным подлетают вороны и грачи,

чтобы выклевать глаза. Я в ярости бросаюсь на птиц, но они не особенно боятся меня. Отбежав на несколько шагов и спрятавшись за сломанный плуг, они машут крыльями и ждут своего часа. Не осталось ни одного дома, где можно было бы спрятать тело Ральфа, и я рою могилу для него прямо рядом с его телом.

Валлийцы любят враждовать и готовы мстить за оскорбление, нанесенное их роду сто лет назад. Они кровожадны и безжалостны. Вероятно, живя среди них, я перенял свойственную им свирепость. Я поклялся отомстить.

Отныне я старший сын в семье, и поэтому имею право и даже обязан стать рыцарем.

Глава 9

Восточный Лондон

В то утро над Лондоном висел туман. Уличные фонари все еще горели, создавая иллюзию зари и отбрасывая свет на мощеные аллеи и кирпичные стены складских зданий. Если бы не огоньки систем сигнализации на фронтонах, можно было бы подумать, что это городской пейзаж столетней давности.

Элли стояла среди груд коробок, доходивших ей до пояса, и жалела, что у нее нет перчаток. Вчерашний дождь превратил картон в бесформенную массу, которая при прикосновении расплзалась. Пахло сыростью и мочой, под ногами хлюпала грязь. Вверху на стене висела потрескавшаяся табличка с надписью «Завод автоматических систем Розенберга».

Аккуратно, словно имея дело со средневековыми пергаменами, а не с мусором на заднем дворе заводского здания, Элли отделяла коробки друг от друга, отыскивая написанные на них имена, и заносила их в блокнот. Некоторые имели телефонные номера и адреса сайтов в интернете, и она записывала также и их дрожащими липкими пальцами.

Закончив, она обошла здание завода и направилась к кафе, расположенному через улицу, напротив проходной. Когда официантка-китаянка принесла ей яичницу, уже занималось утро. В кафе заходили рабочие, чтобы позавтракать или выпить чашку чая, и девушка внимательно прислушивалась к их разговорам. Если кто-то из них и видел ее днем ранее, они едва ли узнали бы в ней молодую женщину, приехавшую в «Бентли» и одетую в костюм стоимостью в тысячу фунтов. Этим утром она стянула волосы в тугий конский хвост и надела спортивный костюм, к которому не прикасалась с тех пор, как уехала из Ньюпорта. На ее лице не было ни следа косметики. Интересно, подумала Элли, не выглядела бы она именно так, если бы не уехала из дома, не поступила в Оксфорд, не написала эссе для

конкурса на премию Спенсера и не привлекла внимание Вивиана Бланшара.

Она просидела в кафе бóльшую часть утра, делая вид, будто читает «Сан», и наблюдая за подъезжавшими и отъезжавшими фурами. В одиннадцать часов она выпила свою последнюю чашку кофе и пошла на автобусную остановку, чтобы отправиться на запад. Дома она приняла душ и выскребла грязь из-под ногтей. В своих вчерашних обновках она выглядела восхитительно, но не дурной ли это тон – носить одно и то же два дня подряд? Бланшар наверняка обратит на это внимание.

– Я все думал, соизволите ли вы явиться сегодня, – сказал он ей, когда Элли наконец добралась до работы. Часы показывали уже половину первого, и в его голосе явственно прозвучало раздражение. Девушка не обратила на это никакого внимания.

– Я кое-что выяснила, – объявила она. – Вчера Розенберг сказал, что они *«упорядочили систему снабжения»*, помните? Они зашли слишком далеко. Среди компонентов производимой ими продукции имеется логическая плата, и ею их снабжает только один поставщик. Они целиком и полностью зависят от него.

Бланшар откинулся на спинку кресла и затянулся сигарой. Элли уже знала эту его манеру: раздражить показным безразличием, а затем внезапно проявить интерес.

– Как вам это удалось?

– Счета. В прошлом году они потратили на закупки этих компонентов на четверть меньше, чем в позапрошлом, но объем продаж их продукции остался на прежнем уровне. Я съездила на завод и произвела там разведку. В мире существуют только две компании, которые производят эти логические платы, и коробки только одной из них поступают на этот завод.

Бланшар рассматривал висевшую на стене картину с беспомощной девушкой, привязанной к дереву.

– Они могут застраховаться на тот случай, если система снабжения даст сбой.

– Сумма их страховых взносов не изменилась, – Элли едва сдерживала волнение. – Старик ничего им не сказал. Он ездит без

страховки и молится, чтобы не попасть в аварию. Я сделала несколько телефонных звонков.

Представляясь покупателем из конкурирующей фирмы и трясясь от страха быть разоблаченной, но упоминать об этом было ни к чему.

– Ему потребовалось бы полгода для того, чтобы договориться с новым поставщиком, а компания не располагает наличностью, которая позволила бы ей оставаться на плаву в течение этого времени.

Элли замолчала и почувствовала, что ее бьет дрожь. Только сейчас она начала понимать, какая сила движет Бланшаром.

– И вы предлагаете?..

– Купить также и поставщика. Он принадлежит частной акционерной компании, несущей большие убытки. Они будут счастливы заключить с вами сделку. Затем слить две компании в одну, и тогда это новое предприятие станет вполне жизнеспособно.

Бланшар сцепил пальцы рук и пристально посмотрел на Элли, словно его новая сотрудница была произведением искусства, которое ему предстояло оценить. Его сигара догорала в пепельнице.

– Элли, это хорошо. В самом деле, очень хорошо. Наш клиент будет доволен, когда я расскажу ему.

Когда я расскажу ему. Элли постаралась не выдать своего разочарования. Тем не менее это не ускользнуло от внимания Бланшара.

– Я не собираюсь красть вашу славу, Элли. Отнюдь. Однако я должен незамедлительно послать вас с поручением в Люксембург. Один из наших клиентов хочет приобрести долю в одной тамошней компании. Это сложная операция, поскольку имеются и другие претенденты. В данный момент мы проводим проверку чистоты этой сделки. Я хочу, чтобы вы изучили их документацию и посмотрели, нельзя ли раскопать что-нибудь такое, что повлияло бы на ее стоимость – что-нибудь, что они скрывают от нас.

В Люксембург? Что скажет Дуг?

– Когда нужно ехать?

Бланшар взглянул на часы.

– Через десять минут вас заберет автомобиль и отвезет в аэропорт. Для вас забронирован номер в «Софитель». Боюсь, это не лучший отель в Люксембурге, но там остановились другие претенденты. Возможно, вам удастся познакомиться с ними. К сожалению, у вас нет

времени для сборов. Купите все, что вам нужно, в аэропорту или уже на месте. Нашего люксембургского менеджера зовут Кристин Лафарж. Она окажет вам помощь.

Элли встала и направилась к двери, но на полпути остановилась.

– Почему сделка с Розенбергом должна быть осуществлена в столь короткие сроки? Я не могу этого понять.

Бланшар улыбнулся.

– Я рад, что у нас еще остались кое-какие секреты от вас, Элли. Через месяц правительство объявит об изучении возможности строительства терминала распределения грузов в Вулвиче. Это крупная инфраструктурная инвестиция. Стоимость завода Розенберга удвоится. Еще через полгода правительство примет решение о строительстве, и она удвоится еще раз.

Банкир говорил об этих грядущих событиях с такой уверенностью, будто обладал способностью заглядывать в будущее. Элли вспомнила министерский «Ягуар», который она видела у здания банка в день собеседования.

Бивший из нее фонтан адреналина иссякал, и в ее душе поселилось чувство вины. Она думала об упрямстве старика и грузе поколений, лежавшем на его плечах.

– Полагаю, это принесет пользу бизнесу, – сказала она с надеждой.

Бланшар загасил сигару в пепельнице.

– Очень большую пользу.

Спустя три часа Элли приземлилась в аэропорту Люксембурга. Ей с трудом верилось, что этот день начался для нее среди полусгнивших картонных коробок. Она прошла пограничный контроль, и ей не нужно было дожидаться выдачи багажа. Девушка прошла в зал прилетов и сразу нашла человека, державшего табличку с ее именем. Ему пришлось бежать, чтобы поспевать за ней.

– Сюда, пожалуйста.

Он подвел ее к длинному черному «Мерседесу», вальяжно припаркованному поперек двух двойных желтых полос. Задняя дверь автомобиля открылась, и навстречу Элли вышла женщина – стройная, элегантная и безупречная. На ней был серый костюм «Шанель», в

ушах поблескивали бриллианты. Она обняла Элли за плечи и расцеловала в обе щеки.

– Меня зовут Кристин Лафарж. Добро пожаловать в Люксембург. Вивиан рассказал мне о вас буквально все. Он говорил в самых хвалебных тонах. Полет был не слишком утомительным? Воздушные путешествия сегодня – такая тоска.

За всю свою жизнь Элли второй раз летела на самолете – и первый раз с бесплатным питанием и напитками, не говоря уже о комфорте. Она ответила, что все было прекрасно. «Мерседес» тронулся, и Элли принялась с любопытством рассматривать пригороды Люксембурга.

– Очень жаль, что все произошло так неожиданно. Наши проверки продвигаются очень медленно, и один мой сотрудник уже нашел работу в другом месте. Вивиан обрисовал вам ситуацию?

– Я ознакомилась с документами в самолете. Холдинг «Талуэт», горнодобывающий и химический концерн. Люксембургское правительство имело в нем долю, от которой пыталось избавиться. В окончательном списке остались два претендента, и в настоящее время они судорожно ищут «грязное белье», прежде чем окончательно определиться с ценой. У них осталось две недели.

Они ехали по окраине города, мимо стандартных коробок многоквартирных домов с неоновыми вывесками. Элли ожидала увидеть нечто более интересное.

– В документах мало что говорилось о нашем претенденте, – нерешительно произнесла она.

– Компания «Сен-Лазар». Это наш крупнейший клиент и к тому же держатель акций банка «Монсальват». Поэтому мы так заинтересованы в успехе.

Наконец они въехали в центр города. Дорога перетекла в широкий бульвар, обрамленный красивыми зданиями в стиле неоклассицизма, затем побежала вдоль края глубокого и обширного оврага, поросшего деревьями. Перед глазами Элли предстали дома, цеплявшиеся за крутые склоны. Над ними высились офисные здания из стекла и бетона, стоявшие напротив каменных бастионов. Заходящее солнце освещало валы, подчеркивая их средневековый колорит.

Элли покинула автомобиль напротив отеля «Софитель». Из дверей тут же вышел портье, чтобы взять ее багаж, но у нее ничего не

было, кроме черной сумки, купленной в аэропорту вместе с туалетными принадлежностями и комплектом нижнего белья.

– Вивиан сообщил мне, что у вас не было времени собрать багаж, – Кристин прищелкнула языком, – это моя вина. Завтра я покажу вам магазины, где можно купить одежду, – она окинула Элли по-матерински оценивающим взглядом. – Я думаю, вы сможете подобрать себе что-нибудь подходящее. Но сейчас вы наверняка устали после перелета. В вашем телефоне есть мой номер, так что звоните, если вам что-то понадобится. Надеюсь, отель оправдает ваши ожидания.

Если бы у нее не было опыта проживания в Барбикане, Элли сочла бы свой номер самым роскошным жилищем, какое она когда-либо видела. Одна кровать была больше всей ее спальни в Оксфорде. Полотенца в отделанной мрамором ванной были чуть ли не размером с простыню. Элли заказала по телефону джин с тоником, закрыв глаза на его цену, и вышла на балкон. Окна ее номера выходили на овраг, на его противоположной стороне прилепился старый город. Она могла любоваться шпилями и башнями герцогского дворца на фоне зеленого парка. Вид открывался поистине сказочный.

Эта красота вызвала у нее ощущение одиночества. Элли подумала о Дуге. Она пыталась дозвониться ему перед отъездом, но его телефон был выключен – по всей видимости, он был в библиотеке. Ведь ему даже невдомек, что она находится в Люксембурге! Элли взяла телефон и задумалась. Неограниченное количество звонков, говорил Дестриер. Интересно, распространяется ли это на звонки из-за границы.

Так или иначе, телефон Дуга оставался выключенным. Библиотека работала до восьми – по люксембургскому времени до девяти, и Дуг вполне мог оставаться там до закрытия. Когда-то это их объединяло.

Элли разделась и залезла в ванну. Джин согрел ее, и она почувствовала легкую дремоту. Она позвонит Дугу через час или два, а пока понежится в ванне.

Шестью этажами ниже и на расстоянии километра по Бульвар де ла Петруссе ехал «Мерседес». Сзади, утопая в мягком кожаном сиденье, находилась Кристин Лафарж и разговаривала по телефону.

– Она прилетела. Очень милая девочка, Вивиан. Я поняла, почему она вам так нравится. Но вы уверены, что она для этого подойдет?

Она выслушала рассказ Бланшара о сделке с заводом автоматических систем Розенберга и улыбнулась.

– Похоже, у вашей кошечки имеются коготки. Вам доставили мою посылку?

– Дестриер отправил ее на седьмой этаж.

– Надеюсь, он получил, что хотел.

– Он очень педантичен. Но будьте осторожны, Кристин. Будут и другие. Присматривайте за Элли.

Глава 10

Нормандия, 1132 г.

Я лежу на матрасе и слушаю ночь. У меня болит все тело: кисти рук – от упражнений с мечом, грудь и плечи – от физической нагрузки, руки – от чистки доспехов других людей, заключающейся в извлечении щеткой мусора из мелких отверстий между кольцами. От меня пахнет потом, маслом, кровью и соломой.

Минуло три года с тех пор, как я пересек море, выворачивая наизнанку желудок, когда нас трепал шторм. Я поступил на службу в качестве оруженосца при дворе Ги де Отфорта. Он кузен моего дяди. Дядя послал меня сюда, чтобы я научился навыкам рыцаря. Нас здесь с полдюжины, одни из Англии, другие из Нормандии. На мой взгляд, Ги хороший человек, но ему до нас мало дела. Нас собрали вместе, словно помет щенков, чтобы мы рычали и кусали друг друга, пока каждый не найдет свое место.

Мне здесь плохо. Когда я приехал, другие ребята сразу принялись дразнить меня за мой акцент и тонзуру. Они называли меня «монахом» и «валлийцем», крали мою еду и бросали мою одежду в отхожее место. Первые несколько месяцев я часто плакал, но потом научился скрывать свои чувства. Теперь, даже если я наг, у меня есть доспехи.

История норманнов была известна мне еще до моего приезда сюда: как они, подобно чуме, покоряли все, что попадалось им на пути. Сначала свое собственное герцогство, затем Сицилию, Англию, Антиохию. Теперь я понимаю, почему. Нормандия – отнюдь не тихое, безопасное место: все их королевство представляет собой сплошной передний край боевых действий – с бретонцами на западе, с анжуйцами и пуатевинцами на юге, с французами на востоке и с фламандцами на севере. Владения Отфорта находятся на севере, в особенно беспокойной области, на границе с Фландрией. Это край суровых людей. Ги де Отфорт – коренастый мужчина с грудью

колесом, кремень, выступающий над поверхностью известняковой нормандской земли. Он легко вспыхивает, если его задеть.

Мажордома при дворе Ги зовут Горнемант. Его герб представляет собой щит, разделенный на четыре части, все разных цветов. Он похож на облачение шута, и мы так и зовем его владельца. По иронии судьбы, это мрачный, жестокий человек, который никогда не улыбается. У него седая борода цвета стали и жесткий взгляд. Вместе с герцогом Робертом и Армией Бога он участвовал в крестовом походе и был свидетелем падения Иерусалима. Мы часто просим его рассказать нам об этом, но он никогда не соглашается. Его лицо суровеет, и он начинает моргать, как будто песчинка палестинской пустыни все еще находится в его глазу.

Горнемант отвечает за наше обучение. Изю дня в день он показывает нам, когда следует натягивать поводья и когда нужно прищпоривать коня; как держать щит, чтобы он покоился на конской шее, и как метать копье, чтобы оно не отскакивало от противника. Он наблюдает за нашими тренировками по фехтованию на деревянных мечах и показывает нам, как мы должны обращаться с настоящим оружием: этот удар едва оцарапает руку противника, этот проткнет его насквозь или снесет ему голову. Изредка он позволяет нам скакать галопом по фруктовому саду и поражать копьями подвешенные к яблоням пузыри или взбираться по ветвям на деревья и прыгать на пробегающего внизу коня. Это мои любимые дни. В остальное время мы тренируемся друг на друге. Перед занятиями мы надеваем стеганую одежду, служащую нам доспехами.

Если бы все ограничивалось обучением владению оружием, моя жизнь была бы вполне сносной. Но на меня возложены и другие обязанности. Я должен одевать и раздевать моего господина Ги, подавать ему блюда за столом, резать для него мясо, наполнять кубок. К тому же мне приходится соперничать за выполнение этих обязанностей – все оруженосцы стремятся добиться этой привилегии, дабы привлечь к себе внимание господина. День начинается ранним утром, когда он просыпается, и заканчивается поздним вечером, когда Ги отходит ко сну. После этого еще нужно заниматься собственными делами – зашивать прорехи в стеганых доспехах, предварительно набивая их как можно большим количеством тряпок, в надежде на то, что завтра будет не так больно; стирать одежду, чистить решетку.

Другие оруженосцы имеют собственных слуг, но дядя говорит, что у него нет денег на слуг для меня. В конце концов, ему приходится перестраивать замок моего отца. Думаю, он собирается построить его из камня.

Лежа в постели, я рассказываю самому себе истории, чтобы заснуть. У меня всегда один и тот же противник – черный рыцарь ростом с дом. Я встречаю его на поляне, в лесной чаще, на болотистой пустоши. Я ломаю его копье, пробиваю его щит и доспехи и, в конце концов, одним ударом отрубая ему голову и водружаю ее на шест.

Я всегда побеждаю его. Но он возвращается в моих снах и берет надо мной верх.

Ги имеет сына по имени Джоселин. Он на два года старше меня. Если бы не он, мне было бы не так плохо. Ги холоден и тверд, как закаленная сталь, но его сын все еще пребывает в плавильном тигле, горячем, как окружающее его пламя. Его настроение меняется с дуновением ветра, точно так же, как железо вспыхивает и тускнеет под мехами. Прикосновение к нему таит в себе опасность.

Вне всякого сомнения, Джоселин является вожаком нашей собачьей стаи. Подобно всем вожакам, он утверждает свою власть за счет слабейшего – меня. Он подбивает других ребят издеваться надо мной. Однажды он спрятал в моей постели крысу. В другой раз, когда я уже в течение двух часов рисовал вепря на одном из щитов Ги, он, проходя мимо, опрокинул на него банку с краской, уничтожив тем самым все мои труды. Если я добиваюсь каких-либо успехов, несколько слов, небрежно брошенных им, способны убедить меня в их незначительности. Когда же я совершаю промах, а это со мной случается часто, он долго напоминает мне о нем.

Я ненавижу всех других ребят, но больше всего Джоселина.

Единственное мое утешение в редкие свободные минуты – книги. Это еще один повод для насмешек надо мной. Капеллан Ги должен обучать нас основам чтения и письма, но большинство ребят игнорируют его уроки или угрожают ему своими деревянными мечами. У меня нет нужды в этих науках – я уже образованнее, чем требуется для того, чтобы стать рыцарем. Тем не менее я посещаю его занятия. Он дает мне книги. Не молитвенники и требники, а сборники

историй. Однажды, когда я спас его от жестокой шутки, которую собирался сыграть над ним Джоселин, он в благодарность вручил мне чрезвычайно редкую книгу. Ее страницы истерты прикосновениями множества рук, переплет истрепался, но записанные в ней слова проливаются бальзамом на мою душу. Ее автора зовут Овидий, а содержащиеся в ней истории представляют собой причудливое переплетение мифов и фантазий. Удивительно, что я никогда не слышал их и что они до сих пор не стали всеобщим достоянием. Думаю, даже моя мать не знала их.

Однажды вечером я лежу на своем матрасе и читаю, и в этот момент входит Джоселин. История настолько захватывает меня, что я не замечаю его прихода, пока книга неожиданно не вылетает у меня из рук, и при этом отрывается уголок страницы. Возмущенный, я вскакиваю, но мой враг уже выбегает из двери. Если я не догоню его, он наверняка бросит книгу в выгребную яму или ров. Я бегу за ним, потрясая своим деревянным мечом, по коридору, вниз по винтовой лестнице и через двор. Стадо гусей тревожно гогочет, когда я врываюсь через дверь в зал – и врезаюсь в чью-то спину.

Для Джоселина этот человек слишком велик. Это может быть слуга, расстилающий на полу свежий тростник, но слуги не носят шерстяные пальто, отороченные мехом. Мужчина оборачивается в гневе. Он привычен к столкновениям на поле битвы, но не в собственном замке.

Запинаясь, я прошу прощения:

– Джоселин украл мою книгу.

Ги переводит взгляд на своего сына:

– Это так?

Джоселин, стоящий у очага, переминается с ноги на ногу. Его лицо заливают краской. Он смущен тем, что отец не принял сразу же его сторону, – и рассержен.

Он говорит с вызовом:

– Может быть, ты хочешь, чтобы я опустился на колени, принес ему клятву верности и стал его вассалом?

– Я хочу, чтобы ты вернул ему книгу.

– Если он хочет получить ее назад, то пусть за нее сражается.

Он на шесть дюймов выше меня, шире в плечах и сильнее. Когда мы с ним вступаем в поединок на тренировках, он всегда одерживает

победу. Но на поле боя противника себе не выбирают. Я поднял свой деревянный меч.

Джоселин хватается за него, выкручивает его из моей руки и бросает в очаг.

– Если хочешь сражаться со мной, сражайся как мужчина.

Горнемант идет в оружейную комнату и приносит два маленьких круглых щита и два старых меча, железных и чрезвычайно тяжелых. Острия и лезвия мечей затуплены, но они способны сломать шею благодаря одному лишь своему весу. Другие ребята отодвигают столы и забираются на них. Слуги забывают о своих делах и собираются в задней части зала. Один из них пытается заключить пари, но никто не делает ставки. Исход схватки не вызывает сомнений.

Мы смотрим друг на друга, стоя в разных концах зала. Джоселин бросается на меня. Я отражаю удар щитом, и моя рука немеет. Я слишком оглушен, чтобы предпринять контратаку, и делаю шаг назад, в то время как мой противник продолжает наступать. На его лице видна ухмылка, которую мне так отчаянно хочется стереть. Я отклоняюсь влево и делаю выпад вперед. Он думает, что я целюсь в его руку, держащую меч, и поворачивается ко мне. Вместо этого я бью его плоской стороной лезвия, словно дубиной, по лицу.

Из его рассеченной губы сочится кровь. Я хотел сломать ему нос, но, по всей вероятности, выбил зуб. Некоторые из зрителей издают возглас удивления. Горнемант хмурится. Если бы я совершил подобное во время тренировки, он назвал бы меня валлийским дикарем и ударил бы.

Джоселин выплевывает сгусток крови. Его глаза пылают дикой яростью, но он умеет контролировать себя. С ужасающей силой он бьет краем щита по моему мечу и отталкивает его в сторону. Я оказываюсь без защиты. Он наносит три сильных удара по моим ребрам, затем бьет головкой эфеса в живот.

Нет смысла сопротивляться – это причинит мне еще большую боль. Я подгибаю ноги и падаю на пол. Джоселин готовится нанести еще один удар. Такое впечатление, будто он собирается сломать мне шею, но тут вмешивается его отец. Он берется рукой за лезвие.

– Достаточно.

Дай мне дротик, думаю я, и ты пожалеешь об этом.

Это была не последняя схватка между мной и Джоселином. Но в другой раз мечи были острее – а последствия катастрофическими.

Глава 11

Люксембург

– Где ты находишься?

Голос Дуга звучал глухо и невнятно. Последовала долгая пауза, и Элли уже решила, что связь прервалась.

– Извини. Мне послышалось, будто ты сказала, что находишься в Люксембурге.

– Мне объявили о командировке за десять минут до отъезда. Я пыталась дозвониться до тебя, но ты не отвечал.

– Они что, гестапо? Нельзя так обращаться с людьми.

– Я знаю, это безумие. Но таким образом здесь работают все.

В трубке послышался зевок.

– Отель хотя бы хороший?

Элли бросила взгляд на дизайнерские обои и телевизор на стене с диагональю метр с четвертью.

– Хороший.

– Ну, тогда ладно. Ты знаешь, где я провел ночь?

– Я думала, ты вернулся в Оксфорд.

– Я всю ночь просидел в кресле в вестибюле твоей башни в Барбикане. Пытался связаться с тобой раз двадцать. Потом звонил в банк, в колледж – на тот случай, если ты вернулась туда. Уже хотел было идти в полицию.

– Я заснула, – ответила Элли.

Вчерашним вечером, приняв ванну, она легла в постель и стала ждать, когда Дуг выйдет из библиотеки. В конце концов, в шесть тридцать утра ее разбудил телефонный звонок, который она не заказывала.

– И хорошо ты спала? – В его голосе отчетливо прозвучали саркастические нотки.

– Послушай, мне очень жаль, что так получилось. Клянусь, я компенсирую тебе это. Мы с самого начала знали, что будет нечто подобное.

- Поэтому-то я тебе и не советовал делать это.
 - Обещаю, все уладится, – Элли бросила взгляд на часы. – Мне нужно идти.
 - Сейчас только шесть часов утра.
 - В Люксембурге уже семь. Я позвоню тебе вечером.
 - Когда ты вернешься?
 - Не знаю.
- Его голос стал более отдаленным.
- Это все равно что ты шагнула за дверь, и я больше для тебя не существую. Ты в своем мире, а я нигде.
 - Я компенсирую тебе это, – повторила Элли.
 - Я возвращаюсь в Оксфорд. Ты знаешь, где найти меня, когда вернешься в Англию, и если я тебе все еще нужен.
 - Я люблю тебя, – сказала она, но он уже повесил трубку.

В учебнике Элли проверка чистоты сделки определялась как тщательное изучение документации приобретаемой компании с целью выявления материальных фактов, касающихся ее финансового положения. *Проверяй и только потом покупай* – так называл это преподаватель на курсах. По мнению Элли, это было примерно то же самое, что запускать руку в стог сена и затем смотреть, сколько иголок в нее впилось.

Холдинг «Талуэт» занимал одно из величественных зданий из стекла и бетона, высившееся над ущельем и находившееся на той же улице, что и отель. Виды из него должны были открываться потрясающие, но Элли не довелось полюбоваться ими. Как только она пересекла порог холдинга, привратник тут же отвел ее, словно заключенную, в комнату без окон. Вокруг пластикового стола, заваленного папками и заставленного чашками с кофе, стоявшего в дальнем углу помещения, сидели пять человек из группы «Монсальвата» и стоял один свободный стул. В другом углу располагались представители банка-конкурента. Вся комната была загромождена металлическими стеллажами с ящиками, папками, дисками и бумагами – внутренностями компании, предназначенными для тщательного анализа и проверки перед заключением сделки. Они так плотно примыкали друг к другу, что между ними не было места для прохода. Шкафы опирались на колесики и управлялись

дистанционно, перекатываясь по полу и, подобно волшебным дверям, открывая доступ к нужной полке.

У Элли возникло ощущение, будто она попала в земное отделение ада. Спустя час ей захотелось с криком выбежать из комнаты. Но дверь была закрыта и охранялась ковыряющимся в зубах привратником. Когда наступило время ланча и угрюмая девушка принесла сэндвичи и напитки, Элли была готова отдать всю свою зарплату, лишь бы выбраться на свежий воздух. Все ее коллеги были из местного отделения «Монсальвата». Они почти не замечали ее и переговаривались между собой на люксембургском диалекте. Представители конкурирующей компании проявили к ней больше внимания. Особенно один из них, худой мужчина с седоватым конским хвостом и в галстуке, узел которого свисал значительно ниже воротника рубашки. Элли натыкалась на его взгляд каждый раз, когда поднимала голову. Уже во второй половине дня она столкнулась с ним в коридоре, возвращаясь из туалета. Девушка попыталась проскользнуть мимо с улыбкой на лице, но он преградил ей путь.

– Леховски, – представился мужчина, вынул из кармана пачку жевательной резинки и предложил ей. – Я должен извиниться, если вам показалось, что я слишком пристально смотрел на вас, но, кроме вас, в той комнате взглянуть не на что.

Элли нередко слышала подобные комплименты на протяжении всей своей жизни – и в южном Уэльсе, и в Оксфорде. Ей было известно, что в ее внешности нет ничего сверхъестественного, но она обладала некой аурой, порой пугавшей ее саму. Это свойство ее внешности – порой она и сама не могла дать ему определение – производило на мужчин должное впечатление. *Это потому, что ты выглядишь доброй*, говорила ей мать, всегда с некоторым ехидством. Как бы то ни было, Элли до сих пор не могла привыкнуть к такой реакции некоторых мужчин.

– У нас еще много работы, – проговорила она и предприняла еще одну попытку пройти вперед, но Леховски стоял, как скала. От него пахло одеколоном, по всей вероятности, приобретенным в аэропорту. Его аромат в сочетании с запахом мяты изо рта был неприятно приторным.

– Вы остановились в «Софитель»?

У Элли упало сердце. Бланшар говорил, что другие претенденты тоже живут там. *Возможно, вам удастся познакомиться с ними.*

Она неохотно кивнула.

– Может быть, мы сегодня увидимся в баре. Люксембург вечерами похож на кладбище, но я знаю места, где можно неплохо провести время.

Элли показалось, что она вечно будет стоять в коридоре, пока не даст утвердительного ответа. Девушка изобразила на лице вымученную улыбку.

– Это будет замечательно.

Лондон

Как и весь Сити, здание банка «Монсальват» росло и расширялось в течение столетий. В нем можно было выявить отдельные предметы и определить их возраст – камень XII века, до сих пор несущий на себе следы резца; кирпич XVIII века, обожженный в печах Саутуарка; современная стальная балка, изготовленная с помощью компьютера, – но в целом оно представляло собой единый комплекс, суммарный итог истории.

В одном из его самых старых и темных уголков на полу лежал человек. Его руки и ноги были скованы цепями, а кандалы, в свою очередь, были соединены друг с другом. Поэтому пленнику приходилось согнуться, чтобы хоть как-то уменьшить боль, и он напоминал сломанную марионетку. Он не мог пошевелить ни одной конечностью без того, чтобы не двигались все остальные, – и это причиняло ему невыносимые страдания. Его руки были сломаны. Ноги были изрезаны и покрыты засохшей кровью. Единственные чистые участки кожи находились там, где к его телу прикрепили электроды.

Но он так и не сказал ни слова. Они использовали все имевшиеся в их арсенале методы, но не смогли сломать его. Пленник был предан своему делу и не выдал им то, чего они хотели добиться.

Распахнулась дверь. В проеме, в ореоле бледно-оранжевого света, появился кряжистый человек со сломанным носом и татуировкой, выползавшей из-под воротника. Лицо из ночных кошмаров.

– Давай попробуем еще раз.

Когда он вошел в комнату, в его руке тускло блеснул нож.
– Расскажи мне о Мирабо.

Люксембург

Элли ушла в шесть тридцать, последней из группы «Монсальвата». Она собрала свои папки за пятнадцать минут до этого, но сидела и ждала, пока Леховски не скроется за стеллажами, после чего выскользнула из комнаты. Уже опускались сумерки. Осенний холод бодряще пощипывал ей щеки. Девушке не хотелось возвращаться в отель, и она направилась через мост Адольфа в старый город. Далеко внизу, невидимая, трепетала на ветру полицейская заградительная лента.

Кристин Лафарж так и не позвонила ей, и Элли решила, что их прогулка по магазинам не состоится. Ничего страшного. Она бродила по улицам, разглядывая ярко освещенные окна и прохожих. Названия многих сетевых магазинов и закусочных фастфуда были ей хорошо знакомы – их можно встретить в любом крупном городе. Тем не менее, заполненные людьми, говорившими на другом языке, они ощущались как иностранные.

По мере того как она продвигалась все дальше на восток, в старейшую часть города, огни и прохожие постепенно будто растворялись в сгущающихся сумерках. Мощные улицы здесь были уже, стены выше, а окна располагались на большой высоте, словно обитатели этих домов с недоверием относились к окружающему миру. Сквозь легкий туман проступали остатки старинных фортификационных сооружений: короткий тупой обломок бастиона, торчавший вверх, словно человеческая рука, арка ворот над дорогой.

Холод становился все более пронизывающим, а Элли была одета в легкую куртку. Девушка достигла подножия холма – небольшой район, в овраге, дома с остроконечными треугольными крышами высились над маленькой речкой. Она была не уверена, что сможет перейти на другую сторону, поэтому повернулась и пошла назад. И тут Элли краем взгляда заметила мужскую фигуру.

На мосту у подножия холма смутно вырисовывался мужчина в пластиковом плаще с капюшоном на голове, хотя никакого дождя не

было. Неизвестно, как долго он там стоял.

«Ты находишься посреди большого города в сердце Европы, – сказала она себе. – Конечно, вокруг будут другие люди».

Правда, сейчас, кроме неизвестного мужчины, рядом с Элли не было никого, и ей показалось, что яркие огни на вершине холма были далеки, словно огни пролетающих самолетов.

Незнакомец поднял голову. Казалось, он смотрит прямо на нее, хотя из-за тени, отбрасываемой капюшоном, определить это было невозможно. Он поднял руку словно в знак приветствия. Капюшон раздулся и стал похож на крыло летучей мыши. Медленно и осторожно, подобно ребенку, крадущемуся, чтобы поймать кошку, он начал приближаться к ней.

Элли повернулась и бросилась обратно вверх по склону холма, к огням и людям. Ее туфли совсем не подходили для бега: каблуки скользили и раскачивались на неровностях булыжной мостовой. Она скинула их и побежала в одних чулках, чувствуя, как влага проникает между пальцев ног. Вокруг никого не было. Миновав арку, девушка устремилась вдоль развалин бастиона, пока не оказалась на площади, зажатой между смутными очертаниями зданий какого-то министерства. Элли обернулась и тут поняла, что ее никто не преследует: не слышно звуков приближающихся шагов, не видно тени, скользящей по стенам.

Она попыталась сориентироваться. Где находится отель? Отсюда до него было наверняка не больше полукилометра, но Элли не могла идти пешком. Бок свело судорогой, ступни горели, ноги болели.

И тут он появился опять.

Она не могла поверить своим глазам. Он появился из воздуха, словно привидение, и направился через площадь в ее сторону. Призрачный белый плащ развевался на ветру.

Сознание Элли затуманилось. Она понимала одно: это невозможно. Просто невыносимо. Как можно убежать от человека, который способен забраться на холм в мановение ока?

Она побежала.

– Подождите, – послышался голос за спиной.

Элли продолжала бежать. Мимо пустой сторожевой будки, за угол здания и вдоль безлюдной аллеи. В дальнем ее конце показались огни уличных фонарей и свет фар автомобилей, проезжавших по бульвару

Рузвельта. Ей нужно было во что бы то ни стало оказаться на бульваре. Треск, напоминавший звук выстрела, отразился от стен эхом. Неужели у этого человека оружие? Разве привидениям нужно оружие? Спустя секунду она поняла, что это упала на мостовую одна из ее туфель. Она не стала подбирать ее.

Наконец она достигла бульвара. Из-за поворота выехало такси с зажженными фарами. Элли бешено замахала руками и бросилась на заднее сиденье.

– «Софитель».

Ей пришлось повторить название отеля три раза, прежде чем водитель понял ее. Он не хотел ее везти, поскольку до отеля было всего несколько сотен метров, и она впустую потратила бы деньги. Тогда Элли сунула ему в руку купюру в двадцать евро, и он перестал спорить. Когда автомобиль тронулся, она оглянулась назад. Морось затуманила стекла окон. Автомобильные фары слепили ей глаза. И все же ей казалось, что под уличным фонарем в конце аллеи находится мужская фигура в плаще, хотя поверить в это мог лишь сумасшедший.

Элли попросила таксиста сделать круг по центру города, прежде чем он высадит ее у отеля. Она прижимала лицо к стеклу, но так ничего больше не заметила. Войдя в здание отеля, она поспешила через вестибюль к лифтам. Ей хотелось одного: оказаться в постели за закрытой дверью. Хотя, возможно, привидение могло проходить сквозь стены.

– Ну, вот и вы.

На ее плечо легла рука. Она хотела закричать, призывая на помощь охранников, полицию, кого угодно. Они не могли схватить ее в публичном месте. Но оказалось, что она не способна издать ни звука.

– Вы ушли с работы без меня, – послышался обиженный голос.

Это был Леховски, и уже без галстука. Может быть, привидение – это он? Для этого он недостаточно высок. К тому же, судя по исходявшему от него запаху, он провел вечер в баре. Леховски смерил ее взглядом сверху вниз, очевидно, полагая, что в результате она почувствует себя сексуальной, но это лишь вызвало у нее дрожь.

– Что случилось с вашими туфлями?

Элли заставила себя улыбнуться.

– Я всего лишь натерла ноги. Я поднималась сюда из долины.

– Вам следовало воспользоваться лифтом.

Элли прекратила попытки обойти его.

– Каким лифтом?

– Общественным. Он поднимает из долины в город. Прямо к зданию центрального архива. – Он рассмеялся, обдав ее очередной волной алкогольных паров с примесью запаха мяты. – Жители этого города такие ленивые. Может быть, завтра покатаемся на нем вместе? А сейчас я угощу вас, как обещал.

Он слегка стукнул ее по локтю. Но Элли бежала по улицам Люксембурга, спасая свою жизнь, вовсе не для того, чтобы потом позволить загнать себя в угол такому зануде, как Леховски. Она сделала шаг в сторону, быстро обошла его сбоку и нырнула в раскрывшиеся двери лифта прежде, чем он успел ее остановить.

– Может быть, в другой раз, – бросила она через плечо.

Глава 12

Англия, 1135 г.

Мать Джоселина – жена моего господина Ги – умерла несколько лет назад. Это то, что объединяет нас с Джоселином, хотя и не сближает.

Ги решил жениться вторично. Я иногда злорадно думаю: может быть, он настолько разочаровался в своем отпрыске, что хочет попробовать еще. Но в действительности Джоселин будет идеальным наследником. Он будет держать в узде своих вассалов и арендаторов; он будет с энтузиазмом взимать с них десятину и налоги; случись война, он будет энергично сражаться за своего герцога и, вероятно, завоюет его расположение и новые земли.

Но Ги не может ждать войны в качестве предлога для расширения своих владений. У Джоселина три сестры, и им в скором времени понадобится приданое. Мой господин уже давно положил глаз на земли на противоположном берегу реки: хорошие пастбища, густые леса, охотничьи угодья, плодородные поля. Все это принадлежит семейству Бешам, но его представители редко там бывают. В настоящее время их интересы сосредоточены главным образом в Англии, и для них весьма обременительно плыть через море каждый раз, когда один из их арендаторов требует справедливости или когда сюда решает нанести визит сам король. У них имеется дочь, и они намереваются подарить ей земли в Нормандии в качестве части приданого. Посыльные приезжают в Англию с предложением, возвращаются с ценой, еще раз подвергаются риску в море, переплывая его с ответным предложением. Ги владеет двумя фермами в Беркшире, арендную плату за которые он никогда не видит: они тоже становятся частью сделки.

Наконец условия брачного договора согласованы. Мажордом Горнемант плывет в Англию за невестой Ги. Он берет с собой четырех рыцарей, трех грумов, шестерых слуг, дворецкого, повара и меня.

Я уезжал из Англии мальчиком с выбритой на голове тонзурой. Сейчас мне шестнадцать лет, и я в определенном смысле мужчина. Мои волосы давно отросли, хотя товарищи продолжают называть меня монахом. У меня уже имеется вполне достойная борода. Я никогда не буду таким же высоким и крепким, как Джоселин, но время от времени он проигрывает мне в тренировочных боях. Одерживая такую победу, я каждый раз чувствую, что на один шаг приблизился к отмщению.

Мы сходим на берег в Дувре, небольшом городке в устье реки. Над нами возвышаются туманные очертания скал. Я видел Англию только во время своего отъезда в Нормандию, и то сквозь слезы. Но совершенно очевидно, что это богатая страна. Король Генрих занимал трон около тридцати лет, и царивший в эту эпоху мир способствовал процветанию этой страны. В Виндзоре я встречаю своего дядю. Он одет в алый плащ и мантию, подшитую горностаем, только что поставленную из мастерской меховщика. Когда он облакачивается на стол, на нем остаются следы мела.

Он потчует меня языками жаворонков, каплунами, вином, привезенным из Бургундии, и рассказывает, что король назначил нового смотрителя в замок моего отца. Я не знаю точно, но догадываюсь, что дядя тем или иным образом извлек для себя пользу из этого назначения. Ясное дело, мне никогда не получить своего наследства.

– Дай же на тебя посмотреть, – говорит он с подозрительной веселостью, хотя я провел здесь уже целый день. – Ты стал настоящим мужчиной и теперь можешь жить вполне самостоятельно.

Мне понятно, что он имеет в виду. Я вырос, и он снимает с себя всякую ответственность за мою судьбу. Другими словами, он избавляется от меня.

Опустив глаза в тарелку, я бормочу:

– Я пока всего лишь оруженосец.

– Скоро ты станешь рыцарем.

– А как насчет людей, которые убили моего отца?

Дядя неловко ерзает на стуле. Раз в год я пишу ему письма с отчетом о своих успехах и всегда задаю этот вопрос. Он ни разу не ответил на него.

– Их невозможно найти. Не было свидетелей.

– Я все видел.

Дядя вытирает губы салфеткой.

– Уэльс – опасное место, там многие погибают от рук убийц, и не всех преступников удастся привлечь к ответственности.

Впоследствии я часто буду думать, что это означает. Не содействовал ли дядя убийству собственного брата? Вполне вероятно. *Уэльс – опасное место, там многие погибают от рук убийц.* Организовать очередное убийство не столь уж трудное дело – а люди, заколовшие моего отца, говорили на французском, а не на валлийском.

Из Виндзора мы поднимаемся вверх по Темзе до Уоллингфорда и затем поворачиваем на запад. Путь занимает три дня, но это приятное путешествие. По ночам еще морозит, а утром опускается весенний туман. Солнечные лучи, падающие с кремового апрельского неба, окрашивают землю в густой золотистый цвет. Ветви деревьев на склонах холмов все в почках. Я никогда не наблюдал столь гармоничный и умиротворяющий пейзаж.

Семейство Бешам обитает в укрепленном замке, расположенном в обширной долине к западу от Уонтиджа. За последние десятилетия этот симпатичный дом, как и его обитатели, утратил свое военное назначение. Более поздние пристройки практически полностью скрывают от глаз солидную крепость, находящуюся в центре. Насыпь вокруг башни в обрамлении огородов уже не выглядит такой же грозной, как прежде. В свое время строитель замка отвел реку, чтобы создать ров, но впоследствии с помощью системы плотин были устроены рыбные запруды.

В этот вечер мы ужинаем карпом и форелью, фаршированной виноградом с местных виноградников. Уолтеру Бешаму нет особой нужды производить на нас впечатление, ведь от этого брака больше выигрывает Ги, нежели он. Его младшую дочь зовут Ада, и он может в любой момент, если понадобится, отправить ее в аббатство. В большом зале устанавливается стол и собирается все семейство, чтобы убажать нас. В галерее менестрель перебирает струны своего псалтериона^[4].

За столом для меня места нет. Я стою в складках тяжелой драпировки и периодически наполняю чашу Горнеманта или его тарелку. Одновременно с этим я внимательно слушаю

присутствующих и наблюдаю за происходящим, стараясь ничего не упускать из вида.

В результате я, по всей вероятности, первым из всех замечаю невесту Ги. Прежде чем поднять вуаль с ее лица, Уолтер выжидает, когда в желудках его гостей оказываются первые два блюда и вино затуманивает их взор. Пока слуги очищают тарелки, я бросаю взгляд в сторону скрытой за портьерой двери и вижу, как из нее украдкой выглядывает девушка и рассматривает людей, прибывших за ней. Все, что я могу разглядеть в полумраке зала – блеск драгоценных камней в ее волосах и на шее. Позже она мне скажет, что я смотрел прямо ей в глаза, не осознавая этого.

Псалтерион смолкает. Невеста Ги входит в зал, и сидящие за столом обращают к ней взоры. Перед собой она несет серебряное блюдо, смиренная, словно служанка. Однако она прекрасна, благородна и богато одета. Ее сопровождают два оруженосца. В их руках канделябры, чей свет затмевает огни свечей за столом и создает сияющий нимб вокруг их госпожи. Кожа девушки цвета слоновой кости, волосы словно отлиты из золота, драгоценности сверкают подобно ярким звездам.

Я потрясен. В тот момент, когда входит дочь Бешама, у меня возникает впечатление, будто зал наполняется светом, столь ярким, что меркнут огни свечей – как меркнут звезды при появлении солнца. Теперь мне ясно, какие чувства испытывали рыцари и странники из историй моей матери в момент встречи с их равноправными дамами и чаровницами.

Реакция Горнеманта, сидящего в конце стола, носит более деловой характер. Для него звезды отнюдь не померкли. Он оценивает девушку с практической точки зрения – как повар оценивает дичь, принесенную с охоты. Подойдет ли она его господину? Будет ли Ги доволен? Стоит ли она поместий в Беркшире?

Она ставит на стол свое блюдо с жареной миногой в собственном соку и делает реверанс. Мажордом ее отца разрезает рыбу на части, которые затем раскладывает на куски хлеба, в то время как Горнемант задает ей несколько банальных вопросов. Девушка сдержанно отвечает на них, потупив взор. Я наблюдаю за другими рыцарями. Они не в силах поверить в удачу Ги. Даже если бы невеста была похожа на кобылу, он взял бы ее замуж ради земельных владений. А так...

Ада Бешам делает реверанс и удаляется. Свечи остаются, но свет уходит вместе с ней. Под предлогом, будто мне нужно принести еще вина, я следую за ней во двор. Она стоит, прислонившись к стене, запрокинув голову, и смотрит в звездное небо. Из ее рта в холод ночи вырываются облачка пара. Через окно кухни я вижу, как повара готовят сладкий пирог в форме вепря, символа Ги. Но здесь, кроме нас двоих, никого нет.

– Когда ты станешь леди Отфорт, рыбу за тебя будут носить слуги.
Ада Бешам смеется.

– Мой отец говорит: мужчинам важно знать, что женщина умеет подавать блюда.

Ее голос глубже, чем я ожидал. Он очень мелодичен. Ада смотрит на меня, словно ожидая, что я скажу что-нибудь еще, но неожиданно все известные мне слова растворяются в моей голове.

Она спрашивает:

– Как долго ты служишь у Ги де Отфорта?

– Шесть лет.

– Какой он человек?

Мне хочется говорить о ней, а не о своем господине.

– Неплохой.

Ада пристально смотрит на меня. На мгновение мне кажется, что она разочарована, но потом я понимаю, что ей хочется знать больше. Она нуждается в успокоении, ей нужно увериться в том, что ее везут за море не на съедение чудовищу.

– Он хороший человек – возможно, добрый и мягкосердечный – маловероятно. Симпатичный.

Девушка улыбается. Интересно, чувствует ли она, что это ложь?

– А его сын?

Ада смотрит мне прямо в глаза. Я соображаю, что бы такое солгать ей, на сей раз о Джоселине, и не могу ничего придумать. Ее глаза как будто призывают меня говорить правду.

– Он свинья.

Она смеется. Я рад, что сказал это. Между нами будто протянулась ниточка доверия.

– Меня зовут Питер.

– Ада.

Теперь, когда она находится совсем близко, я вижу, что ее волосы вовсе не сияют, как солнце. Это всего лишь уловка парикмахера: в ее прическу вплетены золотые нити. Девушка машинально тянет себя за прядь и морщится, уколовшись об одну из шпилек, удерживающих локоны. На кончике ее пальца выступает капелька крови. Ада зажимает палец губами и высасывает кровь. Я смотрю на ее губы и дрожу всем телом: на меня снисходит озарение. У меня небольшой опыт общения с женщинами, если не считать того, что одна посудомойка разрешает мне развязывать ее корсаж и трогать грудь в дровяном сарае Ги. Только сейчас я понимаю, что чувствовали мужчины из сказок моей матери и почему рисковали жизнью ради любви к даме.

– Я должна идти. Моей матери, наверное, не терпится узнать обо всем, – Ада улыбается. – Спасибо за то, что назвал себя. Теперь я знаю, что в Отфорте у меня будет по крайней мере один друг.

– Наверняка больше, чем один, – бормочу я.

Я наблюдаю за тем, как Ада Бешам скрывается за дверь в освещенном коридоре. Чаровница исчезает: безутешный рыцарь остается в одиночестве на склоне холма. Я вспоминаю, как она сосет свой палец, ее рубиновые губы и светящуюся кожу.

Она уколола меня – и в это мгновение я понимаю, что причиненная ею рана не заживет никогда.

Глава 13

Люксембург

– Я кое-что выяснила.

Элли прикрыла рукой трубку телефона. Она стоит около эстрады на Пляс д'Арм, высматривая в толпе человека в белом плаще. Последние десять дней она провела главным образом в комнате базы данных холдинга и в своем номере, прибавив в весе и потратив огромную сумму на билеты, чтобы ходить в кинотеатр на плохие фильмы. Элли даже не заглядывала в бар, опасаясь, что там ее подстерегает Леховски.

– «Талуэт» имеет дочернюю компанию в Румынии, у нее могут быть крупные долги. Я выяснила это совершенно случайно – в счетах ничего нет. Один из их директоров ушел в знак протеста против того, каким образом осуществляется управление компанией. По какой-то причине копия его письма оказалась в папке с личными документами.

– Остальные это видели?

– Не думаю.

Нет, судя по тому, как посыпались, словно опавшие листья, бумаги, когда она открыла папку.

– Вы можете забрать это письмо?

Элли подумала об охраннике с тусклыми глазами, все время читавшем журналы скабрёзного содержания, и поверхностной проверке сумки в конце рабочего дня. Самую большую опасность представлял Леховски.

– Наверное.

– Попробуйте, – голос Бланшара звучал спокойно.

Элли прикрыла трубку телефона еще плотнее, дабы в нее не проникали звуки трубы уличных музыкантов, доносившиеся с расположенной сзади эстрады.

– Еще одно. Вам не встречалась в папках, которые вы просматривали, ссылка на Мирабо?

Это слово показалось Элли знакомым. Может быть, статья бюджета? Однако ее голова настолько была забита именами и цифрами, что она не могла вспомнить. Девушка уже усвоила, что Бланшару ничего нельзя говорить без твердой уверенности.

– Кажется, нет. А что это такое?

– Это не столь важно. Когда вы вернетесь в Лондон?

Процедура проверки чистоты сделки была почти завершена.

– Я вылетаю завтра вечером и в понедельник буду в офисе.

– Отличная работа, Элли. Вы снова превзошли саму себя. Наш клиент будет очень доволен. У вас есть планы на эти выходные?

Один из уличных артистов принялся бить в огромный барабан.

– Простите?

– Мишель Сен-Лазар – наш клиент – пригласил меня в Шотландию на охоту. Я подумал, не захотите ли вы поехать со мной. Ему будет чрезвычайно интересно познакомиться с вами.

На мгновение Элли представила горы, озера, леса, бревенчатое шале, теплые блики огня, негу в кровати с пологом под стеганым пуховым одеялом. Она прикусила губу.

– Я обещала Дугу, что приеду в Оксфорд.

– Тогда, конечно, вы должны отправиться именно туда. – Голос Бланшара моментально приобрел деловой тон. Может быть, он обижен или разочарован?

По всей вероятности, ему безразлично.

– Увидимся в понедельник.

Оксфорд

Сидя в поезде, который вез ее по долине Темзы в Оксфорд, Элли наблюдала быстро сменявшие друг друга пейзажи за окном. Поля покрывала осенняя дымка, солнце на ярком октябрьском небе заливало все вокруг золотистыми лучами. Листья на деревьях сворачивались в трубочки. Этой ночью будут заморозки.

Субботним утром вагон был почти пустым. Элли разглядывала попутчиков: мать с двумя дочерьми; мужчина с пластиковым пакетом, рекламирующим антикварные книги; двое студентов, самозабвенно

обсуждающие Канта и Хайдеггера. Девушка была невидима для них, что вполне ее устраивало.

Сегодня у Дуга была тренировка по регби, и она сказала ему, чтобы он не приезжал на вокзал. Тем не менее она испытала разочарование, не увидев в толпе встречающих знакомого лица. Теперь каждый раз, оказавшись в Оксфорде, Элли испытывала чувство тревоги. Она прожила здесь всего девять месяцев, пока не приняла предложение банка «Монсальват» – достаточно для того, чтобы освоиться в городе, но недостаточно для того, чтобы он стал родным. Элли никак не могла избавиться от неприятного ощущения некой незавершенности.

Ей потребовалось десять минут, чтобы дойти до жилища Дуга – небольшого домика рядом с конюшней близ Эшмолина, предоставленного ему колледжем. У нее все еще имелся ключ, и она воспользовалась им. В коридоре стояла пара грязных ботинок для игры в регби. Сверху доносились звуки текущей воды. Гостиная была полна книг, стоявших на полках и лежавших на подоконниках. После трех недель, проведенных на головокружительных высотах в башнях из стекла и бетона и шикарных отелях, этот непритязательный интерьер казался ей жалким и убогим. Стены были усеяны пустыми отверстиями от дрели, словно пробоинами от пулеметных очередей. Краска над дверной коробкой облупилась, на старом ковре виднелись проплешины. Раньше она всего этого не замечала.

Элли поднялась по лестнице и открыла дверь ванной без стука. Дуг стоял под душем. Его лицо покраснелось от холодного воздуха и горячей воды, темные волосы прилипли к щекам, лбу и шее. Как и в первую ночь, которую они провели вместе, Элли поразило его сильное мускулистое тело и ласковые руки.

Он открыл глаза и вздрогнул.

– Тренировка закончилась поздно. Я собирался встретить тебя на вокзале.

– Я же сказала, чтобы ты не беспокоился.

– Ты ведь знаешь, я никогда тебя не слушаю, – Дуг ухмыльнулся и протянул ей кусок мыла. – Не поскребешь ли мне спину?

Потом они отправились по тропинке вдоль берега реки в сторону Эбингтона, держась за руки. Мимо них проносились гребцы, шлепая

по воде веслами. Влажный воздух был насыщен запахом прелой листвы. Впервые с момента начала работы в «Монсальвате» Элли почувствовала, что вновь может вздохнуть полной грудью.

– Как продвигается твоя работа? – Элли долго не решалась задать Дугу этот вопрос. Первые шесть месяцев отношений они с увлечением говорили о карьерных устремлениях, теперь же старались избегать этой темы.

– Хорошо, – Дуг нахмурился. – В самом деле, хорошо. На прошлой неделе я вдруг получил письмо от какого-то парня из Шотландии – миллионер-отшельник или что-то в этом роде. Он прочитал одну из моих статей о раннем средневековом рыцарском романе и захотел со мной встретиться.

Элли с удивлением взглянула на друга.

– Из Шотландии?

– Мы встретились в Лондоне. В его *клубе*, – в последнем слове прозвучала легкая ирония. – Огромный дом недалеко от Пэлл-Мэлл. Множество викторианских бюстов, глубокие кожаные кресла и ни одной женщины, если не считать ту, что принимает в вестибюле пальто. Старик-хозяин ждал меня, сидя в кресле на колесиках, подключенный к чему-то вроде аппарата искусственного дыхания. Не сказав ни слова, он положил на стол кожаную папку. При нем был помощник – высокий парень в длинном черном пальто, похожий на сотрудника похоронного бюро. Первым делом он заставил меня подписать соглашение о конфиденциальности – которое, между прочим, я нарушаю, рассказывая тебе об этом. Он сообщил, что старик недавно кое-что нашел на чердаке своего дома и решил, что это может представлять интерес.

– И что же было в этой папке?

– Лист формата А4, – Дуг улыбнулся, заметив выражение разочарования на лице собеседницы. – Тем не менее на нем была написана поэма на старофранцузском языке, судя по всему, созданная в двенадцатом или тринадцатом веке. Помощник моего работодателя добавил, что сделал копию с пергамента. Рукопись якобы все это время валялась на чердаке. Я прочитал текст. Прежде мне никогда не доводилось встречать подобного.

Его тон был довольно будничным, но Элли прекрасно понимала, что это значит. Если эта поэма была незнакома Дугу, стало быть, она,

скорее всего, никогда не была опубликована.

– Разумеется, я захотел увидеть оригинал, но он сказал, что пергамент хранится в банковской ячейке. Я спросил, не видел ли его кто-нибудь еще. Он ответил, что нет, поскольку пергамент был найден на чердаке. Ему неизвестно, как долго он там пролежал. Они дали мне копию и попросили сообщить, что я об этом думаю.

Тем временем они приближались к плотине в Сэндфорде. Надпись на красной табличке, прикрепленной к сваям на реке, гласила «Впереди опасность». Несмотря на солнце и теплое пальто, Элли почувствовала, что ее бьет дрожь.

Дуг взглянул на часы.

– Нужно возвращаться домой. Я пригласил на ужин Аннабел и Марка.

Элли постаралась не выдать своего разочарования. Она сжала его руку.

– Я думала, мы сможем побыть сегодня вдвоем.

– Я пригласил их сто лет назад. Мы прекрасно проведем вечер.

Аннабел, женщина с постоянно растрепанными волосами, всегда производила впечатление, будто она слегка удивлена, оказавшись в XXI веке. Марк принадлежал к категории людей, которые приезжают в Оксфорд с определенными стереотипами и делают все возможное для того, чтобы им соответствовать. Он был единственным среди знакомых Элли, кто носил галстук. Кроме того, он являлся куратором Элли по докторантуре.

– Марк – это ужасно. Он наверняка до сих пор не простил мне то, что я работаю в банке.

– Он всегда справляется о твоих успехах и желает тебе всего наилучшего, – Дуг устремил взгляд на птичье гнездо, устроенное среди ветвей дерева. – Как и все мы.

– Моя жизнь меня вполне устраивает, и, пожалуй, я ни в чем не нуждаюсь...

– Я просто вспомнил, как тебя отправили в Люксембург без всякого предупреждения. Судя по всему, тебе там пришлось не очень сладко. Я подумал, может быть...

Дуг замолчал. Потом переломил ветку, которую держал в руках, пополам и бросил половинки в воду.

– Может быть, мне лучше вернуться в Оксфорд? Это ты хотел сказать? – В душе Элли начинала закипать холодная ярость. – Я только что способствовала принятию решения по заключению сделки на семьсот миллионов евро. Я зарабатываю больше, чем ты, Марк и Аннабел вместе взятые.

– В жизни существуют не только материальные ценности, – голос Дуга был спокоен. – Ты талантливый ученый. Стоит ли растрчивать свой талант на выполнение функций винтика в машине по производству денег?

– А глотая пыль в библиотеке, я его не растрочу? – Элли вспомнила свою первую встречу с Бланшаром. *Университет – это эхо-камера, зеркальный зал.* – Я живу в реальном мире, занимаюсь реальными вещами, зарабатываю реальные деньги.

– Цифры в компьютере отнюдь не реальны.

Девушка опять погружалась в кошмар бесконечных споров, которые они вели летом, и Элли до недавнего времени была уверена, что после ее переезда в Лондон этот этап отношений они уже прошли и больше к этому никогда не вернуться.

– Ничего не изменишь, – сказала она решительным тоном. – Я это я, и другой быть не могу.

– Ты не...

Кошмар всегда заканчивался одинаково: Элли начинала плакать, пыталась убежать от Дуга, а тот в свою очередь уговаривал ее никуда не ходить. Но не сейчас. Под ее ногами трещали опавшие сухие ветки. Она так ни разу и не оглянулась, пока не свернула с дорожки, зная, что Дуг не будет ее преследовать. Он будет ждать ее дома, и спустя некоторое время она вернется. Они будут с недоверием смотреть друг на друга, словно две настороженные собаки, потом сделают вид, будто все забыто. До следующего раза.

Когда Элли наконец оглянулась, она увидела, что за ней быстрыми шагами идет невысокий мужчина с красным от напряжения лицом. На нем были зеленые резиновые сапоги и такая же зеленая куртка с многочисленными карманами, набитыми всевозможными рыболовными снастями. Однако удочки в его руках не было.

Тропинка постепенно сходила на нет, а заросли по обочине становились все гуще. Элли остановилась и отступила в сторону,

чтобы пропустить незнакомца. Но мужчина тут же остановился в паре метров и приподнял руку, словно узнал девушку.

Элли замерла на месте. Она прежде никогда не видела его лица, но его поза была ей очень знакома.

– Элли Стентон?

Она не могла бежать, поскольку тропинка была очень грязной, к тому же путь к отступлению преграждали ветви деревьев и кусты ежевики. Вокруг никого не было видно.

– Кто вы? – Голос Элли был слабым и испуганным, словно она была маленькой девочкой, заблудившейся в лесу.

Мужчина вынул из бокового кармана что-то блестящее. Элли была готова закричать, но оказалось, что это всего лишь металлическая фляжка. Он отвинтил колпачок и протянул ей фляжку.

– Судя по вашему виду, вам лучше выпить.

– Нет, спасибо, – Элли не смогла сдержать дрожь в голосе.

Странный незнакомец сделал большой глоток и завинтил колпачок. В нем не было ничего угрожающего: невысокий рост, полноватая фигура, спутанные светлые волосы, ярко-синие глаза и румяные щеки, идеально гармонизировавшие с его рыболовным облачением. Выпил он с явным удовольствием.

– За вами трудно угнаться.

На реке зажуужжала моторная лодка. Элли подумала, не позвать ли ей на помощь, но двигатель работал так громко, что наверняка заглушил бы ее крик. Сидевшая на носу лодки маленькая девочка помахала ей рукой.

Нужно поддержать разговор.

– Это вы были в Люксембурге?

– Да.

– Вы воспользовались лифтом, чтобы подняться на холм раньше меня.

Он бросил взгляд на свои короткие ноги.

– Иначе я не смог бы вас догнать.

– Почему вы не позвонили мне в отель, если хотели поговорить со мной?

– Это было невозможно. Они могли это с легкостью отследить.

Его непринужденная манера общения вернула Элли в реальность и позволила ей немного расслабиться. Она посмотрела на торчавшие

из карманов его куртки крючки и блесны. Может быть, он сумасшедший?

– Я знаю, что произвожу впечатление безумца. Но на вашей новой работе вы подвергаетесь огромной опасности.

Здесь опасно. Она внимательнее взгляделась в его лицо, пытаясь понять, не принимал ли он тогда участие в демонстрации в Лондоне. Больше ей ничего в голову не приходило.

– Как вы думаете, почему они разрешают вам использовать ваш мобильный телефон для личных звонков? Они вас прослушивают, Элли. Постоянно. И следят за вами, когда у них есть такая возможность.

– Зачем?

– Они не те, за кого себя выдают. За фасадом современного инвестиционного банка скрывается средневековая сердцевина, сущность которой составляют мракобесие и зло. Загляните как-нибудь в их подвал. Им что-то нужно, и они используют вас, чтобы это получить.

Элли почувствовала, что ей сейчас станет дурно.

– Почему вы говорите мне все это?

– Потому что...

– Элли!

Пока он говорил, мир Элли сжался до крошечной сферы, ограниченной глиной под ногами, водой и деревьями. Место вне времени. Теперь, когда она увидела бегущего к ней Дуга с развевающимися полами длинного пальто, это ощущение пропало.

– Прости. Ты права – мне не следовало так себя вести. Я позвонил Марку и Аннабел и отменил встречу. Мы пойдем домой, откроем бутылку вина и посидим вдвоем.

Дуг заглянул в лицо девушки и увидел выражение почти физического страдания и смятения, отнеся это на свой счет. Он ободрал руку о куст ежевики, и на ней выступили капельки крови.

– Элли, пожалуйста, прости меня.

Она поцеловала Дуга, но только затем, чтобы он замолчал, и украдкой посмотрела через его плечо на тропинку. Странный незнакомец исчез. Дуг проследил за ее взглядом и слегка отпрянул назад.

– Что это за тип, который с тобой разговаривал? Он не сделал тебе ничего плохого?

– Он просто спросил дорогу.

Его вполне устроила эта ложь. Он взял Элли под руку и повел ее обратно в сторону Оксфорда. Она старательно делала вид, будто их ссора была единственной причиной ее расстроенного вида. Синее небо бороздили тонкие гребни розовых облачков. Из лесной чащи доносилось уханье совы.

Никогда она еще не чувствовала себя такой потерянной.

Глава 14

Нормандия, 1135 г.

Горнемант видит, что я уже на грани. Он говорит, я слишком яростен на тренировках и порою теряю голову. Во время схваток я необуздан и часто проигрываю, что вызывает у меня еще бóльшую ярость. По словам Горнеманта, это происходит со всеми оруженосцами, которым приходится слишком долго ждать посвящения в рыцари. Он полагает, что мне нужно принять участие в войне, чтобы меня смогли заметить. Но Бог милостив: в этом году весь христианский мир пребывает в спокойствии. Я мог бы взять Крест и отправиться воевать за Иисуса в Святую Землю, но у меня нет денег для такого путешествия.

И к тому же, если сказать по правде, я хочу остаться в Отфорте. Я готов терпеть любые тяготы, лишь бы время от времени видеть Аду. Лишившись этой возможности, я бы впал в отчаяние. Во время ужина я могу стоять сзади стола моего господина Ги часами, лишь бы быть рядом с ней. Если она говорит со мной, я ношу ее слова с собой, словно сокровище, заключенное в моем сердце. Если она игнорирует меня, я вне себя от горя. Тогда я вспоминаю все сказанное и сделанное мною по отношению к ней, что могло бы ее обидеть. Доводя себя этими мыслями до безумия, я не перестаю задаваться вопросом: простит ли она меня когда-нибудь. На следующее утро Ада улыбается мне или касается рукой моей руки, когда я помогаю ей сесть на лошадь, и в моей душе вновь вспыхивает надежда.

Я понимаю, что обманываю себя. Ада ни о чем не подозревает. Она пришла бы в ужас, узнав мои мысли. Ни один из нас никогда не предал бы Ги – моего господина, ее супруга. Но в настоящее время я не в силах отказаться от своей мечты, разрушить эти волшебные чары.

Августовский день, безоблачное небо. Весь мир размяк от жары. Мы, облаченные в доспехи, тренируемся до полного изнеможения под руководством Горнеманта. У меня совершенно мокрые волосы и руки,

липкие от сосновой смолы, которой я их натираю, чтобы меч не выскользнул из ладоней. От меня пахнет потом, лошадьё, кожей и маслом. Скоро кровь в моих жилах закипит от жары.

Я снимаю доспехи и одежду и ныряю в ручей, протекающий рядом с яблоневым садом. На деревьях начинают созревать первые яблоки, но их некому рвать. Все работники собирают в полях урожай. Ги уехал смотреть новую мельницу, которую купил на приданое Ады. Если не считать птиц, я здесь, наверное, единственное живое существо.

Искупавшись и смыв пот, я, обнаженный, растягиваюсь на траве. Под жгучими лучами солнца мое тело быстро высыхает. Вокруг головы вьются пчелы. Перед глазами пляшут черные пятна.

Мне хочется есть. Я натягиваю чистую одежду и иду вдоль ручья в поисках зрелых яблок и, может быть, грибов. Не сделав и двадцати шагов, я вижу Аду сидящей на берегу в простом зеленом платье. Я не заметил, как она появилась. Интересно, как долго она находится здесь и не видела ли...

Чтобы скрыть смущение, я рассматриваю кусты на другом берегу ручья. Я вижу переплетенные ветви орешника и жимолости и спрашиваю:

– Ты знаешь о них историю?

Ада качает головой.

– Они росли на могилах Тристана и Изольды. Король Марк трижды сжигал их, но орешник и жимолость каждый раз вырастали вновь.

Ада ложится на живот и смотрит на свое отражение в воде.

– Это похоже на конец истории. Расскажи мне ее начало.

Я мог бы и не утруждать себя купанием, ибо потею сейчас сильнее, чем под доспехами. Мне следует идти и выполнять работу, приготовленную для меня Горнемантом. Я не верю, что способен на такую смелость.

Приблизившись к ней, как мне представляется, на почтительное расстояние, я сажусь на берег.

– Давным-давно, когда королем был Артур...

Слова служат ключом, запирающим мою тревогу. Они успокаивают меня. Я чувствую, что могу продолжать. Моя мать

никогда не рассказывала мне эту легенду, но я много раз слышал ее в зале замка Ги. Удивительно, что ее не знает Ада.

Все трубадуры, которых я слышал, расходились в своих версиях, и у меня имеется своя собственная.

– Тристан был рыцарем из Лайонесса, состоящим на службе у своего дяди, короля Корнуолла Марка.

В моем представлении Марк – толстый болван в плаще из меха горноста, который оставляет следы мела на столе.

– Марк послал его в Ирландию, чтобы он привез его невесту, белокурую Изольду, которая считалась самой красивой девушкой во всей Британии.

Уголкем глаза я вижу, как Ада наматывает на палец локон золотистых волос. Видит ли она Изольду такой, какой представляю ее я – с голубыми глазами и ямочкой на подбородке, лежащей на берегу ручья среди ромашек?

– Мать Изольды была колдуньей. Дабы брак ее дочери был счастливым, она сварила любовный напиток и вручила его служанке Изольды, которая должна была напоить им новобрачных перед их первой ночью. Но во время плаванья из Ирландии Тристана обуяла жажда. Он нашел бутылку и отпил из нее, решив, что это вино. В этот момент в каюту вошла Изольда и попросила налить ей тоже, не зная, что это за напиток.

– А где же была служанка? – интересуется Ада, лукаво улыбнувшись.

– В легенде об этом ни слова. Тристан и Изольда встретились взглядами и тут же без памяти влюбились друг в друга. Им казалось, что все вокруг исчезло и в целом мире остались лишь они одни.

Я стараюсь не смотреть на Аду и не знаю, что она сейчас делает. У меня же кружится голова. Солнце обжигает мою кожу. Скорей всего, после тренировки я выпил слишком много пива. Мне отчаянно хочется, чтобы она поняла, чтобы она отбросила все условности и была искренна со мной, чтобы для нее исчезло все вокруг...

Ада обрывает лепестки маргаритки и бросает их в воду.

– Наверное, это было сильное зелье.

– Когда они достигли Корнуолла, Изольда вышла замуж за короля Марка. Но в брачную ночь она выскользнула с супружеского ложа, чтобы быть с Тристаном, а своей служанке велела лечь рядом с

королем. Тот в темноте не заметил подмены. До наступления рассвета Изольда вернулась на свое законное место.

– Это ужасно. Такое бесчестье.

– Она стала рабой зелья. Они оба были его рабами.

Я стараюсь защитить влюбленных. В воде ручья замерла коричневая форель, повернувшись против течения. Рыбка едва шевелит плавниками, удерживаясь на одном месте. Так же и я заставляю себя противостоять могучей силе увлекающего меня потока.

– Со временем любовники все больше утрачивали осторожность. Поползли слухи. Советники доложили королю, что ему наставляет рога его собственный племянник. Марк устроил западню. Однажды, когда Изольда отошла ко сну, он поручил слуге рассыпать на полу возле ее кровати муку.

– Очень находчиво.

– Изольда заметила это и предупредила Тристана. Но его любовь была столь сильна, что он был не способен сопротивляться ей. Одним прыжком он преодолел расстояние от двери до полога Изольды.

– Разве это любовь? Больше похоже на похоть.

Мои щеки заливают румянец. Вне всякого сомнения, она имеет гораздо больше опыта в этой области, нежели я. Неожиданно моя история представляется фальшивой, как плохо настроенная арфа. Меня охватывает смущение. Я отворачиваюсь в сторону.

– Продолжай, – мягко просит Ада. – Я хочу знать, чем все закончилось.

– Во время прыжка у Тристана открылась рана, которую он получил в последней битве. Из нее на пол пролились три капли крови. Обнаружив их на следующее утро, Марк приказал схватить любовников. Тристан был заточен в башне на краю высокой скалы. Ему удалось раздвинуть прутья решетки на окне и спрыгнуть вниз. Поскольку Тристан был невинен, Бог позаботился о том, чтобы он остался невредим.

Брови Ады ползут вверх. Она отнюдь не считает Тристана невинным.

– Оруженосец нашел его и привел ему лошадь. В тот самый момент, когда король распорядился отправить на костер свою жену, Тристан ворвался верхом во двор, перерезал путы Изольды, поднял ее

и посадил в седло. Они ускакали в лесную чащу, где люди Марка не смогли их отыскать.

– И?

– И потом они долгое время жили счастливо.

Ада бросает в меня камешек.

– Ложь. Это не тот конец, что я слышала в замке.

Это не тот конец, который знаю и я. Получив рану отравленным копьем, Тристан лежал, страдая и ожидая корабль под белыми парусами. На нем должна была прибыть Изольда, чтобы исцелить возлюбленного. Она прибыла слишком поздно и умерла над его бездыханным телом. Но я не хочу рассказывать это летним днем, насыщенным запахом жимолости.

Я бросаю камешек в Аду:

– Бард волен выбирать, как закончится его легенда.

Глава 15

Лондон

– Интересующий нас холдинг владеет тридцатью пятью процентами акций румынской горнорудной компании, которая в настоящее время привлечена к суду за масштабное загрязнение мышьяком бассейна Дуная.

Элли отхлебнула воды. У нее сильно пересохло во рту. Она сидела в конференц-зале за овальным столом, из-за которого на нее взирали с десяток людей. Они составляли правление банка «Монсальват»: монохромный конклав белых мужчин в черных костюмах, с седыми волосами и серыми суровыми лицами. Алый галстук Бланшара был единственной яркой точкой в зале – как будто вандал плеснул краской на дагерротип. Одни неотрывно смотрели на нее из-под полузакрытых век, другие делали время от времени какие-то записи. Остальные разглядывали ее так, будто она предлагалась им в меню.

– Эти акции не фигурируют ни в одном из их опубликованных отчетов, поскольку в соответствии с законодательством Люксембурга такая доля в акционерном капитале не считается контрольным пакетом. Но в соответствии с румынским законодательством, являясь крупнейшими акционерами, они несут ответственность по любому причиненному ущербу.

– Другим претендентам известно об этом? – спросил плешивый мужчина с пятнами на голом черепе, он при каждом слове выстреливал капельками слюны.

– Не думаю. Единственная ссылка на это содержится в письме, обнаруженном мною в личной папке, и я знаю точно, они ее не открывали.

– Письма там больше нет, – добавил Бланшар.

Элли съежилась. Она вспомнила, какой испытывала страх, что оно зашелестит или выпадет из-под пояса ее юбки, когда проходила мимо охранника, покидая комнату, где велась проверка документации. Если

мужчины в зале и догадались, что она сделала, это, похоже, их ничуть не смутило.

– Каковы шансы обвинительного вердикта? – выпалил финансист с длинным лицом и выступающими скулами, сидевший в дальнем конце стола.

– Румыния находится под сильным давлением со стороны Европейского союза, требующего от нее строгого соблюдения принципов защиты окружающей среды. В Бухарест вылетела группа видных экспертов из Германии, которые твердо намерены добиться обвинительного вердикта. Если они выявят причастность холдинга «Талуэт», он станет весьма привлекательной целью с политической точки зрения. Поскольку речь пойдет не о местной фирме, это будет предупреждение на международном уровне.

– Сколько?

На лице Элли отразилось недоумение.

– Прошу прощения?

– Какова цена вопроса?

– Судя по опыту аналогичных дел последнего времени, сумма штрафа может составить несколько сотен миллионов евро.

– А для того, чтобы устранить эту проблему?

– Я не...

И в этот момент поднялся Бланшар, больше всего похожий на кобру, приготовившуюся к броску.

– Спасибо, Элли. Я полагаю, вы предоставили нам всю информацию, в которой мы нуждаемся. – Протянув руку, он провел ее к двери. – Вы отчитались очень хорошо. На членов правления чрезвычайно трудно произвести впечатление.

Означало ли это, что она произвела на них впечатление? В это было трудно поверить, если вспомнить их каменные лица.

– Теперь мы поручаем вам другое дело. Вы найдете папки у себя на столе.

Элли прошла по коридору в свой офис и тяжело опустилась в кресло. На ее столе, словно по волшебству, выросла новая стопка папок. Один их вид вызвал у нее приступ дурноты. Большую часть последних сорока восьми часов она занималась подготовкой отчета и страшно устала. Но это хотя бы позволило ей отвлечься от других проблем.

Зазвонил телефон. Она взглянула на высветившиеся на дисплее цифры, похожие на руны. *Как вы думаете, почему они разрешают вам использовать ваш мобильный телефон для личных звонков?*

– Как ваши дела?

Это был Деламер, юрист, которого она встретила у лифта на второй день работы.

– Мне удалось выжить, спасибо. – Именно Деламер посвятил ее в тонкости европейского закона о корпорациях. – Я у вас в долгу.

– Как насчет ланча?

Элли взглянула на экран компьютера. *Тридцать восемь новых сообщений* – вдобавок к паре сотен, которые она едва успела прочитать во время подготовки отчета. И эти новые папки. Девушке показалось, что за несколько минут, пока она сидела, стопка стала выше, хотя это было невозможно.

– Когда вы в последний раз ели?

Элли задумалась.

– Кажется, вчера во второй половине дня я ела пиццу...

– Понятно. Вы отправляетесь со мной.

Деламер привел ее в старомодное кафе, расположенное на аллее неподалеку от Корнхилла. На висевшей над входом вывеске был изображен черный гриф над красным крестом. Внутри Элли обнаружила мраморный бюст, взиравший с хозяйским видом на тяжелые столы и обитые материей стулья, выглядевшие так, будто их не меняли с XIX века.

– Боюсь, здесь меню, как в пансионе, – сообщил Деламер, и Элли кивнула, как будто знала, что едят в пансионах.

Она заказала рыбу с картофельными чипсами и бокал воды. Деламер заказал бифштекс, пудинг с почками и бутылку красного вина. Официант, не спрашивая, налил вино в два бокала.

– Ваше здоровье, – Деламер поднял свой бокал, – Элли Стентон. Очень немногие представляют отчет правлению, проработав всего несколько месяцев в нашем банке. Вероятно, Бланшар видит в вас что-то особенное.

Элли покраснела и пригубила бокал.

– А вы давно работаете в банке?

– Полтора года. Полсрока позади, – заметив удивленный взгляд Элли, он добавил: – При найме на работу «Монсальват» заключает со служащим трехлетний контракт. Платит огромные деньги, а затем вышвыривает – правда, на хорошую должность в какую-нибудь крупную компанию. Полагаю, Бланшар говорил вам об этом?

Элли была уверена, что нет. Она неуверенно улыбнулась.

– Ну и как вам эта работа?

– Нелегкая, – ответила девушка и, смутившись, поспешно добавила: – Но зато хорошо оплачиваемая.

– Нелегкая, это точно, – согласился Деламер, не заметив ее смущения. – «Монсальват» – необычное место. Ходят слухи, будто подвал банка битком набит сокровищами. Вам известно, что вплоть до XVII века ювелиры выступали в роли банкиров? Им приходилось иметь мощные подвалы, дабы у них была возможность предлагать своим клиентам надежное место для хранения их ценностей. Человек приносил золотую чашу или тарелку ювелиру, и тот запирает ее в подвале.

– Вы думаете, эти вещи до сих пор хранятся там?

– А почему бы и нет? Здание перестраивалось бесчисленное количество раз, но фундамент никогда не трогали. Оно было возведено на месте старого храма тамплиеров. Кто знает, что хранится в их подвалах?

Деламер вновь поднял свой бокал, на сей раз не столь бодро:

– За семейство де Моргонов, наших выдающихся основателей.

Элли чокнулась с ним без всякого энтузиазма.

– Вы слышали о де Моргонах? Они были норманнами и, по всей вероятности, жили здесь со времен Завоевания. У них была железная хватка. Вы знаете Мишеля Сен-Лазара?

– Я слышала это имя.

– Ему принадлежит компания, наш клиент. Он потомок Сен-Лазара де Моргона – и все еще имеет долю в банке.

Им принесли заказ. Элли впилась зубами в рыбу, в то время как Деламер начал резать ножом бифштекс.

– Я защищал диссертацию по норманнам. Ужасные люди. Прежде чем завоевать Англию, они захватили Сицилию. Вы знали об этом? Существует теория, согласно которой мафия сформировалась на их феодальных структурах. Они тоже занимались рэкетом. – Деламер

насадил почку на нож и помахал им в воздухе. – Во главе их стоял король, затем шли бароны, что-то вроде капитанов, далее рыцари и так далее. Они занимались тем, что вымогали у крестьян деньги в обмен на защиту, чтобы иметь возможность жить, ни в чем себе не отказывая. Все основывалось на насилии. Время от времени вспыхивали полномасштабные войны.

Он взял бутылку и наполнил бокал Элли до краев. Девушка с ужасом заметила, что во время разговора выпила почти все свое вино.

Они не те, за кого себя выдают.

– Вы думаете, «Монсальват» имеет отношение к криминалу? – спросила она, понизив голос.

– Да нет, бог с вами.

Лицо Деламера покраснелось от вина. Он говорил громким шепотом, что лишь привлекало внимание других посетителей.

– Я говорю лишь о *подходе*. «*Droit de seigneur*» – право на власть.

Элли сделала очередной глоток. Она старалась не встречаться взглядом со своим собеседником.

– Мы носим костюмы вместо доспехов и идем в бой с компьютерами вместо копий. Но менталитет остался неизменным. Люди, подобные Бланшару, скачут по полям, грабя и вымогая. Мы с вами являемся оруженосцами. Мы носим за ними их доспехи, ухаживаем за их лошадьми, затачиваем их мечи и надеемся, что однажды встанем в один ряд с ними.

Губы Деламера искривились в печальной улыбке.

– Извините. Не стоило пить в середине дня. Слушайте, что вы делаете сегодня вечером?

Элли чувствовала такую усталость, что с трудом уловила подтекст в этом вопросе. Она попыталась изобразить улыбку и усилием воли подавила приступ тошноты.

– Я должна позвонить своему другу.

Однако когда она вечером набрала телефон Дуга, тот так и не взял трубку. Элли оставила сообщение и стала ждать ответного звонка. Дул сильный осенний ветер, завывая, словно стая волков. В стекла окон барабанили капли дождя. Она прочитала последние сообщения по электронной почте, потом принялась смотреть телевизор, но никак не могла сосредоточиться. В половине одиннадцатого она позвонила еще

раз и опять не получила ответа. В его доме имелся стационарный телефон, которым он никогда не пользовался. Она раскопала его номер и позвонила по нему. Казалось, долгим гудкам не будет конца.

Наконец в трубке раздался голос:

– Алло?

Голос был женским. Мягким и немного нервным, словно его обладательница только что пережила небольшую личную драму.

– Можно попросить Дуга?

– Сейчас я его позову.

Пока Дуг шел к телефону, в ее голове пронеслась сотня вопросов. Она слышала в трубке смутное бормотание, снявшее некоторые из вопросов и поставившее другие.

– Элли?

– У тебя все в порядке? – Судя по его голосу, это было далеко не так.

– Все нормально. Я собирался позвонить тебе, как только уйдет полиция, но они никак не уходят.

Элли похолодела.

– Что?!

– Ко мне в дом проникли взломщики. Забрали лэптоп, телефон, телевизор. Перевернули все вверх дном. Наверное, думали, я храню какие-то ценности. Самое неприятное, украли паспорт. Я должен был завтра лететь во Францию.

– Во Францию?

Элли сжала трубку телефона. У нее возникло ощущение, будто она общается с миром, который перестала узнавать.

– Это связано с поэмой, о которой я тебе рассказывал. Рукопись находится в Париже, и я хотел посмотреть на нее.

Голос на заднем плане что-то произнес, но Элли не удалось разобрать ни слова.

– Они предлагают мне написать заявление. Я должен идти.

– А кто снял трубку?

– Люси, одна из моих студенток. Она принесла мне свое эссе и увидела разбитое окно.

Я была одной из твоих студенток, подумала Элли.

– Я должен идти, – повторил Дуг и добавил слегка смущенно: – Я люблю тебя.

– А я тебя.

В течение следующего месяца мир Элли ограничивался дождем и цифрами. Цифрами на бумаге, на дисплее телефона, на экране компьютера, которые она использовала в процессе работы над документами, переданными ей Бланшаром. Вечером, когда девушка приходила с работы, и утром, когда она собиралась обратно в банк, за окнами ее квартиры висела пелена дождя, и ей ничего не оставалось, как созерцать мир через эту серую влажную муть. Казалось, это не кончится никогда. По ночам ей снились окна на экранах, экраны на окнах, и ручейки цифр, струящиеся по ним вниз, собирающиеся под ними в лужицы. Иногда Элли просыпалась с залитым слезами лицом. Однажды она проснулась в четыре часа утра с мыслью, будто дождь затопил весь Лондон и ей одной удалось спастись на своем тридцать восьмом этаже.

Погода всем действовала на нервы. Она отражалась даже на обычно безупречных манерах Бланшара. Банкир приходил в ярость из-за малейшей ее ошибки. Отчеты Элли возвращались назад, испещренные пометками, сделанными красными чернилами. После работы у нее хватало сил только на то, чтобы добраться на такси домой, поужинать на скорую руку и рухнуть в кровать. По крайней мере, Элли больше ни разу не видела человека с тропинки. Поначалу она часто думала о его предостережении, но со временем забыла о нем. Она не рассказывала об этом никому, и уж конечно Дугу, который и без того относился к ее новой работе с подозрением.

Элли стала бояться ночных телефонных звонков. То из-за погоды, то из-за разделяющего их расстояния они с Дугом никак не могли встретиться. Он съездил в Париж, получив новый паспорт, но о результатах своей поездки ничего ей не говорил. Однажды во время разговора с ним она услышала на заднем плане женский голос и потом всю ночь не спала, выходя из себя от злости и предаваясь безрадостным размышлениям. Когда на следующий день Элли потребовала у Дуга объяснений, он сказал, что в это самое время по радио транслировали пьесу, и назвал ее параноиком.

Однажды, в четверг, в начале ноября, Бланшар пригласил Элли на ланч. Судя по всему, к нему хотя бы отчасти вернулось хорошее

расположение духа. Банкир сказал, что ей не мешает поправиться, и почти по-отечески ущипнул ее за щеку. Когда они вышли из здания, к ее удивлению, его автомобиля нигде не было видно.

– Здесь за углом есть ресторан. Прогулка пойдет вам на пользу.

Бланшар открыл зонт и по-рыцарски предложил ей руку. Элли старалась примериться к его широкому шагу, не забывая при этом обходить лужи. Группа детей из местной школы установила на мостовой соломенное чучело и собиралась поджечь его. Элли удивилась, подумав, как они смогут сделать это под дождем.

Бланшар привел ее в «Кок де Аржен», дорогой ресторан, расположенный напротив Английского Банка, – панели из орешника и красные кожаные кресла. Элли заказала копченый окорок и жареный инжир. Бланшар попросил принести ему нечто под названием Marennes d'Oignon, а к нему еще и Imperial Al Baeri. Пока он изучал винную карту, Элли заглянула украдкой в меню. Marennes оказались устрицами, а Imperial Al Baeri – икрой, стоившей 118 фунтов за пятьдесят граммов.

Элли отложила меню в сторону и отвернулась, чтобы скрыть свое потрясение. Из окон было видно здание с конусообразной крышей и обрамляющим ее садом – таким же промокшим, как и весь остальной Лондон. А у окна сидел человек с портфелем на коленях, чье лицо она была бы счастлива никогда больше не видеть.

Она схватила Бланшара за руку.

– Видите вон того человека? Я его знаю.

– Это Сити. Я имел дело с большинством людей, находящихся сейчас в этом зале, – банкир откинулся назад, давая возможность официанту налить в бокалы шампанское. – Пол Роджер. Любимое шампанское Черчилля.

– Его зовут Леховски, – выпалила Элли. – Он занимался проверкой чистоты сделки во время моей работы в Люксембурге.

На лице Бланшара отразилось удивление.

– Он не предлагал вам переспать с ним?

Этот вопрос вызвал у Элли крайнее смущение. Она залилась краской и никак не могла придумать, что сказать в ответ. Чтобы выиграть время, девушка сделала большой глоток шампанского. Бланшар смотрел на нее в упор, не отводя глаз.

– У Леховски специфическая репутация. В мире банковских инвестиций он известен как «трясина». Знаете, однажды он предложил выдать Кристин Лафарж всю защитную стратегию своего клиента, если она с ним переспит.

Официант принес закуски. Элли сидела в неловком молчании, пока расставлялись тарелки и раскладывались салфетки и приборы. Бланшар не обращал на эти манипуляции ни малейшего внимания.

– Как она поступила?

Бланшар выдавил на устрицы сок из лимона, затем взял раковину и опрокинул ее содержимое в рот. Он облизнул губы и улыбнулся – так плотоядно, что Элли снова залилась краской.

– Кто знает? Но на следующий день у Кристин был этот документ, и мы успешно осуществили поглощение.

Леховски стоял в противоположном конце зала и жевал резинку. Элли испугалась, что он может заметить ее, но его взгляд был устремлен на пожилого человека с небрежно постриженными седыми волосами и резкими чертами лица, направлявшегося в его сторону. Они обменялись рукопожатием. Леховски жестом руки пригласил старика сесть.

– Кто это?

Бланшар вдруг проявил неподдельный интерес к столику Леховски.

– Его зовут Лазареску. Он судья из Румынии. Прибыл в Лондон на конференцию.

Темные глаза Бланшара с вызовом смотрели прямо в глаза Элли. Тщательно подбирая слова, она сказала:

– Я думала, мы отказались от сделки с холдингом «Талуэт».

Бланшар довольно улыбнулся.

– Руководство Сен-Лазар очень внимательно изучило ваш отчет. В конце концов они решили, что холдинг имеет слишком важное стратегическое значение, чтобы можно было отказаться от сделки.

Он намазал икру на кусок тоста и затолкал его в рот. Элли попыталась сосчитать икринки, чтобы узнать, сколько стоит каждая из них.

– Это ставит нас в неудобное положение. Мы знаем, что компания стоит меньше, чем можно представить, но наши конкуренты не имеют

об этом никакого понятия. Предложив правильную цену, мы проиграем.

За столиком у окна портфель от ног Леховски переключал к ногам судьи.

Бланшар проглотил очередную устрицу и запил ее глотком шампанского.

– Вас познакомили на курсах с гипотезой эффективного рынка? На идеальном рынке цена актива будет отражать всю имеющуюся информацию о его будущих перспективах. Все, что мы делаем – корректируем неэффективность рынка.

– Я думала, что на неэффективности рынка и делается прибыль.

Бланшар понимающе кивнул.

– Вы проделали блестящую работу, Элли. Я знаю, вы не хотите, чтобы компания досталась нашим врагам. Но – *c'est la guerre*^[5]. Иногда нам приходится жертвовать пешкой, чтобы захватить короля.

Интересно, подумала Элли, какой шахматной фигурой является для Бланшара ее скромная персона?

– У вас есть планы на сегодняшний вечер?

Этот вопрос застиг девушку врасплох.

– У меня есть два билета в оперу, а мой клиент не сможет пойти. Вагнер, «Тристан и Изольда». Вы знаете это произведение?

Элли покачала головой. Опера, как и икра, не входила в меню Ньюпорта.

– Это одно из самых возвышенных творений. Может быть, самое потрясающее произведение искусства из когда-либо созданных на земле. Тенор, исполнявший заглавную партию на премьере, умер спустя две недели после выступления. Композитор был так напуган, что запретил все дальнейшие представления до конца своей жизни.

– Звучит угрожающе.

Элли произнесла эти слова только потому, что не могла придумать ничего более умного.

– Музыка переносит вас в другой мир – мир, где царит одержимость, в мир, где нет границ. Иногда оттуда трудно вернуться, – Бланшар взмахнул рукой, подзывая официанта. – Разумеется, если у вас другие планы...

Элли встретила глазами с пристальным взглядом начальника и выдержала его. Она все еще была зла из-за Леховски. Да и оперу она

никогда особенно не любила. Но мысль о еще одном одиноком вечере в ее башне с проверкой электронной почты и ожиданием неизбежной ссоры с Дугом повергла девушку в ужас.

Она допила шампанское.

– Во сколько начинается представление?

Перевал Бреннер, Австрия

Двое мужчин сидели в кафе сети «Растхоф» на автобане, наблюдая за тем, как грузовики натужно взбираются на перевал. Они называли друг друга Гарри и Джордж, хотя и не придавали особого значения этим именам. Джордж – высокий, худой, сутулый, с седой бородой и седыми курчавыми волосами. Гарри – ниже ростом и шире в плечах, с взъерошенными светлыми волосами и добродушным и как будто извиняющимся выражением лица. Последний был занят изучением итальянской газеты трехдневной давности. Рядом с одной из статей был написан перевод, отнюдь не облегчавший чтение.

– Они могут через него выйти на нас? – спросил Гарри, оторвавшись от газеты.

– Во всяком случае, будут пытаться. У итальянской полиции и без того много дел, скорее всего, запишут как смерть по естественным причинам.

Лицо Джорджа исказила гримаса. Оба они прекрасно знали, что в смерти их друга не было ничего естественного. Подробности трагедии излагались в газете с усталой бесстрастностью: ожоги, сломанные кости, травматическая ампутация, шрамы, образовавшиеся еще при жизни.

– Он наверняка сдал им Мирабо. Других вариантов не остается.

Джордж отхлебнул кофе.

– Вся эта операция была ошибкой. Мы только навели их на след. Сен-Лазар теперь не остановится, пока не вывернет эту компанию наизнанку.

– Сначала он должен ее купить.

– Мы будем бороться с ним.

Джордж высыпал второй пакетик сахара в свой кофе.

– В этом нам может помочь Дрекслер, может быть, и Куниг. Мы сделаем все возможное.

– Они тоже постараются.

Некоторое время они молчали. На автобане очередной грузовик взобрался на перевал и прибавил скорость, направляясь к итальянской границе.

– А как насчет Элли Стентон?

Гарри внимательно осмотрел ногти.

– Дело трудное. Они нещадно эксплуатируют ее. Вечера она обычно проводит дома. Даже не ходит на работу пешком.

– Она рассказала Бланшару о вашей встрече в Оксфорде?

Гарри пожал плечами:

– Не думаю.

– Мы должны заполучить ее. Предоставь ей немного информации. Если бы она смогла проникнуть в подвал...

– Я думал, мы договорились не предпринимать больше никаких попыток, – спокойно произнес Гарри.

Но, похоже, Джордж не услышал его.

– Где она сейчас?

Лондон

По просторному залу, среди длинных столов, бродила женщина в белом открытом платье. Лампы испускали тусклый, дымчатый свет; по всей вероятности, дело было поздним вечером или ранним утром. Идя вдоль столов, женщина проводила рукой по их поверхности, словно это прикосновение пробуждало воспоминания. Выглядела она потерянной.

Элли расположилась в обитом бархатом кресле. Новое платье, купленное этим вечером, плотно облегало тело. Освещенная лампами женщина в белом, немного поколебавшись, направилась в сторону сцены, полого опускавшейся в оркестровую яму.

Впоследствии Элли обнаружила, что не может вспомнить с точностью последовательность событий этого вечера. У нее сохранились воспоминания – яркие, живые – но они были бессвязными, словно вырванные из книги и перепутавшиеся

страницы. Время, проведенное в театре, пролетело как сон. Женщина в белом, мужчина в черном, и любовь, какую способна выразить только музыка. Напиток в чаше, который должен был убить их, вместо этого зажег их сердца любовью. Или же Тристан полюбил лишь потому, что был уверен в своей немедленной смерти? Шампанское в холле, девушки, торговавшие цветами, затем терраса на крыше, туристы и уличные артисты внизу, полная луна над Лондоном. Во время второго акта рука Бланшара скользнула по подлокотнику ее кресла и легла ей на бедро. Она отчетливо ощутила его горячее прикосновение сквозь тонкий шелк платья. Возлюбленные, отдавшиеся во власть ночи, поскольку они не могли выносить яркого света дня, не заботящиеся о той боли, которую они причиняют тем, кого любят не так сильно. Верный, оставленный без внимания друг: *Осторожно, осторожно. Скоро ночь сменится днем.* И музыка, гораздо более красивая, нежели Элли могла себе вообразить. Обволакивающая, захлестывающая, словно океанские волны, всепогружающая.

Элли уходила из театра в состоянии оцепенения. Она была совершенно обессилена и в то же время отчаянно хотела слушать еще. Бланшар рассказал ей, что этот хорошо известный феномен в мире оперы называется «упоение Тристаном». Отчасти она была рада узнать, что подобное происходило не только с ней, отчасти негодовала по этому поводу. Переполюнявшие ее эмоции были настолько сильны, что она не могла подавить искушение поделиться ими.

На Флорал-стрит их, словно верный пес, ждал «Бентли». Бланшар открыл перед своей сотрудницей дверцу.

– Не хотите заехать ко мне? Это недалеко.

Мир Элли снова сузился. Ее прошлое и будущее сжались и сконцентрировались в единой точке опоры. Любое движение могло нарушить баланс непоправимым образом. Она чувствовала на языке сладкий вкус шампанского и ощущала сильный аромат собственных духов. Взглянув на Бланшара, она хотела найти у него сочувствие, но увидела лишь сосредоточенность и решимость.

Осторожно, осторожно, скоро ночь сменится днем.

Они ехали по Шафтесбери авеню, мимо театральной публики, расхолодившейся после представления. Многие держали над головами сувенирные тенниски и полиэтиленовые пакеты, защищаясь от дождя. Автомобиль свернул на Пикадилли, где промокшие люди толпились на

крытых автобусных остановках, затем автомобиль въехал в Мэйфэр и остановился у ярко освещенной аркады отеля «Кларидж».

Элли напряглась. На мгновение чары рассеялись.

– Вы, кажется, сказали, что мы едем к вам домой.

– Это и есть мой дом. Я здесь живу.

Элли ничего не сказала. Из вестибюля вышел привратник и, держа над ними зонт, проводил их внутрь здания. Она увидела, как Бланшар что-то сунул ему в карман, и подумала, ежедневно ли он проделывает это или нет. В вестибюле все сверкало золотом. За фортепьяно сидел мужчина в белом пиджаке и играл вариации на темы произведений Коула Портера и Гершвина. Консьерж кивнул Бланшару и почтительно улыбнулся Элли. Огни светильников в хрустальных канделябрах отражались от пола в черно-белую клетку, отполированного, словно зеркало.

Звезды блаженства с улыбкой светят вниз.

Апартаменты Бланшара находились на четвертом этаже – тускло освещенный мир тяжелых тканей, дорогой, изысканной и элегантной мебели. Он достал из холодильника бутылку шампанского и налил два бокала. Холодная жидкость обожгла язык. Элли залпом выпила шампанское. Бокал некуда было поставить, и она выронила его на покрытый ковром пол. За спиной Бланшар выключил свет. На мгновение у нее возникло головокружительное ощущение, будто она находится одна в безграничном пространстве.

Руки Бланшара, на удивление мягкие, оказались на ее плечах, и ее платье упало на пол. Он наклонился и поцеловал Элли в шею, в то время как его ладони уверенно скользили по ее бедрам и груди.

Элли опустилась на постель. Их окутала тьма.

Глава 16

Нормандия, 1135 г.

Октябрь приносит с собой дожди. Вода размывает дороги, разводы ржавчины на железе и портит корм для скота. Из сырой древесины невозможно разжечь костер и изготовить осадные машины. В этом году больше не будет войн, а отсутствие новых войн означает отсутствие надобности в новых рыцарях. Наступит долгая зима, наполненная сожалениями и негодованием, стуком капель о крышу и ссорами, грозящими перерасти в драку.

Все оруженосцы были разочарованы, но никто не испытывал этого чувства так остро, как я. Мне все труднее ждать. Ждать посвящения в рыцари, ждать отмщения, ждать Аду. Надежда, расцветшая летом, увяла. Теперь я стою за спиной своего господина Ги у стола и хмуро смотрю перед собой. Я все еще придумываю предлоги для того, чтобы встретиться с Адой во дворе или коридоре, – ничего не могу с собой поделаться. Но когда я вижу ее, то становлюсь бесцеремонным, вплоть до грубости, а потом всегда жалею об этом. Хуже того, судя по всему, ее это не беспокоит.

Как-то, проходя мимо комнаты Ги, я слышу голос Ады. Я задерживаюсь, скрытый непроницаемой зимней тьмой, и, к своему удивлению, слышу, как произносится мое имя.

– Не оставляй меня с Питером. Если мне нужен сопровождающий, пусть им будет Джоселин.

В открытое окно врывается ветер и распахивает дверь. У меня холодеет на сердце. Я крадусь дальше по коридору, чтобы иметь возможность видеть Ги и Аду через дверной проем. Она стоит перед ним на коленях и зашнуровывает его кожаную перчатку. Эта сцена представляется мне неприличной.

– Мне нужно, чтобы Джоселин был рядом со мной. Питер смотрит на меня так, как будто я упала через дымоход.

Ги гладит ее волосы. Его руки совершают неуклюжие движения, словно он расчесывает лошадиную гриву.

– Он послушен и надежен. С ним ты будешь в безопасности.

Меня осеняет: *он боится доверить свою жену собственному сыну.*

Ада поднимается с колен и отворачивается, явно разочарованная, и добавляет одними губами: «Как хочешь».

Если мы не можем воевать друг с другом, мы бьемся с животными. Охота позволяет поддерживать на должном уровне крепость рук и меткость глаз в течение зимы. Она также отвлекает нас от шалостей. Обычно я наслаждаюсь ею, но не сегодня. Слова Ады пронзают мое сердце подобно ножу – тем более что они были произнесены в приватной обстановке и совершенно искренне. Я хочу, чтобы меня забрала Леди Смерть.

Но если Отфорт чему-то и научил меня, так это скрывать свои чувства. Когда мы собираемся во дворе, я полностью сосредоточен на выполнении своих задач. Я застегиваю плащ, седлаю лошадь Ады, затягиваю подпругу и нагрудные ремни. Я изображаю на лице удивление, когда Ги приказывает мне сопровождать ее. Нет никакой опасности. С нами будут сразу четыре ее фрейлины.

Мы едем верхом по лесу. Один из лесников видел вепря, и Ги хочет украсить им свой стол. Среди кустов рыскают гончие, вынюхивая след, за ними псари ведут на прочных поводках мастиффов, которые напоминают мне Джоселина.

Небо затягивают облака. Вновь собирается дождь, но это не останавливает Ги. Двое из фрейлин Ады возвращаются в замок. Мы все больше углубляемся в чашу. Этот лес непохож на леса Уэльса. Деревья здесь реже, а полосы пустошей и кустарников шире.

Мы выезжаем на одну из таких пустошей, где гончие берут след. Порыв сильного ветра поднимает волнами траву. Я не чувствую вепря, но я чувствую в воздухе дождь. Спущенные с поводков гончие бросаются в сторону линии деревьев, окаймляющей пустошь. Ги прищипривает лошадь и мчится за ними. За ним следуют Джоселин, Горнемант и остальные слуги. Я остаюсь с Адой и ее фрейлинами и наблюдаю за кавалькадой. У кромки леса она рассеивается. При такой погоде может потребоваться несколько часов, чтобы загнать вепря.

По кистям моих рук начинают барабанить крупные капли дождя. Небо, кажется, готово обрушиться на землю. Я показываю рукой в

сторону ближайших деревьев.

– Нам следует укрыться под ними.

Ада кивает, не глядя на меня. Судя по всему, ей хочется вернуться в замок. Мы направили лошадей к деревьям. Я оглядываюсь, чтобы посмотреть, не изменили ли охотники своего намерения. Слышатся раскаты грома.

Мы находимся на полпути до одинокого бука, когда ярко сверкает молния. Она обжигает воздух. Гром заглушает треск дерева. Я слышу его только тогда, когда срезанная молнией тяжелая ветвь падает в траву к моим ногам.

Мой конь с громким ржанием подается назад, и от меня требуется вся сила и весь опыт, чтобы удержать его. Пока я усмирять своего коня, остальные разбежались. Я вижу одного из них, скачущего вверх по склону холма без всадника. Другой и вовсе исчез из вида.

Впереди, сквозь завесу дождя, мне удастся различить кобылу Ады, углубляющуюся в лес.

Я мчусь за ней легким галопом, не обращая внимания на хлещущие меня мокрые ветви. Похоже, лошадь Ады скачет по какой-то тропе, хотя я не знаю, куда она ведет. Все, что я вижу, – мелькание плаща между деревьями, по этому клочку материи я и ориентируюсь. Мы подминаем под себя тонкие деревца, огибая дубы, сосны и ели. Склон холма становится круче, под копытами моего коня попадает все больше камней. Это замедляет бег животных. Теперь Ада находится от меня всего в нескольких десятках шагов. Если бы она была оленихой, я рискнул бы выстрелить в нее.

Ада выезжает на поляну и останавливается. Дождь стучит по тощим деревьям. Груда изрезанных скал составляет зловещий задний план. Я соскакиваю с коня и бегу к ней, чтобы взять уздечку. Я шепчу в ухо лошади, чтобы успокоить ее, затем поднимаю глаза и смотрю на Аду.

– Ты не ранена?

– Нет.

Она дрожит, ее глаза сверкают. Я смотрю на скалы и нахожу место, где нависающий сверху выступ образует некое подобие пещеры. В историях моей матери это была бы дверь в иной мир; здесь же это всего лишь укрытие от дождя. Я привязываю лошадей к ели, ослабляя поводья, и присоединяюсь к Аде, расположившейся под

выступом. Над нами грохочет гром. Не похоже, чтобы гроза близилась к концу.

– Это продлится недолго.

Ада не отвечает. Она сидит, обняв колени и глядя на потоки дождя. Такое впечатление, будто она погружена в глубокие раздумья. Я накидываю ей на плечи свой плащ, избегая прикоснуться к ней. Ее промокшее насквозь платье прилипло к телу и подчеркивает его формы. Я стараюсь не замечать этого.

– О чем ты думаешь?

– О том, что я хотела бы изменить.

Я ерзаю, пытаюсь устроиться удобнее на каменистой земле. Разгоряченная скачкой кровь все еще пульсирует в моих жилах. Это побуждает меня говорить вещи, которые при других обстоятельствах я не осмелился бы произнести.

– Я действительно смотрю на тебя так, как будто ты упала через дымоход?

Я не готов к гневной реакции на этот вопрос. Пострадавшей стороной я считал себя. Теперь же мне приходится защищаться.

– Я проходил мимо вашей двери.

– Ты не понимаешь. И действительно, ты смотришь на меня именно так.

Мне кажется, что Ада начинает плакать. Плащ соскальзывает с ее плеч, но когда я хочу вновь набросить его, она чуть ли не бьет меня.

– Ты обращаешься со мной как с преступницей.

– А ты смотришь на меня как на раба.

– Каждый раз, когда я встречаюсь с твоим взглядом, я чувствую себя так, будто совершила что-то непростительное.

– Так что же ты от меня хочешь?

Она молчит, закрывает глаза. Мне кажется, она собирается сказать нечто столь ужасное, что коренным образом изменит наши отношения.

Ада медленно наклоняется ко мне и целует меня в губы.

Я лежу, опершись на локти, и настолько ошеломлен, что теряю равновесие и соскальзываю назад. Ее глаза расширяются: она думает, что я отстраняюсь от нее из-за испытываемого к ней отвращения. Я протягиваю к ней руку, чтобы удержать ее. Я хочу лишь успокоить ее, хочу, чтобы она поняла меня, но мое неловкое движение приводит к тому, что она оказывается на моей груди. А может быть, она делает это

намеренно. Я чувствую вес ее тела и его формы под промокшим платьем.

Что происходит потом, я помню с большим трудом. Она целует меня в щеки, губы, шею. Она прижимает меня к сырой земле, пропускает сквозь пальцы мои волосы. Она развязывает корсаж, и я погружаю лицо в ее груди. Я перекатываюсь и оказываюсь сверху, оцарапав спину о низко нависающую скалу. Я снимаю с нее юбки, и она нежно направляет меня внутрь себя.

Вновь звучат раскаты грома, но мы не обращаем на них никакого внимания. Завеса дождя скрывает нас от окружающего мира. Я чувствую запах камня, дерева и сырой земли. Я ощущаю телом ее влажную кожу. Мне кажется, будто я слышу звуки охотничьего рога, и подаюсь назад, но Ада говорит, что это трещат на ветру деревья, и притягивает меня к себе.

В конце концов я понимаю смысл песен поэтов. Границы окружающего мира раздвигаются и исчезают. Мы не желаем знать никого и ничего, кроме друг друга.

Глава 17

Лондон

– Где ты была вчера вечером?

Услышав голос Дуга, Элли ощутила, как по ее спине пробежал холодок.

– Я ходила в оперу.

Она стояла в очереди на регистрацию, с тоской в душе выслушивая удивленные вопросы Дуга и отвечая ему заранее придуманной ложью. Она понимала, что должна испытывать чувство вины, однако – несмотря на совершенное предательство – необходимость лгать лишь вызывала у Элли раздражение.

– Меня пригласил один клиент. Было довольно скучно. Представление длилось почти пять часов. Я просто забыла включить телефон, когда вышла из театра.

Объявление по репродуктору заглушило конец ее истории, словно сам аэропорт стыдился за нее.

– Меня послали в Брюссель. По всей вероятности, я задержусь там на уик-энд. Мне нужно встретиться с несколькими людьми.

Элли подождала, пока затихнет громогласный голос диспетчера.

– Объявляют посадку на мой рейс, – еще одна ложь. – Я позвоню, когда прилечу на место.

– Хорошо.

Среди ночи Элли проснулась и прокралась в ванную. Она ополоснула водой лицо и принялась рассматривать свое тело в зеркале. Ванную заливал лунный свет, и ее кожа сливалась с мрамором стен. Она чувствовала себя опустошенной. Руки и ноги были ватными. Любовь Бланшара была похожа на массирующее наступление – не только на ее тело, но и на все ее существо. Нежно, деликатно он один за другим преодолевал рубежи ее обороны, пока она не отдалась на волю чувств и не оказалась целиком в его власти. Это было ужасно, и в то же время она испытала настоящий экстаз, ощущение полного

исступления. Даже воспоминание об этих моментах заставляло ее трепетать.

Когда она вернулась, в спальне уже горел свет. Бланшар полусидел на кровати, отклонившись назад и опершись головой о подушки. Его глаза скользнули по ее обнаженному телу, и в них вспыхнуло восхищение. К своему удивлению, Элли отметила, что наслаждается ощущением власти, которой ее наделяет красота. Она свернулась калачиком под пуховым одеялом рядом с ним и положила голову ему на плечо, продев пальцы сквозь седую шерсть на его груди.

На шее Вивиана была цепочка с маленьким золотым ключиком. Он снял с себя все, кроме этой цепочки. Элли взяла его в руку и внимательно изучила. Зубцы были настолько тонки и затейливы, что казалось, они непременно сломаются, если ключ вставить в замок и повернуть. Он имел форму креста, а в середине сверкал красный камень.

– От какого замка этот ключ?

– От моего сердца. – Мягко, но решительно Бланшар отнял у нее ключ, положил ее руку обратно на свой живот и, погладив девушку по волосам, продолжил: – Тебе нужно завтра лететь.

Элли отпрянула назад и уставилась на него, натянув одеяло на плечи.

– Вовсе не из-за того, что произошло между нами этой ночью. Это ничего не меняет. Ничего, что касается работы, – добавил Бланшар. – Между нами возможно все. Если ты захочешь.

Элли больше не знала, чего она хочет. Но Бланшар ждал ответа, и, судя по всему, для него это имело большое значение. Она кивнула.

– Ты нужна мне, Элли. Ты необычный человек. Вместе... – он дунул, словно выпуская дым от воображаемой сигары, – вместе мы можем сделать очень многое. Мы хорошо подходим друг другу.

Он взял ее за руку и притянул к себе.

– Может быть, ты думаешь, будто я каждый вечер привожу сюда молодую красивую женщину. Может быть, ты думаешь, для меня это ничто – или, наоборот, слишком, и я смущен и стыжусь произошедшего. Ничего подобного. Я люблю тебя, Элли. Если в банке кто-то будет что-то говорить, мне это совершенно безразлично. Но ты молода и новичок. Если твои коллеги будут завидовать, это может причинить тебе боль.

Он наклонился вперед и, прижав телом к матрасу, поцеловал ее в щеку. Элли положила ему руки на грудь и оттолкнула его. Болтавшийся на цепочке ключик щекотал ей кожу между грудей.

– Как насчет?.. – она скорчила гримасу.

– Я чист.

– Я не имею в виду... просто я не принимала таблетки.

Двумя неделями ранее Элли была так занята, что забывала принимать таблетку три дня подряд. Это ее не особенно беспокоило, поскольку они с Дугом не виделись.

– Со мной тебе не нужно предохраняться.

Вивиан протянул руки и обнял ее.

Брюссель

Элли вспомнила, что Джозеф Конрад однажды назвал Брюссель «побеленной гробницей города». После проведенных там двух дней, посвященных изучению счетов небольшого промышленного концерна, она чувствовала себя так, будто сама шагнула в могилу. Узкие улицы, внушительные дома с жалюзи на окнах, низкие облака, постоянный запах дождя. Лица бельгийцев похожи на запертые двери. Элли отдала бы все, чтобы уехать на уик-энд домой. Но возвращение в Англию означало встречу с Дугом, объяснение и прощание, а она еще не была готова к этому. Необходимо сделать это с глазу на глаз, говорила она себе. Он ничего не сказал после того, как она перестала заканчивать разговоры с ним фразой «я люблю тебя». Интересно, думала она, обратил ли он на это внимание.

В субботу утром Элли заказала завтрак в номер, решив весь день провести в постели с книгой. Если нельзя сбежать из Бельгии, можно, по крайней мере, внушить себе, будто она не существует.

Едва выйдя из душа, она услышала стук в дверь. Девушка быстро натянула халат и открыла дверь, внезапно ощутив приступ голода. Но оказалось, что это не посыльный с завтраком. Коридор был пуст, если не считать лежавшей у порога газеты, которую она не заказывала. Она подняла ее, чтобы выбросить в корзину для мусора, как вдруг почувствовала, что внутри лежит что-то твердое и тяжелое.

Между ее страницами оказался путеводитель по Брюсселю. Наверное, подумалось ей, это подарок. Однако из буклета торчал сложенный вдвое лист желтоватой бумаги.

С растущим беспокойством Элли вынула лист и развернула его. Это была отдельная страница из газеты «Ивнинг Штандарт» от 19 февраля 1988 года. Среди новостей давно минувших дней была помечена звездочкой расположенная внизу маленькая колонка.

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ В ТУННЕЛЕ ПОДЗЕМКИ

Сегодня на центральной линии подземки был серьезно нарушен порядок движения вследствие того, что в туннеле между станциями «Бэнк» и «Ливерпуль-стрит» поезд сбил человека.

Официальные представители Лондонской подземки выразили удивление по поводу того, что человек смог проникнуть так далеко в туннель, с учетом ночных работ по очистке и регулярного движения поездов с раннего утра. На записях, сделанных установленными на станциях камерами слежения, не выявлено, каким образом ему удалось проникнуть в туннель и остаться незамеченным охранниками на платформах. Руководитель пресс-службы Лондонского метро заявил: «К счастью, подобные инциденты происходят крайне редко. Туннели представляют собой опасное место. Посторонние ни в коем случае не должны пытаться туда попасть. Этот трагический случай лишний раз свидетельствует об их опасности».

Погибший был идентифицирован как Джон Херрин, 36 лет, Реддинг, Беркшир.

Вся дрожа, Элли села на кровать. В этой статье не было ничего ужасного, за исключением давней трагедии. Она никогда не слышала о Джоне Херрине. Ее поразила дата, которую она так часто видела высеченной золотыми буквами на черной гранитной плите, лежащей на склоне всегда сырого холма близ Ньюпорта.

В память об ЭНЕЮРИНЕ СТЕНТОНЕ

12 мая 1949 г. – 19 февраля 1988 г.

Элли пролистала путеводитель в поисках указаний на то, кто мог прислать его ей. Некоторые иллюстрации были подчеркнуты цветным

карандашом или помечены звездочкой на полях. Пометки выглядели свежими.

Чтение в постели откладывалось на неопределенный срок. Она отдернула портьеры, наполнив комнату тусклым осенним светом, и быстро оделась. Ее ждали достопримечательности города.

«Каждая прогулка по Брюсселю должна начинаться с Гран-пляс». Эта строка в путеводителе была подчеркнута и помечена звездочкой, поэтому Элли отправилась в указанное место. Она искренне восхитилась ратушей со шпилем XV века и барочными зданиями с аллегорическими статуями Бережливости, Благочестия, Справедливости и других добродетелей, которые жители города себе приписывали. Она увидела Дом Лебеда, где Карл Маркс написал «Манифест коммунистической партии» и где теперь размещался ресторан с первыми блюдами по тридцать евро.

Элли потратила час на осмотр Королевского музея изящных искусств, дольше всего задержавшись в залах с полотнами Босха и Брейгеля, помеченных в путеводителе. Несколько раз она замечала стоявшего сзади нее человека в желтовато-коричневом пальто, но он каждый раз тут же отворачивался, делая вид, будто в нем внезапно проснулся интерес к живописи. Достигнув зала с работами Магритта, девушка почти уговорила себя подойти к этому человеку и спросить, не он ли подбросил ей путеводитель. Но к этому моменту ему, по всей видимости, уже наскучило искусство, и он растворился среди посетителей музея.

Элли перекусила в кафе, отмеченном в путеводителе, безуспешно пытаясь избавиться от ощущения, что все это полное безумие. Она внимательно наблюдала за другими посетителями, ожидая, что кто-нибудь из них подойдет к ее столику, представится и даст объяснение. Никто не подошел. В путеводителе было отмечено еще одно место, но оно находилось довольно далеко, и сначала она решила не ехать туда. Однако любопытство взяло свое, и она заставила себя сесть в трамвай и отправиться по длинному проспекту, окаймленному рядами деревьев, в тихий пригород Тервурен.

Королевский музей Центральной Африки располагался в величественном здании с куполом, напоминавшем мавзолей. Это было

место вне времени, аномалия в ткани истории. Построенное в качестве памятника тщеславию короля Леопольда, здание было открыто в тот самый год, когда его порочная политика в Конго стала претить даже его соотечественникам. В 1960-х годах подули ветры перемен, достаточно сильные, чтобы вырвать Конго из рук бельгийцев, но недостаточно сильные, чтобы смести пыль со старых коллекций музея. Львы и слоны стояли в стеклянных ящиках в том порядке, в каком их установили убийцы. Единственным свидетельством жестокости бельгийских колонизаторов в Конго, которое удалось отыскать Элли, была небольшая сноска с неловкими оправданиями в подписи к одному экспонату, установленному в галерее в дальнем конце здания. Она опять вспомнила Конрада и попыталась представить размеры прибыли, полученной банком «Монсальват» от эксплуатации природных богатств Африки.

– *Ужас*, – пробормотала она себе под нос.

– Ну вот, мы снова встретились.

Невысокий коренастый мужчина со спутанными волосами, стоявший возле ящика со слоновьими бивнями, смотрел на нее с извиняющимся выражением на лице. Хотя Элли была готова к подобной встрече, она тем не менее испытала шок. Ей пришлось в голову, что он специально выжидал, пока она окажется в самом дальнем и самом малолюдном уголке музея.

– Я буду кричать, – предупредила она.

– Пожалуйста, не надо.

Он сделал шаг назад и поднял руки, как будто она направила на него пистолет. Это немного успокоило девушку.

– Зачем вы подбросили мне эту газетную статью?

Он бросил взгляд в окно на зеленую лужайку и серое небо и предложил:

– Пойдемте, прогуляемся.

Лондон

В доме № 46 по Ломбард-стрит не было ничего примечательного, если не принимать во внимание крышу. Пять его этажей занимали страховая компания, кадровое агентство, сотрудники которого

употребляли термин «исполнительный поиск», торговая фирма и небольшое консультационное бюро. Но крыша была усеяна невидимым с улицы лесом антенн, тарелок и мачт. Они дрожали на ветру, улавливая доступную им информацию.

Если бы вы проложили путь сквозь путаницу холдинговых компаний и трестов в поисках владельцев дома, то со временем пришли бы – через Лихтенштейн, Монако, Люксембург и остров Джерси – почти туда же, откуда начали путешествие. И если бы вы проложили путь сквозь путаницу электрических кабелей в подвале здания, они провели бы вас под землей и привели бы в то же самое место – в темную комнату на шестом этаже старого здания, наполненного жужжанием электроники, которое стоит сзади Кинг Уильям-стрит, в ста метрах от отправного пункта. В этой комнате вы могли бы увидеть двух мужчин, рассматривающих на одном из множества установленных здесь мониторов карту, испещренную красными линиями, похожими на детские каракули.

– Это слишком легко, – заметил Дестриер. – В прежние времена нам потребовалось бы шесть человек для организации слежки – автомобили, переодевание и прочее. Теперь же мобильный телефон сообщает нам о каждом ее шаге, и в этом даже нет ничего незаконного.

Бланшар внимательно посмотрел на карту.

– Она хорошо погуляла.

– Все туристические достопримечательности, – Дестриер прикоснулся к экрану, и изображение карты исчезло. Теперь красные линии напоминали спутанный клубок струн с выходящей из него нитью. – В данный момент она находится в музее Африки.

– Покажите мне разбивку по времени.

Дестриер нажал кнопку. Внешний вид линий вновь изменился. Они разбухали или сжимались в зависимости от продолжительности времени, проведенного в данном месте: тонкие полоски там, где проходила Элли Стентон, широкие прямоугольники там, где она останавливалась перед экспонатами в музеях. Эти узоры напоминали разбрызганную кровь.

– Она слишком долго находится в музее Африки.

– Может быть, ей нравится рассматривать чучела животных.

Бланшар не сводил глаз с экрана.

– У вас там имеются люди?

– Двое парней следовали за ней сегодня утром в течение двух часов по художественной галерее. Насмотрелись картин с толстыми женщинами и больше ничего. Потом убрались восвояси. Малокультурные люди. Куниг находится в городе. Сен-Лазар сказал, что он более важен.

– Как насчет телефонных звонков?

– Их было немного.

– Она звонила в Оксфорд?

– Один раз, ночью. Разговор длился пятнадцать минут.

– Вы слушали?

Дестриер взглянул на него с некоторым лукавством.

– Она ничего не сказала ему о ночи в опере, если вас интересует именно это.

Бланшар никак не отреагировал на это замечание.

– Продолжайте за ней слежку.

Брюссель

От здания музея к искусственному озеру спускались несколько террас правильных геометрических форм. Под ногами хрустел гравий, покрывая туфли Элли белой пылью. По крайней мере, здесь были люди: гуляли семьи с детьми и собаками, вышедшие подышать воздухом в субботний вечер. Элли выжидающе молчала. Но ее спутник, похоже, тоже был не очень расположен к беседе. Он тяжело шагал, держа руки в карманах пальто и время от времени бросая быстрые взгляды через плечо.

– Кто вы? – не выдержала Элли.

Его лицо просветлело. Казалось, он был рад, что ему не пришлось начинать разговор. Элли пришло в голову, что он нервничает не меньше ее.

– Можете называть меня Гарри.

– Вы шпион?

Он на мгновение задумался.

– Только не в политическом смысле. Я принадлежу к группе, в которой высоко ценится секретность.

– Вроде масонов?

– Вовсе нет.

Гарри помолчал, изучая свое отражение в водной глади озера.

– Я хотел подойти к вам еще в художественной галерее, но там за вами следили.

Элли недоверчиво взглянула на него.

– Кто это за мной следил?

– Ваши работодатели.

– Ну, конечно. Средневековая сердцевина все время шпионит за мной, – повторила Элли его слова и повернулась к собеседнику: – Зачем вы подбросили мне эту газетную статью?

– Я решил, что вам следует знать правду, – он поднял голову. – Джон Херрин – ваш отец. Энеюрин Стентон и Джон Херрин – одно и то же лицо.

– Мой отец погиб в автомобильной катастрофе, – глухо проговорила Элли.

– Так сказала вам ваша мать.

Они повернули налево и пошли вдоль прямоугольного озера. Здесь были одни лишь прямые линии – горизонтальные берега пруда, бегущая параллельно тропинка, перпендикулярные стволы тополей.

– Какова ваша версия?

– В основном та же, что изложена в газете. Его сбил поезд в туннеле подземки. Мгновенная смерть.

Элли почувствовала, что у нее кружится голова.

– Может быть, мы присядем?

– Лучше, если мы не будем оставаться на месте, – Гарри бросил взгляд через плечо. – Он погиб, пытаясь проникнуть в здание банка «Монсальват».

– Так вы грабители банков?

– Люди из «Монсальвата» хранят в своем подвале нечто, принадлежащее нам, – нечто, украденное ими давным-давно. Ние Стентон погиб, пытаясь возратить это. А теперь вы у них работаете, – Гарри изобразил удивление. – Совпадение или нет?

– И что с того? Вы организовали конкурс, чтобы я попала туда? Думали, я открою подвал, чтобы вы могли проникнуть туда и забрать то, что вам нужно?

– Мы не имеем к этому конкурсу никакого отношения.

Они прошли мимо маленького мальчика, кормившего уток хлебом. Птицы расталкивали и топили друг друга, чтобы завладеть как можно большим количеством кусков. Гарри взглянул на часы.

– У нас не так много времени. Вы сейчас работаете над поглощением холдинга «Талуэт», – это прозвучало не как вопрос, а как утверждение. – Кто-нибудь упоминал при вас о Мирабо?

– Нет.

– А о счете Лазаря вам что-нибудь известно?

Элли вспомнила красную папку, которую она видела на столе Бланшара.

– Нет.

– Пожалуйста, подумайте, Элли. Это гораздо более важно, нежели вы можете себе представить.

– Важно для кого?

Тонкая льдинка, поддерживавшая ее веру в то, что она может играть в эту игру, как будто в ней есть какой-то смысл, рассыпалась на тысячу кусочков. Элли опять столкнулась с тем, о чем не хотела думать.

– По вашим словам, за мной следят, но, кроме вас, я никого за этим не заметила. Вы рассказываете безумные истории о моем отце, которые не могут быть правдой. Я не знаю, кто вы, но если увижу вас еще раз, обязательно позову полицию. И расскажу все Бланшару.

– Если вы сделаете это, то больше никогда не увидите никого из нас.

– Я и не хочу вас больше видеть.

– Не зарекайтесь. Мы вам можем понадобиться.

Гарри сунул ей в руку визитку и поспешно ретировался. На карточке не было ни имени, ни логотипа – только номер телефона и сделанная от руки надпись: *Если не будет ответа, оставьте сообщение для Гарри от Джейн.*

– Вы думаете, я воспользуюсь этим? – крикнула она ему вслед.

Человек, называвший себя Гарри, не обернулся.

Элли хотела было порвать визитку на части или швырнуть ее в воду. Избавиться от этого человека навсегда.

Однако, немного поразмыслив, она сунула ее в карман.

Глава 18

Нормандия, 1135 г.

Когда мы выезжаем из леса, уже начинают опускаться сумерки. Дождь перестал, облака уплыли к горизонту и зловеще нависают над заходящим солнцем. Ада едет впереди меня на полкорпуса лошади, как и подобает супруге моего господина. Мы молчим. Нас обуревают чувства, которые невозможно выразить словами.

Когда мне казалось, что Ада ненавидит меня, я страстно желал прочитать ее мысли. Теперь, когда мне кажется, что она любит меня, отсутствие уверенности в этом почти невыносимо. Меня терзают сомнения. *Не сожалеет ли она о том, что произошло между нами? Не изменила ли она свое мнение обо мне? Думает ли она о своем муже?*

Мысль о Ги угнетает меня. Неожиданно то, что мы сделали, представляется мне не осуществлением мечты, а непростительной ошибкой.

Я все еще размышляю об этом, когда слышится лязг стали. Он доносится из рощи, раскинувшей островком посредине поля.

– Подожди здесь.

Я пришпориваю коня и скачу через поле. Земля под копытами белая, поскольку она перемешана с пеплом от сожженной стерни. Я не могу найти дорогу через кустарник, поэтому спешиваюсь и прокладываю себе путь через заросли шиповника и ежевики. Уже настолько темно, что я едва вижу ветви, но уже отчетливо слышны звуки схватки. Искры освещают небольшую поляну среди леса. Я смутно различаю две фигуры, попеременно делающие выпады в сторону друг друга и отступающие назад, словно танцоры. Один из них – рыцарь в полных доспехах со щитом и мечом. Его противник одет лишь в коричневую тунику и подбитую мехом мантию. У него даже нет меча. Он отчаянно отбивает атаки рыцаря с помощью прямого охотничьего ножа.

Это Ги.

Сцена напоминает травлю медведя собакой – с той лишь разницей, что у медведя отсутствуют когти. Ги хромает из-за раны на бедре. Он не может бежать. Ударом меча рыцарь выбивает нож из ослабевшей руки Ги, и он улетает в кусты. Мой господин беззащитен.

Он стоит спиной ко мне и не видит меня. Я могу легко скрыться в зарослях. Ги ранен и безоружен, он уже не выйдет живым из этой рощи. Ада станет вдовой и сможет выйти замуж, за кого захочет.

Эти мысли молнией проносятся в моей голове. Что это – дьявольское искушение или божье воздаяние за те страдания, которые я претерпел за свою недолгую жизнь? Но мне не суждено узнать, каковым в конечном счете оказался бы мой выбор. Рыцарь делает выпад, Ги отступает в сторону, поворачивается, поднимает голову и замечает меня. Видит, вне всякого сомнения, ибо у него столь сильно меняется выражение лица, что даже его противник замечает это. Быстро, словно крыса, рыцарь поворачивается ко мне.

Я готов к схватке, хотя вооружен одним лишь ножом. Я хватаю его, но чувствую рукой только ткань. На поясе, где он должен быть, его нет. Собственно говоря, нет и самого пояса. Должно быть, я потерял его в лесу. Ужас бессилия парализует меня.

Рыцарь смущен. По всей вероятности, он принял меня за пажу или крестьянина, случайно оказавшегося на поле битвы. Он колеблется – то ли убить меня сейчас, то ли потом, когда будет покончено с Ги.

Мой господин делает движение. Рыцарь, зная, что он представляет реальную угрозу, поворачивается к нему и поднимает щит.

Моя нога ощущает лежащий на земле камень. Оставаясь незамеченным, я нагибаюсь и подбираю его. Он размером с яблоко и удобно помещается в моей руке. С выработанной годами сноровкой я бросаю его в голову рыцаря.

Меткости мне не занимать. Камень попадает ему в нижнюю часть затылка, непосредственно под край шлема. Он не падает, но явно оглушен и пошатывается. Это только и нужно Ги. Он бросается вперед, вырывает из руки рыцаря меч и приставляет ему к горлу.

– Кто тебя подослал?

Рыцарь не отвечает. Вероятно, он все еще не пришел в себя. Ги так не считает. Он берет меч за лезвие и с силой бьет рыцаря рукояткой

по лицу. Из сломанного носа брызжет кровь.

– Кто?

Рыцарь что-то бормочет, но я не могу ничего разобрать. Как и Ги.

– Этхолд? – переспрашивает он.

Рыцарь кивает и сгибается пополам. Он плюется кровью. Ги делает шаг назад. Я вспоминаю, чему меня учил Горнемант: никогда не убивай рыцаря, который сдается; всегда помни о выкупе.

Отвлеченный своими мыслями, я едва успеваю заметить движение. Раздается свист рассеяемого воздуха, затем слышатся хлюпающие звуки. Я вижу, как Ги извлекает меч из горла рыцаря, и слышу, как капли крови падают на покрытую палой листвой землю. Мой господин вытирает лезвие меча о свою мантию. Он смотрит на меч, затем на меня. На одно ужасное мгновение мне кажется, что он собирается убить меня на месте.

Он хмурится и засовывает меч за пояс.

– Где твой нож?

– Я потерял его в лесу.

Я не смею встретиться с Ги взглядом, но он поворачивается и идет прочь.

– Вы сделаете меня рыцарем? – кричу я ему вслед.

Этот вопрос дерзок, но ведь я только что спас ему жизнь и не готов встретить в ответ свирепый, полный ненависти взгляд, которым он меня наградил мгновение назад.

– Ты спас меня, бросив камень. Любой мальчишка, когда-нибудь охотившийся на голубей, мог бы сделать то же самое.

Мы находим моего коня на краю полосы кустарника. Не спрашивая, Ги садится в седло и едет вперед. Я, спотыкаясь, бреду за ним по выжженному полю. Когда мы достигаем дороги, у меня сердце уходит в пятки: там, где я оставил Аду, ее нет. В грязи на дороге видны следы копыт, и это, я надеюсь, означает, что она отправилась обратно в замок. К счастью, Ги ничего не замечает.

Впоследствии я понимаю, почему он был столь неблагодарен по отношению ко мне – и почему убил рыцаря, тогда как мог получить за него выкуп. Будучи тщеславным человеком, Ги не хотел, чтобы кто-то знал, как близок он был к гибели.

Глава 19

Лондон

– Ты когда-нибудь слышала о человеке по имени Джон Херрин?

Элли прикрывала трубку рукой, хотя дверь ее номера была закрыта. Каким бы бредом она ни считала темные намеки и утверждения Гарри, ей очень не хотелось звонить из офиса. Но мать в последние дни ложилась спать так рано, что в другое время ее было трудно застать бодрствующей.

– Как ты сказала?

Голос матери был усталый и старческий, хотя она еще не достигла пенсионного возраста. Возможно, виной тому были свист и хрип на линии, напоминавшие помехи в диапазоне коротких волн радиоэфира. Придется ей в свой следующий приезд поставить об этом в известность сотрудников телефонной компании.

Элли повторила фамилию по буквам.

– Возможно, он был знаком с отцом.

– А... – послышался вздох, похожий на шелест листьев ивы на ветру, каждый раз, когда разговор заходил об отце, мать реагировала подобным образом. – У Ние было так много друзей, я их знала не очень хорошо. В те времена все было иначе.

Элли глубоко вздохнула.

– Когда отец... умер, это ведь была автокатастрофа, не так ли? Никто тогда не высказывал никаких подозрений?

Последовала долгая пауза.

– Это было так давно, – мать решила больше не говорить на эту тему. – Когда ты приедешь домой, Элеонор?

– Скоро, – Элли почувствовала угрызения совести. – Очень много работы. Но на Рождество я обязательно буду дома.

– А Дуглас?

– У него все в порядке.

– Он тоже приедет на Рождество?

Элли прикусила губу.

- Не знаю.
- Было бы очень хорошо. Вы так хорошо смотрите вместе.

После разговора с матерью Элли вошла в главную систему банка и отыскала счет компании «Спенсер Фаундейшен». Она запомнила ее название по чеку, который они прислали ей, когда она выиграла конкурс на лучшее эссе. Полвечера она с наслаждением прикасалась к твердому кусочку бумаги, символизировавшему благосостояние, и с восхищением рассматривала напечатанный в углу герб. Тогда она впервые услышала о банке «Монсальват». Элли даже подумывала, не оставить ли его себе вместо денег в качестве трофея. Но, в конце концов, пятьсот фунтов – это пятьсот фунтов.

На экране появилась информация о счете. Элли принялась внимательно ее изучать.

За всю историю компания осуществила лишь две сделки. В марте прошлого года были переведены пятьсот фунтов в электронном виде. Спустя два месяца они были изъяты в виде чека, выписанного на имя Элли Стентон. С тех пор этот счет никто не трогал.

Так откуда взялись эти деньги? По префиксу Элли определила, что это еще один счет «Монсальвата». Она открыла его, чтобы ознакомиться с деталями.

«Леграндж Холдинг». Информация об этом сете была более насыщена фактами. Это был непрерывный поток доходов и расходов. Но поскольку деньги путешествовали во всех направлениях, они, судя по всему, исходили из одного источника. И этим источником была английская инвестиционная компания «Сен-Лазар».

Элли почувствовала, как у нее забилося сердце, хотя в ее действиях не было никакого криминала. Она нажала кнопку, чтобы посмотреть счет «Сен-Лазар».

ДОСТУП ЗАКРЫТ

В комнате запахло дымом сигары. Элли подняла голову. Прислонившись к двери, стоял Бланшар и наблюдал за ней с обычным для него непроницаемым выражением лица. Как долго он находится здесь?

- Я не слышала, как вы постучали.

Стараясь выглядеть как можно более беспечной, Элли небрежным движением закрыла открытое на экране окно.

– Ты была так сосредоточена. Я не хотел мешать.

– Я просто устала.

На секунду она представила, что рассказывает ему все – про Гарри, Брюссель, Джона Херрина. Все, что она хотела от Бланшара – чтобы он ее обнял и успокоил. Гарри был не более чем фантазером, безумцем, стремившимся пожить с ее помощью и за ее счет.

Однако в его истории было нечто такое, что побудило ее отогнать от себя эти мысли. Не голые факты, представлявшиеся невероятными, а сопутствующие им явления. Молчание матери при упоминании имени Джона Херрина. Счета «Спенсер Фаундейшен». Секреты, скрывавшиеся за словами ДОСТУП ЗАКРЫТ.

Бланшару нельзя ничего говорить, пока не убедишься в достоверности.

Видя задумчивое выражение на ее лице, банкир решил, что Элли действительно устала.

– Наверное, тебе нужно отдохнуть. Я зашел спросить, не хочешь ли ты сегодня вечером поужинать со мной. Правда, будут присутствовать наши клиенты, – добавил он извиняющимся тоном, – но они вполне цивилизованные люди.

Казалось, его взгляд пронзает ее насквозь, и он видит, как сердце стремится вырваться у нее из грудной клетки. Элли понимала, что ей не следует соглашаться. В течение всех трех недель, проведенных в Брюсселе, она убеждала себя в том, что это было помрачение рассудка, и о том, что случилось, нужно как можно быстрее забыть. Но Бланшар пробуждал в ней животный инстинкт, затмевавший все доводы разума.

– С удовольствием.

Произнеся это, Элли уже знала, что она сначала заедет домой, переоденется и захватит с собой ваннные принадлежности. На всякий случай.

Услышав звуки шагов в коридоре, Бланшар отвел от нее свой пронзительный взгляд. Дверной проем заполнила крупная фигура Дестриера. Он с такой яростью посмотрел на Элли, что та подумала, не совершила ли она что-нибудь страшное.

– У вас найдется для меня пара минут? – спросил он Бланшара.

– Они добрались до нее.

Дестриер мерил шагами свой офис. Он был зол. Его лицо заливал пот, хотя кондиционер поддерживал в помещении постоянную температуру двадцать градусов, а мониторы заливали ее прохладным умиротворяющим светом.

– Она пыталась получить доступ к счету компании «Сен-Лазар».

– Ну и что? Она работает над их сделкой.

– Взгляните на последовательность ее поиска, – Дестриер показал на экран. «Спенсер Фаундейшен», холдинг «Леграндж», «Сен-Лазар». Мисс Стентон следует за деньгами. Кроме того, она только что звонила своей матери, чего почти никогда не делает, и задавала ей странные вопросы.

Он нажал кнопку. Комнату заполнил голос Элли, звучащий из скрытых динамиков – настолько естественно, что казалось, она в этот момент говорила в микрофон.

«Когда отец... умер, это ведь была автокатастрофа, не так ли? Никто тогда не высказывал никаких подозрений».

– С чего это она вдруг заинтересовалась событиями давно минувших дней?

– Я полагаю, это входит в ваши обязанности – находить ответы на подобные вопросы, – язвительно заметил Бланшар.

– Нетрудно догадаться, кто подбросил ей информацию. Но каким образом и когда, совершенно непонятно.

– Я приказал вам следить за ней.

– Вы также приказали мне делать это осторожно, чтобы не вызвать у нее подозрений. Она неглупа и сразу бы заметила чересчур плотную опеку. Один из моих ребят решил, что она его вычислила в художественной галерее в Брюсселе.

Дестриер задумался на секунду.

– У нас имеется устройство, которое можно установить в ее телефон, и оно будет функционировать как микрофон. Оно будет действовать даже при выключенном телефоне. Правда, эта штука быстро сажает аккумулятор, и мисс Стентон может заметить, что что-то не так.

Бланшар кивнул.

– Устанавливайте. Включайте это устройство, когда она задерживается где-то хотя бы на пять минут, отсутствуя в офисе и

дома, и вы не видите ее.

– И ночью тоже? – Дестриер взглянул на него с лукавой усмешкой, но Бланшар предпочел этого не заметить.

– Ночью в особенности.

– Если вас это интересует, она еще ничего не говорила своему другу, – сообщил Дестриер вслед Бланшару, направившемуся к двери.

Оксфорд

Она сказалась больной и хотела отменить встречу. Хотя это был его день рождения, к которому Дуг готовился несколько недель, Элли почти убедила себя, что для него самого будет лучше, если она не приедет. Однако это было бы непростительной трусостью. Единственным утешением для нее в этой ситуации оставалось сознание того, что Дуг не знает о ее чудовищном предательстве. Нанесение ему обиды, пусть даже неизмеримо меньшей, стало бы непереносимой пыткой для нее самой. Поэтому она все-таки поехала.

Во вторую неделю декабря Оксфорд превратился в призрак. Студенты разъехались по домам, увезя с собой шум, самоуверенность и беззаботность, свойственную только молодости. Им на смену приехали абитуриенты-вундеркинды, надеявшиеся на то, что однажды университет будет принадлежать только им. Испытывая жажду общения перед нелегкими испытаниями, они сбивались в группы по двадцать-тридцать человек и бродили по улицам. Пять лет назад Элли была на их месте. Она вглядывалась в лица молодых людей и пыталась определить, кем они станут.

Дуг догадывался, что что-то не так. Она то и дело ловила на себе его тревожный взгляд. Он раз десять спросил ее, как она себя чувствует. Элли вымучивала улыбку и отвечала, что все в порядке, просто у нее было много работы. Потом он перестал спрашивать, но озабоченное выражение так и не исчезло с его лица. Каждый раз, когда Дуг открывал рот, даже для того, чтобы прочистить горло, она сжималась от страха. *У тебя появился кто-нибудь? Ты изменяешь мне?* Но он так и не задал эти вопросы.

В субботу вечером она привела Дуга в ресторан на Бэнбери-роуд, чтобы отпраздновать его день рождения. В студенческие годы Элли

пару раз заглядывала в ресторанное меню, и указанные там цены вызывали у нее смех. Теперь же они казались ей вполне умеренными. Зал ресторана располагался внутри зимнего сада и был украшен китайскими фонариками. Элли он казался поистине волшебным местом. Дуг чувствовал себя не в своей тарелке. Он явно напрягся, когда официантка стала расстилать на его коленях салфетку, и сидел так, пока она не ушла. Когда она подходила к их столику, чтобы подлить в бокалы вина, он тут же замолкал, о чем бы ни шел разговор, и опускал глаза в тарелку. Элли же едва замечала ее.

Дуг попытался заказать себе ризотто, самое дешевое блюдо в меню. Элли настояла на бифштексе и бутылке вина Сен-Эмильон, которое она пила за одним из ужинов с Бланшаром.

– У тебя же сегодня день рождения, – напомнила она. – Мы должны отметить его как следует.

Она протянула ему небольшую коробочку и стала наблюдать за тем, как он ее открывает.

– Часы.

Это были часы «Омега», приобретенные ею в магазине беспопытной торговли брюссельского аэропорта. Дуг без особого энтузиазма снял свои часы и примерил подарок.

– Не нужно было, – пробормотал он. – Старые еще нормально работают.

Элли вспомнила, что эти часы ему подарил отец по случаю окончания колледжа.

– Время от времени в жизни нужны перемены.

Для нее, испытывавшей чувство вины, даже это простое замечание было исполнено двойного смысла. Она съежилась. Интересно, заметил ли это Дуг?

Нельзя испортить ему день рождения.

Он поднял бокал.

– Очень рад тебя видеть.

– С днем рождения!

Они осторожно чокнулись, словно боясь что-то разрушить.

– Я думал о Рождестве, – сказал Дуг. – Понятно, уже поздно, но, может быть, мы могли бы уехать, снять где-нибудь коттедж. Возможно, даже за границей. Колледж предоставил мне стипендию для поездки в Париж, и у меня еще остались кое-какие деньги. Полагаю, ты можешь

себе позволить это, – он перегнулся через стол и закрыл ее ладонь своей рукой. – Мы смогли бы провести хотя бы немного времени вместе.

Элли заерзала в кресле. *Я сплю с другим.* Ей захотелось выкрикнуть эти слова так громко, чтобы стеклянные стены разбились вдребезги, рухнула крыша и уютное тепло зимнего сада растворилось в ночи.

– Я обещала маме провести Рождество с ней.

Когда наступит Рождество, ты больше не захочешь меня видеть, подумала она.

Для Элли было невыносимо видеть разочарование на его лице – суррогат тех чувств, которые он испытал бы, узнав о ее измене.

– Может быть, в феврале, на нашу годовщину.

Нельзя испортить ему день рождения.

Дуг потирал пальцами металлический браслет своих новых часов, словно он вызывал у него зуд.

– Как идет твоя работа? – спросила Элли, чтобы сменить тему.

Его лицо просветлело.

– Очень хорошо. Помнишь поэму, о которой я тебе говорил? Я послал владельцу пергамента, старику в инвалидном кресле, некоторые свои соображения, и они ему очень понравились. Он пригласил меня в Шотландию, чтобы я мог увидеть оригинал. Предложил оплатить мне билет на поезд и другие расходы.

– Когда ты едешь?

– Я уже съездил. В прошлый уик-энд. Он сказал, что я могу взять с собой свою подругу, но ты была в Брюсселе или еще где-то.

Постоянные упреки. Каким-то образом Элли черпала в них силу. Так ей было легче обдумывать свои дальнейшие действия.

– Ну и как поездка?

– Изумительно. Тебе следовало бы увидеть это место. Я дважды менял поезда, сначала в Эдинбурге, потом в Инвернесе. На станции меня встретил помощник старика на «Ленд Ровере», и мы еще около часа ехали по горам. Только я подумал, что мы заблудились, как за очередной грядой показался замок на вершине скалы, высившейся над лесом. Он был сооружен примерно в XIV веке. Замок до сих пор окружает ров, хотя в XVIII веке, когда там разбивали сады, его пытались засыпать.

Официантка принесла их заказ.

– Было уже почти темно, когда мы добрались туда. Помощник ввел меня в просторный средневековый зал с подбалочниками, стенами, увешанными гобеленами, и камином. Представляешь, там можно было припарковать автомобиль. Посредине стоял стол в окружении двадцати стульев, и один из них был предназначен специально для меня. Мистер Спенсер не мог разделить со мной ужин и должен был присоединиться ко мне уже после.

Дуг заметил удивленное выражение на лице Элли.

– Мистер Спенсер – это тот самый старик в инвалидном кресле. Вообще, атмосфера там жутковатая. На стенах развешаны около сотни оленьих голов, и мне все казалось, что будто они внимательно наблюдают за мной. К тому же на стол подали оленину. После ужина в зал вкатился Спенсер в своем инвалидном кресле. Его сопровождал помощник с кожаным чемоданчиком в руках. Там и находился лист пергамента с текстом поэмы.

– Это и был подлинник?

Дуг отрезал кусок бифштекса.

– Я не специалист, но этот пергамент показался мне аутентичным. На нем были видны следы воздействия кислоты. Я поинтересовался, не проводилась ли экспертиза, и помощник сообщил, что, как было установлено, пергамент относится к XII веку. Представляешь! Мистер Спенсер отказался от почерковедческой экспертизы, поскольку не хотел, чтобы кто-то прочитал поэму. Вполне логично. Я сказал, что мало смыслу в палеографии, но текст определенно принадлежит к этому периоду.

– Так что ему было нужно от тебя?

– Мистер Спенсер полагает, что поэма таит в себе загадку. По его мнению, в ней зашифровано местонахождение спрятанных сокровищ или что-то в этом роде, – Дуг округлил глаза, – по крайней мере, так сказал помощник. Старик за все время не произнес ни слова. Только сидел, не вынимая изо рта респиратора.

Элли наполнила бокалы вином.

– И что ты думаешь по этому поводу?

– Рукопись действительно таит в себе загадку, но она не имеет никакого отношения к спрятанным сокровищам, – Дуг наклонился через стол, сжав бокал в руке. – Вопрос в том, кто написал ее.

По лицу Дуга было видно, что у него имеется на этот счет чрезвычайно вдохновляющая его идея. Девушка смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– И?

– Я не могу тебе сказать.

Она положила руки на стол.

– Почему?

Дуг виновато улыбнулся.

– Мне очень хотелось бы, но я подписал соглашение о конфиденциальности. – Дуг наклонил голову в сторону соседнего столика, за ним сидела группа хорошо одетых молодых людей и девушек, они громко разговаривали и смеялись. Понизив голос, он шутливо добавил: – Никогда не знаешь, кто может тебя подслушать.

Они слушают вас, Элли. Постоянно.

Неожиданно чугунные решетки и стеклянные стены зимнего сада показались ей клеткой. Элли поехала. Дуг ничего не заметил.

– Я полночи изучал пергамент. Поэма включает всего восемь строк, но я хотел запомнить каждую деталь, каждый завиток. Я впитал ее в себя. Утром экономка забрала у меня пергамент, свернула в трубку и унесла. Помощник отвез меня обратно на станцию, и я вернулся в Оксфорд, – он встряхнул головой и задумчиво добавил: – Иногда я спрашиваю себя, не приснилось ли мне все это.

Рассказ о поездке в Шотландию явно улучшил Дугу настроение. Его скованность испарилась. С неподдельным энтузиазмом он принялся за свой бифштекс. Вино в бутылке очень скоро закончилось. Когда официантка убрала со стола тарелки и спросила, не желают ли они десерт, Элли взглянула на Дуга и увидела на его лице знакомую многозначительную улыбку.

– Пожалуйста, счет.

Впоследствии Элли поняла, что это была непростительная ошибка. Ей следовало сказать ему правду. Она никак не могла выбрать подходящий момент. В ту ночь они спали вместе, впервые за многие недели. Когда воскресным утром она проснулась, Дуг уже готовил на кухне завтрак. Они прогуливались по университетскому парку, побледневшему от мороза и зимнего солнца, и каждый раз, когда Элли набиралась смелости для решительного объяснения, все вокруг

казалось настолько прекрасным, что ей не хотелось портить этот день. Возможно, это происходило потому, что их отношения почти закончились, но Дуг уже давно не казался ей таким близким, как сейчас. Все ее чувства были обострены. Элли отчетливо ощущала его запах, когда прижималась к нему на парковой скамейке, и прикосновение его губ, когда он целовал ее. Они весело смеялись, сидя в баре за бокалом глинтвейна. Все это напоминало ей первые недели, проведенные вместе с ним. Элли вернулась в Лондон, так ничего и не сказав ему.

Возвращаясь в понедельник после работы в Барбикан, она увидела стоявший у обочины «Бентли». Водитель опустил стекло.

– Мистер Бланшар хотел узнать, не согласитесь ли вы поужинать с ним сегодня.

Элли ответила без малейших колебаний:

– Подождите, я только захвачу с собой кое-что.

Следующим вечером было то же самое. Когда в среду «Бентли» у ее дома не оказалось, Элли охватила паника. Весь вечер она перебирала в памяти события этого дня, гадая, чем могла не угодить Бланшару. Но в четверг, как потом и в пятницу, автомобиль был на привычном месте.

В скором времени Элли поняла, что стала... кем же? Любовницей Бланшара? Он не был женат, и ее отношения с Дугом фактически закончились. Его подругой? Это слово звучало нелепо применительно к Бланшару, который, по всей видимости, не имел подруги лет с двадцати пяти, если ему вообще было когда-нибудь двадцать пять. Представить этого человека без возраста молодым было чрезвычайно трудно.

Потом Элли остановилась на определении «возлюбленная». Оно было изысканным, что ей нравилось, и слегка старомодным, как сам Бланшар. К тому же оно точно отражало их отношения. Сколько бы ни было ужинов, концертов, встреч с клиентами, суть этих отношений проявлялась там, где они начались, – в спальне.

А возможно, она была для него чем-то бóльшим, нежели просто возлюбленной. Иначе Бланшар вряд ли вызвал бы ее в следующий понедельник к себе и взял с собой на седьмой этаж.

Глава 20

Нормандия, 1135 г.

Из-за сильного дождя деревянная крыша замка протекает. В камине тлеют угли, зал заполняется удушливым дымом. Ги в раздражении ходит взад и вперед, в то время как Горнемант, Джоселин и полдюжины рыцарей, которых ему удалось созвать, стоят в почтительном ожидании. Я тоже стою, опершись спиной о гобелен, и понимаю, что должен сосредоточить внимание на том, о чем они собираются вести разговор, но могу думать лишь про Аду. Мне известно, что она вернулась в замок, целая и невредимая, и я не могу побороть желания видеть ее. Я вспоминаю мягкую кожу ее груди, вкус ее губ, ее роскошное тело. В ярости от того, что не в силах удовлетворить свою страсть, я сжимаю кулаки.

Ги ведет речь об Этольде дю Лорьере, своем соседе. Я никогда не видел его, но много слышал. Если у Ги пропадает овца, сгорает стог сена или кто-то крадет плуг, он обвиняет в этом Этольда. Вполне вероятно, что Этольд то же самое говорит о Ги.

– Пока мы охотились, они напали на Массиньи, – сообщает Горнемант. Массиньи – деревня, расположенная неподалеку от границы владений Ги. – Они убили трех человек и еще дюжину увели с собой.

Ги ударяет ладонью по колонне. Он отнюдь не скорбит. Его не может заботить жизнь нескольких крестьян. Он возмущен причиненным ему ущербом – как моральным, так и материальным. Теперь ему придется платить выкуп за пленных, и если он не выкупит их, крестьяне задумаются, не поменять ли им господина.

– Если он хочет войны, он ее получит.

Это небольшая, но жестокая война. Она приносит много страданий, хотя и не так много смертей. Трудно убивать, когда рука промерзла до кости, рубаха промокла насквозь, и меч затупился от покрывшей его ржавчины. Об этом никогда не сочинят

захватывающую историю. Иногда мне приходит в голову мысль, не я ли навлек на Ги эти несчастья – не является ли эта война Божьим наказанием за мой грех. Однако это не удерживает меня от дальнейших прегрешений. Очень трудно поддерживать любовную связь в замке, находящемся в состоянии войны, – события непредсказуемы, коридоры многолюдны, все настороже. Но нам удается это делать. Каждая встреча проходит стремительно, хотя страх перед разоблачением добавляет горечи в наши встречи. Иногда Ада плачет и говорит, что больше так не может. Я прижимаю ее к себе и рассказываю ей о том, как сильна моя любовь к ней.

Оставшись один, я вспоминаю наши встречи. Они происходят в конюшне, за грудой сена, в ее спальне, когда Ги отсутствует, в кладовой в задней части башни, где вокруг мешков с зерном бегают мыши. Мы встречаемся в перерывах между сражениями этой невидимой войны, которая ведется против всего мира. Я вспоминаю прикосновение ее тела и чувствую свои раны.

Война заканчивается в марте.

Туманное утро. Мир зажат между зимой и весной. Голые деревья как будто плывут в тумане. Восходящее солнце золотит небо. Мы втроем едем верхом по лугу на склоне холма, охраняя наши земли от людей Этольда. Но в таком тумане враги могут проехать мимо в сотне метров и остаться невидимыми для нас.

Впереди едет Джоселин. В нескольких шагах следуем за ним мы с Уильямом, одним из оруженосцев. Я и Джоселин никогда не будем друзьями, но со временем мы научились игнорировать друг друга. Мы полностью вооружены, за исключением шпор, вручением которых ни одного из нас еще не удостоили. Вес доспехов уже давно привычен, они стали второй кожей. Я благодарен стеганой куртке, согревающей мое тело.

Джоселин останавливается и внимательно изучает следы копыт на земле. Ночью шел дождь, и эти следы были свежими.

– Всего один, – бормочет Уильям.

Джоселин бросает на него уничтожающий взгляд.

– Только если он ехал на лошади с десятью ногами. Посмотри, как близко расположены следы. Они ехали друг за другом, чтобы скрыть свою численность.

Мы едем по следу вниз по склону холма. Наши противники переправляются через реку, стараясь сохранять тот же четкий строй в воде, хотя это и трудно, как трудно взбираться на уже утоптаный берег. По следам мы определяем, что их пять или шесть. Судя по глубине следов, всадники обладают большим весом.

– Нужно возвратиться и предупредить Ги.

Теперь моя очередь испытать на себе презрение со стороны Джоселина.

– Предупредить о том, что кто-то оставил следы на его земле? Ему потребуется нечто более существенное, нежели эта ерунда.

Внизу, в долине, туман гуще, чем на склоне холма, но я знаю, что в нескольких сотнях метров вверх по реке, за ее поворотом, находится деревня. Это часть земель Ады. Теперь они принадлежат Ги. Этольд давно зарится на них из-за мельницы. Если бы он мог продавать муку вместо зерна, поставляемого ему арендаторами, то получал бы больше денег и приобретал бы новые земли. У него четверо сыновей и тщеславная молодая жена, и он нуждается в расширении своих владений.

Мы привязываем наших лошадей к ивам и пробираемся вверх по реке к деревне, затем переправляемся на другой берег по плотине. Обычно мельник взымает с путешественников плату за использование ее в качестве моста, но сейчас здесь никого нет. Мы проползаем по скользким доскам, под нами пенится вода.

Деревня тянется вдоль ухабистой дороги. Она состоит из деревянных домов под соломенными крышами, опускающимися так низко, что они почти касаются земли. Крадясь от дома к дому, мы добираемся до маленькой церкви с окружающей ее крытой галереей. Когда-то мать рассказывала мне, что такие галереи возводили для того, чтобы устраивать могилы в сухом месте. Теперь же покойники мокнут на церковном дворе, а галерея служит приютом для торговцев, бродяг, монахов и молодых любовников. Этим утром она пуста. Все жители деревни согнаны на треугольный луг перед церковью и стоят там под присмотром четырех конных рыцарей. Они обнажили мечи. Пятый, облаченный в красный плащ и с красным щитом, держит перед ними речь.

Джоселин дергает меня за рукав.

– Этольд, – шепчет он мне. – Возвращайся в Отфорт и приведи сюда отца.

Я дрожу, но уходить не желаю.

– Пошли Уильяма.

Джоселин хмурится, но здесь не место для споров. Уильям двумя годами моложе меня, с длинными рыжими волосами и лицом, похожим на сыр. Он сделает все, что ему прикажут.

– Скачи в замок. Скажи Ги, что Этольд находится здесь всего с четырьмя рыцарями. Приведи его сюда как можно быстрее.

Уильям крадется назад. Прячась за церковной стеной, мы с Джоселином слушаем, что говорит наш недруг. Все, что нам видно, – конус его шлема и острие его копья.

– Отныне все налоги вы платите мне.

Этольд гарцует на лошади перед жителями деревни. Мы видим, как перемещается его шлем над церковной стеной. Вероятно, кто-то из крестьян что-то неожиданно спрашивает, поскольку шлем застывает на месте, и Этольд кричит:

– Ги де Отфорт больше не ваш господин. Разве он может защитить вас?

Копье поднимается вверх и опускается вниз. До нас доносятся ворчание и крик. Должно быть, он ударил им какого-то несчастного по голове.

– Где мельник?

Слышно, как, шаркая ногами, расступается толпа.

– Теперь ты мой арендатор. За снабжение мукой моего врага Ги де Отфорта твоя мельница конфискуется.

Я помню мельника, поскольку видел его раньше. Это пожилой человек с седыми волосами и белоснежной кожей – как будто мука проникла в каждую его пору. Он говорит громко и отчетливо:

– Мельница является моим наследственным имуществом. Она всегда принадлежала нашей семье.

– До этого момента.

– Что же унаследует мой сын? – В голосе мельника звучат нотки отчаяния.

– Твой сын? Это он? – шлем слегка поворачивается и наклоняется вперед. – Это правда, что ты беспокоишься по поводу своего наследства?

Я не слышу ответа. Этольд тоже.

– Говори.

– Да.

– Да?..

– Да, мой господин.

– То-то.

По всей видимости, Этольд раздумывает. Затем я едва успеваю заметить, как его копьё совершает полуоборот и исчезает из вида. Раздаются женские крики. По толпе прокатывается глухой ропот, но рыцари Этольда приближаются к крестьянам, и ропот стихает. Только крики, переходящие в бурные рыдания, доносятся до нас.словно у кого-то разрывается сердце.

– Теперь тебе не нужно беспокоиться по поводу своего наследства.

Шлем движется в сторону. Острие копья поднимается над церковной стеной вновь, оно обагрено кровью.

Один за другим жители деревни подходят к Этольду и приносят ему присягу на верность. Я не вижу, а лишь представляю, как они становятся на колени в грязь рядом с истекающим кровью телом. Над деревней повисает пелена страха. Крестьяне боятся не столько Этольда, сколько Ги. Через месяц или через год он победит в этой войне, после чего будет также гарцевать перед ними на лошади, требуя принесения присяги на верность, и очередной отец потеряет сына ради устрашения остальных.

Пол галереи скрипит. Беззубый человек в обвисшей шапке заглядывает внутрь ее и в ужасе смотрит на нас. Я подношу палец к губам, и мы машем ему руками, призывая его молчать.

Но его колени уже испачканы грязью после принесения присяги на верность Этольду. Он знает, как угодить своему новому господину.

– *Это сын Ги!*

Мы мчимся по дороге в сторону мельницы. Копыта разрывают землю у нас за спиной. Я бегу так быстро, что мое сердце выпрыгивает из груди, но доспехи висят на теле тяжким бременем. Передо мной появляется река. Стук копыт отдается в моих ушах. Мы перебегаем плотину по предательски ненадежным доскам так быстро, что не успеваем упасть в воду. Сзади раздается лязг копья о камень, и я оборачиваюсь.

Рыцари Этольда останавливаются у края воды. Река слишком быстрая, а плотина не смогла бы выдержать их веса. Им придется спуститься вниз по течению к броду, а это даст нам время, чтобы уйти от погони.

Но брод находится не так далеко, и мы, отвязывая наших лошадей от ив, теряем драгоценные минуты. Мы скачем по следам Уильяма вверх по склону холма из тумана в направлении Отфорта. Перед нами открытая пустошь, удобная для верховой езды.

Сзади до нашего слуха доносятся звуки рога. Обернувшись, я вижу пятерых всадников, преодолевающих вершину холма. Они появляются из тумана, словно волны из моря. Острия их копий сверкают в солнечных лучах. Этольд видит Джоселина. Он знает, что если захватит его, то поставит Ги шах и мат.

И мне известна моя роль в этой шахматной партии. Я – прорвавшаяся вперед пешка, защищающая более уязвимые фигуры. Я встаю в стремях и наклоняюсь вниз. Конская грива бьет мне в лицо. Что-то пролетает по воздуху справа от меня – стрела. Я скачу с такой скоростью, что едва не обгоняю ее. Они не могут пробить мои доспехи, но могут ранить коня. Я бью его по бокам ногами, хотя он и без того мчится изо всех сил.

Передо мной появляется невысокая стена. Мой конь преодолевает ее без особого труда, но скачущий сзади конь Джоселина не столь удачлив. Я слышу его крик и звук падения. Обернувшись, я вижу черного коня, корчащегося на земле и бьющего копытами воздух. Рядом с ним лежит Джоселин.

Для принятия решения у меня есть лишь доля секунды, и я действую без колебаний. Я с удовольствием посмотрел бы, как конь Этольда втаптывает Джоселина в грязь, но Ги никогда не простил бы мне это. Я натягиваю поводья, разворачиваюсь и мчусь в сторону наших преследователей. Подняв копье, я целюсь в самого маленького из них. Рыцарь вытаскивает из ножен меч и пришпоривает коня.

Это отнюдь не похоже на тренировочную схватку в саду замка. Здесь яблони не качаются на ветру, и все происходит в два раза быстрее. Ветер выбивает слезы из моих глаз. Я ощущаю в ладони твердое шершавое древко. Мой противник поднимает щит. Я целюсь в него копьем и вспоминаю все, чему учил меня Горнемант.

Я проскакиваю мимо – и промахиваюсь. Непонятно, почему. Может быть, это трусость? Может быть, я оробел в решающий момент и провалил свой первый экзамен на звание рыцаря? У меня нет времени на размышления. Передо мной следующий противник. Он не ожидал, что я прорвусь. Его щит висит за спиной, меч покоится в ножнах.

Я не намерен промахиваться еще раз. Подняв копьё, я прицеливаюсь прямо в его открытое лицо. Горнемант не одобрил бы это – он говорит, что нужно целиться в тело, самую крупную цель – но я хочу не сбросить врага с лошади, а убить его.

На сей раз я ничего боюсь. Мое копьё туго входит в живую плоть и застревает там. Извлечь его не представляется возможным. Я вынужден отпустить древко, иначе вылетел бы из седла. Моя рука дрожит и немеет, и только позже я понимаю, что острие копья прошло сквозь череп и уткнулось в заднюю часть шлема. Я разворачиваю коня и смотрю назад.

Рыцарь валится в седле вперед, копьё все еще торчит из его головы, подобно клюву цапли. Теперь я вижу рисунок на щите, прикрепленном к спине, – красное поле и белая полоса. Это герб Этольда.

Остальные рыцари прыгают с лошадей, бросают на землю оружие, срывают с себя шлемы. Я думаю, гибель Этольда потрясла их. Затем я вижу дюжину рыцарей, скачущих в нашу сторону. Возглавляет кавалькаду Ги на своем гнедом коне, за ним развевается его знамя. Он выпрыгивает из седла и бежит к Джоселину, который стонет и трет голову. Он будет жить – по крайней мере, столько, сколько потребуется, чтобы рассказать историю о том, как я его спас.

Теперь Ги наверняка произведет меня в рыцари.

Глава 21

Лондон

– Пойдем со мной.

Не было никакого предупреждения, никаких комплиментов, которые он обычно говорил, оценивая ее платье или прическу. По его тону ничего нельзя было понять. Элли даже не успела рассмотреть выражение его лица, поспешив вслед за ним в кабину лифта. Выйдя из своего кабинета, она краем глаза заметила на ковре возле двери кучку пепла и подумала: интересно, сколько времени простоял здесь Бланшар.

Они постоянно слушают вас, Элли.

В лифте он вынул из кармана карту-ключ и вставил ее в небольшую щель, которую Элли никогда раньше не замечала. На панели высветилась кнопка седьмого этажа.

– Нажми ее.

Элли повиновалась. Возможно, она ожидала этого, но кнопка оказалась более упругой, нежели другие, как будто она была сделана из другого материала или к ней был подключен отдельный механизм. Лифт начал двигаться – не вверх, а вниз. Лампочки на панели мерцали, показывая его прохождение по шахте. Второй этаж... первый... подвал 1... подвал 2... и вдруг – седьмой этаж.

– Не все находится там, где ты ожидаешь это найти.

Лифт задрожал и остановился. В тот самый момент, когда открылись двери, на Элли словно дохнуло само время. Она ощутила сырой, темный запах чего-то, что здесь хранилось веками. Интересно, на какой глубине они находятся? Лампа в кабине лифта выхватила из темноты квадрат пола, выложенного каменной плиткой. Все остальное тонуло во мраке.

Неожиданно все вокруг вспыхнуло ярким светом. Как только Бланшар вышел из кабины лифта, загорелись скрытые фонари, осветившие небольшую квадратную комнату, заключенную между старинными каменными стенами. В стенах были вырезаны полки.

Казалось, даже камень должен был проседать под тяжестью лежавших на них сокровищ: тарелки и кубки, супницы и подносы, чаши и канделябры. Они сверкали, распространяя по полу захлестывавшие друг друга волны серебристого и золотого цвета.

Ослепленная этим блеском, Элли машинально двинулась к полкам. Она потянулась к тарелке, украшенной рельефным изображением сошедшихся в поединке рыцарей. Бланшар перехватил ее руку, сжав запястье.

– Не прикасайся здесь ни к чему. Каждый предмет снабжен сигнальным устройством.

– Откуда все это взялось?

– Невостребованные активы. Мы собираем это столетиями.

Посреди комнаты стояли четыре каменные колонны, поддерживавшие сводчатый потолок. В центре между ними располагался постамент, на котором стоял золотой кубок в стеклянном ящике, подсвечиваемый фонарями. Это был единственный предмет в комнате, защищенный стеклом, хотя Элли не могла понять, в чем состоит его особая ценность.

Бланшар ослабил галстук, расстегнул воротник, засунул руку под рубашку и снял с шеи тонкую цепочку с золотым ключом. Он подошел к кубку. Свиные каменные лица – странные чудовища из легенд – украшали четыре угла постамента. Бланшар вставил в рот одного из них – рогатого змея – ключ и повернул его.

Элли ничего не увидела. Бланшар сделал шаг в сторону и убрал ключ под рубашку.

– За твоей спиной.

Элли обернулась. Двери лифта все еще были открыты, но вместо задней стенки с зеркалом появилась массивная дубовая дверь. Они снова вошли в лифт. Бланшар вынул тот же ключ и вставил его в замочную скважину. Черный железный замок выглядел слишком старым и массивным для блестящего золотого ключа. Где-то на уровне подсознания Элли отметила, что на сей раз Бланшар повернул ключ по часовой стрелке, будто запирая замок.

Дверь распахнулась без скрипа – ни единого признака ржавчины на петлях. Банкир пригласил Элли войти.

Девушка переступила порог и замерла, покачиваясь в темноте, словно былинка на ветру. Она вытянула вперед руку, ощупывая

темноту в поисках возможных препятствий, и ничего не почувствовала. Однако ее рука, должно быть, пересекла какой-то невидимый луч. Зажглись скрытые фонари, как до этого в комнате, осветив длинную галерею с низким сводчатым потолком. Два ряда квадратных колонн делили ее на три коридора на всю длину. Здесь не было ни полок, ни сокровищ. В нишах боковых стен располагались железные двери, как в печах для выпечки хлеба. На каждой из них был изображен свой герб.

– Здесь покоились останки монахов. – Бланшар говорил почти шепотом, будто души монахов все еще присутствовали здесь. – При переоборудовании подвалов мы убрали кости.

Элли испытала острый приступ жалости, и ей даже показалось, будто до ее слуха доносятся стенания непогребенных мертвых. Ее начала бить мелкая дрожь. Здесь, в недрах города – очень древнего, несмотря на все небоскребы и оптоволоконную связь, – представить подобное было довольно легко.

Она обернулась.

– Зачем вы привели меня сюда?

– Я хотел, чтобы ты поняла, в какие глубины уходит история банка. «Монсальват» занимает это место на протяжении пяти столетий. Ты слышала историю о том, что этот дом был возведен на руинах здания ложи тамплиеров?

Элли кивнула.

– А здание ложи было построено на фундаменте норманнской церкви, которая, в свою очередь, имела подвал, сооруженный еще саксами. – Бланшар кивнул на кирпичную кладку, а затем на располагавшиеся ниже более мелкие, грубо обработанные камни, – на каком месте они строили, кто знает? Здесь время неотделимо от пространства.

Бланшар провел девушку дальше, где между каменными плитами пола еще сохранилась древняя мозаика.

– Мы думаем, эта мозаика имеет римское происхождение. Разумеется, ни один археолог никогда здесь не был.

В двух третях длины галереи ее под прямым углом пересекал второй коридор. Элли поняла, что, должно быть, он отражал форму церкви, которая некогда высилась над ним. Она попыталась вспомнить расположение коридоров «Монсальвата» и понять, сколько осталось от

древнейших планов здания, похороненных под современной планировкой.

Что же связывало современную историю банка с прошлым? По предположению Элли, это был железный люк, расположенный в полу в дальнем, восточном конце. Она увидела в тусклом свете изображенный на нем герб банка – хищного орла с копьём в когтях. Приближаясь к одному из склепов в стене, Бланшар постарался обойти этот люк. Он явно испытывал к нему нечто похожее на священный трепет. Произведя несколько быстрых движений по поверхности, он повернул ручку и открыл склеп. Приподнявшись на цыпочках, Элли заглянула через его плечо, но ничего не увидела.

– Существует и другая причина, почему я привел тебя сюда.

Бланшар достал из склепа небольшую кожаную коробку и протянул ей. Элли развязала кожаную ленточку, и коробка раскрылась на две половинки, словно птица, распластавшая крылья. Между ними на подушечке из грубой шерсти лежало золотое кольцо с красным камнем размером с лесной орех.

– Я хотел, чтобы оно стало твоим.

Для ее безымянного пальца оно оказалось слишком большим, но идеально подошло к среднему пальцу. Элли воззрилась на матовый отблеск золота на фоне своей белой кожи и огонь, пылавший внутри рубина. Внутри у нее все оборвалось. Неужели он?..

– Это отнюдь не предложение руки и сердца, – проговорил Бланшар таким тоном, словно для него подобные вещи были сущей банальностью, – это старинное кольцо, принадлежащее моему роду. Оно освящает наши привязанности, приносит нам удачу, – он улыбнулся. – Это кольцо власти.

Комната наполнилась ревом, будто долго спавший дракон проснулся в своем логове и обнаружил, что часть его запасов похищена. Стены сотрясались. Элли в ужасе прильнула к Бланшару. Он обнял ее и ухмыльнулся.

– Центральная линия подземки проходит совсем недалеко отсюда. Когда в девятнадцатом веке прокладывали туннель, мы приложили все усилия, чтобы изменить его направление, дабы он не прошел через наш подвал. Как любит говорить мистер Сен-Лазар, настоящее всегда вторгается в прошлое и наоборот.

Вивиан наклонился и поцеловал Элли. Прикосновение его холодных губ вызвало у нее дрожь, но его язык был влажным и теплым. Она ощутила во рту вкус табака. Бланшар притянул ее к себе и сжал в объятиях.

– Тебе понравилось кольцо?

Элли подняла руку, наслаждаясь тяжестью драгоценности.

– Даже не знаю, что сказать.

– Я не буду говорить тебе, когда оно было сделано. Но ты должна беречь его.

Дверь подвала зазвенела, словно колокольчик, когда Бланшар закрыл ее. Он взял Элли за руку, повел обратно к лифту и вдруг остановился.

– Министерство финансов Люксембурга объявит о решении по поводу «Талуэт» на следующей неделе, двадцать второго декабря. Мишель Сен-Лазар пригласил меня провести Рождество в его доме в Швейцарии. Он спрашивал, не захочешь ли приехать и ты.

Он сказал это как бы между прочим, но пристальный взгляд не оставлял сомнений в его решимости добиться от нее согласия. Элли почувствовала себя экзотической бабочкой, распятой на булавке коллекционера.

– Для меня это значило бы очень многое, – Бланшар отбросил свою обычную отстраненность, и его слова прозвучали так, как будто они приносили ему боль. – Рождество в Альпах – это настоящее волшебство. Разделить его с тобой было бы... идеально.

Элли никогда не видела снежного Рождества. Она подумала о своем обещании, данном матери, и о том, как та расстроится из-за того, что опять не увидится с дочерью. Но взгляд Бланшара обладал гипнотической силой и способностью подчинять своей воле всех, на кого он был обращен. Все другие обязательства показались ей не столь важными. Девушка поймала себя на том, что уже сочиняет отговорку для матери.

Люксембург

Рождество высветило немецкую часть Великого герцогства. На Пляс д'Арм, в сердце города, гигантская ель возвышалась над

красочным рынком, заполнившим каждый уголок площади. Деревянные палатки, украшенные лампочками и искусственным снегом, предлагали пестрый набор ярко окрашенных сладостей, неприлично длинных колбасок, рождественских картинок и орнаментов. Пар, поднимавшийся над чанами с глинтвейном, перемешивался в воздухе с ароматами пряников и жареного лука, со звуками рождественских хоралов, ярмарочной музыки и смеха.

В конференц-зале министерства финансов единственной уступкой празднику была стоявшая в дальнем углу пластиковая елка с несколькими старыми елочными игрушками. Никто не обращал на нее никакого внимания. Здесь не было улыбок, только суровые лица и почти физически ощущаемая атмосфера напряженного ожидания. Присутствовали Бланшар, Кристин Лафарж и несколько банкиров, с которыми Элли встречалась при проведении проверки чистоты сделки. Через проход она увидела Леховски, челюсти которого ходили вверх и вниз, пережевывая очередную резинку.

Ведущий призвал собрание к порядку. Сотрудники министерства – полные люди с редеющими волосами, в блестящих костюмах – сидели за длинным столом, перегородившим переднюю часть зала. Никто не смотрел на них. Все взоры были устремлены на металлический ящик с двумя висячими замками, стоявший на кафедре.

Ведущий пригласил представителей двух конкурирующих сторон подойти к кафедре. Леховски и Кристин Лафарж по очереди подошли к ящику и открыли каждый свой замок. Ведущий поднял крышку и перевернул ящик вверх дном. На стол выпали два запечатанных конверта.

Председатель комиссии вручил по конверту двум его членам, сидевшим рядом с ним. Они вскрыли конверты и зачитали буквы, написанные на содержавшихся в них листках, затем обменялись конвертами. Лица присутствующих выражали ожидание. Председатель взял оба письма и ознакомился с их содержанием. Элли вертела на пальце кольцо Бланшара. Она не думала, что будет так нервничать.

Председатель включил свой микрофон.

– Победителем стала компания «Сен-Лазар групп» с ценой триста сорок семь миллионов евро.

После этих слов члены команды банка «Монсальват» дружно вскочили на ноги, аплодируя и поздравляя друг друга. По другую

сторону прохода Леховски и его банкиры сидели с каменными лицами людей, потерпевших поражение в игре и подозревающих, что с ними играли не по правилам.

Члены комиссии по приватизации тоже выглядели недовольными. Они не могли понять, почему предложенная цена оказалась столь низкой.

– Отличная работа, Элли. Без тебя мы не смогли бы добиться этого.

Бланшар поцеловал девушку в губы, несмотря на то, что их окружало такое количество людей и проходило официальное мероприятие. Судя по всему, он был счастлив. Удивленная и смущенная Элли поймала на себе взгляд Кристин Лафарж, на лице которой играла понимающая улыбка. Она вспомнила рассказ Бланшара о Кристин и Леховски. Интересно, подумала она, не были ли когда-нибудь любовниками Бланшар и Кристин. Неожиданно для нее эта мысль вызвала в ее душе ревность.

В тот момент, когда Бланшар обратился к председателю комиссии с небольшой речью, Кристин взяла ее за руку.

– Вивиан сказал мне, что вы собираетесь на Рождество в замок Мишеля Сен-Лазара в Мон-Валуа?

Элли кивнула.

– Вам очень повезло. Это сказочное место.

В этот вечер Элли выпила шампанского больше, чем за всю предшествующую жизнь. Команда «Монсальвата» перемещалась из бара в бар, из отеля в отель. Они были словно единым организмом, к ним присоединялись новые лица, которых Элли никогда прежде не встречала, в то время как знакомые исчезали, чтобы материализоваться вновь через пару остановок в барах в компании очередных прихлебателей. Когда они с Бланшаром вернулись в свой номер в отеле, часы показывали начало четвертого. Вивиан заказал еще шампанского, после чего задался целью продемонстрировать, что все это никак не отразилось на его мужских достоинствах. Элли удалось заснуть только около пяти. В восемь раздался телефонный звонок от портье. Когда она открыла глаза, Бланшар, свежесбривший и полностью одетый, стоял перед зеркалом и повязывал галстук.

– Во сколько вылетает наш самолет?

– Как только мы доберемся до аэропорта.

Аэропорт был забит людьми, разъезжавшимися на рождественские каникулы, – в основном гастарбайтерами, стремившимися успеть вернуться на родину до Рождества. Элли подумала, что, если бы ей пришлось стоять в очереди на регистрацию больше пяти минут, она упала бы в обморок. Но Бланшар провел ее мимо толпы к неприметной двери без таблички в задней части терминала. За этой дверью оказался совсем другой аэропорт с дружелюбным персоналом и без очередей. Сотрудник иммиграционной службы взглянул в их паспорта и пожелал им счастливого Рождества. Сотрудник службы безопасности донес их багаж до выхода на посадку. Они поднялись по лестнице и оказались на борту небольшого реактивного самолета.

Элли никогда прежде не летала на таком самолете. Восемь роскошных кожаных кресел были совсем не похожи на традиционные сиденья. Ремни безопасности располагались таким образом, что их не было видно. Элли рухнула в кресло и вскоре уснула под шум турбин и звуки голоса Бланшара, разговаривавшего по телефону по-французски.

В Лозанне, прямо на взлетно-посадочной полосе, их ждал черный «Рендж Ровер». Они сели в салон, их вещи положили в багажник, и прежде чем Элли успела осознать это, автомобиль уже мчался по шоссе в сторону гор.

– Мы не должны предъявлять паспорта или проходить таможенный контроль? – поинтересовалась она.

– У мистера Сен-Лазара существует договоренность со швейцарскими властями.

Элли не удивилась. По сведениям журнала «Форчун», он занимал седьмое место в списке богатейших граждан Швейцарии. Несмотря на ее участие в проверке чистоты сделки, это было практически все, что она знала о нем. Из баз данных «Кто есть кто» и «Лексис-Нексис», а также интернета о нем можно было узнать лишь то, что он пользуется репутацией щедрого благотворителя и безжалостного рейдера, покупающего и продающего компании по всей Европе. Несколько лет назад в журнале «Экономист» была опубликована статья под заголовком «Кто такой Мишель Сен-Лазар?». В ней, в частности,

говорилося: «Скрытая за стеной подставных компаний и кросс-холдингов, компания «Сен-Лазар» считается одной из крупнейших частных компаний Европы. Однако ее владелица Мишель ведет настолько отшельнический образ жизни, что некоторые утверждают, будто его уже давно нет в живых». Его единственная фотография, которую Элли удалось отыскать, была пятидесятилетней давности. С черно-белого снимка на нее смотрел плеябой послевоенного поколения, нежащийся на пляже. Нигде не было ни единого упоминания о его связях с банком «Монсальват».

«Рейндж-Ровер» свернул с магистрали на извилистую дорогу, уходящую все выше и выше. В отдалении показались горные пики. Вскоре начали появляться небольшие белые пятна во впадинах и расщелинах, со временем сменившиеся сплошными заснеженными полями, простиравшимися вдаль, насколько хватало глаз. У Элли слепило в глазах. Она пожалела, что не запаслась солнцезащитными очками. В серой, унылой атмосфере Лондона ей не пришло это в голову.

Автомобиль свернул опять, на сей раз на грунтовую дорогу, ведущую через лес. В окне замелькали деревья, нависавшие над глубокой пропастью, на ее дне бурлила и пенилась река. Поежившись, Элли повернула голову в другую сторону, но гора, еще недавно видневшаяся в противоположном окне, исчезла. Они ехали по узкому хребту. Элли с тревогой посмотрела в переднее окно, пытаясь разглядеть какие-нибудь признаки жилья, но низкое зимнее солнце светило ей прямо в глаза. Единственное, что ей оставалось, это надеяться на то, что водитель знает эту дорогу и видит, куда едет.

Колеса «Рейндж-Ровера» прогрохотали по мосту и въехали через ворота с торчавшими вверху зубьями поднятой решетки во двор дома Мишеля Сен-Лазара.

Кристин Лафарж называла этот дом «шатó». Бланшар определял его как «шалé». В действительности это был замок. Он стоял на скале, высившейся на краю хребта, наполовину отделенной от отрога горы узким ущельем. Доступ к нему осуществлялся исключительно по деревянному мосту. Со всех сторон, кроме этой, его стены обрывались в лежавшую внизу долину с высоты ста метров. Выбеленные стены

замка были почти невидимы на фоне снега. Его черные крутые крыши, казалось, парили в облаках.

Все это Элли увидела только на следующее утро. Сейчас она получила лишь смутное представление о высоких стенах и величественных башнях, гордо вззирающих на нее сверху вниз. Из помещения, которое некогда служило конюшней, выбежали слуги, чтобы забрать их багаж. Не успели они выйти из автомобиля, как дворецкий поднес им чаши с дымящимся глинтвейном. Солнце светило через арку западной стены, отражаясь от снега и наполняя двор светом.

Слуга в темном костюме сопровождал их вверх по спиральной лестнице, затем вдоль длинного коридора, напоминавшего галерею музея. Его стены были увешаны копьями и щитами, и чучелами голов животных. Но в комнате было тепло, пол устилал толстый ковер, на окнах висели тяжелые портьеры, у стены стояла массивная кровать под кружевным пологом. Элли выглянула из окна на укутанную в снежное одеяло долину, и у нее возникло ощущение, будто она попала в сказку.

– Тебе нравится?

Бланшар остановился прямо посреди комнаты. Элли показалось, что он шагнул прямо с висевшего на стене гобелена, и только мгновение спустя она заметила, что рядом с ним находится дверь, ведущая в соседнюю спальню. Она обвила руками его талию и, заглянув в глаза, спросила:

– Разве нам нужны две комнаты?

– Иногда неплохо иметь свое собственное пространство, – банкир наклонился вперед и обнял девушку, – но чтобы это длилось не слишком долго, Мишеля сегодня нет дома. Мы будем развлекаться самостоятельно.

Элли радостно кивнула. Через его плечо она увидела голову волка, закрепленную над дверным проемом. Его пасть была оскалена, глаза смотрели прямо на нее.

Она зажмурилась.

Глава 22

Нормандия, 1136 г.

Я преклоняю колени перед Ги и отчетливо ощущаю холод каменного пола. Лезвие тщательно начищенного меча на алтаре отражает пламя свечей. Моя кожа ощущает гладкое прикосновение льняной рубашки. Горнемант вдалбливал мне в голову рыцарскую символику с первого дня моего пребывания в Нормандии. Белый цвет символизирует чистоту и закон Божий, который мне предстоит защищать.

Белый цвет обнаженной кожи в лунном свете. В ночной тьме, когда мне надлежало нести караул, я прокрался к кладовой замка. Она была расположена рядом с фруктовым садом. Там меня ждала Ада. Было довольно холодно, но в пылу страсти мы не замечали этого, и скоро рубаха уже еле держалась на моем поясе, а ее корсет был расшнурован. Теперь нас ничего не разделяло. Воздух в комнате был насыщен сладким запахом прошлогодних яблок и ароматом сидра – хотя в бочках уже почти ничего не осталось.

После того, как был утолен первый порыв страсти, мы так и не встали с куска мешковины, расстеленного на холодном полу. Сквозь зарешеченное окно светила луна, отбрасывая на спину Ады тень. Я гладил ее кожу, смахивая с нее перекрещенные прутки призрачного рисунка, и тут услышал, как она плачет. Слезы текли по ее щекам, а я пытался утешить любимую.

– У нас все будет хорошо, – прошептал я ей на ухо.

Горнемант оказывается у меня за спиной и закрепляет на плечах красный плащ поверх белой рубашки. Красный цвет символизирует кровь, которую я пролью на службе у своего господина.

Ада пролила кровь вчера, порезав палец, и оставила несколько пятен на белой шерсти моей туники. Меня обуял страх. Через несколько часов я должен был стоять в часовне, на глазах у всей челяди. Ада прокралась в кухню и принесла оттуда уксус. Она протерла им пятна, и от них почти ничего не осталось.

Мои бедра стягивает узкий пояс, надетый поверх рубашки. Горнемант говорит, что он должен служить мне напоминанием о необходимости избегать плотских грехов. Я ослабляю его, и он слегка опускается, закрывая то место, где находилось самое заметное из пятен. Когда священник доходит до той части клятвы, где говорится о непорочной жизни, я надеюсь, что он не посмотрит вниз.

Ты клянешься всемогущим Богом защищать церковь, твоего господина, а также беззащитных от могущественных.

Я повторяю клятву. Ги поднимает меч с алтаря и держит его над моей головой, пока священник произносит благословение. На секунду в моем сознании возникает картина, как Ги перерезает мечом горло рыцарю в роще и струя крови обагрят палую листву. Если бы он знал, что я сделал с Адой, он перерезал бы мне горло здесь же, в часовне. Вместо этого он вкладывает меч в ножны и вешает его мне на пояс. После этого Горнемант прикрепляет к моим башмакам позолоченные шпоры.

Мои гетры коричневые – цвет пыли. Это удел каждого мужчины – и гордого, и смиренного. В эти дни мне отнюдь не чужды пыль и земля. Пыль на каменных плитах пола в кладовой, пыль на соломе в конюшне, сырая земля под скалой, где мы впервые поцеловались. Золотые кольца или шпоры, которые мы, земные существа, носим, дабы подчеркнуть свое благородство, означают не более чем пустое тщеславие. Эти шпоры даже не мои, они одолжены на один день. Завтра они будут железными.

Ги ударяет меня ладонью по плечу.

– Прими этот удар в память о Нем, кто посвятил тебя в рыцари.

Меня не нужно учить символике, я прекрасно знаю, что все это означает. Это означает, что отныне я рыцарь.

Горнемант подозревает меня. На прошлой неделе он рассказал мне длинную историю о фламандском графе. Один из рыцарей спал с женой графа. Застав их вдвоем, вельможа приказал своим слугам высечь его, а потом подвесить за ноги над выгребной ямой и опустить туда головой, чтобы он захлебнулся в нечистотах. Горнемант многозначительно смотрит на меня.

– Господин должен доверять своим рыцарям во всем, как он доверяет своей правой руке.

В Библии говорится: «Если твоя правая рука оскорбляет тебя, отрежь ее». Мы оба знаем это.

Я хочу, чтобы Ги мог доверять мне. Я хочу быть верным своей клятве. Я думал, что связи с Адой можно положить конец, что обладание ею когда-нибудь полностью удовлетворит мое желание. С самого начала нашего знакомства моя любовь была для меня кровоточащей раной, которая со временем не заживала, а причиняла еще большие страдания. Теперь чем чаще я обладаю ею, тем сильнее мое желание быть с нею неразлучно. Вместо того чтобы быть благодарным за наши поспешные короткие встречи, я негодую, когда мы не видимся. Вечерами, когда я вижу, как Ги выходит с ней из зала и сопровождает ее в спальню, мне хочется схватить канделябр и ударить его в глаз.

Ярость делает меня безрассудным. На прошлой неделе один из грумов застиг нас врасплох в конюшне, куда он принес жнейку. К счастью, петли двери конюшни скрипят. Мы успели одеться и разыграли целый спектакль, как будто я показываю Аде новорожденного жеребенка. Тем не менее среди слуг поползли сплетни. Я знаю, что должен держать себя в узде и давать волю своей страсти только тогда, когда мы находимся в полной безопасности. В следующий раз мы дожидаемся, когда Ги уезжает в свои отдаленные владения с визитом к одному из арендаторов. Мы встречаемся в сторожевой комнате северной башни. После гибели Этольда Ги перестал выставлять там дозорного, и к тому же комната запирается изнутри.

Я прихожу туда первым. На безоблачном ночном небе сияет полная луна. Вся комната залита ее серебристым светом, проникающим через бойницы и отражающимся от головок копий, сложенных на стенных полках. Я расстилаю на полу плащ и жду.

По мерцанию пламени свечи в щелях дверного проема я понимаю, что Ада поднимается по лестнице. Ступеньки слишком круты и неровны, и она не решается ступить по ним в темноте. На ней лишь белоснежная рубашка и мантия, подбитая мехом сурка.

Свеча, которую она держит в руке, освещает комнату, словно маяк. Я гашу огонь пальцами, крепко прижимаю ее к себе и целую в губы. Она не отвечает на мой поцелуй. В ней чувствуется какая-то скованность, отстраненность. Я отступаю назад.

– Что с тобой?

Она стоит совершенно неподвижно и, освещенная лунным светом, похожа на статую. Каменная Ада. Это напоминает мне историю о том, как Тристан вырезал из дерева подобие Изольды в пещере, чтобы у него была возможность любоваться ею, когда они оказались в разлуке.

– Мы должны прекратить это.

Наверное, Тристан был мудр. Статуя никогда не сказала бы такое. Я боялся услышать эти слова с момента моего первого прикосновения к ней.

– Почему?

Мой вопрос звучит по-детски наивно.

– Разумеется, из-за Ги.

– Ты любишь его?

Мне хорошо известно, что она его не любит.

– Он мой муж.

Меня оскорбляет не столько слово «муж», сколько слово «мой». Я не могу смириться с мыслью о том, что она принадлежит Ги.

Ада протягивает ко мне руку, пытаюсь утешить, но я отвожу ее в сторону. Ей не удастся так легко избавиться от меня.

– Это не может продолжаться, – настаивает моя возлюбленная. – Ты что, убьешь его? Будешь сражаться со всеми его рыцарями и вассалами, бросишь вызов всему миру, чтобы мы могли любить друг друга? Это невозможно. К этой истории нельзя написать счастливый конец. Если ты любишь меня,пусти.

Если я люблю ее? Пусть приходит Ги, бьет меня, топит в реке, сжигает на костре. Я буду сражаться за нее до последнего вдоха. Никто и никогда не сможет запретить нам любить друг друга.

Со стороны лестницы доносится какой-то шум. Я смотрю на дверь – Ада не заперла ее. Ядвигаюсь к ней, но успеваю преодолеть лишь половину разделяющего нас расстояния, как она с треском распаивается. На пороге появляется мужская фигура с горящим факелом в левой руке и обнаженным мечом в правой. Пламя факела слепит мне глаза.

– Питер?

Это Джоселин.

Глава 23

Мон-Валуа, Швейцария

Рождественским утром Элли проснулась обнаженной под теплым шерстяным одеялом. Находившийся рядом с ней Бланшар еще спал. Она ощущала теплый воздух в промежутке между их телами и прислушивалась к его дыханию. Он спал тихо, как кот, – ни храпа, ни бормотания. Через окно в комнату струился холодный, яркий солнечный свет. Со двора доносился шум хозяйственных работ, звучавший здесь, по всей очевидности, всегда, на протяжении нескольких столетий. Она подумала, что никогда еще не была так счастлива.

Ее взгляд натолкнулся на волчью голову над дверью, и Элли отвернула голову в сторону. Это движение разбудило Бланшара. Он придвинулся к ней, поцеловал в губы, затем перегнулся вниз, сунул руку под кровать и достал небольшой сверток в золотистой бумаге.

– С Рождеством, Элли.

Она села в кровати и раскрыла сверток, разрезав бумагу ногтем. Это была книга с золотым гербом на алой кожаной обложке.

– Еще один сюрприз из ваших неостребованных активов?

– Она принадлежала семье Сен-Лазара. Мишель продал ее мне.

Книга была старинной. В Оксфорде Элли часто приходилось иметь дело с рукописями, и ей был хорошо знаком запах пергамента. Она открыла ее.

Le Conte du Graal^[6].

Под заглавием на титульном листе присутствовала надпись, сделанная знакомым каллиграфическим почерком Бланшара:

В подарок Элли, великий роман.

Она не могла поверить, что он сделал надпись на древнем пергаменте. Когда она прикоснулась к этой странице, в ее воображении молнией пронеслась история книги: работник, выделывающий телячью кожу, пока она не становится толщиной с бумажный лист; мальчик, вскарабкавшийся на дерево и, защищаясь от

укусов насекомых, снимающий гнездо орехотворок, чтобы добыть из него кислоту, необходимую для высушивания чернил на странице; писец, заточивающий тростниковое перо и затем старательно копирующий текст, сидя за наклонной доской. И теперь на этом шедевре искусства значится ее имя.

Бланшар прочитал обуревавшие ее эмоции по выражению лица.

– Прошлое некогда было настоящим, Элли. История – это лишь пересказ моментов настоящего, когда-либо наступавших. Те, кто жил в прошлом, имеют полное право на обладание им. Ты жила и владела этой книгой. Значит, ты тоже часть ее истории.

Элли принялась рассматривать первую страницу. Почерк был очень мелким, всего несколько миллиметров в высоту. Текст располагался тремя колонками, и страница начиналась с заключенной в рамку буквы. Она напоминала перечень или указатель. Только при внимательном рассмотрении текста можно было понять, что это поэтическое произведение.

– Тебе знакомо имя Кретьен де Труа?

– Я слышала его на лекциях в университете.

– Это первый и величайший из авторов рыцарских романов. Он превращал народные сказки и легенды в поэзию для королей.

– Спасибо, – Элли перекатилась на другой бок и прижалась к Бланшару всем телом, покрывая его лицо поцелуями, – а я купила для тебя всего лишь пару носков.

Пока Бланшар принимал душ, Элли позвонила матери. Она знала, что должна чувствовать себя виноватой, но этим рождественским утром ей категорически не хотелось испытывать отрицательных эмоций. Долгие гудки раздавались целую минуту, но мать так и не сняла трубку. Она вспомнила, в Уэльсе время отстает от средневропейского на час, и мать, должно быть, в церкви.

Элли с сомнением взглянула на дверь ванной. Оттуда все еще доносился звук падающей воды. Она терпеть не могла звонить Дугу в присутствии Бланшара, но иногда это было неизбежно. Ей приходилось откровенно лгать, и это было невыносимо. Еще она терпеть не могла то, как Бланшар в эти минуты смотрел на нее – никаких признаков ревности или смущения, лишь едва заметная

усмешка. Возможно, будучи французом, он считал такую ситуацию вполне нормальной.

Дуг ответил сразу, как будто ждал ее звонка.

– С Рождеством, любимая.

– С Рождеством.

– Как там в Уэльсе?

Не прозвучала ли в его вопросе язвительная нотка? Может быть, это ловушка? Догадался он или нет?

– Хорошо. Мама ушла в церковь, я чищу картошку.

Я лгу тебе в последний раз, мысленно пообещала Элли. Несколько недель после его дня рождения пролетели как в тумане. Теперь наступило Рождество, и она не хотела портить праздник. В январе она наконец объяснится с ним. Самый худший месяц: Янус, двуликий бог, глядящий вперед и назад. Она все расскажет ему на Новый год.

– Как погода? Снег выпал?

Элли стала лихорадочно соображать, что ответить. Нужно было проверить погоду в Уэльсе в интернете.

– Наверное, такая же, как и у тебя.

Шум воды в ванной стих.

– Кажется, вернулась мама. Мне нужно идти.

Она с нетерпением ждала конца разговора, глядя на дверь ванной и моля бога, чтобы она не открывалась как можно дольше.

– Я люблю тебя.

Едва она успела выключить телефон, как из ванной вышел Бланшар в халате. Он вопросительно взглянул на девушку.

– Ты разговаривала с кем-нибудь?

– С мамой.

Бланшар открыл дверцу гардероба и снял с вешалки рубашку.

– Поднимайся. Нам еще нужно заработать рождественский обед.

Спустившись вниз по лестнице, Элли увидела во дворе с десяток мужчин и женщин. Высокие, неотразимо красивые, в меховых шапках, твидовых куртках и башмаках для верховой езды – они производили впечатление пришельцев из иного мира. Интересно, подумала она, кто это – тоже гости Сен-Лазара или члены его семьи? Бланшар поприветствовал их и представил им Элли. Она не запомнила ни одного имени. Ее интересовал Мишель Сен-Лазар, но его среди этих

людей не было. Кавалькада «Ленд Роверов» спустила их с горы и доставила к лугу, заросшему деревьями и обрамленному живой изгородью. Там уже стоял еще один «Ленд Ровер» с открытым багажником. Из салона доносился тонкий щебет. Его источником была клетка. В ней сидела, вцепившись острыми когтями в деревянную перекладину, довольно крупная птица. На ее груди, будто украшения, блестели ярко-белые перья, широкие крылья были сложены, кривой клюв напоминал клинок абордажной сабли. Не нужно было иметь хоть какие-то познания в орнитологии, чтобы понять, какую смертельную угрозу таит в себе этот хищник. К тому же птица была прикована к клетке цепью.

Бланшар достал длинную кожаную перчатку, доходившую до локтя, надел ее на руку и зашнуровал свободной рукой. Бормоча ласковые слова, он отсоединил цепь от перекладины и закрепил ее конец на запястьях. Птица прыгнула на его вытянутую руку и принялась чистить клювом перья. Помощник – сокольник? – надел на птичий клюв маленький кожаный чехол и застегнул его на шею.

– Она прекрасна! – сказала Элли. – Столько благородства.

– Это сокол-сапсан. Соколиная охота всегда была подлинным занятием королей.

Бланшар вытащил приманку, привязанную к концу длинной веревки, и взял ее в правую руку.

– Для ее тренировок требуются бесконечное терпение и тугой кошелек.

Банкир зашагал через поляну, пригласив с собой Элли. К ним присоединилась черная собака, в то время как остальные гости следовали за ними на некотором расстоянии, прихлебывая кофе из чашечек, которые раздал им водитель «Ленд Ровера». К хвосту сокола был привязан колокольчик, звонивший при каждом его движении.

Посреди луга они остановились. Бланшар снял чехол и отсоединил цепь. Сокол огляделся, дергая головой. Некоторое время человек и птица сохраняли полную неподвижность. Их фигуры были отчетливо видны на фоне белого поля. Зазвенев колокольчиком и захлопав крыльями, сокол взлетел с руки Бланшара. Его крыло коснулось лица Элли. Он стремительно взмыл ввысь и оказался над маленькой рощицей в конце поля.

– Он что-то увидел.

Из кармана меховой шубы Бланшар достал какую-то коробочку, похожую на миниатюрный радиоприемник, и включил его. Устройство начало издавать высокие звуки с определенной периодичностью. Когда он направил его в сторону птицы, громкость звуков усилилась.

– У него на ноге закреплен радиомаяк. Если мы потеряем сокола из виду, это устройство поможет найти его.

Сокол парил на месте, развернувшись против ветра и расправив крылья. Подняв голову, Элли смотрела в небо. Воздух был настолько прозрачен и чист, что она могла рассмотреть черные перья под крыльями, белое пятно на груди и крючковатый клюв. Ей даже казалось, что она видит глаза сокола, сканирующие воздух. Он выжидал. И неожиданно камнем бросился вниз, скрывшись среди деревьев.

– Бежим! – крикнул Бланшар.

Спустя мгновение они мчались по полю, увязая в глубоком снегу. Свист ветра, скрип снега, лай собак. Они перелезли через ограду и направились в сторону роши. Бланшар махнул рукой вправо.

– Деревья препятствуют прохождению сигнала. Нам лучше держаться на расстоянии друг от друга.

Элли с трудом пробиралась по снежной целине через подлесок, преодолела узкий ручей, споткнулась о корни поваленного дерева и уткнулась в ствол березы.

Задышавшись, девушка остановилась и положила руки на бедра, чтобы унять боль от неожиданно возникшей судороги. Толстые ветви трещали под тяжестью налипшего на них снега. Пропела малиновка. Слева раздался отдаленный лай. И где-то впереди, не так далеко...

Звон колокольчика, словно в санной упряжке.

Двигаясь медленнее, нежели до этого, Элли продиралась между деревьями. Звон колокольчика сделался громче. Она заглянула за куст. Сокол с видом триумфатора вцепился в дикого серого гуся. Бедная птица пластом лежала на снегу, разметав его, словно взрыв снаряда. А сокол, издавая мяукающие звуки, выклевывал у своей добычи сердце. Элли смогла заметить, что единственным свидетельством убийства были три капли крови, окропившие снег рядом с телом гуся.

Элли неотрывно смотрела на птиц. Внезапно она почувствовала головокружение. Она никогда не видела такого белого снега, и у нее

возникло впечатление, будто капли крови поднялись над его поверхностью и поплыли у нее перед глазами.

До ее слуха донеслись звуки другого колокольчика. Они показались ей незнакомыми, и она не сразу поняла, что это звонок ее мобильного телефона. Она вытащила его из кармана.

– Элеонор? Это миссис Томас из № 96.

Девушка не сразу смогла понять, кто это. Но потом вспомнила маленькую женщину с круглым лицом и терьером. Она жила неподалеку от ее матери. Но почему она звонит ей?

– Я постучала, но вас не было дома. Номер вашего телефона я нашла в сумочке вашей матери. Я не знала, где вы – здесь, или отмечаете Рождество где-нибудь еще... Это такой удар, такой ужас.

Она забормотала, что ей нужно как можно быстрее приехать. Элли не могла отвести взгляда от того, как сокол вырывает клювом куски плоти из тела жертвы.

– Что случилось?

Миссис Томас начала говорить о карете «Скорой помощи», о больнице, о врачах. Для Элли ее слова имели не больше смысла, чем мяуканье сокола.

– О чем речь? – пробормотала она.

Но тут она все поняла.

С ветвей посыпался снег, когда на поляну, тяжело ступая, вышел Бланшар. Он держал радиоприемник так, будто это был пульт дистанционного управления, направляя его на сокола. Он смотрел на него с радостью, граничившей с восторгом, потом заметил Элли.

– Что случилось?

Голос, доносившийся из-за гор и моря, произнес ей в ухо: *это твоя мать.*

Самолет Сен-Лазара находился в Вене на ремонте. Взлетно-посадочные полосы были занесены снегом. Элли провела ночь в аэропорту и улетела первым утренним рейсом на самолете бюджетной авиакомпании, заполненном шумными семьями и возвращающимися с горных курортов лыжниками.

Салон был окрашен в нестерпимо яркие цвета. Пахло потом, застарелым кремом от загара и свежим пивом. В двух рядах позади

кресла Элли ребенка стошнило прямо в проход. В аэропорту Бристоля ей пришлось целый час ждать багаж.

В этот рождественский день железнодорожное сообщение было полностью парализовано. Элли взяла такси от аэропорта до Ньюпорта – шестьдесят пять километров, которые стоили ей почти сто фунтов. Она смотрела в окно на усталый город, на редкие башни небоскребов, высившиеся над линией горизонта, и громоздкие попытки украсить город уличным искусством. Она не была здесь с тех пор, как начала работать в «Монсальвате», и успела забыть, насколько сер ее родной город.

Попасть в больницу даже в качестве посетителя представляет целую проблему – как будто единственный способ облегчения человеческих страданий заключается в том, чтобы максимально усложнить людям жизнь.

Больница Роял Гвент не была исключением из правил. Едва Элли переступила ее порог, как оказалась пленницей совершенно нелепых правил и абсолютно невыносимой и неуместной иерархии, свойственной разве только Византии. Даже архитектурное решение больницы, казалось, было призвано сбивать с толку. Она вспомнила, как в подвале Бланшар говорил о превращении времени в пространство. К тому моменту, когда Элли с большим трудом отыскала нужную ей палату в отделении реанимации, где лежала ее мать, и время, и пространство сжались в светящуюся пустоту.

Ее мать лежала в углу четырехместной палаты. Ее койка была отгорожена ширмой. Над ее кроватью имелось окно – правда, из него можно было увидеть лишь кирпичную стену. Но бедная женщина не видела и этого. Ее глаза были закрыты. Элли с тревогой взглянула на мать и на первый взгляд даже не смогла уловить асимметрию лица, вызванную инсультом. Все тело больной было утыкано иглами и трубками, а мониторы отражали в режиме реального времени все изменения, происходившие у нее в организме.

Элли села на стул, достала коробку швейцарского шоколада, купленную в аэропорту, и положила ее на прикроватный пластиковый столик.

– Она сейчас не может есть.

На лице высокого врача играла улыбка, оскорбившая Элли.

– Что с ней случилось? – Голос девушки сорвался, и она почувствовала, что близка к нервному срыву. – Я ее дочь.

– В рождественское утро она пошла в церковь. После окончания службы она собралась поставить свечку и упала.

Элли мысленно представила эту сцену. Серая строгость церкви Святого Давида, викарий которой никогда не позволял ставить рождественскую елку. Седовласые дамы – в основном там всегда присутствовали дамы – пьют рождественский шерри, когда новость облетает их, словно стая перепуганных птиц. Сквозь толпу протискивается отец Эванс и призывает к спокойствию. В церковный двор въезжает карета «Скорой помощи». Сколько времени можно прождать «Скорую помощь» рождественским утром?

– Ее привезли прямо сюда. В сознание она еще так и не приходила.

– Она?..

Элли не смогла закончить вопрос. Ее разум восстал, отказываясь допускать возможность страшных последствий.

– Не знаю. Симптомы внушают определенную надежду. Все зависит от того, имеются ли у нее скрытые повреждения.

Он имеет в виду повреждения мозга, уныло подумала Элли и посмотрела на лицо матери, его тонкие черты и глубокие морщины. И в этот момент она отметила, что сейчас, насколько она помнила мать, та выглядела более умиротворенно, чем когда-либо прежде.

Врач бросил взгляд на настенные часы.

– Ее поместили в самое лучшее место. Мы позаботимся о ней должным образом, это я вам обещаю.

Элли не знала, сколько времени она просидела рядом с матерью. Врач сказал, что разговор может пойти ей на пользу, и поэтому она говорила. Запинаясь, зачастую со слезами, и честно – как она ни за что не осмелилась бы говорить, если бы мать могла ее слышать. Она рассказала ей о Дуге и его поэме, о Бланшаре и подаренном им кольце, о городах, в которых побывала, и отелях, где останавливалась. Она описала сказочный замок Сен-Лазара, мертвого гуся и ярко-красные капли крови на снегу. До нее вдруг дошло, как мало в ее жизни было событий и впечатлений, не связанных с банком. Иногда девушка на

какое-то время погружалась в себя, не замечая, что в эти моменты ее сбивчивые рассказы замирали на полуслове.

Время посещений подошло к концу. Элли шла по коридорам больницы, таща за собой чемодан на колесиках, словно груз вины. *Я должна была быть здесь.* Перед тем как покинуть палату, она нашла в сумочке матери связку ключей. Ей не оставалось ничего другого, как отправиться домой.

Эту ночь она провела в постели матери. Проснувшись, она первым делом позвонила в больницу. Никаких изменений, все осталось по-прежнему. Поскольку было воскресенье, посещения были разрешены только во второй половине дня. Она долго рылась в чемодане, пока среди непрактично-формальной одежды не нашла джинсы и джемпер. В доме было холодно, и вода в душе оказалась ненамного теплее льда.

Вспомнив, что наверху находится бак, она отцепила от крюка на потолке лестницу и вскарабкалась по ней. Табличка, приколоченная гвоздями под стропилом, свидетельствовала о том, что балки не выдержат ее веса – хотя, возможно, только потому, что все пространство до самой крыши было заставлено коробками. Бак с горячей водой, по всей видимости, располагался где-то сзади, и добраться до него не было никакой возможности.

С упавшим сердцем Элли потянула на себя ближайшую к ней коробку. Связывавшая ее старая лента совсем рассохлась и при первом прикосновении к ней порвалась, словно рисовая бумага. Коробка раскрылась, из нее посыпались на пол листы бумаги и фотографии.

Элли хотелось плакать от отчаяния. На секунду она представила, как оставляет это холодное, лежащее в руинах прошлое, идет в центр города и снимает номер в отеле. Но что-то в куче старых документов на полу привлекло ее внимание. Это была фотография матери. Длинные прямые волосы, а юбка настолько коротка, что Элли невольно передернула плечами. Она никогда не видела ее такой молодой. Мать стояла перед кафедральным собором, обняв за плечи мужчину с красивыми чертами лица, который повернул голову, вопросительно глядя в сторону, как будто в момент съемки что-то отвлекло его внимание.

Энеюрин Стентон. Элли сразу узнала мужчину, хотя за всю свою жизнь видела его всего лишь на полдюжине снимков. Она

перевернула фотографию и увидела надпись, сделанную мелким, аккуратным почерком матери.

Брессаноне, Италия – март 1987 г.

Насколько ей было известно, мать никогда не выезжала за границу, у нее даже не было паспорта.

Ею овладело любопытство. Она начала рыться в коробках, рассматривая бумаги. Это напомнило о том, как она проверяла бумаги по сделке в Люксембурге. Теперь же она пыталась проверить чистоту незавершенной жизни. В действительности, двух жизней, ибо среди банковских балансов и счетов за электричество присутствовали зримые свидетельства прошлого Элли: фотографии, учебники, дневники, рисунки, картины, таблицы, школьные концертные программы. А между ними, в свою очередь, пунктиром проходила третья жизнь, хотя она определяла первые две: удостоверение уволенного из армии, старый полис страхования жизни, почтовые открытки с континента. Элли даже и представить себе не могла, что ее отец так много путешествовал. *Погода стоит прекрасная. Видел немало красивых вещей. Особая удача мне здесь не сопутствует. Люблю тебя. Ние.*

Девушка взглянула на часы. Первый час – скоро нужно будет отправляться в больницу. Элли оставила мысль добраться до бака с горячей водой и настроилась на ледяной душ. В коробке, содержимое которой она изучала, оставалась еще связка бумаг. Сверху, стянутое резинкой, лежало нечто, похожее на неиспользованный авиабилет. Элли вытащила его, заинтересовавшись, почему не состоялся полет.

Билет был на рейс компании «Бритиш Эйрвейз» из Лондона в Мюнхен на 20 февраля 1988 года.

Ей стало грустно, поскольку она поняла, почему билет остался неиспользованным.

Энеюрин Стентон: 12 мая 1949 г. – 19 февраля 1988 г.

Правда, имя, напечатанное на билете, было не Энеюрин Стентон, а Джон Херрин.

Глава 24

Нормандия, 1136 г.

Джоселин стоит в дверях, держа в руке горящий факел, который плюется языками пламени и шипит, словно демон. Его лицо искажено яростью.

Он поднимает меч. Ада стоит ближе к двери, и я боюсь, что он зарубит ее, чтобы добраться до меня. Мною управляет инстинкт. Я хватаю с полки копьё и бросаюсь на него. Он уклоняется от удара, как учил нас Горнемант. Но острое копьё пронзает складку его туники и отбрасывает его к лестнице. Он скатывается вниз по ступенькам, и его меч звенит, как оброненная монета. Пламя факела исчезает внизу.

Я обнимаю Аду за плечи и прижимаю к себе, стараясь успокоить ее и чтобы она поняла, что с этого момента она зависит от меня.

– Если ты останешься здесь, Ги убьет тебя.

Она кивает. Я беру ее за руку и веду за собой вниз по лестнице, выставив вперед тупой конец копьё. Мы находим Джоселина лежащим на нижней лестничной площадке. Из раны на его голове сочится кровь. Я не останавливаюсь, чтобы проверить, мертв он или нет. Должно быть, кто-то услышал шум.

Но тревогу пока еще никто не поднял. Мы спускаемся вниз и крадемся через двор к конюшне. Я нахожу грума, спящего в стойле, и бужу его. Он смахивает с лица солому.

– С Джоселином произошел несчастный случай – упал в темноте с лестницы. Мне нужно ехать к Ги. Оседлай моего коня и серую кобылу.

Я выхожу из конюшни и бегу к воротам, в то время как Ада идет к себе, чтобы собраться в дорогу. Я рассказываю ночному стражу ту же полуправду, и мы отворяем ворота, достаточно широко, чтобы между створками мог проехать конь. Я смотрю на замок и думаю, придет ли Ада. Что, если она передумает?

Появляется Ада, облаченная в дорожный костюм и плащ, с небольшим узелком за спиной. Какие бы чувства ни обуревали ее, она

умело скрывает их. Ее лицо скрыто под капюшоном. Я не могу догадаться, о чем она думает. Она вкладывает в мою ладонь что-то холодное и острое.

– Не забудь.

Мои шпоры. Грум пристегивает их к моим башмакам. Он с изумлением смотрит, как Ада садится на серую кобылу. Не задумался ли он, почему в замке так темно и так спокойно, если с Джоселином случилось такое несчастье?

– Она должна быть со своим мужем.

Мы выскальзываем за ворота. Дорогу нам освещает луна. Ритмичное покачивание в седле успокаивает мои нервы. Ада едет рядом. Она откидывает капюшон, и ее волосы рассыпаются по спине. Я всматриваюсь в поле, где проходили наши тренировки с мечом и устраивались учебные бои. Мы проезжаем мимо сада, где я рассказывал Аде историю о Тристане, и амбаров, где мы с ней встречались по ночам. Мне кажется странной мысль о том, что я больше никогда не увижу этих мест. Они составляли мой мир в течение шести лет.

Я чувствую себя свободным, но понимаю, что это иллюзия. Перед моим мысленным взором возникает искаженное яростью лицо Джоселина. Если он жив, ничто не остановит его в стремлении нас догнать.

Глава 25

Ньюпорт, Южный Уэльс

В больнице ничего не изменилось, кроме персонала. Две санитарки перестилали кровать ее матери, поворачивая ее то в одну сторону, то в другую сторону, словно труп. Элли не видела этого, она ждала за ширмой. Табличка на стене напомнила ей о необходимости отключить мобильный телефон. По крайней мере это позволит сэкономить заряд аккумулятора. Последние нескольких недель он садился на удивление быстро.

Когда санитарки ушли, Элли заступила на дежурство. Она принесла с собой старые почтовые открытки, найденные на чердаке, и читала их вслух в надежде, что мать все же слышит ее и вспоминает более счастливые времена. Интересно, каким был ее отец, подумала она. Для нее он всегда являлся источником страданий матери. Странно, что они были счастливы вместе. Как и большинство детей, она не могла представить, что ее родители существовали без нее.

В воскресенье больница закрывалась рано. Элли была почти рада этому, одновременно испытывая угрызения совести. Она впервые попала в эту больницу всего сутки назад, но уже устала от нее, ее вымотал тусклый свет и вынужденное безделье. Неужели матери суждено провести здесь остаток жизни?

Вернувшись домой, Элли снова полезла на чердак. Она еще раз отыскала авиабилет, почти надеясь, что он ей пригрелся. Но имя на нем было напечатано то же самое. Джон Херрин.

Теперь, уже зная, что следует искать, она провела систематическое обследование чердака. Ее уловом стали старый школьный атлас с обозначенными маршрутами путешествий отца с указаниями дат, корешки билетов и квитанция на получение денег в иностранной валюте. Она искала что-нибудь, связанное с именем Джон Херрин и лондонской подземкой, какие-нибудь ссылки на коренастого мужчину по имени Гарри. Во время работы в библиотеках над диссертацией она научилась отключать аналитическую часть

мозга, чтобы регистрировать информацию, не оценивая и не выявляя взаимосвязи между фактами. Только когда все будет собрано, тогда она сможет понять и оценить все, что так ее интересовало.

В половине первого ночи работа была завершена. Наконец-то она смогла пройти к баку с горячей водой. Ее одежда пропахла пылью, руки зудели от асбестовой изоляции. Элли отыскала кран на баке, после чего долго стояла под душем, пока не закончилась горячая вода. В холодильнике она нашла банку консервированного супа и сырны бисквиты, и только сейчас поняла, что за целый день она так ни разу и не поела. И только после этого она приступила к изучению найденных документов.

Начала она с атласа. Через карту Европы на развороте страниц бежали пунктирные линии, обозначающие маршруты путешествий, совершавшихся каждые два-три месяца с 1984 по 1987 год. Крайним пунктом на востоке являлся Стамбул, на западе – Сантьяго-де-Компостела, но большинство линий были сосредоточены вокруг городов на Рейне и Сене – там, где Франция и Германия столетиями противоборствовали друг с другом, вовлекая в свою тектоническую конфронтацию маленькие государства вроде Бельгии и Люксембурга. Еще одна пунктирная линия тянулась вдоль Альп – от северной Италии к южной Франции. Несколько других концентрировались в Швейцарии, вокруг Лозанны.

Затем настала очередь авиабилета на имя Джона Херрина, к которому она добавила счет из отеля и заявление в Сомерсет Хаус с просьбой об оформлении дубликата свидетельства о рождении – и то, и другое было подписано тем же именем.

Далее следовало письмо, напечатанное на толстой бумаге кремового цвета, приглашавшее Джона Херрина на собеседование по поводу занятия вакансии во вторник, 22 ноября 1987 года. Развернув письмо, Элли не поверила своим глазам.

Директор, мистер Вивиан Бланшар, будет рад, если вы сможете посетить его с целью обсуждения ваших потенциальных карьерных возможностей в банке «Монсальват».

Лондон

Элли не думала, что кто-то до сих пор пользуется телефонами-автоматами. Однако наряду с Клиффом Ричардом и хересом «Харвис Бристоль Крим» они продолжали существовать. Она была чрезвычайно рада этому обстоятельству, увидев стеклянную будку на углу Мургейт и Лондон-Уолл. Ей было хорошо известно, что «Монсальват» имеет возможность отслеживать звонки по ее мобильному телефону – она подписывала свое согласие на это. Еще две недели назад она и вообразить не могла, что ее телефонные разговоры способны вызывать их интерес.

После многочисленных долгих гудков включился автоответчик. Элли смотрела на карточку, которую дал ей Гарри в Брюсселе, – телефонный номер и написанная от руки строчка: *Если не будет ответа, оставьте сообщение для Гарри от Джейн.*

– Привет, Гарри, это Джейн.

Элли стала думать, что бы ей такое сказать, но в голову ничего не приходило. «Позвоните мне». Но он не может звонить на ее мобильник, а дома у нее стационарного телефона не было.

Проехал автомобиль, обдав будку светом фар. Элли отвернулась. Неужели это «Бентли»? Она попыталась рассмотреть машину, но увидела лишь два красных огонька, грозно взиравших на нее.

Она бросила взгляд на часы. Справочная в больнице закрывалась через десять минут. В надежде, что за ней никто не наблюдает, она вышла из будки и вытащила мобильный телефон. Мягкий голос, такой же знакомый и неземной, как говорящие часы, сообщил ей те же самые новости, которые она слышала в течение недели. Никаких изменений.

Ей оставалось лишь ждать.

В Сити январь напоминал затянувшееся новогоднее похмелье: медленно плетущиеся дни, длинные перерывы на ланч и ранние уходы с работы. Даже младшие аналитики отправлялись домой еще до восьми. Но в «Монсальвате» жизнь была ключом: звонили телефоны, приходили сообщения по электронной почте, в коридорах толпились люди. Элли узнала причину этого, когда после Нового года, в пятницу, Бланшар вызвал ее в свой офис.

– Как дела у твоей матери? – первым делом спросил он ее.

– Состояние стабильное. Все еще без сознания.

Элли избегала смотреть ему в глаза. Каждый вечер, возвращаясь в Барбикан, она с ужасом думала, не ждет ли ее рядом с домом «Бентли». Но автомобиль так ни разу и не появился. Бланшар как будто чувствовал ее нежелание общаться с ним. Даже на работе в последнее время они почти не виделись.

– Тебя устраивает, как за ней ухаживают? У нее есть все необходимое?

– Абсолютно.

– У нее есть родные, кто мог бы навещать ее?

– Нет.

Бланшар принялся теревить запонку.

– Я беседовал с одним своим другом, врачом. Возможно, он один из четырех или пяти лучших в мире невропатологов. У него частная больница неподалеку от Харлей-стрит. Он готов принять твою мать, если ты захочешь.

Элли покачала головой.

– Очень любезно с вашей стороны, но ничего не получится. У матери нет медицинской страховки.

– Лечение оплатит банк, – Бланшар наклонился вперед через стол и так пристально посмотрел на нее, что Элли не смогла отвести взгляд. – Я знаю, ты не хочешь благотворительности. И я не стал бы заниматься ею. Но ты должна сделать все возможное, чтобы поставить мать на ноги. Когда она выйдет из комы, ей потребуется интенсивная терапия. Система здравоохранения – это бездушная машина. Одна жизнь для них ничего не значит. Особенно зимой. В Лондоне твоя мать сможет получить более качественное лечение.

Элли не спорила, поскольку знала, что он прав. Но и согласиться не могла – не из гордости, а из-за страха. Если бы мать перевезли в Лондон и положили в больницу Бланшара, она оказалась бы целиком и полностью в его власти.

Бланшар неправильно истолковал ее сомнения и продолжал убеждать:

– Ты забываешь, что я тоже заинтересован в этом. Мне не хочется, чтобы ты понапрасну страдала. Ты ведь не собираешься провести полжизни в поезде между Лондоном и Ньюпортом. Для твоей матери будет лучше, если ты будешь навещать ее каждый день. Мне говорили, присутствие родных и близких способствует выходу из комы.

При этих словах банкир взял позолоченный нож для вскрытия писем, воткнул его острием в столешницу и принялся вращать.

– К тому же работа есть работа. Я понимаю, мыслями ты со своей матерью. Но ты нужна мне здесь и сейчас.

Элли молчала.

– Мишель Сен-Лазар был очень доволен результатом тендера в отношении «Талуэт». Сама компания не испытывает подобных чувств. Руководство холдинга отказывается принимать нашего человека в состав правления и предоставлять нам доступ к ее деятельности. Поэтому Мишель решил взять холдинг под полный контроль.

– Недружественное поглощение?

– Это будет грандиозная битва. Акциями компании владеют правительства Франции и Германии. Если французы согласятся продать нам свои акции, то немцы не согласятся; если согласятся немцы, то будет против французская сторона. По всей вероятности, ни те, ни другие не захотят заниматься совместным бизнесом с нами, поскольку каждая сторона будет считать нас троянским конем другой. В сумме на них приходится сорок процентов акций. Это осложняет ситуацию для нас. Но Мишель полон решимости. В этом деле мы рассчитываем на тебя, Элли. Состояние твоей матери может оставаться без изменений месяцами, и твоя жизнь не должна останавливаться из-за этого на столь долгий срок. Она продолжается. – Бланшар снова принялся играть с ножом. – Тебе будет весьма затруднительно работать в «Монсальвате», если твоя мать останется в Ньюпорте.

Спустя неделю Элли получила ответ. Послание было спрятано так надежно, что она едва не пропустила его. Оно было вложено в бесплатную газету, которую ей вручили на улице, когда она шла домой. Распространитель слегка ткнул газетой ей в грудь, и когда девушка взялась за нее, удерживал ее несколько секунд, вынудив тем самым Элли взглянуть на него. На его голове была желтая бейсболка с длинным козырьком, но ей удалось рассмотреть под ним лицо Гарри с обычным для него встревоженным выражением. Спустя мгновение он повернулся и сунул газету другому прохожему. Она высматривала Гарри и на следующий день, но его уже не было.

Спустя два дня она вышла из автобуса на Фулхэм-роуд и прошла назад до угла, проверяя, не следят ли за ней. *Олд-Черч-стрит* –

гласило послание. Никакой старой церкви Элли на этой улице не увидела – только антикварный магазин и кирпичная стена, исчезавшая за углом. Правда, там был давно заброшенный церковный двор. Элли заметила его со второго этажа автобуса, за стеной, к которой она сейчас приближалась.

На проржавевшей зеленой двери в стене давно облупилась краска. Казалось, ею не пользовались долгие годы, но когда девушка толкнула ее, она открылась почти беззвучно. Войдя в нее, она увидела ряды осевших в землю надгробных памятников, похожих на неолитические монументы.

– К сожалению, нам не удалось найти более веселое место.

При других обстоятельствах вид одинокой фигуры в тени заброшенного кладбища обратил бы Элли в бегство. Гарри стоял, прислонившись к стене, где пассажиры автобуса не могли его заметить. Он сделал жест рукой, подзывая ее к себе.

– Вы пытаетесь напугать меня?

Он покачал головой.

– Вы не представляете, как трудно было устроить эту встречу. Бланшар контролирует каждый ваш шаг за пределами офиса. Такое впечатление, будто он раньше вас знает, куда вы собираетесь пойти.

– Это совсем несложно. Утром я еду в офис, вечером возвращаюсь домой.

Элли задумалась, стараясь вспомнить неожиданные совпадения и незнакомых людей, встречаемых ею изо дня в день. Гарри больше всего походил на вежливого и обходительного безумца. Тем не менее ей приходилось верить ему.

Сейчас у Элли было слишком мало времени, поэтому она сразу же приступила к делу.

– Расскажите о моем отце. Он работал в «Монсальвате»?

Гари оторвал клочок мха от надгробного креста, обнажив белый камень. Его палец сделался черным.

– Он не получил там работу. В Брюсселе я говорил вам, что принадлежу к некой тайной организации. Назовем ее братством, хотя мы ничего не имеем против женщин. Мы ведем войну против «Монсальвата». И эта битва то затухает, то вспыхивает вновь уже почти девять столетий.

Изумлению Элли не было границ.

– Но ведь «Монсальват» существует всего лишь с XVI века, – это все, что пришло ей на ум после такой ошарашивающей информации.

– Ну, это касается только банка. На самом деле история этой компании начинается куда раньше. Сен-Лазар де Моргон, основатель банка, был потомком норманнского полководца по имени Лазар де Мортен. Даже по стандартам Средневековья это был еще тот негодяй.

– Почему мой отец хотел получить там работу?

– Он был разведчиком. Помните, я говорил, что он погиб при попытке проникнуть в подвал?

– Такое не забывается.

– Девятьсот лет назад Лазар де Мортен украл кое-что, принадлежавшее нашему братству. Насколько нам известно, это до сих пор хранится в «Монсальвате».

Элли вспомнила, как содрогались стены подвала, когда мимо прогремел поезд подземки. Она представила, как из-за угла появляются огни локомотива. В их лучах возникает человеческая фигура. Никаких шансов избежать гибели. Скрежет стали, искры, удар. Иногда, когда она засиживалась на работе допоздна и в офисе стояла тишина, ей казалось, будто от исходящего снизу грохота сотрясается пол.

– «Монсальват», в какую бы личину он ни рядился в современном мире, в действительности представляет собой феодальное хозяйство. Мишель Сен-Лазар – король, Бланшар – его верный мажордом. Кроме того, он племянник Сен-Лазара. Вы знали об этом?

Элли покачала головой.

– Сен-Лазар не может иметь детей. После одной из наших встреч он остался инвалидом.

Гарри рассеянно крутил пуговицу на своем пальто.

Элли вдруг вспомнились слова Бланшара, сказанные после вечера в опере. *Со мной тебе не нужно предохраняться.* Она подумала об этих стариках – они имеют столько денег, столько власти и в то же время лишены самого главного в жизни.

– А как насчет холдинга «Талуэт»? Какое отношение они имеют к вам?

– Никакого. Они являются именно тем, чем представляются, – европейский промышленный концерн средней руки. Судьбе было угодно, чтобы они завладели тем, что принадлежит нам.

Элли вспомнила его расспросы в Брюсселе, а также телефонный разговор с Бланшаром во время проведения проверки чистоты сделки.

– Мирабо.

– Вам не обязательно знать, что это такое. Сен-Лазар каким-то образом пронюхал об этом. Узнав о его намерении завладеть холдингом «Талуэт», мы послали человека выяснить, что именно ему известно.

Элли заметила, как на одном из могильных камней шевельнулась тень. Наверное, она была не так уж сильно утомлена, раз испугалась. Но оказалось, что это всего лишь белка.

– Нас постигла неудача. Один человек погиб, второго схватили. Его тоже уже нет в живых.

– Кто схватил? Бланшар? Сен-Лазар?

Гарри пожал плечами.

– Не имеет значения. Есть у Бланшара прихвостень, который, по всей вероятности, делает всю грязную работу, – один мерзавец по имени Дестриер.

– Я встречалась с ним.

По Фулхэм-роуд проехал автобус. Освещенные окна второго этажа, казалось, парили в ночи. Проплывающие мимо пассажиры не подозревали о том, что происходит в темноте за кирпичным забором.

– Зачем Бланшар пригласил меня на работу? – спросила Элли.

– Мы не знаем. По нашему мнению, он не знал о вашем существовании, в противном случае мы лучше заботились бы о вашей безопасности. Мы не предполагали, что вы будете замешаны во всем этом. Но теперь, когда вы... Дьявол.

Пуговица его пальто, которую он крутил, оторвалась. Гарри с сожалением смотрел на нее.

– На прошлое Рождество оно еще было новым.

Элли не было дела до его пальто, как не было дела до рыцаря, жившего девятьсот лет назад, и братства, стремившегося сокрушить банк.

– Что вы от меня хотите?

Никогда не задавайте вопрос, если вы не знаете ответ, учили ее на курсах перед поступлением на работу в «Монсальват». Но ответы всегда известны. Даже во время разговора с миссис Томас по телефону

из Швейцарии она знала, что происходит. Это все равно что слышать во вдохе слова, которые будут произнесены при выдохе.

– Мы хотим, чтобы вы проникли в подвал.

– Что там находится?

Гарри положил пуговицу в карман.

– Вы не поверите мне, если я вам скажу.

– Вы хотите, чтобы я рисковала жизнью, и отказываетесь говорить, ради чего?

– Я не могу, – Гарри сунул руки в карманы. – Когда эта вещьца будет у вас в руках и вы окажетесь в безопасности – я вам все покажу.

– Но мой отец знал, что это такое.

– Ваш отец посвятил этому свою жизнь.

Элли попробовала притвориться, будто еще не приняла решение.

– Вы сказали, что не хотели, чтобы я ввязывалась в это.

Она не раз отмечала, что у Гарри зачастую бывает виноватый вид: опущенные вниз уголки рта, поникший взгляд. Но сейчас в его голосе прозвенел металл.

– Вы уже ввязались, и я пытаюсь вас вытащить.

Глава 26

Франция, 1136 г.

Следующие два месяца – самые счастливые в моей жизни.

Мы направляемся на юг, во владения короля Франции. Опасности подстерегают нас всюду, но, по крайней мере, люди Ги тоже не будут чувствовать себя в безопасности. Через два дня мы продаем своих коней. Для меня это настоящий удар, поскольку мне приходится отказываться от статуса, завоеванного совсем недавно. Но кони слишком узнаваемы, и мы привлекаем к себе слишком много взглядов. Мы могли бы сойти за рыцаря и его даму, но люди стали бы интересоваться, где наши слуги и багаж, и запомнили бы нас.

Странствуя пешком, мы почти невидимы. Когда весна сменяется летом, на дороги христианского мира высыпают тысячи людей. Можно пройти от Кентербери до Компостелы и при этом никогда не оставаться в одиночестве. После первой недели, в течение которой я постоянно оборачиваюсь, чтобы посмотреть, не видны ли клубы пыли, поднимаемые преследующими нас всадниками, в моей душе поселяется покой. По дороге в обоих направлениях движутся толпы людей, и чем больше глаз видят нас, тем меньше замечают.

Наша внешность претерпевает изменения. Я отрачиваю волосы и бороду. Красоту Ады трудно спрятать, но через два месяца ее кожа становится грубее и темнее. Мы представляемся мужем и женой и живем соответствующим образом. Нам так долго приходилось скрывать свои чувства, что сейчас мы испытываем радость оттого, что теперь можем проявлять их открыто. Это кажется мне справедливым и честным. Иногда я забываю, что у Ады имеется настоящий муж.

Она никогда не говорит о нем, но каждый раз, когда мы проходим мимо церкви, выражение ее лица напоминает мне о данном ею Богу обете. Она все еще чувствует себя связанной им, как бы я ни хотел избавить ее от него.

Переставая быть детьми, мы сперва желаем, чтобы мир был другим – чтобы раны заживали, не оставляя шрамов, чтобы каждая

любовь была первой, чтобы прошлые грехи отпускались после одной-единственной исповеди. Я усвоил истину еще в юности: мы не можем сбросить с себя наши грехи и сожаления, а лишь накапливаем их, и несем это бремя вплоть до самой смерти. Лучшее, что мы можем сделать, – научиться жить в согласии с самими собой, примиряясь с прошлым.

В храме Богоматери в Труа я дарю Аде деревянную брошь, изображающую двух птиц, пьющих из одной чаши. Я не могу жениться на ней, но встаю на колени и обещаю всегда любить и защищать ее.

Но лето близится к концу. Однажды я понимаю, что на дороге уже не так многолюдно, как неделю назад. Теперь легче найти место на паломнических постоянных дворах и в богадельнях. Очереди у ворот городов не такие длинные. Путешественники начинают возвращаться домой, чтобы собрать урожай, стереть пыль с башмаков и сделать запасы на зиму. Вопросы, поиск ответов на которые я откладывал на будущее, становятся неотложными. Если все идет домой, куда пойдём мы? Чем мы будем жить? Мы растягивали деньги, вырученные от продажи лошадей, так долго, как только могли, но они почти кончились. Ада умеет шить и ткать, но это умеет каждая женщина. Я умею только воевать.

В конце августа я наконец нахожу ответы на насущные вопросы. Мы находимся в Бургундии, неподалеку от Дижона. С каждым днем сумерки опускаются все раньше и раньше. Мы подходим к постоянному двору. Обычно мы избегаем их из-за дороговизны, но весь день идет дождь, и прошлую ночь нам пришлось спать под кустами. Войдя в дверь, я вижу высокий синий щит с золотой звездой, прислоненный к стене. Поторговавшись с хозяином о плате за ночлег и еду, я интересуюсь, чей это щит.

– Этьена де Луза.

Он указывает пальцем на заднюю комнату. Из-за двери за ширмой доносятся смех и пение.

– Граф Дижонский едет на трехдневный турнир в Ла-Роше.

Хозяин уходит по своим делам. Ада хватает меня за запястье. Она понимает, о чем я думаю.

– Это слишком опасно.

– Никто меня не узнает. Мы далеко от Нормандии.

Но она имеет в виду не это.

– Рыцари часто гибнут во время турниров.

Мне это известно. На турнирах не используются тупые лезвия и наконечники. Тем не менее на следующее утро после споров с Адой, продолжавшихся всю ночь, я стою во дворе конюшни, куда выходит Этьен де Луз, чтобы оседлать своего коня.

Сразу видно, что он не воин. Во-первых, он облачен в доспехи, а настоящий воин бережет силы для сражения. Его сверкающая кольчуга состоит лишь из одного слоя колец, а его тонкий меч в украшенных драгоценными камнями ножнах сломается на сильном ветру. Правда, его спутники выглядят вполне достойно.

Я подхожу к нему.

– Мне сказали, что ты набираешь людей для участия в турнире в Ла-Роше.

Он меряет меня взглядом, затем поворачивается к своему мажордому, желая услышать его мнение. Граф высокомерен, но сознает свои недостатки и слабости.

Явно опытный мажордом проявляет ко мне интерес.

– Что ты умеешь?

Я окидываю двор взглядом и замечаю ласточку, сидящую на краю крыши и выклеывающую из соломы насекомых.

– Дайте мне копье.

Мажордом протягивает мне копье. Я беру его, взвешиваю в руке, отыскиваю положение равновесия. Конечно, это не валлийский дротик, но ничего, сойдет.

Я делаю полшага назад и бросаю копье. Оно попадает ласточке в грудь, проходит насквозь и вонзается в соломенную крышу. Белые перья обогрены кровью. На Этьена и мажордома это производит сильное впечатление.

Ги сказал бы, что это едва ли можно назвать рыцарским искусством. Но на турнире значение имеет только число побежденных противников.

– Ты можешь сделать это, сидя верхом?

Я не говорю ему, каким образом ласточка оказалась на крыше – что я поймал ее ночью в конюшне и привязал нитью к стропилу, что я

точно вымерил расстояние. Бард не обязан посвящать слушателей во все детали.

– Дай мне лошадь, и я покажу тебе, на что способен.

Глава 27

Лондон

Если бы не события, последовавшие за этим месяцем, это время оказалось бы самым тяжелым в жизни Элли. Она поднималась каждое утро в пять, спустя полчаса уже сидела за своим рабочим столом, жуя хлебец из дробленого зерна и переваривая последние новости. В восемь встречалась с Бланшаром и другими членами группы и затем в течение двенадцати часов участвовала в заседаниях и селекторных совещаниях, отправляла и принимала сообщения по электронной почте, работала с документами. Каждый вечер в девять такси отвозило ее в частную клинику, где она проводила час у постели матери. Здесь не было никаких ограничений для посещения больных. Затем другое такси доставляло ее домой, где она просматривала сообщения, пришедшие на ее телефон, и иногда, в случае необходимости, работала еще до двух или трех часов ночи.

Элли жила во тьме, в мире постоянной ночи, где, как ей казалось, никогда не спала. Она опять начала ходить на работу пешком, даже несмотря на дождь, чтобы хотя бы десять минут побыть на свежем воздухе. В скором времени она уже знала людей, встававших так же рано, как и она: дворника, подметавшего тротуар на углу Гришем-стрит; водителя автомобиля, доставлявшего утренние газеты, который всегда сигналил, проезжая мимо; продавца газет, поднимавшего ставень своего киоска, но этот человек избегал сталкиваться с ней взглядом. Иногда Элли вспоминала, что нужно соблюдать осторожность, и тогда оглядывалась, чтобы посмотреть, не идет ли кто за ней, внимательно изучая тени в дверных проемах.

Элли чувствовала себя туго натянутым полотном, на котором чужие люди пишут свои желания. Порой ей казалось, что ее разорвут на части. Она не могла уйти от Бланшара, пока ее мать лежала в его больнице, и не могла игнорировать Гарри. С Дугом у них была полная неопределенность. Он узнал от нее о болезни ее матери гораздо позже, чем должен был, поскольку ей пришлось сочинять целую историю,

чтобы скрыть факт своего пребывания в Швейцарии на Рождество. Он хотел приехать, чтобы навестить ее мать, но Элли ему не позволила. Она понимала, что Дуг обиделся – он заговорил об их отношениях, – но тем не менее настояла на своем. После этого он звонил раз в неделю, чтобы справиться о состоянии матери, и больше ее ничем не беспокоил. Звонки были настолько формальными, настолько выверенными, что она иногда думала, не настал ли момент окончательно порвать с ним и забыть обо всем.

Бланшар начал давать ей новые, весьма необычные поручения. Однажды вечером она отправилась в Уоппинг, чтобы опустить толстый конверт в почтовый ящик на стене офисного здания. Спустя два дня в газете, не замеченной прежде в проявлении интереса к проблемам бизнеса, появилась статья о финансовом директоре британского отделения холдинга «Талуэт». В этой статье, озаглавленной «Не в меру резвый банкир», приводилось описание его развлечений в Сохо, о чем явно не подозревала его жена. И вся эта грязная информация была подкреплена фотографиями и свидетельствами очевидцев. Банкир было пригрозил судом, но очень скоро вышел в отставку, чтобы уделять больше времени семье.

В другой раз Элли целое утро просидела в вестибюле отеля в Найтсбридже в ожидании попечителя известного пенсионного фонда. Когда он вошел в здание, она последовала за ним в кабину лифта. К моменту достижения восьмого этажа он уже был обладателем нового, довольно увесистого портфеля «Гуччи». Через неделю его фонд объявил о том, что использует свои акции для голосования в пользу поглощения холдинга «Талуэт» компанией Сен-Лазара.

Элли не задумывалась о последствиях того, что делала. Для нее имело значение лишь одно: что способствовало поглощению и что препятствовало ему. Причинно-следственные связи не занимали ее, как и вопросы добра и зла. Она слишком устала.

По крайней мере ей не нужно было много разъезжать. Головной офис холдинга и львиная доля бизнеса компании располагались на континенте, но, по иронии судьбы, ее основные акционеры находились в Лондоне. Случилась лишь одна командировка, и, как в большинстве случаев, совершенно неожиданно. Однажды во второй половине дня в

ее офис ворвался Бланшар. Элли никогда не видела его таким разъяренным.

Он знает, подумала она. *О Гарри, Ньюпорте, обо всем.*

Она пошелестела бумагами, стараясь выглядеть невозмутимой.

– Что произошло?

– Белый рыцарь, – Бланшар хлопнул ладонью по лежавшей на ее столе папке. – Что тебе известно о «Кенинг Групп»?

Элли собралась с мыслями.

– Частная акционерная компания. Занимается главным образом объектами инфраструктуры и средствами связи.

– Они сделали выгодное предложение нашему холдингу. Их руководство настроено решительно – даже правительство Германии может поддержать это предложение. Один немецкий политик полагает, будто мы олицетворяем неприемлемый глобальный капитализм, – на этих словах лицо Бланшара исказила гримаса.

– Это не имеет никакого смысла, – Элли нахмурилась. – Мы уже предлагаем больше, чем показывают цифры прироста капитала. «Кенинг Групп» не располагает дополнительными ресурсами для создания синергии, и если это предложение поддержит немецкое правительство, оно не позволит им уволить рабочих или разделить компанию. Какой для них в этом прок?

– Это отнюдь не совпадение, Элли. У Мишеля Сен-Лазара имеются враги, и один из них внушил руководству «Кенинг Групп» эту идею. Мы должны срочно отправляться в Париж.

– Мне казалось, ее головной офис находится во Франкфурте.

– С ними говорить бесполезно. Они хотят сыграть в белого рыцаря. Ты знаешь, как проще всего остановить скачущего в атаку рыцаря?

Элли воззрилась на Бланшара, даже не стараясь скрыть недоумения.

– Убить его коня.

С тихим урчанием «Бентли» двигался по Коммершиэл-роуд в сторону Лаймхауза. На шоссе было довольно свободно, но Бланшар велел водителю ехать окольным путем. Оторвавшись от своего ноутбука, Элли с удивлением увидела в окне длинную вереницу складских помещений.

– Разве это дорога в аэропорт?

Бланшар пробормотал что-то по поводу дорожных работ. Элли вернулась к работе. Когда она вновь подняла голову, автомобиль стоял в тупике, в лабиринте промышленной зоны. Она решила, что водитель повернул не в ту сторону, но Бланшар внимательно смотрел в окно, словно чего-то ожидая.

Элли проследила за его взглядом, устремленным на витки колючей проволоки поверх забора. За ним простирался пустырь, усеянный грудями битого кирпича и скрученных стальных балок, – все, что осталось от сгоревшего склада. Порывы ветра поднимали хлопья пепла, словно пожар все еще продолжался, хотя было видно, что он произошел неделю назад. Подпалины на стенах соседних зданий были уже закрашены. В задней части пустыря сохранилась табличка с надписью «Лоджикал Компонентс» – памятник потерпевшей крах компании.

Это название показалось Элли знакомым. Она вспомнила гордого старика, отвергавшего предложение Бланшара о продаже компании, поскольку он мечтал, чтобы она перешла по наследству его сыну, который не желал заниматься этим бизнесом. Вспомнила о том, что компания Розенберга упорядочила цепочку своих поставщиков в целях повышения собственной конкурентоспособности. Вспомнила о том, как на территории завода рылась в куче картонных коробок в поисках логотипов. *«Лоджикал Компонентс» – логичный выбор».*

– Это компания, поставлявшая схемы компании Розенберга. А точнее, она была их единственным поставщиком.

– Их завод сгорел три месяца назад. Без этих плат Розенберг не смог продолжить производство своей продукции. Заказчики прекратили с ним сотрудничать, банк отказал ему в кредите. Он уже собирался объявить о банкротстве, и мы сделали ему последнее предложение. Разумеется, цена была снижена. Компания почти ничего не стоила.

Элли стоило большого труда посмотреть ему в глаза.

– Зачем вы привезли меня сюда?

– Это была твоя первая сделка. Я думал, тебе хочется узнать, чем она завершилась.

Элли окинула взглядом пепелище и представила языки пламени, пожирающие здание.

– Это сделали вы?

– Конечно, нет, – губы Бланшара раздвинулись в улыбке, обнажив зубы. Он как будто приглашал ее поспорить с ним. – Ну а если бы это сделал я – что в этом плохого? В принципе, компания – это сумма ее активов. Совокупность ценностей. Предположим, я отдаю распоряжение нашему торговому подразделению занять агрессивную позицию по отношению к некой корпорации. У них имеются трудности с реализацией продукции. На рынке распространяется соответствующий слух, и их положение еще более усугубляется. В течение нескольких минут я обесцениваю активы компании на сотни миллионов фунтов. Все абсолютно законно. Теперь предположим, я уничтожаю активы в форме зданий и производственного оборудования, а не в форме денег. Так в чем же разница? Только в том, что я использую огонь вместо телефонного звонка.

– Это противозаконно.

– Никто не умер. Мы испытываем сентиментальную привязанность к материальному имуществу, но оно представляет собой не что иное, как воплощение богатства. А богатство – это материал капитализма. Мы создаем его или разрушаем. Мы работаем, чтобы получить его, и лишаем его своих врагов.

– И что дает вам все это богатство? – Голос Элли прозвучал громче, чем она того хотела. Бланшар посмотрел на нее с удивлением.

– Власть, разумеется.

Париж

Элли всегда хотела увидеть Париж, но не при подобных обстоятельствах. Самолет приземлился в темноте. Спустя полчаса они неслись на лимузине по шоссе. Она чувствовала, что ее нервы на пределе. Каждый раз, оглядываясь назад, она видела черный «Рейндж Ровер» с тонированными окнами, который, как ей казалось, неотступно преследует их. Однажды, когда между ними попыталось втиснуться такси, двигатель машины взревел, и он рванулся вперед, чтобы закрыть брешь, чуть не ударив такси. Водитель такси едва успел отвернуть в сторону.

– За нами кто-то следует?

Бланшар повернул назад голову и улыбнулся.

– Дестриер нанял няньку. По его словам, здесь имеется группа анархистов, высказывавших в наш адрес угрозы. Ничего страшного, но Дестриер волнуется. Иногда он напоминает мне заботливую бабушку.

Когда лимузин остановился у отеля «Ритц» на Пляс Вандом, «Рейндж Ровер» растворился в потоке автомобилей. Передавая им ключи, портье сообщил: «Мистер Леховски ждет вас в апартаментах Элтона Джона».

У Элли похолодело внутри.

– Теперь он консультирует «Кенинг Групп»?

– Вполне логичный выбор. Он уже знает компанию изнутри, поскольку пытался купить ее.

– Разве это этично?

– Это эффективно.

Апартаменты Элтона Джона отличались бóльшим вкусом, нежели ожидала Элли. Теплый свет, мягкие переходы всевозможных розовых оттенков и цвета слоновой кости. Каблуки ее туфель утопали в толстом ковре. Леховски ожидал их в гостиной. Через открытую дверь Элли увидела широкую кровать под розовым балдахином.

– Вы выглядите как всегда прекрасно, Элли, – сделал он ей комплимент. – Выпьете что-нибудь?

– Только воды.

Он поднял трубку розового телефона и сделал заказ.

– Неожиданная встреча. Ваш помощник отказался сообщить мне что-либо по телефону, но, полагаю, вы приехали в связи с холдингом «Талуэт»? Вы хорошо поработали в Люксембурге. Нас очень разочаровала неудача. Наше предложение было всего на пять миллионов евро меньше вашего. Он внимательно посмотрел на Бланшара. – Но, вероятно, вы тогда уже знали об этом.

Спустя сверхъестественно короткий промежуток времени официант принес напитки – минеральную воду для Элли, бренди для Бланшара и виски «Джек Дэниэлс» для Леховски.

– Да, мы приехали в связи с «Талуэт», – подтвердил его предположение Бланшар.

Леховски выплюнул жевательную резинку.

– Неофициально?

– Зависит от того, как договоримся, – Бланшар вынул из кармана нож и обрезал кончик сигары. – «Кенинг Групп» не извлечет никакой выгоды, приобретя «Талуэт». Элли, изложите суть дела.

Стараясь быть как можно более лаконичной, девушка обрисовала ситуацию. Леховски слушал, хотя, как показалось Элли, его больше волновала ее грудь, чем слова.

– И даже если «Кенинг Групп» приобретет компанию, мы будем владеть десятью процентами акций. Вы увидите, что мы можем быть весьма неприятным акционером.

– Я думал, этой долей владеет «Сен-Лазар Групп».

Бланшар стукнул рукой по столу.

– На этот счет у нас единое мнение.

– Как всегда.

– «Кенинг Групп» не располагает акциями, которые они могли бы предложить, поэтому им придется платить деньгами. На этом рынке только дурак может себе позволить такое. И он вдвойне дурак, если отягощен долгами в связи с обслуживанием.

Последовала пауза. Леховски отхлебнул виски. Бланшар выдохнул облако дыма.

– Ну, ладно, – Бланшар принялся рассматривать одну из висевших на стене картин. На ней был изображен космический корабль причудливой формы. – В детстве я любил астрономию. Орион, Пегас, Андромеда – мог нарисовать любое созвездие. Тогда космос будоражил воображение. А сейчас, судя по всему, в этой сфере больше бюрократизма, чем героизма. Вы слышали об аппарате НАСА, запущенном на Марс?

Леховски покачал головой.

– Аппарат размером с пылесос, но они потратили на его создание больше, чем вы или я потратили бы на приобретение целой компании. Десять лет подготовки, три года полета в космическом пространстве, и в итоге столкновение с планетой при скорости четыреста пятьдесят километров в час. Знаете, почему?

Если Леховски и знал, он не хотел лишать Бланшара удовольствия блеснуть эрудицией.

– Потому что проектировщики сделали расчеты в сантиметрах, а запрограммировали посадочный модуль в дюймах.

Оба мужчины рассмеялись. Элли переводила глаза с одного на другого, пытаясь понять, куда клонит ее начальник.

– Есть еще одна история, которую вы, вероятно, знаете, – продолжал Бланшар. – Об одной немецкой частной акционерной фирме, которая вознамерилась приобрести венгерского застройщика. Они открыли книги и провели проверку чистоты сделки. Составили балансы, разработали модели, произвели оценки – все по книгам. В конечном счете приобрели компанию за немалые деньги – очень уж им хотелось проникнуть на процветающий венгерский рынок. А потом, – Бланшар улыбнулся, – выяснилось, что цены на активы, заплаченные в евро, были рассчитаны в форинтах.

Он снова рассмеялся. На сей раз Леховски не разделил его веселья.

На конце сигары Бланшара образовался длинный цилиндр пепла. Он стряхнул его в пепельницу и отхлебнул бренди.

– Конечно, это всего лишь история. Я рассказал ее только потому, что Мишель Сен-Лазар всегда хотел распространить свою деятельность на венгерский рынок. Если у кого-нибудь из ваших клиентов имеются активы, от которых они хотят избавиться, он охотно обсудит с ними условия продажи.

Леховски сидел совершенно неподвижно – словно кот, наблюдающий за птицей на дереве. Элли показалось, что у него дрожит челюсть.

– Сколько готов потратить Сен-Лазар?

– Двести-триста миллионов евро. Разумеется, он рассчитывает на прибыль от «Талуэт», которая пойдет на финансирование этой сделки.

Леховски допил виски. Элли вновь наполнила бокал из бутылки, предусмотрительно оставленной официантом на столе. Выполнение функций официантки было, похоже, единственной причиной ее присутствия.

– Поделюсь с вами секретом, – проговорил Леховски, которому, видимо, удалось вновь обрести самообладание. – Руководство «Кенинг Групп» не хочет приобретать этот злосчастный холдинг. Они делают это только потому, что так постановил совет директоров. Но в действительности совет директоров не заинтересован в этой сделке. Там есть один человек, господин Дрекслер, который навязывает ее им. К несчастью, он занимает должность председателя. Убедить их

изменить свое решение очень трудно. Это можно сделать, но потребуется *личная* просьба.

– Ваш банк получит комиссионные.

– Да, мой банк.

– Три процента – это около шести миллионов евро. Если вы организуете эту сделку, львиная доля этой суммы ляжет в ваш карман. Вы, вне всякого сомнения, сможете позволить себе новый «Порше».

– Вообще-то я предпочитаю «Астон Мартин». Коллеги называют меня извращенцем, но мне нравятся английские автомобили.

Леховски залпом допил виски. Когда Элли приблизилась к нему с бутылкой, чтобы опять наполнить бокал, он держал его так, что ей пришлось низко склониться перед ним. Его колено коснулось ее ноги.

– Я романтик, Бланшар. Предпочитаю английские автомобили немецким и американский бурбон шотландским виски. А также теплую постель холодной.

Он с улыбкой взглянул на Элли. На мгновение показалось, будто даже дым застыл в воздухе. Элли с выражением отчаяния на лице повернулась к Бланшару, но не нашла сочувствия в его глазах. Он поднялся с кресла.

– Думаю, мне пора спать. Сегодня был длинный день, – он улыбнулся Элли, – я оставлю вас, чтобы вы обсудили детали соглашения.

Леховски поднялся, чтобы пожать руку банкиру.

– Я должен извиниться, – сказал он Элли. – Надеюсь, вы дождетесь моего возвращения.

Бланшар задержался, подождав, пока Леховски выйдет из комнаты.

– Этот человек никогда не играет в белого рыцаря, – заметил он.

Сигарный дым разъедал глаза Элли и вызывал слезы. Она испытывала чувство дурноты.

– Вы действительно?..

– Делай то, что нужно делать.

Лондон, аэропорт Сити

Телефон Бланшара начал звонить в тот самый момент, когда они спустились по трапу самолета. Он приложил трубку к уху, некоторое время слушал, улыбался, потом произнес несколько слов и отключил телефон.

– Это звонили из офиса. Руководство «Кенинг Групп» только что выпустило пресс-релиз с сообщением об отказе от участия в торгах. Они говорят, что сейчас рыночные условия неблагоприятны. Совет директоров «Галуэт» соберется завтра, и все полагают, что они объявят о согласии с нашим предложением. Не знаю, как тебе удалось этого добиться.

Он обнял Элли за талию и наклонился, чтобы поцеловать, но она выскользнула из его объятий.

– Вас интересует, спала ли я с ним?

– Конечно, – Бланшар с серьезным видом посмотрел девушке прямо в глаза. – Я мужчина, и мне не чуждо чувство ревности. Ты для меня очень многое значишь. Но личное это личное, а бизнес это бизнес. А в бизнесе доля безжалостности достойна восхищения.

Он наклонил голову, ожидая ее ответа.

– Я не спала с ним. Сказала, что нахожу его привлекательным, но знаю, что о нем говорят. Сказала, что если лягу с ним, а он потом разорвет соглашение с нами, никто больше не будет воспринимать меня всерьез. Сказала, что он сможет обладать мною только после заключения сделки.

На губах Бланшара промелькнула улыбка восхищения.

– Учти, он сделает все возможное, чтобы ты выполнила то, что обещала, – предостерег он ее.

Я не собираюсь этого дожидаться.

Элли позволила ему поцеловать себя, когда они ждали автомобиль у входа в аэропорт. Очутившись в салоне, она достала из сумочки телефон и включила его. Даже за то время, что она провела в воздухе, ей пришло несколько десятков сообщений по электронной почте. Она читала их, вполуха слушая разглагольствования Бланшара о необходимости отпраздновать успех и по поводу того, где сейчас можно заказать столик.

– Когда контракты будут подписаны, весь банк будет отмечать это событие, – донесся до нее голос банкира. – А сегодня мы это сделаем вдвоем, только ты и я.

В последнем сообщении говорилось, что ее ждет голосовое послание. Элли набрала указанный номер и приложила трубку к уху.

– Наверное, это Леховски с приглашением поужинать, – со смехом заметил Бланшар. Он погладил лежавшую на ее щеке прядь волос и опять наклонился, чтобы поцеловать. Однако что-то в ее лице остановило его.

– Что случилось?

Глава 28

Торси, Франция, 1136 г.

Говорят, когда сходятся две шеренги всадников, сотрясается земля. Если вы один из всадников, то не замечаете этого, поскольку сотрясается весь ваш мир. Всхрапы коней, покачивание копий, скрип кожи, скрежет доспехов. Некоторые рыцари еще привязывают к шлемам плюмаж, он так красиво развевается на ветру. Это глупое тщеславие: лишний раз давать противнику за что схватиться.

Но сейчас все спокойно. Смолкли барабаны и трубы. Стихла толпа. Я сижу в седле, ощущая, как задняя лука упирается мне в спину. Холодный ветер шевелит флажок на кончике моего копья. Лошади бьют копытами и храпят. На противоположной стороне поля перед помостом выстроены в шеренгу около двух сотен конных рыцарей. Помост покрыт куском ткани, она трепещет на ветру, создавая впечатление, что шатается само сооружение.

Герольд подает команду: «*laciez*»^[7]. Четыре сотни людей надевают на головы шлемы. Я завязываю под подбородком ремешок. Из-под забрала я рассматриваю противоположную шеренгу, отыскивая знамя Ги де Отфорта. Это уже стало для меня ритуалом. Мы находимся вдали от Нормандии, но рыцари проделывают большой путь ради участия в турнирах.

Мой взгляд натывается на нечто знакомое – не то оттенок синего цвета, не то форма. Шеренга стоит слишком далеко, и рассмотреть отчетливо не представляется возможным. Тем более этот герб периодически закрывает колышущееся на ветру полотнище другого знамени. Но в моей душе поселяется тревога. Обычно у нас бывает достаточно времени, чтобы расспросить герольдов, кто находится на противоположной стороне, но на этот раз мы задержались в дороге из Пуатье и прибыли только прошлой ночью.

Звучит труба. Мы бросаемся вперед.

Это мой пятый турнир в составе отряда Этьена. На первом турнире я захватил трех рыцарей и пятерых коней. Четырех коней Этьен продал, а пятого, гнедого, отдал мне. Только я начал привыкать к нему, как его потерял – уже на следующем турнире. Это произошло во время первой атаки. Копье попало прямо в центр моего щита, и я вылетел из седла. К счастью, на поле битвы остался только конь.

После этого удача сопутствовала мне. Ада говорит мне, чтобы я соблюдал осторожность, что меньше всего мне нужна репутация, но если поворачиваться спиной к противнику во время сражения, пусть и не настоящего, каковым является турнир, то рискуешь оказаться на земле.

– *Ты хочешь, чтобы я трусливо бежал от других рыцарей, а не встречал их лицом к лицу?* – спрашиваю я ее.

Ада ничего не отвечает, но я читаю ответ на ее лице:

– *Если бы ты любил меня, то бежал бы.*

Я не знаю, как объяснить ей, что эти вещи несовместимы. Я люблю ее – но должен сражаться.

Первая атака кончается для меня благополучно. Однако я все еще испытываю тревогу, и в этом виноваты герб и знамя, замеченные мною вначале. Но все это действие называется турниром потому, что настоящее испытание начинается после команды «*tournez*». Поворачивайтесь. Любой дурак, имеющий хоть каплю храбрости, может рискнуть и броситься в первую атаку. Истинным же испытанием характера является вторая атака в обратном направлении, когда ваше копьё превратилось в расщепленный обломок, когда рядом с вами уже не мчатся товарищи в сомкнутой шеренге, колено в колено. Остановить скачущего галопом коня, развернуть его и заставить броситься в новую атаку – очень нелегкая задача. Если вы замешкаетесь, противник, повернувшийся быстрее, будет иметь преимущество.

Я поворачиваюсь и скачу назад, стараясь не отставать от товарищей. Знамени нигде не видно. На этом поле нет затупленного оружия: если я встречу Джоселина, убить его не составит труда.

Ко мне приближается на полном скаку рыцарь на гнедом коне. Я забываю о знамени и вынимаю из ножен меч. Вторая атака всегда таит в себе больше опасностей. Ни вы, ни ваша лошадь не

сконцентрированы так, как во время первой атаки. Именно тогда случаются самые тяжелые ранения: вы не можете достаточно высоко держать щит, нехстати отвязывается какой-нибудь из доспехов, в решающий момент оступает усталый конь.

Я пришпориваю коня и погружаюсь в пучину сражения.

Сегодня у нас выдался хороший день. К тому времени, когда протрубил рог, мы захватили дюжину пленных, в том числе сына смотрителя замка, за которого дадут хороший выкуп. У меня болит все тело, хотя это не идет ни в какое сравнение с тем, что будет завтра. Над глазом царапина от обломка копья, а в остальном одни лишь синяки.

И все же мне не по себе. Я весь день искал глазами знамя, замеченное мною перед турниром, но так и не нашел его. После второй атаки сражение распалось на серию схваток и поединков, постепенно захвативших все турнирное поле. Мне приходилось держаться вблизи своего отряда. Я не мог подвергать себя риску, оставаясь один.

Я убеждаю себя в том, что ничего страшного нет. Многие рыцари сражаются под синими знаменами – и даже если это был Джоселин, он мог сломать свое копьё о мой щит и при этом не узнать меня. Однако мне хочется как можно быстрее вернуться в лагерь и найти Аду.

Палатка пуста, ее там нет. Этьен со своими людьми отправился на пир в замок графа, но один из грумов сидит у костра и пьет вино, которое мы взяли в качестве выкупа за одного бургундского рыцаря.

– Где Ада?

Он вытирает капли вина с губ.

– Она пошла на встречу с торговцем лошадьми в часовню Святого Себастьяна, возле леса.

Почему не на лошадиный рынок? Я спешно иду между рядами палаток с опущенной головой, следя за тем, чтобы не зацепиться шпорами за веревки, и неожиданно наталкиваюсь на молодого оруженосца. Отпрянув назад, я бормочу извинения и только тогда вижу его лицо. Ниспадающие рыже-каштановые локоны до плеч, опущенные уголки губ, круглые, словно у младенца, щеки.

– Уильям?

– Питер?

Он явно не в восторге от нашей встречи. Сцепив руки под плащом и вывернув их, он стоит и не знает, что сказать.

– Рад снова видеть тебя, – я растягиваю губы в улыбке, а сам судорожно соображаю. *Что ему известно? Кому он может рассказать?*

– Ты на службе у другого рыцаря?

Он качает головой.

– Я здесь с Джоселином.

Мне следует убить его – перерезать горло и утопить тело в канаве. Но мы прожили рядом целых шесть лет: вместе обучались, тренировались, играли, шутили и сражались. Он мне не враг.

Я кладу ему руки на плечи и вынуждаю посмотреть мне в глаза.

– Где я могу найти Джоселина?

Уильям стоит, опустив голову, и что-то бормочет себе под нос. Я напрягаю слух и различаю слова, которые уже слышал пять минут назад.

– В часовне Святого Себастьяна.

Часовня стоит на краю поля со скирдами сена. Рядом с ней располагается обнесенный стенами склеп. Я подъезжаю к часовне верхом, вооруженный и в шлеме. Поблизости никого не видно.

Вечерний воздух разрывают звуки рыданий. Я еду в направлении этих звуков, огибая стену церковного двора, к тому месту, где к ней вплотную подступает лес.

Ада привязана к дереву. Из одежды на ней лишь рубашка, изодранная в клочья. Ее кожа покрыта кровоподтеками, а на руках видны следы ожогов, судя по всему, оставленных прикосновениями раскаленного кончика меча.

Ее глаза раскрыты – крошечные источники света на фоне сумеречной бездны.

– Питер?

Я соскакиваю с коня и бегу к ней, выхватив меч, чтобы перерезать ее пути.

– Уходи.

Это ее последние слова, обращенные ко мне, и лучше бы она не произносила их. Я хочу запомнить ее голос таким, каким он был

всегда, – полным жизни и чувства. Не этот хриплый и исполненный болью шепот.

Слева от меня бренчит упряжь. Я поворачиваю голову. Из тени леса выезжает верхом рыцарь в окружении четырех или пяти пеших человек с копьями. Один из них подбегает к моему коню и хватается уздечку.

– Что ты с ней сделал?

– Не то, что ты думаешь. Во всяком случае, пока.

Я не вижу лица Джоселина, но узнаю его по голосу. В нем звучит торжество.

– Она все еще принадлежит моему отцу, хотя и предалась блуду с тобой. Возможно, когда он разберется с ней, отдаст ее мне. А когда разберусь с ней я, отдам, что останется, ребятам с конюшни на забаву.

Как жаль, что я спешился. Как жаль, что я приехал на этот турнир. Как жаль, что я не убил Джоселина тогда в башне.

– Отпусти ее. Отпусти ее, и я в твоём распоряжении.

Он смеется.

– Мне выбирать не приходится.

Эти слова побуждают меня действовать. Мысленно я переношусь в зал замка Ги, где сражаюсь из-за украденной книги. Я знаю, что не могу одержать над ним верх – он на коне и полностью вооружен, но это не имеет значения. Я поднимаю меч и бросаюсь на своего врага. Один из его людей приседает и кидает в меня копьё. Я инстинктивно наклоняюсь.

Копье со свистом пролетает над моей головой. Я оборачиваюсь, хотя уже знаю, что увижу. Копье пронзает грудь Ады, прикалывая ее к дереву. Она хватается за древко, пытаясь вытащить его. Ей не хватает сил. Ее руки слабеют, хотя и продолжают держаться за древко, голова безвольно падает на грудь. Из раны струится кровь, стекая по телу и орошая землю у ног.

Даже Джоселин не хотел этого. Его удивление на долю секунды отстает от моей ярости. Я подлетаю к нему, преодолевая последние метры. Он вынимает ногу из стремени и выбивает у меня меч, но я хватаю его за руку и впиваюсь в нее зубами. Затем беру за лезвие меча и вытягиваю его из ослабевшей руки Джоселина. Мои пальцы порезаны, и я роняю меч. Он хочет вытащить висящий за спиной щит, чтобы ударить меня им по голове, но его лямки цепляются за луку

седла. Я повисаю на его ноге, пытаюсь выдернуть его из седла. Моя рука сжимает что-то – его шпору. Я отрываю ее и вонзаю ему, словно это нож, в незащищенное место ноги, чуть выше колена.

Он кричит. Я готов и дальше бить его шпорой, пока он не истечет кровью. Но в этот момент испуганный конь трогается с места, и мой яростный удар, направленный в его ногу, приходится в конский бок.

Оглушительно заржав, конь встает на дыбы. Его копыта молотят воздух совсем близко от моего лица. Бедное животное подается назад. Я протягиваю руки, чтобы схватить Джоселина, и в этот момент конь бьет меня копытом в грудь. Я падаю на землю, конь скачет прочь.

Я вижу, как двое из людей Джоселина бегут за ним, а двое других стоят в нерешительности. Они могли бы легко убить меня, но не знают – может быть, я нужен их хозяину живым.

Крики и стук копыт в опускающихся сумерках помогают им принять решение. По лугу скачут всадники с факелами в руках. Они зовут меня.

Слуги Джоселина растворяются в лесу, как только Этьен и его люди оказываются на поляне. Хорошо, что у них факелы, а то они могли бы проехать прямо по мне.

– Питер?

Они с изумлением и ужасом смотрят на пригвожденную к дереву Аду, ее рубашку, пропитанную кровью, которая в свете факелов кажется черной. Все они любили ее.

Я становлюсь на колени, и меня рвет. Этьен кладет мне руку на плечо, пытаюсь успокоить меня, но мне не нужно его сочувствие, и я сбрасываю его руку с плеча.

Он думает, что спас меня. Но Ада мертва, мои мать, отец и брат мертвы, а те, кто убил их, остались безнаказанными. Я потерял всех, кого любил.

Ничто теперь не может спасти меня, кроме мести.

Глава 29

Ньюпорт, Южный Уэльс

Судя по тому, что Элли прослушала в сообщении, ее мать умерла в то самое время, когда она летела где-то над Ла-Маншем. Девушка и представить не могла, что ей может быть так плохо. Она должна была находиться в этот момент у постели матери, а не парить в облаках.

Дуг на похороны не приехал. Она послала ему сообщение с этой новостью на мобильный телефон, но потом игнорировала все его звонки и сообщения с вопросом о времени похорон. Бланшар тоже не приехал, хотя прислал своих представителей – двух мужчин в черном «Мерседесе». Они припарковали автомобиль на обочине дороги в крематорий, не выключив двигатель. Хотя дождь еле накрапывал, стеклоочистители работали непрерывно, словно они хотели отчетливо видеть все происходящее через ветровое стекло. Элли даже подумала, не пригласить ли их внутрь зала, чтобы они имели возможность выполнить свою работу надлежащим образом, без всяких ухищрений. Там было достаточно много свободных стульев.

Миссис Томас сказала несколько слов о том, какой доброй была миссис Стентон, из стоявшего в углу проигрывателя зазвучал хор, исполнивший «Men of Harlech», и гроб опустился в печь. Присутствовавшие на погребальной церемонии отправились в кафе на углу улицы. Никто там долго не задержался. Когда в половине третьего миссис Томас взяла на руки своего терьера и объявила, что ей нужно забрать внука из школы, низкие облака уже предвещали ранние сумерки.

Миссис Томас расцеловала Элли в обе щеки и обняла.

– Будь осторожна, – сказала она напоследок. – Ты теперь осталась одна, и тебе придется жить самостоятельно.

Элли вернулась домой и достала кое-что с чердака. И хотя она знала, что еще раз обязательно переступит порог этого дома, хотя бы для того, чтобы продать его, но тем не менее попрощалась с ним. На всякий случай. Девушка выключила свет и отопление, заперла все

двери. Рядом с ее домом на узкой улице черный «Мерседес» не без труда въезжал задом на парковочную площадку. Элли подождала, пока он вклинится между двух других автомобилей, после чего вышла из дома и поспешила на станцию. Она знала, что они отыщут ее, но прежде она сможет воспользоваться таксофоном. После трех звонков она повесила трубку.

Я в пути.

Лондон

На вокзале Пэддингтон она взяла такси и поехала в «Кларидж». Было всего семь часов, но Бланшар наверняка еще не скоро вернется из офиса. Формальности поглощения «Талуэт» оказались весьма сложными. Последние два дня команда юристов работала круглосуточно, оккупировав все свободные уголки в помещениях здания «Монсальвата».

Элли лежала на кровати и думала, что ей делать. Открыв графин с бренди, она плеснула в него жидкость из склянки, которую ей дал Гарри. С висевших на стене картин на нее смотрели неоперившиеся рыцари и хрупкие дамы, изображенные на фоне темных лесов или печальных полей. Ее удивило, почему Бланшар отдал предпочтение этим романтизированным, викторианским версиям средневекового искусства. Все-таки он принадлежал к древнему роду и мог бы выбрать более достоверные образцы.

Бланшар явился в одиннадцать, распространяя вокруг себя запах кофе и сигарного дыма.

– Тебе нужно было позвонить. Я тут же приехал бы.

Первый раз, насколько она помнила, он выглядел нерешительным и не знал, что сказать. Он сел на кровать рядом с ней и развязал галстук.

– Ну, как все прошло?

– Это были похороны моей матери.

А ты что ожидал?

Бланшар взял графин с бренди и плеснул напиток в два бокала.

– Это пойдет тебе на пользу.

Элли даже и не посмотрела в сторону бренди.

– Если ты хочешь побыть сегодня вечером одна...

– Нет.

Она поднялась, взяла его за плечи и толкнула на кровать. Стоя перед ним, она сняла с шеи ожерелье, вынула из ушей серьги и положила украшения на тумбочку. Затем без всякого притворного стеснения, словно в примерочной магазина или раздевалке спортзала, сняла с себя жакет, юбку и блузку. Бланшар лежал на кровати, наблюдая за ней и потягивая бренди. Прежде чем расстегнуть и снять бюстгальтер, она закрыла ему рукой глаза.

Свет в комнате был тусклым. Уголкем глаза она увидела отражение изгибов своего обнаженного тела в зеркале. Ее волосы цвета воронового крыла ниспадали на спину, груди выглядели твердыми и упругими. Она была похожа на одну из восторженных девушек с картин прерафаэлитов, принадлежавших Бланшару. Хватит ли у нее мужества сделать то, что она должна? Впервые в жизни она чувствовала себя совершенно одинокой. Как ни странно, это облегчало ее задачу.

Бланшар начал расстегивать пуговицы своей рубашки.

– Нам не нужно...

Она забралась на кровать и оседлала его, встав на колени. Ее волосы коснулись его лица.

– Ты мне нужен.

Между ними еще никогда не было ничего подобного, Элли переполняли самые разные эмоции – ярость, горе, чувство вины, страх, ненависть – и эта взрывоопасная смесь вызвала настоящую бурю. Она разомкнула его губы неистовым поцелуем. Царапая и кусая, она чуть ли не насильно принудила его войти в себя, а после принялась скакать на нем, издавая стоны, громко всхлипывая и совершенно не заботясь о том, что ее могут услышать в коридоре или на улице. У Бланшара оргазм произошел раньше, чем у нее, но она заставила его продолжать до тех пор, пока не наполнила комнату криком. Элли упала на него, прижав к кровати, и разрыдалась, хотя и не могла понять, что послужило причиной этих слез. Их лица находились так близко друг от друга, что его лицо тоже стало мокрым. Бланшар крепко обнял Элли и заговорил о том, как он любит ее. Впервые за все время их знакомства ей показалось, что в его голосе промелькнули нотки страха.

Она не знала, сколько времени длилось это безумие. В порыве страсти они опрокинули настольные часы. Услышав, что дыхание Бланшара стало ровным и ритмичным, она поднялась с кровати и огляделась.

Его лицо было абсолютно спокойным. Золотой ключик на цепочке был, как всегда, на месте.

Элли подышала на руки, чтобы их согреть, затем осторожно взяла ключ и подняла его. Какая-либо застежка на цепочке отсутствовала, и ей пришлось снять ее через голову.

Случайно цепочка задело ухо банкира, и он шевельнулся, пробормотав что-то во сне. Элли застыла на месте. Если он поймает ее за этим занятием, то наверняка убьет. Она ждала, не смея вздохнуть.

Сдобренный снотворным бренди сделал свое дело. Бланшар спал беспробудным сном. Завладев ключом, Элли осторожно поднялась с кровати. Она быстро оделась – не в то, в чем была на похоронах, а в джинсы и плотно облегающий джемпер. Затем, порывшись в вещах Бланшара, отыскала карточку доступа и вытащила запонки из рукавов его рубашки.

Взяв свой рюкзак, она на цыпочках вышла из комнаты. Ее часы показывали половину первого ночи. По словам Гарри, действие снотворного длится около восьми часов, но она решила, что безопаснее рассчитывать на шесть. А ей предстояло сделать многое.

Впервые за неделю окна банка не были освещены. Сотрудники и юристы разошлись наконец по домам. Пол вестибюля был усеян фольгой и проволокой пробок от бутылок шампанского. Это свидетельствовало об успехе. Даже сторож, похоже, позволил себе расслабиться, поскольку его нигде не было видно. Элли открыла дверь с помощью карточки доступа Бланшара и сразу же направилась к лифту.

Установленная в верхнем углу фойе камера слежения зафиксировала ее вторжение. Запись была мгновенно передана на шестой этаж, где компьютер проанализировал ее и соотнес лицо вошедшей с данными карточки, использованной для открытия двери. Элли поднялась на шестой этаж на полминуты позже своего изображения и вошла в офис Бланшара. Компьютер, стоявший дальше по коридору, зафиксировал и этот факт. Она достала из рюкзака

маленький лэптоп, купленный за наличные на Тотэнхем-корт-роуд, и с помощью отвертки извлекла из запонок Бланшара пластинки с перламутровой инкрустацией, под которыми располагались тонкие платы размером с пятипенсовую монету.

– *В них спрятаны видеокамеры?* – спросила она Гарри, когда он передавал ей устройства. Они стояли за ширмой примерочной в магазине одежды на Оксфорд-стрит.

– Рукав заслонял бы объектив камеры. Это устройство представляет собой комбинацию гироскопа и акселерометра. Оно определяет характер движений, дистанцию и направление, а программное обеспечение соотносит эти данные с клавиатурой, что позволяет выяснить, какие клавиши он нажимает.

Элли с сомнением посмотрела на маленькие запонки.

– Звучит как научная фантастика.

– Сегодня подобные устройства применяются всюду – в мобильных телефонах, лэптопах, музыкальных плеерах. – Гарри смущенно улыбнулся. – Вообще-то мы извлекли их из контроллера видеоигры.

– И вы хотели этим меня успокоить?

Девушка засунула ноготь под плату, извлекла ее из корпуса и подсоединила к компьютеру с помощью штекера, который вручил ей Гарри. На экране открылось окно с изображением телефонной клавиатуры. Спустя секунду вспыхнули виртуальные кнопки, и сверху появились цифры номера.

918193

Она приподняла картину, за которой находился сейф.

Вопреки популярной среди сотрудников «Монсальвата» шутке Дестриер не ночевал в здании банка. Он жил в псевдотюдоровском особняке в Эссексе, рядом с шоссе А-12. Он делил этот дом с двумя родезийскими риджбеками и теми, кто соглашался, за деньги или бесплатно, делить с ним постель. В ту ночь это была худая девушка с пустыми глазами и совершенно плоской грудью. Она выглядела не старше тринадцати лет, хотя в агентстве его заверили, что она уже достигла совершеннолетия. Какими бы импульсами Дестриер ни руководствовался, он отдавал себе отчет в том, что сделают с ним работодатели, если станет известно о его связи с несовершеннолетней.

И теперь его телефон вибрировал в темноте. Он поискал его рукой на прикроватной тумбочке, протер глаза и уставился на дисплей.

ВТОРЖЕНИЕ, ТРЕВОГА

Он постучал пальцем по дисплею, чтобы узнать подробности.

Карта 0002 >> несоответствие лица

Ему не нужно было заглядывать в реестр, чтобы узнать, кому принадлежит карта под этим номером. Он посмотрел на появившееся внизу изображение. Эта сука Стентон. Все подозрения, сомнения, тревоги, страхи, мучившие его последние шесть месяцев, мурашками поползли по его коже.

Спокойно, сказал он себе. Ему было известно, что она этой ночью трахает Бланшара. Стоны, доносившиеся через вмонтированный в ее телефон микрофон, все еще звучали в его ушах, когда он занимался тем же самым со своей новой знакомой, но в отличие от Стентон она была вялой и безынициативной.

Возможно, она перепутала карточки. Возможно, Бланшар послал ее за чем-нибудь в офис.

Дестриер оторвался от девушки и пошел к компьютеру, стоявшему в соседней комнате. Соединившись с офисом, он вывел на экран журнал безопасности.

01:09 >> Карта 0002 вход в ЗДАНИЕ

01:11 >> Карта 0002 вход в КОМНАТУ 6–1

В свое время Бланшар не разрешил установить камеры в своем кабинете, иначе Дестриер увидел бы, чем там занимается Элли. Он мог лишь отслеживать дальнейшие события по журналу безопасности.

В ожидании этих событий он набрал номер апартаментов Бланшара в «Кларидж». Длинные гудки продолжались до тех пор, пока не включился автоответчик. Сбросив вызов, он набрал номер еще раз. Ответ так и не последовал. Он тихо выругался. Бланшар был не из тех, кого можно проклинать громко, даже на расстоянии пятидесяти километров.

В журнале безопасности появилась новая строчка. Дестриер не поверил своим глазам.

01:15 >> КОМНАТА 6–1 доступ к СЕЙФУ

Элли достала из сейфа красную папку и положила ее на стол Бланшара. На обложке – тисненая золотом надпись «ЛАЗАРЬ».

Интересно, подумала она, что там может быть внутри. Воск печати оказался мягким – очевидно, папку запечатывали совсем недавно.

Пути назад нет, сказала она себе. На картине, висевшей на стене, привязанная к дереву девушка откинула назад голову, словно моля о чем-то приближающегося к ней рыцаря. *Спаси меня? Пощади меня?* Полотно хранило молчание.

Элли вскрыла печать. Крошки воска рассыпались по столу Бланшара, но она даже не потрудилась их смахнуть. Очень скоро он и так все узнает.

Такие папки ей в руки еще не попадали. Первые ее страницы были пергаментными, материал все еще сохранил гладкость и эластичность, как будто был сделан в прошлом году. За ними последовали листы жесткой и ломкой бумаги цвета слоновой кости, они постепенно уступили место мягкой, розовой писчей бумаге, в конце концов сменившейся стандартными листами формата А4. Некоторые листы были тонкими и серыми, и Элли предположила, что они относятся к военному времени. Это было похоже на изучение годовых колец дерева, истории в разрезе.

Но ее интересовало настоящее – и она обнаружила его почти сразу. Это был лист, находившийся в конце папки и озаглавленный «Доступ в подвал». В нижней его части был приведен перечень иностранных и явно устаревших для XXI века слов. *Or, argent, azure, gules, vert...*^[8] Против каждого из них стояло четырехзначное число.

Элли закрыла сейф, вышла из комнаты и направилась по коридору к лифту. Когда она сунула карточку Бланшара в невидимую щель на панели, загорелась кнопка седьмого этажа.

Она неуверенно протянула к ней руку. Ее пальцы дрожали. Рубин на кольце сверкал, словно глаз дракона. Часы на запястье отсчитывали секунды.

Наконец, решившись, она нажала кнопку.

Слегка сотрясаясь, лифт поехал вниз. Он опускался целую вечность. Элли подумала, не остановится ли он, если какой-нибудь скрытый датчик выдаст ее вторжение. Сердце бешено колотилось. Девушка в ужасе смотрела на кнопки, и ее охватило страстное желание нажать на одну из них, чтобы вернуться в верхний мир. Но было уже поздно.

Она не почувствовала, как лифт остановился. Двери открылись, и перед ней предстала золотая комната с несметными сокровищами, которые, казалось, никто не охранял. *Каждый предмет снабжен сигнальным устройством.* Но от чего оно срабатывает? Элли приблизилась к инкрустированной драгоценными камнями чаше, установленной на постаменте в центре комнаты и заключенной в стеклянный контейнер. Заметив движение в стекле, она вздрогнула, но тут же поняла, что это ее собственное отражение. Она достала ключ.

Из четырех углов постамента на нее смотрели четыре вырезанных из камня чудовища: дракон, рогатый змей, грифон и василиск. Элли опустилась на колени и заглянула в их раскрытые пасти. В задней части каждой из них имелась маленькая замочная скважина. Она вставила ключ в горло змея, как это делал Бланшар. У нее возникло ощущение, будто каменные челюсти могут сомкнуться и зажать ее руку.

Однако ничего подобного не произошло. Ключ идеально подошел к замку. Заработал невидимый механизм, и она почувствовала, как пол под ней начал вращаться.

Неужели все так просто? Ей пришло в голову, что система защиты подвала основана на иллюзии. Он не преграждает вам доступ, напротив, приглашает внутрь, побуждая выдать себя. Седьмой этаж, находящийся тремя этажами ниже поверхности земли. На полках лежат ничем не защищенные сокровища. Дверь, спрятанная позади, там, откуда вы пришли.

Каждый предмет снабжен сигнальным устройством.

Элли извлекла ключ из замка. Вновь подойдя к чаше, она внимательно всмотрелась в нее. Сейчас она выглядела иначе, нежели несколькими минутами ранее. Ее ножка заметно увеличилась в размерах, золотое основание было инкрустировано с четырех сторон цветными камнями. Элли хорошо помнила, что до этого перед ней был зеленый изумруд, теперь же она видела белую жемчужину.

Чаша повернулась.

Она обошла постамент вокруг. Третий камень на ножке был желтым (она подумала, что, возможно, это янтарь, но в действительности это был алмаз), второй – кроваво-красным гранатом.

Элли попыталась вспомнить курс лекций, которые читал в университете старый, худой профессор с морщинистым лицом,

казалось, только что вышедший из монастырской кельи, где переписываются старинные рукописи.

Грифоны были хранителями золота.

На голове у василисков были белые метки, больше всего походившие на диадемы.

Змей обладал черными глазами. Или красными? Она взглянула на свой телефон. Здесь, на такой глубине, он, разумеется, не функционировал.

Ты даже не знаешь, что чему соответствует.

Элли чувствовала, как с каждым ударом сердца уходит драгоценное время. Нужно было принимать решение.

Она вставила ключ в горло василиска и повернула его.

Возможно, где-нибудь в здании зазвучал сигнал тревоги или начала мигать лампочка. В этот момент сзади нее с шипением открылась потайная дверь в лифте, и за ней показалась другая, деревянная и шероховатая.

Элли взглянула на часы: минуло почти два часа. Нужно было поторапливаться.

«Астон Мартин» мчался по шоссе А-12 в сторону Лондона. В эту ночную пору дорога была почти пустой. Стрелка спидометра заползла за отметку сто пятьдесят километров в час. Сидевший в салоне автомобиля Дестриер лающим голосом отдавал распоряжения перепуганному сторожу. Тот поднялся на лифте на шестой этаж и бросился к офису Бланшара. Дверь была закрыта, свет выключен. Это известие еще больше встревожило начальника службы безопасности банка «Монсальват».

– Найдите ее! – прорычал он в трубку.

Автомобиль чуть не съехал с шоссе. Дестриер нажал на тормоза и вывернул руль вправо, едва не столкнувшись с грузовиком, двигавшимся по встречной полосе. Водитель грузовика нажал на клаксон, и его звук еще долго раздавался в холодной ночи, постепенно затихая.

Дестриер снизил скорость до ста двадцати километров в час и попытался собраться с мыслями. На его телефон вновь пришло сообщение, и он опять не поверил своим глазам. Где, черт возьми, Бланшар?

01:29: Карта 0002 вход на ЭТАЖ 7

Элли захватила с собой шахтерский фонарь, но он ей не понадобился. Как только она переступила порог, вспыхнул свет. Она шла по проходу, отыскивая глазами камеры слежения или другие контрольные устройства, но так ничего и не заметила.

Девушка пересекла поперечный неф и достигла задней части подвала, под которой, должно быть, находился алтарь старой церкви – до того, как религия богатства пришла на смену религии благотворительности. Ей вспомнилась вдавленная в пол мозаика, и она подумала: интересно, что за древние верования процветали здесь прежде. Железные двери взирали на нее мертвыми глазницами из обшарпанных стен.

Здесь время превращается в пространство.

Она знала без всяких подсказок, что это за склеп, поскольку запомнила это во время своего первого визита сюда с Бланшаром: два двойных люка в полу с изображением герба «Монсальвата» и стальная клавиатура рядом. Черный орел на красном щите с белым шевроном, держащий в когтях золотое копье. Элли взглянула на лист бумаги из папки Лазаря.

Or, argent, azure, gules, vert...

Во время последней встречи с Гарри Элли получила от него CD и книгу – опять в бесплатной газете, проходя мимо станции подземки «Мургейт Тьюб». Она купила в магазине плеер и села на лавочку в Барбикане, чтобы прослушать диск. Ее окружали высокие бетонные стены и несколько декоративных прудов. Недавно в этом месте были организованы археологические раскопки и обнаружены фрагменты средневековой кладки и стен.

В наушниках раздался голос Гарри. «Все коды склепов в подвале здания «Монсальвата» основаны на геральдике. Каждый цвет герба соответствует числу, которое меняется каждую неделю. Затем вам нужно вывести правильную формулу герба, это позволит вам определить порядок. В книге вы найдете все, что вам необходимо знать».

Элли читала книгу по ночам, словно ребенок, накрывшись с головой одеялом и освещая страницы карманным фонариком. Книга

научила ее новому языку: щит герба, косоугольник, геральдическая фигура, тинктура. Она научилась отличать зубцы от впадин, металлы от мехов. Ее восхищала точность геральдической науки и одновременно приводила в отчаяние ее сложность. Но она овладела ею.

Gules a chevron Argent, overall and eagle displayed Sable, armed and holding a spear both Or^[9].

Элли сверилась с листом бумаги из папки и нашла числа, соответствовавшие цветам. Каждое из них содержало четыре цифры – всего шестнадцать. Она ввела их на клавиатуре, моля бога, чтобы ничего не перепутать в средневековой терминологии.

В течение нескольких секунд ничего не происходило. Затем со скрипом, таким же древним, как и сами камни, двери распахнулись.

Глава 30

Труа, графство Шампань, ноябрь 1141 г.

Город забит людьми. День всех святых был две недели назад, и осенняя ярмарка в полном разгаре. Торговцы съехались на нее из всех уголков христианского мира. Граф Шампанский построил обширные склады на окраине города, дабы способствовать торговле. Его стражники в своих белых и синих ливреях повсюду. Они контролируют процедуру передачи денег из рук в руки. Здесь можно купить все – меха, шерстяную и льняную одежду, перец и специи, кожу и шелк.

Это также хорошее место для приобретения людей.

Площадь города превращена в арену. На ней канатами огорожены четыре ринга, на которых оруженосцы по очереди проверяют свои боевые навыки в поединках. Я прокладываю себе путь к одному из рингов. Толстый человек в кожаном шлеме и доспехах меряется силами с молодым оруженосцем. Он сосредоточен и строг. Его противник пританцовывает, подпрыгивает, делает выпады, уклоняется в сторону. Толстяк едва двигается, ограничиваясь тем, что наносит удары и отталкивает оруженосца. По другую сторону я замечаю одноглазого седовласого человека в черном плаще, отделанном золотом. Он наблюдает за поединком со скучающим видом.

В этот момент с неожиданной для его размеров прытью толстяк бросается вперед. Два удара, молодой оруженосец роняет меч и с гримасой боли хватается за раненую руку. Шатаясь, он бредет в направлении девушки, по лицу которой видно, что она усомнилась в выборе спутника.

Толпа аплодирует. Из рук в руки переходят деньги. Тем временем я ныряю под канат и поднимаю оброненный меч, ощущая приятную тяжесть в руке.

Толстяк смотрит на меня.

– Ты потерял свое оружие?

Я пожимаю плечами. Будь я более нахален, то ответил бы дерзкой шуткой.

Толпа начинает проявлять интерес к происходящему на ринге. Ничто они не любят так, как наблюдать за боем между соперниками, несоответствующими друг другу по силам. Испытанный чемпион против – кого?

Они хотят увидеть, просто ли я дурак, который слишком много выпил, или же смогу удивить их.

Я держусь как можно более скованно, наношу пару неуклюжих ударов. Толстяк расслабляется. Еще один новичок – очевидно, думает он. Я отступаю под его напором и ношусь по рингу, словно перепуганный олененок. Толстяк неотступно преследует меня. Толпа издает подбадривающие крики. Уголкем глаза я замечаю, что человек в черном плаще внимательно наблюдает за поединком. Он явно догадался, что сейчас произойдет.

Я делаю вид, что устал, двигаясь все медленнее и медленнее. Толстяк чувствует, что наступил подходящий момент, и предпринимает решительную атаку. Он довольно проворен, но слишком много весит. Я быстро отскакиваю назад, и он, не встретив сопротивления, подается вперед и теряет равновесие. Я бросаюсь к нему, оказываюсь вне пределов досягаемости его меча, выкручиваю ему руку и бью по запястью рукояткой своего меча. Он разжимает кисть, его оружие уже на земле, и пытается освободиться от моего захвата, но я не отпускаю его. Я пинаю его коленом в живот и для верности бью рукояткой меча по носу. Вряд ли я сломал его, но разбил точно, поскольку его лицо тут же заливают кровью. Толпа любит вид крови.

На ринг выходит еще один человек. Он выше, худее и исполнен уверенности в своих силах. Я не трачу на него много времени. Спустя минуту он лежит на спине, а мой меч приставлен к его горлу.

Я покидаю ринг и вытираю кровь с рук.

– Если кто-нибудь нуждается в моих услугах, я буду в «Черном Быке», – объявляю я.

Через неделю должен состояться турнир в Рессоне, и кому-нибудь может понадобится меткое копьё. Я буду сражаться под чужим знаменем, буду одерживать победы, а потом снова исчезну.

Так протекает моя жизнь в течение пяти лет.

Я чувствую руку на своем плече и оборачиваюсь. Это тот самый одноглазый человек в черном плаще. Он не спрашивает моего имени. Вероятно, он знает, что я не скажу.

– Ты здорово дрался.

Я киваю, принимая комплимент.

– Я служу у человека, который хорошо платит умелым воинам.

– У меня нет ни коня, ни оружия.

Я потерял их в Айноте, участвуя в небольшой, но кровопролитной пограничной войне на стороне одного графа. Кстати, после ее окончания он так ничего мне и не заплатил.

– Человек, у которого я служу, предоставит тебе и то, и другое.

– На время турнира?

– На время... – он взвешивает свои слова, как торговец пряностями считает перчинки. – Он скажет тебе сам.

Он приводит меня в ювелирную лавку. По крайней мере, думаю я, он будет в состоянии заплатить мне. На висящей над дверью вывеске изображен черный орел с алчно вытянутыми когтистыми лапами. Я рассматриваю выставленные вдоль стен комнаты кубки и тарелки и тускло поблескивающее золото за железной решеткой и размышляю, не удастся ли мне что-нибудь здесь украсть.

На память мне приходит рассказанная матерью история о человеке, укравшем чашу в волшебной стране. В наказание он лишился возможности вернуться в наш мир. В юности я считал это ужасным концом, но, по крайней мере, думал, что это конец. Теперь я понимаю, что история имела продолжение. Я думаю об этом рыцаре, оказавшемся в западне в подземном царстве. Наверное, просыпаясь каждое утро, он думал: *Может быть, сегодня*. Разрабатывал все более изощренные планы, стремился вернуться в свой мир, впадал в отчаяние, страдал. Все напрасно.

Единственный исход – смерть. И я жажду ее. Иногда, особенно в темноте, я провожу пальцами по лезвию своего меча и думаю, с какой легкостью можно было бы это сделать. Конечно, это был бы грех, но не больший, чем другие, которые я уже совершил. Я представляю, каким сладостным было бы избавление.

Однако пока я не готов умирать. Каждое утро я просыпаюсь и думаю: *Может быть, сегодня*.

Перед лавкой за столом, обращенным к площади, сидят трое менял. Я наблюдаю за перемещением денег на клетчатой скатерти, похожей на шахматную доску. Люди приносят их, раскладывают, перекладывают, забирают часть обратно. Многие из них – торговцы с ярмарки, желающие поменять свои монеты на ливры Труа. Группа итальянцев получает за двадцать серебряных монет один золотой ливр. Но когда другой итальянец, собирающийся домой, приносит золотой ливр, он получает за него только восемнадцать серебряных монет.

Неужели они не знают, что их обманывают?

Сидя на стуле, я наклоняюсь вперед и поглаживаю пальцами рукоятку меча. Наверняка, когда один из торговцев заметит обман, вспыхнет драка. Но никто из них не возмущается и не спорит.

Из задней двери лавки выходит слуга и делает жест головой, приглашая меня войти. Я жду, что он поведет меня вверх по лестнице, но вместо этого мы спускаемся вниз. У основания крутой лестницы он знаком показывает мне, чтобы я вошел в крипту с низким потолком. Камни источают холод, помещение освещено лишь свечами. Вдоль стен стоят кованые сундуки. В дальнем конце за столом, сторбившись, сидит человек. Я скорее ощущаю, нежели вижу его фигуру. Сзади него на стене висит посеребренное зеркало, в котором отражается пламя свечи.

Человек за столом жестом показывает мне, чтобы я подошел к нему. Приближаясь к нему, я все еще едва различаю лицо. Он одет в черный шерстяной плащ с воротником из соболиного меха. Воротник изготовлен из цельной шкурки, и у его горла можно заметить зубастую мордочку и крошечные когти. Я вижу лишь его лицо: высокий лоб, крючковатый нос и прямые седые волосы, торчащие из-под черного головного убора. Его кожа напоминает тщательно очищенный пергамент, сморщенный, словно слива, оставленная сушиться на солнце. Его синие глаза лучатся светом, словно майское небо. Их устремленный на меня взгляд настолько жесток, что я думаю, не слеп ли он.

Впервые за пять лет я испытываю страх.

– Ты воин? – его голос силен и тверд, как гранит.

Я киваю, но не могу заставить себя встретиться с ним глазами. Мой взгляд скользит вниз и упирается в стол – настоящее произведение искусства. Такое впечатление, будто клетчатая скатерть,

виденная мною наверху, затвердела и превратилась в инкрустацию из черного дерева и слоновой кости.

– Я собираю группу воинов.

Его рука дергается и движется по поверхности стола, издавая неестественный скрежещущий звук. Я с удивлением замечаю, что у него нет руки, вместо нее – серебряная отливка в форме кисти, украшенная черными драгоценными камнями. Она похожа на руку мощей.

– Это сугубо частное дело. Не турнир – настоящее сражение. Мне нужны люди, не слишком гордые для того, чтобы сражаться в пешем строю, и не слишком благородные для того, чтобы вонзить нож в чью-нибудь спину, если потребуется.

Все это я уже проделывал, и не раз.

– Это займет шесть недель, может быть, месяца два. За всю работу я заплачу тебе сто ливров.

Я уже давно не улыбался, но теперь мои губы растягиваются в улыбке. Я вижу свое отражение в посеребренном зеркале и понимаю, какое ужасное зрелище представляю собой. *Сто ливров.*

С такими деньгами я мог нанять достаточно людей, чтобы захватить Отфорт и сжечь его вместе с Джоселином. Я почти слышу его крики.

Может быть, сегодня.

Сзади раздается шум. В дверях появляется человек, но если бы он не стоял рядом со свечой, я не смог бы заметить его. Все в нем черное – волосы, глаза, плащ, башмаки. Он так высок, что его голова почти упирается в свод потолка.

– Малегант де Мортен будет твоим начальником, – проскрежетал старик. – Ты будешь делать все, что он скажет.

– Куда мы отправляемся?

– На запад.

Иль-де-Пеш, Бретань, шесть недель спустя

От капель дождя на ровной глади моря расходятся круги, наползая друг на друга и образуя замысловатые узоры. Наши плоские лодки скользят по воде, разрушая эту благородную вязь. Днище настолько

тонкое, что я ощущаю под ним воду, как наездник может чувствовать лошадиную плоть через седло.

Поход из Труа дался нам нелегко. Стоит зима. Случалось, что даже главные дороги оказывались непроходимыми, а бóльшую часть времени Малегант вел нас пастушьими и звериными тропами. Он не говорит нам, куда мы идем, хотя каждый вечер солнце садится прямо перед нами. Ландшафт постепенно меняется. Широкие равнины уступают место влажным лесам и темным горам, глубоким ущельям и бурным рекам. Иногда на то, чтобы пересечь долину, требуется целый день. Это навевает мне воспоминания о моем детстве, о волшебных местах на краю света.

Впереди среди тумана появляется тень. Я слышу, как вода плещется о берег. Мы подтаскиваем по насыпи лодки к воротам замка. Я достаю меч, разворачиваю листы пергамента, в которые он завернут, бросаю их в воду и смотрю, как они уплывают.

Это листы из моего прошлого. Когда-то я думал, что мог бы и сам написать на них романтическую историю с хорошим концом. Теперь я понимаю, что не мог бы. Капли дождя пытаются утопить пергамент.

– Сторожи ворота, – приказывает Малегант. – Когда начнется схватка, ни один из них не должен уйти.

Глава 31

Лондон

Склеп представлял собой яму глубиной полтора метра и площадью квадратный метр. На дне она ничего не увидела, кроме теней.

– Там не должно быть много, – сообщил ей Гарри. – *Заберите все.*

Склеп был слишком глубоким, и нужно было спуститься вниз. Элли присела на край ямы и приготовилась к спуску.

Но в этот момент ей бросилось в глаза что-то, находившееся над краями открытых люков. Это были острые зазубренные треугольные зубы, которые плотно смыкались, не оставляя швов. Она взялась за один из зубьев и потянула на себя. На кончике ее пальца выступила капля крови.

Возможно, поэтому они и называются дверями-ловушкой.

Вспомнив о том, что у нее очень мало времени, девушка поднялась на ноги. Она увидела два высоких железных канделябра, расположенных по углам склепа, взяла один из них, провела им по дну и положила его поперек входа. Вспомнив про шахтерский фонарь, она включила его. Белый луч осветил яму.

Только-то и всего?

Несмотря на охвативший ее ужас, она почувствовала разочарование. Там не было ничего такого, что она ожидала найти, – ни сокровищ, вроде тех, что находились в первой комнате; ни древних книг по магии или философии; ни клада с золотом. Внутренность склепа была похожа на чердак после наведения порядка. Там находились лишь потрепанный кожаный тубус, который мог быть чехлом телескопа, и квадратная картонная коробка, лежавшая на небольшом возвышении.

Элли опустила на пол ямы. Тубус был легче, нежели она ожидала. Она слегка встряхнула его, но внутри ничего не сдвинулось. Неужели пустой? Она положила тубус в рюкзак.

Коробка оказалась холодной на ощупь, несмотря на то, что это был картон, и довольно тяжелой. Элли просунула под нее кончики пальцев и сняла с возвышения.

Она так никогда и не узнает, что сделала не так, но, несмотря на все ее предосторожности и подготовку, что-то было упущено. Двери сомкнулись, и если бы не застрявший между ними канделябр, они перерезали бы ее пополам. Металл канделябра зазвенел, и Элли с ужасом подумала, что он сейчас сломается. Спустя несколько секунд загорелся свет.

Едва отдавая себе отчет в своих действиях, она сунула коробку в рюкзак и выбросила его из ямы. Выбравшись следом, она повесила рюкзак на плечо и побежала к двери. Сзади до нее донесся звук, похожий на выстрел. Это упал на дно склепа сломавшийся канделябр, зажатый между дверьми.

Она достигла конца прохода и застыла на месте. Над дверью виднелось пламя факела, зловеще отражавшееся на обитом железом дереве. Должно быть, дверь закрылась автоматически.

Она попала в западню.

– Если нужно, выломайте эту чертову дверь.

Автомобиль Дестриера мчался по Кэйбл-стрит. Впереди он уже видел очертания лондонского Тауэра, за ним высились башни финансово-банковской империи.

– Я пытаюсь дозвониться до него всю ночь, а он не отвечает, – сказал он консьержу в гостинице. – Я волнуюсь, не случилось ли с ним что-нибудь.

Да уж наверняка что-то случилось, невесело подумал он. За минуту до этого пришло очередное сообщение.

01:44 >> ЭТАЖ 7: СКЛЕП 32: СИГНАЛ ПРОНИКНОВЕНИЯ

Дестриер все еще не мог поверить, что она забралась так далеко. Есть надежда, что ловушка уже разрезала ее пополам. Если нет, он сделает это собственноручно.

Снова зазвонил телефон. Иностраный номер, не из гостиничного номера Бланшара, в голосе звонившего слышался акцент.

– Мистер Сен-Лазар желает знать, что происходит в банке.

На внутренней стороне двери не было ни ручки, ни замочной скважины. Элли быстро обвела взглядом стены в поисках чего-нибудь, что могло бы ее открыть – головы чудовища, вроде тех, что были в комнате у лифта, или отверстия для карточки. Не было ничего.

Элли обуял ужас. Она пинала дверь ногами и стучала по ней кулаками, пока не содрала кожу на руках. Никакого эффекта. Она проклинала себя за то, что поддалась на уговоры Гарри и пришла сюда. Она проклинала Бланшара, своего отца...

Ние Стентон погиб, пытаясь проникнуть в подвал. Его сбил поезд в туннеле подземки.

Но выход обязательно должен быть.

Правда, отец его не нашел.

Элли отступила от двери на шаг и сделала несколько глубоких вдохов, стараясь успокоиться. Она не знала, какой переполох наверху вызвало ее проникновение сюда – здесь, внизу, все было тихо. Она взглянула на железные двери склепов в стене, из которых были извлечены кости монахов, чтобы освободилось место для мирских сокровищ. Элли представила, как эти кости со стуком перекладывали в мешки и коробки, и вслушалась в темноту.

И тут она поняла, что тишина не была абсолютной. Воздух пульсировал. В комнате ощущался едва слышный низкий гул. Сначала Элли подумала, что это шумит у нее в ушах, но чем больше проходило времени, тем гул становился все отчетливее.

Она взглянула на часы. До первого поезда подземки оставалось еще несколько часов. И этот звук совсем не напоминал грохот поезда, сотрясавший подвал, когда они приходили сюда с Бланшаром. Он был не столь громким и более ровным.

Как любит говорить мистер Сен-Лазар, настоящее постоянно вторгается в прошлое, и наоборот.

Было очень трудно определить его источник: подвал представлял собой эхокамеру, и на такой глубине девушка утратила всякую ориентацию. Но если крипта была сооружена на фундаменте церкви, то ее дальний конец, где располагался склеп Сен-Лазара, должен находиться на востоке. Тогда дверь выходит на запад, и правая сторона прохода, расположенная напротив двери, находится на севере.

Элли была почти уверена, что центральная линия подземки проходит к северу от особняка «Монсальвата».

Элли подбежала к месту пересечения четырех крыльев церкви и прислушалась, медленно поворачиваясь. Определенно, звук был громче со стороны северного нефа. Девушка пошла вдоль него к дальнему концу. Там находились три склепа, и на двери каждого из них был изображен герб, а рядом, в стене, располагалась встроенная стальная клавиатура.

Она выбрала наугад один из склепов. Герб на его двери представлял собой синее поле, разделенное волнистой линией, с серебряными крестами выше и ниже ее.

Лазурь, горизонтальная полоса, золотые зубцы между четырьмя серебряными крестами.

Она снова сверилась со своим листом, соотнесла цвета с их числами, затем набрала последовательность цифр на клавиатуре. Щелкнул замок, и дверь открылась. Элли распахнула ее настежь и осветила пространство шахтерским фонарем. Она увидела узкую комнату около двух метров в глубину. На полу стояли кованые сундуки. Здесь пульсирующий звук слышался отчетливее – но стены были прочными и непреступными.

Она подошла к двери справа. *Горностаи, два серебряных шеврона.* Впервые код не сработал. Она поняла: два шеврона нужно считать отдельно. Она предприняла еще одну попытку, и на этот раз дверь открылась.

Ей сразу стало ясно: это та самая комната. Здесь звук был громче. Он поступал через отверстие в задней стене из относительно недавней кирпичной кладки. Поверх отверстия из закрепленного на потолке датчика проходил луч красного света. *Сигнальное устройство,* поняла Элли. Но сигнальные устройства ее больше не волновали. Интересно, подумала она, добрался ли ее отец так далеко, и не он ли проделал отверстие в стене.

Она нашла канделябр – точно такой же, какой спас ей жизнь в дверях-ловушке – и долбила им стену до тех пор, пока у нее не заболели руки. Кладка оказалась прочной, но не непреодолимой. Ею овладело отчаяние. Те, кто выложили здесь кирпич, в большей степени рассчитывали на сигнальное устройство, нежели на стену – или же она играла роль еще одной западни. Стена треснула, посыпались кирпичи. Ее взору открылся темный туннель. Элли пролезла в образовавшуюся дыру и поползла, толкая перед собой рюкзак. Через несколько метров

проход закончился решеткой, прутья которой располагались на разном расстоянии друг от друга. Девушка с трудом протиснулась между ними, помогая себе руками и ногами, и наконец оказалась в туннеле.

Она огляделась. Ее шахтерский фонарь осветил две колеи, уходившие, закругляясь, в темноту. Между ними располагался еще один рельс, отбрасывавший серебристые блики. Элли отступила назад, прижавшись к стене. Где-то неподалеку прозвучала дробь отбойного молотка.

Послышался нарастающий свист, и из-за поворота вырос сноп белого света, устремившийся прямо на нее.

Когда Дестриер подъехал к дверям банка, его состояние было близко к панике. Он припарковал свой автомобиль в аллее, за двумя только что подъехавшими «Рейндж Роверами», вошел в вестибюль и тут же поднялся на шестой этаж. Не успел он дойти до своего офиса, как ему позвонил консьерж из «Кларидж», который сообщил, что обнаружил мистера Бланшара спящим в постели.

– Дыхание у него нормальное, – заверил он Дестриера. – Мы вызвали врача на всякий случай, и он скоро приедет.

– Какие-либо признаки насилия? Следы взлома?

Консьержа явно удивили эти вопросы.

– Разумеется, нет.

Дестриер послал двух своих людей в гостиницу Бланшара, чтобы получить более полную картину. И наказал им, что, если банкир способен открыть глаза, его необходимо как можно быстрее доставить в «Монсальват».

Он собирался проверить журнал безопасности, когда вновь зазвонил телефон. Вначале он хотел проигнорировать его, но шестое чувство подсказало ему, что нужно посмотреть номер звонившего. Увидев его, он сразу понял, что дело не терпит отлагательств.

В трубке послышался механический голос, в котором не было ничего человеческого.

– Вы знаете, кто с вами говорит?

Дестриер судорожно сглотнул слюну.

– Да.

– Расскажите мне, что случилось.

Дестриер рассказал все, что ему было известно.

– Я не могу ничего сказать с уверенностью, пока не поговорю с Бланшаром и не задержу Элли Стентон.

На другом конце линии раздались чавкающие звуки, как будто кто-то открывал и закрывал клапан.

– От этого склепа существуют только два ключа, и один из них находится у меня на шее. Второй, насколько я понимаю, находится в руках мисс Стентон, а сама она находится внутри помещения.

– Вы можете?..

– Я буду на телефоне в течение получаса. Поддерживайте со мной связь.

В тоне звонившего явственно прозвучала угроза. Дестриер внезапно испытал желание оправдаться.

– Если бы Бланшар не...

– Бланшар знал, что делает. Ваши функции заключаются в том, чтобы защищать нас.

В телефоне раздались короткие гудки. Дестриер все еще разглядывал телефон, когда в комнату вошел один из его людей.

– Мы не сможем проникнуть в склеп, пока старик не окажется здесь, – сообщил ему Дестриер.

– У нас нет плана действий на тот случай, если кому-нибудь удастся туда проникнуть?

– Он очень прост. Если кто-то действительно доберется до седьмого этажа, он не сможет пройти за эту чертову дверь. Другого плана нет. По крайней мере, она оттуда никуда не денется.

Дестриер вернулся к своему компьютеру и открыл журнал безопасности. В тусклом свете монитора его лицо приобрело синеватый, мертвенный оттенок.

– О Боже!

02:01 >> ЭТАЖ 7: СКЛЕП 26: ОТКРЫТ

02:02 >> ЭТАЖ 7: СКЛЕП 27: ОТКРЫТ

02:04 >> ЭТАЖ 7: СКЛЕП 27: УСТАНОВЛЕНО ВТОРЖЕНИЕ

– Еще одно вторжение!

– Это не вторжение, кретин долбаный. Она выбралась из подвала.

Сталь скрежетала по стали. Сноп белого света становился все ярче, выхватывая из темноты клубы пыли и кабели, висевшие вдоль стен. Элли знала, что ей нужно отойти с путей, но она была уверена,

что деться ей было некуда. Пролом, по которому она выбралась в туннель, находился слишком высоко, а туннель был слишком узок. Она беспомощно стояла посреди колеи, и свет слепил ей глаза. Девушке казалось, что минула целая вечность. Было ли это то, что ее отец видел в последние секунды своей жизни?

Она закрыла глаза. Свет давил на веки. Она услышала визг тормозов. Должно быть, машинист заметил ее, но она знала, что уже слишком поздно.

Шум постепенно стих, отдаваясь эхом в туннеле. Неужели смерть наступает именно так? Она не почувствовала удара – но, очевидно, при такой скорости его вряд ли можно почувствовать.

Она открыла глаза и тут же зажмурилась. В лицо ей бил ангельский свет, источник которого находился в нескольких метрах от нее. Может быть, пришло время держать ответ перед высшим судом? Что ей следует сказать?

Свет загородила тень.

– Какого черта вы тут делаете? Еще чуть-чуть – и отправились бы на тот свет.

Элли прикрыла глаза рукой. Перед дрезиной стоял черный человек в желтом комбинезоне и белой каске. Он был рассержен, но в его голосе прозвучали теплые нотки сочувствия. Оглядев ее с ног до головы, он спросил:

– Где ваши жилет и каска?

– Я...

– Черт возьми! – работник подземки отвернулся. – Будете объясняться с менеджером станции «Бэнк».

Менеджер станции «Бэнк» оказался седовласым человеком с острыми чертами лица, в мешковатом костюме. Элли сочинила историю, пока сидела на стуле возле его офиса, ожидая, когда ее пригласят, но она не вызвала у него интереса. Он указал рукой на полку над его головой, заставленную буклетами в виниловых обложках.

– Вам известно, что это такое?

Девушка покачала головой.

– Это контракт на выполнение моей работы. В нем говорится все: какой длины должны быть винты, сколько крыс я должен убить, сколько рулонов туалетной бумаги мне позволено использовать.

Он сложил ладони вместе и уставился на нее.

– В нем также указано число служащих, гибель которых я могу допустить. Хотите знать это число?

Элли молчала.

– Ноль, – менеджер отхлебнул кофе из пластиковой кружки. – Вы заблудились и чуть не попали под дрезину. Это нарушение техники безопасности, а в контракте говорится, что такие нарушения недопустимы. Я должен сообщить об этом начальству, но в этом случае мне придется три дня корпеть над бумажками. Мы отстанем в работе – вот только в контракте говорится, что это тоже недопустимо. Таким образом, я потрачу еще три дня на составление отчета с объяснением причины отставания. В результате мы отстанем на неделю. Согласно контракту, в случае отставания на неделю мы должны выплачивать компенсацию. Босс надерет мне задницу, и я буду должен написать еще один отчет. Два миллиона пассажиров будут проклинать мое имя, и все из-за того, что какая-то глупая кобыла не в том месте повернула в туннеле. Вы меня поняли?

Элли поняла.

– Ваше имя?

Элли слишком устала, чтобы что-то выдумывать. Она взглянула на карту, висевшую на стене позади него.

– Хайно.

– Так. Вы рождены для этой работы, не так ли? – ответ в данном случае не требовался. – Кем вы работаете?

– Уборщицей.

– Всегда эти чертовы уборщицы, – заметил менеджер, не обращаясь ни к кому конкретно.

На поверхности земли начинался новый день. В скором времени на улицу выйдут все персонажи из прежней жизни Элли – дворник на углу Гришем-стрит, развозчик газет, киоскер. Теперь они будут приветствовать и игнорировать других людей. Для Элли предыдущий день еще не закончился. Она попала в западню, расставленную ночью, которая никак не кончалась. Вместе с бригадой уборщиц и крысами она брела сквозь тьму, счищая отходы человеческой жизнедеятельности со стен станции, скопившиеся за неделю? За

месяц? Она не знала. Пух, волосы, обрывки одежды и клочки бумаги. Эта процедура напоминала раздевание трупа.

Ее смена закончилась в пять. Она сняла комбинезон и достала свою сумку из выделенного ей запирающегося ящика. Бригадир провел уборщиц мимо бездействовавших эскалаторов к дверям, но Элли задержалась. Она провела всю ночь в туннеле и в конце концов оказалась всего в какой-нибудь сотне метров от здания «Монсальвата». Они, должно быть, уже выяснили, как ей удалось выбраться, и наверняка проверят станции центральной линии, когда те откроются.

Девушка дождалась, когда все остальные уйдут, затем собралась с духом и сунула голову в офис менеджера станции «Бэнк».

– Как мне добраться до дома?

На мгновение ей показалось, что он сейчас оторвет ей голову. Но, видимо, что-то в ее лице – отчаяние или изнеможение – смягчило его гнев.

– Куда вам нужно?

Как можно дальше – на край света, если возможно. Элли снова взглянула на висевшую за его спиной карту.

– В Илинг.

– Через пять минут мимо нас будет проходить поезд со щебнем. Он может взять вас до Эктона, – менеджер нахмурился, хотя, как показалось Элли, уже не злился на нее. – Иначе вы, наверное, опять пойдете пешком, и мне придется разбираться еще с одним случаем нарушения техники безопасности.

Элли добралась на поезде до станции Уэст-Эктон. В холодном предрассветном тумане она отыскала на платформе станции телефонную будку и набрала номер. Гарри ответил мгновенно.

– У вас все в порядке?

– Я все достала, – в голосе девушки не было торжества, одна лишь смертельная усталость. – Где мы встретимся?

Служащие «Монсальвата» называли это помещение «командным пунктом», правда, обычно метафорически. Экраны на стенах транслировали новости, сообщали финансовую информацию, демонстрировали графики и балансы. Они также могли использоваться для расширения комнаты в бесконечное пространство для проведения видеоконференций. Уборщицы еще не приходили: было семь часов

утра, а комната до сих пор хранила следы битвы за поглощение холдинга «Галуэт», будучи завалена папками, бумагами, кофейными чашками, коробками из-под пиццы и давно остывшими пончиками. За столом собрались человек десять во главе с Бланшаром и Дестриером. В дальнем конце стола, отдельно от других, расположился старик в инвалидном кресле. Худой, как скелет, он сидел съежившись, будто ему было холодно. Белую кожу его лица избороздили морщины, но глаза были синими, словно у младенца. Старик был привязан к инвалидному креслу трубками и проводами, торчавшими из металлического воротника, окаймлявшего его тонкую шею. При каждом вдохе в действие приводился небольшой арсенал насосов и клапанов, прокачивавших воздух через его легкие. Тем не менее не вызывало сомнений то, что все присутствующие относились к нему с большим почтением. Не из жалости или уважения, а из-за страха.

– Мы расставили людей на платформах станций «Бэнк» и «Ливерпуль-стрит» сразу после их открытия, – доложил Дестриер. – Однако она каким-то образом сумела ускользнуть.

С видом собаки, ожидающей пинка, он взглянул на человека в инвалидном кресле. Синие глаза смотрели не моргая.

– К счастью, она до сих пор носит с собой свой телефон. Мы зафиксировали его час назад в Эктоне. Мы послали туда группу, но когда они туда прибыли, ее там уже не было. Должно быть, опять уехала на подземке. Она направляется на восток, обратно в город.

На настенных экранах графики и цифры сменились картами и снимками со спутника с наложенной на них схемой подземки. На экране позади Дестриера был изображен журнал безопасности, нависший над ним, будто смертный приговор.

Мишель Сен-Лазар издал из своего кресла звук, похожий на кашель. Все повернулись в его сторону. Разумеется, когда-то у него был нормальный голос, но никто из присутствующих – разве что кроме Бланшара – никогда не слышал его. Теперь за него говорило изошренное техническое устройство.

– Она должна опять проявить себя. И когда это случится, вы будете наготове.

На сером бульваре Юстон-роуд, среди молодежных хостелов и офисных зданий вокзал Сент-Панкрас из красного кирпича стоит

подобно сказочному замку: возвышенная симфония башенок, бельведеров, шпилей, средников и арок. Поколение 60-х прошлого века, не любившее ни красоту, ни сказки, едва не снесло его. Но он выжил и теперь высится в своем обновленном великолепии, исполняя своеобразную роль английских ворот в Европу.

За кирпичным фасадом, неподалеку от того места, где останавливаются поезда, стоял дородный джентльмен в пальто, устремив взор на простиравшуюся над ним гигантскую изогнутую стеклянную крышу. Он был поэтом. Фрагменты его стихов были рассыпаны золотом на полу, словно они выпали из портфеля. Он стоял не шевелясь. Его бронзовые глаза без устали смотрели вверх.

Человек, стоявший рядом с ним, выглядел не столь безмятежно. На расстоянии его можно было принять за брата поэта-статуи: округлая фигура, которую пальто делало еще более неохватной; кривые, как у спаниеля, ноги; толстый приплюснутый нос; шляпа на голове. Он сканировал взглядом толпу и через каждые несколько секунд смотрел на часы, словно кого-то ждал. Даже в это раннее время зал вокзала был заполнен бизнесменами, отправлявшимися первыми поездами в Париж и Брюссель.

Неожиданно человек застыл на месте. К нему направлялась темноволосая девушка в джинсах и трикотажной рубашке. У нее был рюкзак, но висел он не на спине, а на груди – как его иногда носят особо беспокойные туристы. Он пошел ей навстречу.

– Вы пришли. Слава богу.

Она ничего не ответила. Разве можно описать словами то, что произошло с ней за последние двадцать четыре часа?

– Принесли?

Элли положила ладонь на рюкзак, словно будущая мать, защищающая свой живот.

– Сейчас-то вы можете мне сказать, что это такое?

– То, что мы долгое время желали обрести вновь, – он протянул руку к рюкзаку, но девушка сделала шаг назад. Она явно еще не была готова расстаться со своей добычей.

– Я не могу сказать вам, что сейчас находится у вас в руках, – мужчина был похож на директора школы, держащего речь перед выпускниками, – вы даже представить себе не можете, скольких людей

постигла неудача там, где вы достигли успеха. Это поразительная... – он запнулся, стараясь подобрать подходящее слово, – ...победа.

Это не вернет мне отца. И мать.

– Сработало сигнальное устройство. Они знают, что содержимое склепа пропало, и будут искать его по всему Лондону.

Гарри кивнул.

– Наши люди наблюдали за зданием банка. В два часа ночи окна в нем светились, словно римские свечи. Мы боялись худшего, – он бросил взгляд через плечо. – Они не могли проследить за вами?

– Исключено.

Гарри достал из внутреннего кармана пальто конверт.

– Я взял для нас билеты на следующий парижский поезд.

– Я не захватила с собой паспорт.

– Документы в этом конверте. Отныне вас зовут Дженни Морган. Добравшись до Парижа, мы сможем пересечь Европу, не оставив следа. Мы позаботимся о вашей безопасности, Элли. Это я вам обещаю.

Они спустились по эскалатору в зал ожидания, и через двадцать минут подошел их поезд. После всего пережитого это были для Элли едва ли не самые тяжелые минуты. Она с нетерпением наблюдала, как часы отсчитывают секунды, и чувствовала, что вот-вот сойдет с ума. Гарри принес ей кофе, но она так и не притронулась к нему. Наконец объявили посадку. Они прошли на платформу, нашли свой вагон и заняли места. Элли уткнулась в окно, моля бога, чтобы поезд поскорее тронулся. Очередь медленно втягивалась внутрь вагона. Почти все имели с собой внушительный багаж. Семьи с детьми уезжали на каникулы, бизнесмены ехали по делам, молодые люди с рюкзаками отправлялись в очередное путешествие. И среди них были два человека в длинных черных пальто и черных кожаных перчатках, не имевшие багажа.

Элли оцепенела от ужаса. Она схватила Гарри за руку.

– Видите тех двоих? Это люди Бланшара.

Гарри замер на месте.

– Вы уверены?

– Эти же люди присутствовали на похоронах моей матери, – Элли испытала то же непреодолимое чувство беспомощности, что и в туннеле, когда ее ослепил сноп света. – Но как они добрались сюда?

– Наверное, они проследили за вами.

Элли с недоумением посмотрела на него.

– Это невозможно.

Гари бросил взгляд на карман ее джинсов, из которого что-то выпирало.

– Что это?

Она вытащила из кармана телефон и уставилась на его дисплей, обрамленный блестящим черным пластиком. Он завибрировал, зазвонил, и одновременно с этим под зеркальной поверхностью вспыхнула красная надпись.

Гарри вскочил на ноги и дернул ее за рукав.

– Бегите отсюда, Элли!

Он ринулся вдоль вагона. Проводник попытался остановить его, но Гарри пробился вперед, крича, что забыл зонт. Он выдернул чью-то сумку с багажной полки и выскочил на платформу. Поколебавшись несколько мгновений, Элли схватила свой рюкзак и бросилась в противоположном направлении.

В конце платформы служащий в форменной фуражке дунул в свисток. Двери вагонов с шумом закрылись. На светофоре загорелся зеленый свет. Перепрыгивая через вытянутые ноги и сумки, Элли достигла дверей в тот самый момент, когда они закрылись. Она несколько раз нажала кнопку, но двери не желали открываться. Платформа поплыла назад. Выглянув в окно, она увидела, что Гарри лежит на бетонном покрытии, один из людей Бланшара сидит перед ним на корточках, а второй обыскивает украденную им сумку. Эта картина постепенно исчезла из ее поля зрения. Ей хотелось кричать от бессилия.

Прижатый к платформе Гарри смотрел своему врагу в лицо и чувствовал, как игла пронзает его вену.

– Это не смертельно, – сказал ему человек из «Монсальвата». – Мы просто хотим немного с вами поболтать.

Тем временем его напарник закончил изучение содержимого сумки.

– Его здесь нет. Очевидно, он остался в поезде.

Гарри слышал звук шагов, но он не надеялся на помощь. Скорее всего, у них заготовлена правдоподобная история. Он чувствовал, как

по его телу расплзается яд. Очень скоро наступит состояние, в котором он не сможет ничего скрыть.

Они прижали его руку к туловищу, но он имел возможность дотянуться ею до кармана своего пальто. В нем лежали две капсулы. Одна предназначалась для Элли, но он не успел передать ее девушке.

Люди из «Монсальвата» поднялись на ноги и принялись объяснять служащим вокзала, что Гарри сбежал из частной психиатрической клиники. Он украл у кого-то сумку – нельзя ли разыскать ее хозяина? Они вкололи ему седативное средство, если бы им помогли его поднять...

Это и было нужно Гарри. В процессе подъема хватка, сковывавшая его движения, ослабла, он в одно мгновение вытащил капсулы из кармана и засунул их в рот. Люди в черном попытались разжать его зубы, но было слишком поздно. Он успел раскусить обе капсулы.

В его затуманивающемся сознании промелькнула последняя мысль: лишь бы они не схватили Элли.

Элли сошла с поезда в Эббсфлите. Проводники пытались удержать ее, объясняя, что поездом «Евростар» нельзя пользоваться для местных переездов, но она плакала и кричала, что в связи с семейными обстоятельствами ей срочно нужно вернуться домой. В конце концов они отпустили ее. Девушка тщательно осмотрела платформу, опасаясь, что люди Бланшара могли предугадать ее следующий шаг и прибыть на эту станцию раньше нее. Но эта поездка заняла всего пятнадцать минут, и даже Бланшар вряд ли смог бы придумать более быстрый способ пересечь Лондон. Она наблюдала, как поезд выползает со станции, представлявшей собой бетонированный пустырь, освещенный фонарями и окаймленный проволочным ограждением, что придавало всему окружающему вид концлагеря. Оставленный на багажной полке мобильный телефон продолжал передавать сигналы, показывая ее перемещение в сторону Ла-Манша и дальше во Францию. Если повезет, пройдет несколько часов, прежде чем они обнаружат, что она рассталась с ним.

Элли прошла в зал станции и изучила расписание движения поездов. В ее утомленных глазах названия станций расплывались в бессмысленные пятна и растворялись в пустоте. От лямок рюкзака

болели плечи. Ей было очень любопытно, что же все-таки находится внутри, но она не осмелилась рассматривать содержимое рюкзака на публике. Из-за чего разыгрываются такие страсти?

Мысли в ее сознании плыли, как в тумане. Усилием воли она заставила себя сосредоточиться.

Ты несешь на спине то, из-за чего погиб твой отец. То, ради чего руководство «Монсальвата» готово убить, лишь бы вернуть это себе. У Гарри могут иметься друзья, но он почти наверняка погиб, и у тебя нет никакой возможности связаться с ними. Приходится действовать самостоятельно.

Первым делом нужно решить, куда теперь идти.

Глава 32

Иль-де-Пеш, 1142 г.

Обезглавленное тело графа лежит на полу. Вокруг алтаря лужицы крови. У дверей двое наших людей отбиваются от стражей, прибывших слишком поздно. Малегант срывает крышку с золотой раки, заглядывает внутрь и швыряет ее в окно. Стекло разбивается, из ларца выпадают кости и прах. Это не то, ради чего он сюда явился.

Малегант указывает рукой на боковую дверь в стене часовни.

– Проверить там.

Четверо из нас следуют за ним в крошечную ризницу. На столе лежит связка ключей. Малегант хватается за нее и выводит нас через другую дверь во двор. Слева от нас стражи продолжают осаждать часовню. Мы налетаем на них, словно стая волков. Зажатые между нами и нашими людьми внутри часовни, они быстро гибнут.

Я чувствую, как что-то ударяет мне в щеку – слишком тяжелое для капли дождя. Передо мной в стене появляется небольшое углубление, выщербленное арбалетным болтом. Я бросаюсь на землю. Человек, стоящий рядом со мной, не столь удачлив: болт поражает его в плечо и застревает в спине. Можно было бы вытащить его, но так он лишь скорее истечет кровью.

Вокруг нас падает еще несколько болтов. Они летят из окон башни.

– Нам нужно добраться до арбалетчика, – говорит Малегант.

У нас нет щитов, но наш предводитель хватается за одного из мертвых стражей и ставит его на ноги. Он держит труп перед собой, будто это тряпичная кукла. Болты вонзаются в него, словно иглы в подушку.

Мне приходит в голову идея получше. Я переворачиваю бочку с водой и дальше передвигаюсь на коленях, толкая ее перед собой вверх по склону. На полпути к башне она перестает защищать меня. Я отбрасываю бочку в сторону и стремительно преодолеваю последние несколько ярдов, чтобы найти укрытие у стены. Болты впиваются в землю позади меня.

Малегант уже здесь, труп с торчащими из него стрелами рядом с ним. Наш предводитель ужасен, но мне кажется, что он под защитой высших сил, и они помогут мне, если я буду рядом с ним.

Остальные все еще стоят в нерешительности у часовни. Малегант приказывает им следовать за нами. Один из них использует в качестве щита отделанную серебром Библию священника, второй пытается отмахиваться от болтов веслом. Остальным приходится полагаться на удачу.

Но их задача заключается лишь в том, чтобы отвлекать внимание. Мы с Малегантом поднимаемся по узкой лестнице на стену. Слева от нас – небольшая дверь, ведущая в башню. Она заперта, но один из ключей, взятых Малегантом в ризнице, подходит к ней.

Арбалетчики не ожидали, что мы сможем до них добраться. Они стоят у бойниц, не сводя глаз со своих мишеней во дворе. Мы с Малегантом убиваем двоих из них, прежде чем они успевают нас заметить. Еще один поворачивается к нам. Его арбалет направлен прямо мне в грудь. Если бы он выстрелил, мне пришел бы конец. Но сила Малеганта спасает меня. Руки арбалетчика трясутся от страха, оружие ходит ходуном. Я вонзаю в его тело меч.

Малегант справляется с остальными. Пол коридора башни усеян мертвыми телами, лежащими в лужах крови, среди рассыпанных стрел. В конце коридора – две высокие створчатые двери.

Мы оказываемся в большом зале с очагом в центре и с деревянными скамьями вдоль стен. В дальнем конце – две высокие двери. Одна из них черная, как тутовая ягода, вторая цвета слоновой кости. Они навевают мне воспоминание о клетчатом столе в подвале лавки ювелира в Труа. Одна дверь приоткрыта, и в этот момент я замечаю легкий взмах белой руки: кто-то пытается ее закрыть. Малегант быстро вынимает нож и метает, целясь в руку. Поистине сегодня на его стороне дьявол. Раздается крик боли.

Наш предводитель распахивает дверь настежь. За ней на каменном полу распростертое тело. Это женщина в белом платье, именно ее я видел, когда мы зашли во двор замка. Кровь стекает по ее руке к локтю. Ей, должно быть, очень больно, но она не издает ни звука. Лицо скрыто волосами.

Я мысленно возвращаюсь в Турси, к часовне на опушке леса. Волосы и кожа женщины светлеют, а ее красивое платье превращается

в изодранную рубашку. Ада.

Малегант извлекает из ее руки нож и перерезает ей горло.

Странно, но из всего, что случилось тогда, я четко помню картину, открывшуюся мне в дверном проеме. Помещение больше всего походит на часовню, хотя здесь нет святых и распятий. Поскольку замок построен на мысу, окна с его трех сторон выходят на море, и поэтому комната напоминает плывущий корабль. На сводчатом потолке, выкрашенном в сумеречно-синий свет, изображены золотые созвездия. В дальнем конце помещения, под окнами, на столике из слоновой кости находится белый камень. Над ним висит наконечником вниз черное копье, подвешенное на веревке к потолочной балке. Из-за плотного тумана в окне создается впечатление, что оно парит в воздухе.

Через ткань белого платья лежащей на полу женщины, словно алые розы, проступают пятна крови. Движимый внезапным порывом, я поднимаю меч. Малегант, похоже, только этого и ждал. Он поворачивается ко мне, и мы скрещиваем мечи. Звук удара, похожий на звон колокольчика, разносится эхом по залу. Лезвие моего меча ломается, и в руках у меня остается лишь его обломок.

– Питер Камросский, – смеется Малегант. – Я все думал, когда же ты вспомнишь, кто ты есть.

Я не знаю, откуда ему известно мое имя. Меня обволакивает непроницаемое облако, я пробуждаюсь из кошмара в еще более страшную реальность. До моего слуха доносятся отдаленные звуки пожара и резни.

Я швыряю обломок меча в лицо Малеганта и мчусь через зал к главной лестнице. Наши люди поднимаются по ней вверх – я не могу пробиться через них. Я бегу по коридору, пока не упираюсь в обитую железом дверь – благодарение Богу, она оказывается незапертой.

После темной лестницы даже туман слепит глаза. Я оказываюсь в открытой сторожевой комнате в верхней части башни и бреду в сторону земляного вала. На двери нет замка, и укрыться от моих бывших товарищей не представляется возможным. Даже если бы я мог запереть ее, выход отсюда только один.

Я развязываю ремешки шлема и снимаю его. Со стороны лестницы доносятся крики и топот. Сколько у меня осталось времени? Я пытаюсь снять доспехи, но кожаные узлы намokли из-за постоянной

сырости. Ничего не остается, как просто перерезать их ножом. Кольчуга падает на пол, словно разорванная цепь. Звуки шагов становятся все громче. Я сбрасываю с себя стеганный плащ и остаюсь в тонкой полотняной рубахе. Вскобкавшись на парапет среди зубцов стены, я слышу, как сзади распаивается дверь, и прыгаю вниз.

Глава 33

Оксфорд

– Элли?

Дуг всматривается в темноту. Теплый желтый свет обрамляет его фигуру, подобно ореолу. Из-за двери распространяется соблазнительный аромат жареного лука и бекона. Элли только сейчас ощутила, насколько она хочет есть.

– Можно войти?

– Конечно. С тобой все в порядке? Почему ты не отвечала на мои сообщения?

Она взглянула на себя в зеркало в прихожей и поняла, что его так потрясло. Ее измученное лицо приобрело серый цвет. Под правым глазом до сих пор сохранилась полоска сажи из туннеля, слезы оставили на щеках серебристые следы, хотя она не помнила, чтобы плакала в ближайшее время.

Она повалилась вперед, и Дуг едва успел подхватить ее. Он отнес Элли в гостиную и налил ей чаю. У него был старомодный чайник, который свистел, когда закипала вода. Запахи горевшего газа и пара пробудили воспоминания о зимних вечерах на кухне с матерью. Элли снова заплакала.

– Почему бы тебе не принять душ?

Дуг отвел девушку наверх, в ванную. Она сознавала, что находится в опасности и что у нее очень мало времени. Напряжение было таким, будто внутри нее тикали часы. Но она не сопротивлялась Дугу. От горячей воды ее кожа сразу покраснела.

Она лежала, почти целиком погрузившись в воду. На лице выступили капельки пота. Волосы разметались и колыхались в воде, словно у утопленницы. Дуг сидел на полу рядом с вешалкой для полотенец. В джемпере для рыбалки и с чашкой чая в руке он выглядел по-домашнему, и это хоть немного успокаивало.

– Я получил твое сообщение о смерти матери. Мне очень жаль.

В его тоне Элли послышался упрек. Она еще глубже погрузилась в воду.

– Когда были похороны?

– Вчера.

Сейчас Элли казалось, что с тех пор минула тысяча лет.

– Мне очень хотелось приехать. Я не знаю, что происходит с нами, но...

– Дело не в этом. Все гораздо страшнее, чем ты можешь себе представить, – Элли опять заплакала, даже не замечая этого, – то, что умерла мама, это лишь малая часть... Мне нужна твоя помощь.

Дуг наклонился вперед. На его лице отразилась озабоченность.

– Что случилось?

Элли рассказала ему о том, что с ней случилось с самого начала, хотя пыталась избегать всего, что касалось Бланшара. Интересно, думала она, обратил ли Дуг внимание на то, что в некоторых местах повествование становилось необъяснимо туманным, а если обратил, не заметил ли, что эти места всегда были связаны с Бланшаром. Она сделала это, хотя и понимала, что, стараясь скрыть свои отношения с банкиром, настолько запутала историю, что сама перестала ее понимать.

Но, по всей вероятности, эта история была столь невероятной, что Дуг ничего не заметил. Он слушал ее не прерывая. Когда Элли закончила, он задал только один вопрос:

– И ради чего все это?

Глаза Элли были устремлены в потолок.

– Не знаю. Я не осмелилась посмотреть, что было в коробке, на людях.

Дуг бросил взгляд в угол, где рядом с грязной одеждой Элли лежал рюкзак.

– Посмотрим?

Элли натянула старую одежду, оставшуюся еще с лета, а вдобавок к этому накинула на плечи один из толстых свитеров Дуга. Ей нравилось ощущать его тяжесть и запах.

Они задернули портьеры в гостиной и опустились на колени, подобно детям на Рождество. Элли открыла рюкзак.

И все ради вот этого?

Она видела, что Дуг подумал то же самое. Картонная коробка и кожаный тубус. Стоило ли за них умирать? По стеклам забарабанил дождь. Они инстинктивно повернулись к окнам. Элли вспомнила, что однажды сказал Бланшар. *Деньги – фикция, временное отсутствие недоверия. Ценность представляет лишь то, о чем две стороны могут договориться в любой данный момент времени.*

Бланшар считал, что за это можно лишить жизни. Ее отец считал, что за это можно отдать жизнь. Это был своего рода договор.

Дуг с помощью кухонного ножа вскрыл коробку, отодрав от нее клейкую ленту. Элли подняла крышку. Они заглянули внутрь.

Лондон

Дестриер переживал один из худших дней в своей богатой дурными событиями жизни. Он был на ногах с часу ночи, и ему до сих пор не удалось разыскать Элли Стентон. С отсутствием сна он еще мог смириться, но отсутствие результатов – вот это было настоящей проблемой. В течение дня он успел съездить в Париж и вернуться в Лондон. Он устроил засаду со своими людьми на вокзале Гар дю Нор. Они тщательно сканировали поток выходящих из поезда пассажиров, пока он не иссяк. Сигнал телефона Стентон свидетельствовал о том, что она все еще находится в поезде. Дестриер вытащил из урны использованный билет и прошел на платформу, утверждая, что забыл в вагоне сумку. Он нашел телефон на багажной полке, и служащие вокзала никак не могли взять в толк, в чем причина его ярости.

Ему не оставалось ничего другого, как вернуться в Лондон и предстать перед Бланшаром и Сен-Лазаром.

Дестриер сжимал кулаки, так что побелели костяшки, и призывал себя к спокойствию. Он не винил себя, поскольку ему были неведомы угрызения совести. Единственным чувством, которое он испытывал, была ярость – ярость от того, что эти люди нарушили плавное течение его упорядоченной жизни. За это он их ненавидел, и ненависть породила желание мести. Он найдет их и разорвет на части. Они заплатят сполна за причиненное ему зло. Отыщется Элли Стентон, вернется назад коробка, и все будет хорошо.

Но действовать нужно было быстро. В том, что случилось, не было его вины, но он несет за это ответственность. Люди, ждущие от него новостей в «командном пункте» на шестом этаже, известны своей нетерпеливостью.

Так куда же она направилась? Только не обратно в Ньюпорт – там находились его люди. И, конечно, не в Барбикан. Хотя он и не считал Элли настолько тупой, на всякий случай ее квартира была перевернута вверх дном, правда, как и ожидалось, это не принесло никаких результатов. Может быть, эта мерзавка прибегла к какому-нибудь запасному варианту?

Он проверил ее последние сообщения по электронной почте и телефонные звонки, пытаясь найти что-нибудь необычное: номера абонентов, контакт с которыми она прерывала, прежде чем они отвечали; разговоры, длившиеся меньше минуты. Ничего подобного не было. Следовало признать, она была умна и предусмотрительна.

Неожиданно на глаза ему попался странный номер с кодом Оксфорда. Он ввел его в свой телефон и тут же выяснил имя абонента.
Дуг.

Разве она не рассталась с ним?

Он нашел запись ее последнего разговора с ним. *Я люблю тебя.*
Пауза. *Я тебя тоже.*

Казалось бы, ничего особенного, но интуиция подсказывала ему, что он на правильном пути. Дестриер спустился на лифте на подземную парковку, сел в «Астон Мартин» и выехал на улицу, огласив всю округу ревом мощного двигателя.

Навигатор сообщил ему, что поездка по данному маршруту займет девяносто семь минут. Он прикинул, что сможет преодолеть этот путь меньше чем за час.

Оксфорд

Элли сунула руки в коробку и вытащила из нее содержимое. Это был куб размером около 30 сантиметров. Поверхность была черной, холодной и твердой, как обсидиан, и гладкой, словно стекло. Элли положила куб на ковер и принялась искать петлю, щель или крышку. Обнаружила она лишь собственное искаженное отражение, не

сводившее взгляда с хозяйки. Ящик был на удивление тяжелым, хотя вес распределялся по его объему неравномерно. Одна сторона была явно тяжелее остальных, из чего Элли заключила, что это дно.

– Сейчас принесу молоток, – сообщил Дуг, поднимаясь с ковра.

Элли ничего не ответила. Она вспомнила свой первый рабочий день в банке и две плитки из черного пластика, словно оставленные на ее столе представителями древней цивилизации или веземного разума. Девушка перевернула куб на предполагаемое дно и погладила рукой сверкающую поверхность.

Они увидели красный свет – такой же, каким светился в темноте ее телефон. Только вместо клавиатуры на поверхности куба появилась таблица с буквами, похожая на кроссворд.

– Полагаю, пароль тебе неизвестен? – спросил Дуг.

Элли покачала головой.

– У меня есть друг на кафедре математики, который занимался криптографией. Может, он нам поможет.

Элли уже не слышала его. Настенные часы свидетельствовали о том, что она провела здесь уже больше часа. Стрелка ее внутреннего манометра вновь приближалась к критическому значению.

Отставив куб в сторону, она сняла крышку с кожаного тубуса, достала из нее свиток пергамента и осторожно положила его на кофейный столик.

Впервые после того, как захлопнулись челюсти склепа, в ее душе забрезжил лучик надежды. Наконец-то нечто, что может ей помочь хоть в чем-то, по крайней мере, она сможет это прочитать. Восемь строк на пергаменте, твердой рукой человека Средневековья. Как ни странно, это раннеготическое письмо напомнило ей почерк Бланшара.

– Это?..

– Старофранцузский, – ответил Дуг.

Девушка уловила в его голосе удивление и взглянула на него.

– Может быть, это что-то вроде ключа?

Дуг покачал головой.

– Я уже видел это.

– Поэма?

– Именно этот пергамент я держал в руках, как ты держишь его сейчас.

Элли смотрела на него с выражением крайнего изумления на лице.

– Это невозможно. Я вытащила его из склепа сегодня утром.

Дуг ткнул пальцем в середину листа, где текст аккуратно огибал маленькое отверстие.

– Тебе известно, как изготавливали пергамент? Кожу натягивали на раму, наподобие барабана, а затем скоблили ножом, пока она не становилась толщиной с бумажный лист. Кончик ножа имел закругление, но иногда он все-таки вонзался в кожу, а поскольку она была сильно растянута, даже отверстие от игольного укола расширялось так, что в него можно было просунуть палец.

Элли кивнула. Она знала это.

– Но пергамент всегда был недешев, и особенно в XII веке, поэтому из-за небольшого отверстия на листе его не выбрасывали. Писец просто обходил его. Так вот, три месяца назад, изучая этот пергамент, я видел отверстие в этом самом месте – в восьмой строке.

Элли все еще не могла поверить.

– Ты помнишь, я рассказывал тебе о мистере Спенсере и его шотландском замке?

Элли задумалась. За последнее время произошло столько событий.

– Старик в инвалидном кресле, который хотел, чтобы я посмотрел поэму. Так вот, это тот самый пергамент.

Мистер Спенсер. Премия Спенсера. Она уже думала об этом, но решила, что это всего лишь совпадение.

Фонд Спенсера. Холдинг Леграндж, «Сен-Лазар инвестмент».

Элли свернула пергамент и вложила его в тубус. Ударившись о дно, он издал глухой звук. Дуг смотрел на девушку с недоумением.

– Ты не хочешь узнать, о чем там идет речь?

– Нам нужно уходить.

– Куда?

– Куда-нибудь. Владелец этого склепа – мой клиент, Мишель Сен-Лазар. Судя по всему, он и твой мистер Спенсер – одно и то же лицо. Я не знаю, почему он воспользовался твоими услугами, но ему, очевидно, известно о тебе все. И, скорее всего, о наших с тобой отношениях тоже. Они обязательно придут сюда.

Элли отдернула край портьеры и выглянула на улицу. Ряды припаркованных автомобилей стояли вдоль тротуара, словно часовые. Стекла их окон отражали оранжевый свет уличных фонарей. Не следит ли за ними кто-нибудь внутри одного из них?

– В течение ближайшего часа нет ни одного поезда.

– Никакого общественного транспорта. Они будут дежурить на всех вокзалах и во всех аэропортах. Нам нужен автомобиль.

Дуг беспомощно развел руками. Ни у кого из них не было автомобиля.

– Можно арендовать машину на вокзале.

– Мы ничего не можем арендовать. И не можем пользоваться кредитными картами, – Элли поймала на себе его удивленный взгляд. – Ты еще не понял? Эти люди могут быть повсюду. И если они поймают нас, то обязательно убьют. Если ты считаешь меня сумасшедшей, скажи об этом, и я уйду одна.

Взгляд Дуга скользнул по кожаному тубусу с листом пергамента.

– Пошли.

– Ты сможешь найти автомобиль?

– Думаю, да, – но, поняв по выражению лица Элли, что ее не удовлетворил этот лаконичный ответ, он пояснил. – У Люси есть автомобиль, и она уже однажды одалживала мне его. Я только соберу вещи.

Сказав это, Дуг отправился к лестнице.

Глава 34

Бухта Морбиан, Франция, 1142 г.

Откуда ему известно мое имя?

Это не самый важный из стоящих передо мной вопросов, но я не могу от него отделаться. Мое сознание совершенно спокойно, оно существует как будто отдельно от тела, отчаянно противостоящего судьбе. Я – Иона, борющийся с водой, с морем. Я знаю, что не могу победить, но не в моих силах прекратить эти попытки. Если Бог хочет одержать победу, Он должен добиться ее.

Откуда ему известно мое имя?

Из лодки море казалось таким спокойным. Теперь даже самая легкая волна оказывается выше моей головы. Поднимаясь вверх, я не вижу ничего, кроме тумана, опускаясь вниз, я не вижу ничего, кроме воды. Я избавился от всех своих доспехов, но у меня едва хватает сил, чтобы держаться на поверхности. Вода чрезвычайно холодна. Скоро я утону.

Что-то более твердое, чем волна, ударяет мне сзади в плечо. Тело мое настолько оцепенело, что я почти не чувствую этого удара, но он все же приводит меня в ярость. Я не хочу, чтобы меня торопили, и поворачиваю голову. Мимо меня проплывает темная масса, похожая на рыбу, рассекающую воду. Если не принимать во внимание то, что на боках у нее вместо чешуи деревянные доски, промазанные дегтем.

Это лодка.

Я протягиваю руку и хватаюсь за нее. Пассажиры, по всей вероятности, сильно напуганы, но тем не менее втягивают меня на борт. Их трое. Судя по их возрасту, это отец и двое сыновей. Они настороженно изучают меня и не находят во мне ничего, что может внушить доверие. Я лежу на дне лодки и вдыхаю запах соли, крови и мертвой рыбы. Они не разговаривают со мной.

Мы вплываем в бухту, зажатую между скал, среди черных камней, поросших зелеными водорослями. Сыновья высаживаются на берег, чтобы проверить сети. Отец не спускает с меня недобрых

настороженных глаз. Он явно не хочет, чтобы я оставался в его лодке. Обессиленный и почти голый, я, по его мнению, все же представляю опасность. Он трет приколоченный к транцу амулет, чтобы отогнать зло. Думаю, он может попытаться убить меня. Я перепрыгиваю через борт и, шлепая по воде, направляюсь к берегу. Острые раковины моллюсков впиваются в мои босые ступни. Сыновья, выбирающие рыбу из сетей, наблюдают за мной. Но ни один из моих невольных спасителей не пытается остановить меня.

Опускается ночь. В середине дня туман рассеялся, но теперь он вновь заволакивает все вокруг. Спотыкаясь, я бреду в темноте, боясь остановиться. Мне холодно – мокрая рубашка плотно облегает тело. Если я лягу спать, то, скорее всего, больше никогда не проснусь.

Глухой удар. Передо мной камень. Схватившись за ушибленное колено, я пытаюсь обойти его и ударяюсь локтем о соседний. Я отступаю назад и едва не переваливаюсь через третий камень.

Из-за облака выходит луна. Я стою на поле, усеянном прямоугольными плитами, обращенными в одну сторону. Это похоже на церковный двор, хотя на плитах нет никаких надписей. Они расположены близко друг к другу, и их плотные ряды уходят глубоко в пелену тумана.

Мне становится понятно, где я нахожусь. Я мертв. Это большое облегчение. Интересно, где я умер: в замке – и дух в виде рыбака переправил меня в потусторонний мир – или же после высадки на берег. Это не имеет значения. Теперь я призрак.

Это не похоже на преисподнюю. Неужели я на небесах?

Из тумана доносятся звуки – брэнчание доспехов, стук попавшего под ноги камня, тихое ругательство.

Кто это? Ангел? Демон? Еще один призрак? Я прячусь за камнем. – Питер! – вдруг слышу я. – Питер Камросский!

Я не узнаю голос. Это не Малегант.

Откуда ему известно мое имя?

Богу известно все. Я не знаю, известно ли все и ангелам, но можно предположить, что Бог сообщает им нужные сведения.

Но в этот момент хозяин голоса выругался, споткнувшись о камень, а ангелы не ругаются.

Действительно ли я мертв? У меня больше нет уверенности в этом. Святой Иоанн говорит о небесах: *«ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет»*. На небесах я определенно не расшиб бы локоть. На небесах сердце у меня определенно не колотилось бы как бешеное.

Если бы я был мертв, то не испытывал бы страха. Но если я не в лучшем мире, то где я? И кто меня ищет?

Снова слышатся звуки: звон кольчуги, как будто в кошельке встряхивают монеты. Я оборачиваюсь, пытаюсь определить, где находится их источник, но перед глазами одни лишь камни.

Слева от меня среди ветвей деревьев ухает сова. Наверное, мой преследователь сбился с пути. Я осторожно выглядываю из-за камня.

Вышедшая из-за облака луна на мгновение освещает все вокруг. В нескольких десятках шагов я вижу спешенного рыцаря, стоящего среди камней. Голова его непокрыта, но доспехи блестят в лунном свете подобно рыбьей чешуе.

– Питер! – снова зовет он.

Откуда ему известно мое имя?

Луну закрывает облако. Мы не видим друг друга. Я ложусь на землю и ползу прочь.

Может быть, я и не мертв, но, вне всякого сомнения, мне снится кошмарный сон: я на кладбище с неизвестными надгробиями. Я ползу на четвереньках, меня преследует невидимый враг. Я постоянно натываюсь на камни. После встречи с одним из них голову пронзает резкая боль. Но я продвигаюсь дальше. В мокрой траве меня совсем не слышно, тогда как рыцарь не может не звенеть железом при каждом шаге. Огибая камни, я держу путь на крик совы, в направлении деревьев. Металлический звук кольчуги постепенно растворяется в тумане.

Я бегу в лес. Страх, овладевший мною среди камней, все еще не выпускает меня из своих объятий. Иногда я натываюсь на тропы и следую ими. В другое время просто бреду наугад. Ветви безжалостно хлещут меня, и скоро от моей рубашки ничего не остается. Я тороплюсь.

Споткнувшись об очередной корень, я растягиваюсь на земле. У меня раскалывается голова, тело покрыто синяками и ссадинами, руки и ноги кровоточат. Я так устал и обессилен, что уже сомневаюсь, что смогу когда-нибудь покинуть это место.

Из подлеска доносится фыркание. Кто это, конь? А может быть, волк или лиса? Я представляю, как зверь набрасывается на меня и рвет мое тело. Наверное, я все-таки попал в преисподнюю.

Неизвестное существо выходит из чащи и склоняется надо мной. Я ощущаю его теплое дыхание щекой и руку или лапу на плече. Существо переворачивает меня на спину. Я смотрю ему в лицо.

Глава 35

Оксфорд

Дестриер припарковал автомобиль в конце улицы, поскольку «Астон Мартин» был весьма приметен, и отправился на поиски нужного ему адреса. Он принуждал себя идти неторопливым, прогулочным шагом, не желая привлекать внимание к своей особе.

Портьеры в доме были задернуты, но свет в окнах горел. Удача. Он надел на правую руку латунный кастет, а левой постучал в дверь.

Никакого ответа.

Он достал телефон Элли и набрал номер Дуга. Подняв крышку почтового ящика, он услышал телефонный звонок в доме. Ответа не было и на сей раз. Ни звука. Ни движения.

Подождав еще минуту, он решил проникнуть внутрь. Дом, принадлежавший колледжу, служил приютом для нескольких поколений студентов. Замок на его двери был детской игрушкой. Дестриеру потребовалось тридцать секунд, чтобы взломать его, и еще девяносто, чтобы удостовериться, что дом пуст.

Но покинули его совсем недавно. Чайник еще был теплым. Зеркало в ванной было запотевшим от пара. Полотенце на вешалке было влажным. На ковре виднелись следы мокрых ног. В углу, рядом с корзиной для белья, Дестриер нашел женский носок.

Начальник службы безопасности банка выбежал из дома и огляделся по сторонам. Улица была пуста.

В трех кварталах от дома Дуг и Элли сели в позаимствованный «Ниссан» и дождались, пока отпотеет лобовое стекло. Стоявшая на тротуаре невысокая девушка в узких джинсах и плотно облегающем свитере наблюдала за ними с озабоченным видом.

– Люси настоящий друг, – проговорил Дуг.

Элли ничего не спрашивала. Она сидела на пассажирском сиденье, наклонившись вперед, и молила Бога, чтобы туман, стоявший перед ее глазами, рассеялся как можно быстрее.

В лобовом стекле появился лунный серп. Дуг опустил стекло своего окна.

– Еще раз спасибо, – сказал он Люси.

– Будь аккуратен.

Они быстро отъехали, дабы она не передумала. Проехав половину улицы, Дуг вдруг нажал на тормоза.

– В чем дело? – испуганно спросила Элли.

– Я не выключил дома свет.

– Ничего страшного. Я оплачу его.

Если мы когда-нибудь вернемся. Она не сказала этого, но Дуг по ее тону все понял. Он включил зажигание, и автомобиль тронулся с места.

– Куда поедем?

Теплоход «Северные крылья», Северное море

Они сидели за пластиковым столом и ели вареные яйца, бобы, безвкусный бекон и колбасу. За бортом под серым небом вздымалось стальное море.

Через Дувр можно было отплыть быстрее, но Элли ни за что не желала пересекать Лондон. Дуг хмурился, но не спорил. Всю ночь они двигались по второстепенным и проселочным дорогам и на рассвете добрались до Харвича. Ожидание парома было мучительным. Пока Дуг спал, сидя на скамейке в зале ожидания порта, Элли сидела рядом с ним и постоянно озиралась. Ей чуть не стало дурно, когда они предъявляли паспорта, но офицер иммиграционной службы едва взглянул на них. Только изучив лица всех пассажиров, поднимавшихся по трапу, и увидев, как пирс уплывает назад, она позволила себе расслабиться.

Дуг искоса взглянул на ломтик колбасы и решил, что стоит рискнуть.

– Расскажи мне все с самого начала.

Элли поставила чашку с кофе на столик.

– В этом деле замешаны две силы: с одной стороны «Монсальват», с другой... некая конкурирующая организация.

Назовем ее братством, хотя мы ничего не имеем против женщин.

– За банком «Монсальват» стоит французский миллиардер по имени Мишель Сен-Лазар. Твой мистер Спенсер. Что бы ни находилось в этой коробке, предки Сен-Лазара украли это у конкурирующей группы несколько столетий назад.

– По словам твоего друга Гарри.

– Приходится ему верить.

Еще два месяца назад Элли Стентон подняла бы человека на смех или посчитала его сумасшедшим, если бы ей рассказали нечто подобное.

– Я не могу сделать этого одна.

Дуг устало взглянул на девушку. Ночная гонка не прошла для него даром. Под глазами набухли мешки от усталости, кожа посерела, на подбородке и щеках проступила щетина. Тем не менее он попытался улыбнуться.

– Ты не одна.

Элли перегнулась через столик и сжала его руку.

– Я знаю. Но мы так долго не продержимся. Во-первых, у нас кончатся деньги. Все свои банковские карты я получила в «Монсальвате». Как только им станет известно, что я с тобой, они найдут способ заблокировать и твои – или разыскать нас, если мы ими воспользуемся, – заметив на лице друга скептическое выражение, она продолжила: – Не забывай, «Монсальват» – это банк. Они вполне могут сделать это, и они не остановятся ни перед чем, чтобы вернуть, как они считают, свое имущество.

– Ты могла бы отдать им его.

– Я уже сделала свой выбор. Эта организация, братство, как ни назови их – только они способны защитить нас. Мы должны их найти.

– Как мы это сделаем?

Элли отхлебнула кофе и скривилась. У напитка был привкус средства для мытья посуды.

– Не знаю, – призналась она. – Я контактировала только с Гарри.

Когда они еще стояли на пирсе в Харвиче, Элли попробовала набрать номер, который ей дал Гарри. *Если не будет ответа, оставьте сообщение для Гарри от Джейн.* После нескольких длинных

гудков включился автоответчик, но девушка так и не смогла ничего сказать.

– По всей вероятности, он уже мертв, если не хуже.

Теплоход качало на волнах. Маленький ребенок с желтым шаром, ковылявший по проходу между столиками, упал головой вперед и громко заплакал. Элли испытала к нему приступ жалости.

– «Монсальват» недавно поглотил одну компанию в Люксембурге.

Европейский промышленный концерн средней руки. Судьбе было угодно, чтобы они завладели тем, что принадлежит нам.

– У них есть нечто, что имеет отношение к людям Гарри. Если мы сможем отыскать это, то, вероятно, нам удастся выйти на них.

– Если мы сможем отыскать это, – повторил Дуг, – мы что, придем к ним и спросим, нет ли у них адреса древнего тайного братства?

Элли вымученно улыбнулась.

– Что-то в этом роде. Если только тебе не придет в голову более плодотворная идея.

Однако в этот момент глаза Дуга закрылись, и он качнулся вперед. Он сидел за рулем всю ночь и устал так, что больше не мог бороться с усталостью. Элли вовремя подставила руку, иначе его голова протаранила бы стол.

Окрестности Бастони, Бельгия

Дуг вел автомобиль. Элли сидела рядом, на ее коленях лежал атлас автодорог и два листка бумаги. Один содержал оригинальный текст поэмы, второй – ее перевод.

– Мистер Спенсер попросил меня сделать перевод, – пояснил Дуг, – я хотел сохранить форму оригинала, поэтому он написан ритмичным восьмисложным стихом. Восемь слогов в строке – стандартная форма для французской романтической поэзии.

– Романтической поэзии?

– В Древнем Риме употреблялась письменная латынь и вульгаризированная разговорная форма, называемая «романским языком». После того как рухнула Римская империя, латынь в основном сохранилась в прежнем виде, а романский язык дал начало почти всем европейским языкам. В XII веке, когда появились первые

произведения на этих языках, их стали называть «романами», чтобы отличать от философских и религиозных сочинений на латыни. Даже сегодня этот жанр сохранил свое название во французском языке.

– Хорошо.

Элли наклонилась вперед и принялась читать перевод, стараясь не обращать внимания на подкатывающую к горлу тошноту от качки.

Христов воитель в тьме дорог
Искал надежный поворот.
Скакал из Трои налегке,
Чу! Дева с чашею в руке.
Копьем своим ее пронзил,
Кровь девы лалами пролил.
Сухую землю стал скрести —
Но век те лалы не найти^[10].

Колесо автомобиля попало в очередную рытвину. Элли вздрогнула, и ей почему-то стало невыразимо грустно.

– Ну и к каким заключениям ты пришел?

– Во-первых, мне кажется, я знаю, кто это написал. Кретьен де Труа. – Дуг заметил ее удивление, поэтому не удержался от очередного вопроса: – Что такое?

Бланшар подарил мне его книгу на Рождество. Но Дуг понятия не имел, что Элли была на Рождество в Швейцарии, не знал, что была она там с Бланшаром, и определенно не знал, почему банкир подарил ей на Рождество рукопись XII века. Эта рукопись, как и все ее вещи, остались в квартире в Барбикане.

– Я видела книгу его поэм в одном из домов Сен-Лазара. Почему ты решил, что это он?

– Язык, размер и стиль характерны для его произведений. Как и сюжет: рыцари и девушки.

Дуг замолчал, сосредоточив внимание на дороге, где их обогнал белый фургон. Они ехали через Арденны, и шоссе то поднималось на крутые горные перевалы, то опускалось в поросшие лесом долины. Среди такого ландшафта было нетрудно представить рыцаря, странствующего в поисках дамы сердца и сокровищ.

– Но главный ключ вот где. Посмотри. *Христов воитель... из Трои*. «Кретьен» по-французски – «христианский», а «Троя» – это древний город, название которого тогда произносили как «Труа». Кретьен де Труа.

– Похоже на правду.

– Эта поэма представляет собой загадку. Когда мистер Спенсер сообщил, что, по его мнению, в ней сокрыта карта сокровищ, я счел его сумасшедшим. Но чем больше я думал об этом, тем больше мне казалось, что он прав. *Сухая земля* — это пергамент, и поэт – Кретьен – скребет его своим тростниковым пером, словно плугом. Он что-то сеет на пергаменте, скрывая это в поэме.

– Каким образом?

– Первые две строки наводят на мысль, что они могут быть ключом к какой-то загадке. *Тьма дорог, надежный поворот...* Возможно, это означает, что нужно найти лабиринт и постоянно поворачивать вправо, – Дуглас заметил взгляд, который бросила на него Элли, – или что-то в этом роде.

– Ты выдергиваешь слова и пытаешься придать им какое-то значение, – Элли закрыла атлас. Листы с оригинальным текстом поэмы и ее переводом остались между его страницами. – Как бы то ни было, если твой мистер Спенсер это действительно Мишель Сен-Лазар, что он ищет? Сокровища уже находятся в склепе.

– Тогда зачем он обратился ко мне?

– Из-за меня. Бланшар сделал все, чтобы как можно больше вовлечь меня в эту историю. Он пригласил меня на работу в банк. Он привел меня в подвал. То, что тебе показали эту поэму, наверняка было частью этого плана. Он знал о наших отношениях и был уверен, что ты расскажешь мне об этом.

– Зачем ему это было нужно?

Этот вопрос Элли задавала себе с того самого момента, когда обнаружила в почтовом ящике в Оксфорде жесткий конверт. *Почему я?* Теперь она знала на него ответ.

– Он использовал меня в качестве приманки. Ему было известно, что мой отец состоял в братстве. Наверное, он думал, что, заполучив меня в «Монсальват» и предоставив мне всю эту информацию, сможет тем самым вынудить братство раскрыть себя. Что они и сделали.

Автомобиль вскарабкался на вершину холма, и Дуг переключил передачу. Он пристально смотрел на шоссе, хотя оно было широким и пустым.

– Только теперь ты не приманка, а дичь.

Люксембург

Вновь оказавшись в Люксембурге, Элли испытала странное чувство, какое испытывала каждый раз, когда приезжала домой в Ньюпорт из университета. Как будто она посетила город-призрак – хотя теперь этот город обрел плоть, а призраком стала она.

В здании холдинга «Талуэт» царила зловещая тишина. Элли знала, что через шесть месяцев оно будет продано, половина сотрудников компании будет уволена, а другая половина будет переведена в офис, расположенный в парке, на окраине города. На девушке были юбка и жакет из синтетического материала. Они и новыми стоили дешево, а в благотворительном магазине, где она их нашла, были еще дешевле. Ее наряд завершали колготки, купленные в автомате на станции техобслуживания. Выглядела она не бог весть как, но карта «Монсальвата» позволила ей пройти через приемную и попасть в офис директора-распорядителя. Она надеялась, что секретарь не заметила, что ее бьет нервная дрожь.

– Расскажите мне все, что вам известно о Мирабо.

Клод Дурнер, директор-распорядитель, откинулся в кресле и нахмурился. Это был человек среднего возраста, и самым ухоженным в нем были усы, напоминавшие щетинки зубной щетки.

– А что это такое – Мирабо?

– Не морочьте мне голову.

Из-за испытываемого страха манеры Элли несколько утратили деликатность. *Что, если Бланшар догадался, что она направится сюда? Что, если они уже следят за ней?*

– Я войду в состав группы интеграции, – солгала она, – и буду выяснять, кто из персонала вашей компании обладает способностью создавать корпоративные синергии, необходимые нам. Та помощь, которую вы сможете оказать мне, обязательно будет учтена.

– Вы угрожаете мне?

С уверенностью, хотя от страха у нее подкашивались ноги, Элли села в кресло, закинула ногу на ногу и повторила вопрос:

– Итак, расскажите мне о Мирабо.

– Клянусь вам, я ничего об этом не слышал.

Вероятно, он говорил правду. Элли взглянула на компьютер, стоявший на его столе.

– Вы разрешите мне воспользоваться вашим компьютером?

Введя пароль, Дурнер подвинул монитор и клавиатуру в сторону Элли.

– Пожалуйста.

Элли нашла окно поиска и нажала клавишу. Дурнер встал из-за стола и направился к двери.

– Вы куда?

– В туалет. А что, теперь на это требуется ваше письменное разрешение?

Она покраснела.

– Да нет, конечно.

Как только он вышел, она набрала «Мирабо», и компьютер начал поиск. Дурнер вернулся раньше, чем рассчитывала Элли. Он сел в свое кресло и принялся дергать себя за галстук.

– Большое намечается кровопролитие?

– Прошу прощения?

– Я имею в виду увольнение, – он махнул рукой, – извините, мне следовало сказать «синергию».

Лгать не было смысла.

– Уволят многих. Они – мы – пообещали правительству Люксембурга оставить все как есть до следующих выборов, но затем будут приняты довольно жесткие меры.

Лицо Дурнера исказила гримаса.

– Знаете, двенадцать столетий назад герцог Зигфрид построил Люксембург в качестве замка. Я думаю, как много с тех пор изменилось.

Элли с нетерпением смотрела на экран. У нее было ощущение, будто с каждой секундой петля на ее шее затягивается все туже.

– Несмотря на все наши технологии, единственным организационным принципом, который мы признаем, остается диктат силы. Феодализм. Работники не хотят брать на себя полномочия. Они

хотят надежности – стабильного заработка и защиты от разного рода превратностей судьбы. Ради этого они позволяют эксплуатировать себя. Им хорошо известно: хозяин заботится о них только потому, что они приносят ему прибыль. Но лучше, когда тебя угнетает один тиран, а не множество. И когда новый хозяин завладевает ими, как военным трофеем, они знают, что ничего хорошего их не ждет. – Дурнер одним глотком допил кофе и продолжил: – Я все больше настраиваюсь на философский лад. Наверное, нужно смириться с тем, что меня отправят в отставку.

Элли не слушала его, сосредоточив внимание на экране.

Aucune legende correspondant aux critères de recherche n'a été trouvée^[11].

Перевод: *отсутствует*

Она развернула монитор в сторону Дурнера.

– Что это?

В этот момент зазвонил телефон. Он поднял палец и нажал кнопку.

– *Oui? J'attends*^[12].

Когда он отключил телефон, выражение его лица было другим. Он заметно повеселел и даже стал любезен.

– Не хотите ли чашечку кофе?

– Только после того, как вы расскажете мне о Мирабо.

Он пожал плечами.

– Я знаю о нем не больше компьютера.

– Мишель Сен-Лазар потратил свыше миллиарда евро на приобретение этой компании из-за Мирабо. Не говорите мне, что никто ничего об этом не знает.

– Разумеется, кто-то знает, если это существует. Но разыскать этого человека нелегко. «Талуэт» – крупный холдинг, и мы осуществляем множество операций во многих странах. По всей вероятности, в компании просто нет такого человека, который знает абсолютно все.

– Мне необходимо, чтобы вы допустили меня к вашим архивам.

– Все материалы до сих пор находятся в той комнате, где проверялась чистота сделки. Во время так называемой битвы за поглощение мы просто закрыли ее на ключ.

– Ну так проводите меня туда.

– Подождите немного, моя секретарша вышла с ключами.

Элли подождала десять секунд – достаточно долго, чтобы удостовериться в том, что улыбка на лице Дурнера на сто процентов фальшивая. Она порылась в сумке, будто бы в поисках губной помады, пока не нащупала рукоятку кухонного ножа, купленного этим утром.

Одним движением Элли выхватила его из сумки и приставила к горлу Дурнера. Тот застыл на месте.

– Вы ведь не работаете на «Монсальват», – выдавил он.

– Нет. Я чуть менее жестока, чем они.

Элли осмотрела стол, дабы проверить, нет ли где-нибудь тревожной кнопки, которую он мог бы нажать. Но это было офисное здание в столице одной из самых скучных стран Европы, и вряд ли его обитатели могли вообразить, что к ним будут приходить люди, чтобы приставить к их горлу нож.

– Кто вам звонил?

Элли плотнее прижала нож к горлу Дурнера. Она хотела только напугать его, но от волнения не рассчитала силы и порезала ему кожу. Он вздрогнул. На воротник его накрахмаленной рубашки упала капля крови.

– Ваша начальница. Кристин Лафарж.

Элли чуть не отрезала ему голову.

– Где она?

Не поворачивая головы, он повел глазами в направлении окна.

– Она сказала, что будет через пять минут.

В течение секунды Элли размышляла, не перерезать ли ему горло. Выбор у нее был невелик: либо она, либо он. Она перережет ему горло, заберет у него ключи и оставит его тело Кристин Лафарж. Пусть они увидят, с кем имеют дело. Сделать это будет нетрудно.

Однако через секунду ей стало стыдно. *В кого ты превращаешься?*

– Отдайте мне ключи, – потребовала Элли, – и ваш мобильный телефон.

Директор тут же забыл, что ключи находятся у секретаря, и вынул связку ключей вместе с мобильным телефоном из кармана висевшего на спинке кресла пиджака. Элли забрала их.

– Оставайтесь здесь.

Элли перерезала провод стационарного телефона и кабель компьютера. Чем еще он может воспользоваться для установления связи, она не знала, а для поисков у нее не было времени.

– Который из этих ключей от нужной мне комнаты?

– Тот, что с желтым кольцом.

– А от этого кабинета?

– С синим.

Элли вышла из комнаты и заперла дверь. *Пять минут*, сказала она себе. Сколько уже прошло? Она побежала по коридору в конец здания и оказалась на площадке с лифтами. *Сколько времени у нее осталось?*

Комната, где хранился архив холдинга, ничуть не изменилась с тех пор, когда Элли была здесь в последний раз, хотя сейчас девушке показалось, что здесь стало еще более уныло. Она заперла за собой дверь, включила свет и окинула взглядом дешевые столы и длинные ряды стеллажей. Здесь было около миллиона разных документов, а в ее распоряжении имелось меньше пяти минут.

Но по крайней мере она представляла, откуда следует начать поиск. Она была уверена в том, что видела Мирабо, когда проводила проверку чистоты сделки. Подбежав к полкам, она ввела на клавиатуре нужный ей номер.

– Сезам, откройся, – прошептала Элли.

Полки ожили, словно гиганты, пробудившиеся от сна. Они стонали и гремели, откатываясь друг от друга, образуя проход. Девушке казалось, что она слышит, как тикают минуты отпущенного ей времени.

Она протиснулась в проход, не дожидаясь, пока полки закончат свое движение. Еще в университете, приходя в библиотеку, Элли всегда боялась, что полки с книгами могут обрушиться и похоронить ее под своими обломками. Теперь же это беспокоило ее меньше всего. Она нашла папки с отчетами в середине прохода и принялась просматривать их. *Мирабо*. Где ей попадалось на глаза это имя? У нее была прекрасная память, и сейчас она отчаянно нуждалась в ее услугах.

Элли переворачивала страницы, пытаясь найти что-нибудь, что навело бы ее на нужную мысль, и при этом стараясь не слишком торопиться, дабы ничего не пропустить. У нее было ощущение, будто

гигантский кулак схватил ее сердце и сжимает каждый раз, когда из коридора доносится шум. Зубчатый график, напоминавший горную цепь, показался ей знакомым. Она внимательно всмотрелась в него.

Это было графическое отображение бюджета одной из французских дочерних компаний «Талуэт» – «Мирабо Эксплорейтори» (Ref 890112/A/F2727).

Она знала, как расшифровывались цифры их бухгалтерского учета. Сочетание F2727 означало ссылку на папку. Она сверилась с перечнем полок. F2650-F2900: стеллаж 7. Она вернулась к клавиатуре в конце стеллажа и нажала кнопку, чтобы открыть новый проход.

Спустя секунду после того, как полки пришли в движение, начала медленно поворачиваться ручка двери. Время вышло.

Кристин Лафарж распахнула дверь и втокнула внутрь Дурнера. Споткнувшись о порог, он нерешительно вошел в комнату. Никто не ударил его ножом. Он окинул взглядом пустую комнату, стулья и пыльные столы.

– Вы сказали, что она должна быть здесь.

Дурнеру никогда прежде не доводилось слышать женское рычание. Он вспомнил слова Элли: *«Я чуть менее жестока, чем они»*.

– Она сказала, что собирается сюда. И свет включен.

На полу лежала открытая книга. Кристин Лафарж подняла ее. Длинный ноготь быстро побежал вниз по записям на странице – и вдруг замер.

– Мирабо.

– Я же говорил вам. Она хотела знать об этом все.

– Что вы ей сказали?

– Ничего. Я никогда не слышал об этом проекте. «Талуэт» – большая компания. Мы...

– Что означает эта ссылка?

– Местонахождение папки, – Дурнер сверился с перечнем, – стеллаж 7.

В полутора метрах, на стеллаже 4, под грудой бумаг лежала, сжавшись, Элли. Она очень боялась, что дрожь тела передастся полкам и выдаст ее присутствие. По проходу прошел Дурнер. Она услышала, как он вполголоса пересчитывает папки, и в отчаянии сжала ладони в кулаки.

Дурнер опустился на колени. До ее слуха донесся шелест папок – и затем, неожиданно, ругательство.

– Этой папки нет на месте.

Элли затаила дыхание.

– Наверняка ее взяла она.

– Сколько прошло времени с того момента, как она покинула ваш офис?

– Пять минут. Может быть, десять.

– Вы приказали своей службе безопасности задержать ее на выходе?

– Она забрала у меня телефон, – ответил Дурнер извиняющимся тоном.

– Из этого здания есть другой выход?

Последовала пауза.

– В конце южного коридора есть пожарный выход. Вообще-то на двери установлена сигнализация, но мы отключили ее, чтобы курильщики могли свободно ею пользоваться. Она вполне могла уйти через нее.

Элли могла только представить, каким взглядом одарила Дурнера Кристин Лафарж. Ей даже стало немного его жалко.

– Если она ускользнула, все, кто работает в этом здании, будут уволены. Вам понятно?

Элли услышала удаляющееся цоканье тонких каблучков и последовавший скрип ботинок Дурнера. Дверь снова открылась и захлопнулась.

Она подождала две минуты, дабы удостовериться, что они не вернутся. Ждать можно было бы и больше, несколько часов в случае необходимости, но перед ней стояла серьезная проблема.

Как же отсюда выбраться?

Проход сейчас располагался между седьмым и восьмым стеллажами. Она находилась на четвертом стеллаже. От свободы ее отделяли три полки с папками, и никакого другого выхода не было. Она могла бы подождать, пока кто-нибудь придет, но в эту комнату никто не заходил уже несколько месяцев и, возможно, никто и не зайдет в ближайшем будущем.

И если кто-нибудь придет, я вряд ли захочу с ним встретиться.

Элли казалось, что она протиснулась настолько далеко, насколько это было возможно. Но выяснилось, что если податься назад, можно проделать небольшое отверстие в передней части полки. Это создавало пространство, позволявшее ей дотянуться до следующей полки и пробраться через ряды папок, разгребая их в стороны.

Она ощущала себя червем, поглощающим землю и выдавливающим ее сзади. Книжным червем. Так ее всегда называла мать. Воспоминания побуждали ее двигаться вперед. Элли протолкнула свое тело через разделительную планку в освобожденное ею пространство и приступила к работе над следующей полкой.

Второй стеллаж поддался ей быстрее, чем первый, а последний оказался самым легким. Она пробилась сквозь него, рассыпая по полу груды бумаг, и сползла на животе вниз, подобно белому медведю, вылезаящему из своей берлоги. Ее покрывал слой пыли, которая забила даже в рот. У нее не было уверенности, что Кристин Лафарж не вернется. Единственным ее желанием было как можно быстрее выбраться отсюда.

Однако сейчас было необходимо проверить еще кое-что. Она двинулась по проходу к полке, на которой должна была находиться папка F2727.

Дурнер был прав. Она отсутствовала. Вместо нее был узкий промежуток между папками F2726 и F2728.

Кто ее взял? Не Дурнер, не Кристин Лафарж и не Бланшар.

Элли стало дурно. Она потратила столько усилий, подвергалась такой опасности – и все напрасно. Она пристально смотрела в промежуток между папками, будто хотела усилием воли вернуть искомое на место. Ее взгляд наткнулся на маленький шарик, лежавший на полке. Она прикоснулась к нему пальцем. Это была засохшая жевательная резинка.

Глава 36

Бретань, 1142 г.

Тучный аббат отнюдь не рад. Он засовывает руки в карманы своей белой рясы и надувает щеки, как кот распушает шерсть, чтобы казаться более крупным. Он смотрит на отшельника, библейскую фигуру в коричневой рясе и с длинной седой бородой, и стоящего рядом с ним мужчину в шрамах, с искривленным после удара щитом носом и с мускулистыми руками.

– Монастырь переполнен, – сообщает священник.

Ему не нужны монахи, не способные заработать на кусок хлеба. Ему нужны молодые люди из состоятельных семей, которые приносят с собой пожертвования, наследства и покровительство сильных мира сего. Он не хочет принимать в свой монастырь сироту, доставляющего множество хлопот, и к тому же он не знает, какие у него на совести грехи. Но слова отшельника имеют вес не только в монастыре, поэтому аббату приходится хотя бы делать вид, что он слушает его.

– Как тебя зовут?

– Кр... Кретъен, – это имя все еще звучит для меня непривычно, но я полон решимости носить его.

Лицо аббата искажается гримасой. Скорее всего, он подумал, что я стараюсь произвести на него впечатление своим благочестием.

Он бросает взгляд на мою макушку. Отшельник постриг мне волосы почти наголо, но все еще можно заметить поддельную тонзуру, оставшуюся при мне еще тогда, когда я участвовал в нападении на графский замок. Может быть, аббат думает, что я монах, проштрафившийся в своем прежнем монастыре и ищущий новое пристанище? Или же он слышал о людях, переодетых монахами, которые вырезали гарнизон в Иль-де-Пеше? Но это вряд ли. Я сомневаюсь, что Малегант оставил в живых хоть одного свидетеля.

– Ты раньше принимал духовный сан?

– Да. Давным-давно.

Я окидываю взглядом келью аббата. Несмотря на тучность, хозяина этого жилища нельзя назвать расточительным. Обстановка здесь довольно скромная, единственный предмет роскоши – книги. На полках, безусловно, есть Библия, молитвенник, требник и бухгалтерские записи, но тут я замечаю и красочные тома в кожаных обложках. Вергилий, Овидий, Цицерон и Цезарь.

Аббат перехватывает мой взгляд и думает, не собираюсь ли я ограбить его.

– Я умею читать и писать, – сообщаю я, пытаюсь успокоить монаха, – как на латыни, так и на романском.

Аббат облизывает губы.

– Брат Эдвард, наш писец, умер два месяца назад. Здесь очень трудно найти ему замену.

– Возьми его, по крайней мере, в качестве ученика, – предлагает ему отшельник.

Я до сих пор не понимаю, что произошло на старом кладбище. Не покинул ли я на время этот мир, подобно персонажам историй моей матери; не приснилось ли мне это; и, что было бы еще более странно, не было ли это все-таки реальностью. В любом случае, Питер Камросский умер в ту ночь.

Мое новое рождение было трудным и болезненным. Роль повитухи взял на себя отшельник. Он нашел меня в лесу и привел в свое жилище – скит возле ручья. Шесть дней я лежал на подстилке из папоротника в лихорадке. Он выходил меня с помощью меда, пропитанного молоком хлеба, мазей собственного изготовления, которые он втирал мне в лоб, а также молитв, которые он шептал мне на ухо.

Когда лихорадка отступила, он предложил мне исповедаться.

– У тебя на сердце лежит камень. Тебе нужно избавиться от него, если ты хочешь снова быть здоровым.

У него были длинные, спутанные, вымазанные грязью волосы. Но карие глаза были спокойны и участливы. И внушали доверие.

Я встал перед ним на колени и рассказал, как долгие годы ненавидел Бога, как блуждал вслепую, как творил исключительно зло. Я сознался во всем. В своем блуде с Адой. В том, что убивал людей, начиная с Этольда дю Лорьера до стражников графа в Иль-де-Пеше.

Задолго до конца исповеди по моим щекам заструились слезы. Грехи пустили глубокие корни в моей душе, но я вырвал их и выбросил, чтобы видел отшельник. Я подумал, осталось ли у меня что-нибудь, что позволит мне жить без них.

Отшельник слушал меня молча. Закончив, я заглянул ему в глаза, чтобы понять, что он думает. Он закрыл их. Но никакие попытки сохранить бесстрастное выражение не помогли скрыть выражение ужаса на его лице. Он ведь отшельник, а не святой.

– Ужасные преступления, – пробормотал он.

Эти слова сразили меня, словно удар копья. У меня сделалось горячо в голове. Одно мое «я» хотело ударить отшельника, изломать его ханжеское тело, выбить из него прощение, которого я так жаждал. Другое мое «я» – вероятно, более сильное – знало, что я не заслуживаю прощения. Я стоял на коленях, согнувшись и раскачиваясь взад и вперед.

Что-то порхнуло по моему лбу, будто мотылек. Я попытался смахнуть его, но мотылек не улетал. Открыв глаза, я увидел, что это трепещет рука отшельника, прикасающаяся к моему лбу.

– Бог – это любовь, и, согласно Священному Писанию, всякий, кто пребывает в любви, пребывает в Боге, и Бог пребывает в нем.

Он пристально посмотрел мне в глаза. Я видел, что в его душе происходит борьба.

– Ты будешь пребывать во Христе? Будешь ли ты проявлять любовь к отверженным, щедрость к бедным, жалость к несчастным?

Я кивнул. Отшельник заставил меня повторить эти слова, и я повторил, запинаясь от излишнего рвения. Я жаждал его прощения, как семя жаждет солнца.

– Да простит тебя Христос, и да сделает тебя совершенным во всем.

Он взял свою деревянную чашу и окунул ее в родник. Мне вспомнилась история матери о волшебном источнике, чья вода вызывала у рыцаря неодолимое желание сражаться. Отшельник полил водой мою голову. Она стекала по моему лицу, смывая слезы, пока у меня во рту не исчез вкус соли.

Я услышал, как он шепчет, словно обращаясь к себе. *«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».*

Так родился Кретъен.

Я хотел остаться с ним, но он не желал этого. С каждым днем я видел, как возрастает его нетерпение, хотя он и прилагал все усилия, чтобы скрыть свои чувства. Я нарушил его одиночество, и спустя некоторое время отшельник захотел обрести его вновь.

Когда я достаточно окреп для того, чтобы ходить, он отвел меня в аббатство.

Оказывается, монашеская жизнь легче, чем мне представлялось прежде, – она не сильно отличается от жизни рыцаря. Монахи – воины Христа, несущие службу на самых отдаленных границах христианского мира. Аббатство – их крепость. Они повернули реку вспять, чтобы заполнить ров водой; возвели высокие стены и сторожевую башню; расчистили окрестности от леса, дабы никто не мог подобраться к аббатству незаметно. Внутренняя стена делит территорию на внутренний и внешний дворы. Я работаю в скриптории, находясь во внутреннем дворе, в крытой аркаде, связывающей церковь с трапезной и дортуарами. Мне редко приходится покидать аркаду, не говоря уже о внутреннем дворе.

Будучи новичком, я делю келью с ребятами вдвое моложе меня, перешептывающимися в темноте. Все это напоминает мне Отфорт. Мы устраиваем словесные поединки и стараемся превзойти друг друга в благочестии, а в остальном разница весьма невелика. Я вновь стал ребенком.

Но дети растут. Некоторое время я упиваюсь своим покаянием, воображая себя вычищенным листом пергамента, на котором еще ничего не написано. Однако на нем все еще проступают старые слова. Если всмотреться в пространство между глянцевыми строками нового текста, можно увидеть призраков. Иногда я просыпаюсь с криком. Мне снится, будто я вновь очутился в замке на острове или возле часовни на опушке леса. Меня преследуют образы девушки в замке и Ады – то один, то другой. И их грудь всегда оказывается пронзенной, прежде чем я успеваю спасти их. Другие новички думают, что я одержим демоном.

Проходят месяцы. Изо дня в день я сижу за столом и переносу на листы чьи-то чужие записи. В мою работу начинают вкрадываться ошибки. Библиотекарь отчитывает меня. Я смотрю в окно и погружаюсь в воспоминания.

Питер Камросский, я все думал, когда же ты вспомнишь, кто ты есть.

Питер мертв – теперь я Кретьен. Но даже толстые стены не могут отделить меня от моего прошлого. Всю мою жизнь меня толкали на этот путь, хотя я не выбирал его. Я не сумел ни исполнить свой долг, ни защитить свою любовь. Запершись в аббатстве, я вовсе не спас себя, а похоронил.

Мне нужны ответы на мои вопросы. Мне нужно разыскать Малеганта.

В один из дней ко мне является аббат. Он хочет послать меня в монастырь, которому подчиняется наше аббатство. Он находится неподалеку от Шатобриана. Тамшний библиотекарь разрешил ему переписать некоторые труды, которыми он располагает. У него едва не брызгает слюна от восторга, когда он описывает монастырскую библиотеку, подробно перечисляя имеющиеся там рукописи. Я получаю перечень, мула для перевозки книг и небольшой кошелек для приобретения пергамента и чернил. Мне не придется путешествовать в одиночку: келарь с двумя помощниками повезут на ярмарку шерсть.

Мы отправляемся на восток. Другие монахи делают вид, будто не замечают меня, хотя я то и дело ловлю на себе их встревоженные взгляды. Они оживленно беседуют, когда думают, что меня нет рядом, и тут же замолкают, как только замечают меня. Мне нет до этого никакого дела. Если вы убили столько людей, мнение попутчиков о вашей персоне не имеет для вас большого значения.

Всю дорогу до Ренна я внушал себе, что в этом путешествии нет ничего особенного. Я перепису рукописи, нагружу их на мула и побреду назад. Разумеется, я обманываю себя, но это помогает мне бороться с одолевающими меня страхами. К югу от Ренна, там, где дорога пролегает по долине реки Шер, у меня начинает созревать решение. День за днем, шаг за шагом я все больше утверждаюсь в том, что ничего иного мне не дано. К тому времени, когда мы достигаем Шатобриана, я уже знаю, что мне делать.

Монастырь расположен всего в двух днях пути от города. Келарь с помощниками останутся здесь, чтобы продать шерсть, а я отправлюсь дальше один. Я наскоро и не вполне искренне прощаюсь. Как только они скрываются из вида, я разворачиваюсь и тоже еду на ярмарку. Она привлекла в город множество портных, которые, конкурируя друг с

другом, предлагают хорошие цены. Деньги, выданные мне аббатом на пергамент и чернила, превращаются в новые рубаху, штаны и плащ. На оставшиеся несколько пенни я покупаю шапку, скрывающую лицо, и пару прочных ботинок.

Мне предстоит долгий путь.

Глава 37

Люксембург

На двери висела табличка «Установлена сигнализация», но Дурнер не солгал: она была отключена. Элли проскользнула через маленький дворик, усыпанный окурками и мусором, прошла по аллее и вырвалась на свободу. Никто ее не заметил. Она нашла Дуга в том же проулке, где оставила его.

Он окинул взглядом ее растрепанные волосы, полосы пыли на одежде и царапины от порезов бумагой.

– Что случилось? Я уже хотел звонить в полицию.

Элли тяжело опустилась на пассажирское сиденье.

– Поехали. Потом все расскажу.

– Ты нашла то, что тебе было нужно?

– Нужно найти телефонную будку. Где-нибудь в неприметном месте.

Посмотрев телефонную книгу, Элли нашла нужный номер и тут же позвонила.

– Пожалуйста, мистера Леховски. Это Элли Стентон.

Ей повезло. Леховски оказался на рабочем месте, хотя мог быть где угодно.

– Элли – какой приятный сюрприз. Я думал, вы меня совсем забыли.

Она содрогнулась и едва не повесила трубку.

Что, если Бланшар уже связался с ним?

– Поглощение произошло. Я готова выполнить наше соглашение.

Она старалась говорить деловым тоном, как будто речь идет об обычной сделке. Ей показалось, что она услышала, как Леховски облизнул губы. Вероятно, он издал этот звук, жуя свою традиционную резинку.

– Вы остановились в «Софитель»? Могу ли я подъехать туда?

– Я думаю, нам лучше встретиться в более... интимном месте.

Леховски рассмеялся.

– Вас так заботит ваша репутация? – После этих слов он назвал ресторан в старом городе, добавив, что с нетерпением ждет встречи.

Положив трубку, Элли подавила резкий приступ тошноты. Даже в туннеле подземки у нее не было так мерзко на душе.

Ты занималась этим с Бланшаром, напомнила она себе, но тут же подумала, что это было другое, хотя и не попыталась разобраться, в чем состоит разница.

Элли повернула голову и увидела настороженный взгляд Дуга.

– Что за соглашение?

Она слишком устала, чтобы лгать.

– Он помог осуществить поглощение холдинга. И я пообещала переспать с ним, если он окажет помощь в подписании сделки.

Дуг нахмурился. Его лицо помрачнело, а взгляд стал колким и злым. *Реакция адекватна, неадекватна причина*. Элли напомнила себе о Люси и почувствовала, что начинает терять терпение.

– Не будь таким идиотом. Я никогда бы не пошла на это.

– Но сейчас ты делаешь именно это, чтобы получить папку Мирабо.

– Чтобы войти в контакт с братством. Без них нам конец.

Ресторан был ярко освещен и полон посетителей, главным образом «белых воротничков». С порога Элли внимательно осмотрела зал, пытаясь выяснить, не грозит ли ей опасность. Хотя Леховски и представлял конкурентов «Монсальвата», это ничего не значило. Если Бланшар предложил ему хорошую цену, он сдаст Элли не задумываясь.

Леховски был ее единственным знакомым среди ресторанной публики, и отыскать его не представляло труда. На нем была чернобелая спортивная куртка, настолько кричащая, что у Элли закружилась голова, хотя она, по всей вероятности, стоила несколько сотен фунтов. Он сделал заказ за нее, не поинтересовавшись ее желаниями.

– Успех обольщения зависит от смелости, – авторитетно заметил он с видом человека, вычитавшего мудрую мысль. – Как только обольститель проявляет нерешительность, чары исчезают. «Нет такой женщины, которая не предпочитала бы грубоватое обращение чрезмерной деликатности». Знаете, кто это сказал? Женщина.

Элли еще никогда не встречалась с мужчиной, который заранее знакомил бы ее со своими тактическими приемами. Она сидела за

столиком, сжав колени, и старалась не думать о том, что ей предстояло сделать.

Официант принес шампанское, и Леховски принялся суетливо разливать его. Он поднял бокал.

– Как вы оказались в Люксембурге?

– «Талуэт».

Леховски отпил глоток. Мелкие капли шампанского усеяли его подбородок.

– Стало быть, получив свой приз, вы приехали, чтобы кое-что разузнать об этой компании.

Намек был более чем прозрачен. Элли пригубила шампанское и подумала, удастся ли ей остаться этим вечером трезвой.

– Я поделюсь с вами одним секретом, – Элли наклонилась вперед, давая возможность собеседнику заглянуть ей в декольте. – Бланшар дал взятку председателю комиссии по приватизации, и тот сообщил цену вашего предложения. Вы были обречены на поражение.

– Если бы я записывал нашу беседу, вы могли бы сесть в тюрьму за эти слова.

Капли шампанского, вылетевшие изо рта Леховски, попали на щеку Элли. Выражение притворного гнева на его лице превратилось в ухмылку.

– Но откровенность за откровенность. Я тоже поделюсь с вами секретом. Никакого нашего предложения не было. За час до внесения окончательных предложений мы уведомили председателя комиссии о том, что отказываемся от участия в тендере.

Неужели на нее так подействовало шампанское? Элли уставилась на Леховски в недоумении.

– Если бы мы сделали это публично, был бы скандал: комиссия сокращает число участников до двух, и один из них выбывает. Дабы соблюсти приличия, мы согласились предложить на пять миллионов евро меньше суммы, предложенной «Монсальватом».

Собеседник Элли разломил кусок хлеба пополам и намазал половинку маслом.

– Что бы там председатель ни сказал Бланшару, это были выдумки.

Она все еще не понимала.

– Для чего ему это было нужно? Чтобы избежать иска со стороны правительства Румынии?

– Вы про судью Лазареску? Он так хотел посвятить меня в подробности этого дела, – Леховски откинулся назад, полы его рубашки задрались, обнажив пучок черных волос над пряжкой брючного ремня. – Вы думаете, Леховски такой идиот, что не способен почувствовать подвох?

– Если вы знали, что румынская проблема так раздута, почему отказались участвовать в тендере?

– Я обнаружил кое-что, что все остальные упустили из вида. Настолько тайное, что об этом не знало даже руководство. Обязательства, которые могли бы уничтожить компанию.

– Что за обязательства?

Леховски открыл было рот, но тут же закрыл его с кривой ухмылкой.

– Вы владеете компанией – вот и выясняйте. Если сможете найти папку.

– Это Мирабо?

Леховски воззрился на нее в изумлении.

– Похоже, мы с вами недооценивали друг друга.

– Забрав папку, вы тем самым выдали себя.

– Вы все же приобрели компанию.

– Следовательно, папка является моей собственностью.

Официант принес заказ. Элли рассеянно улыбалась, в то время как в уме лихорадочно просчитывала следующий ход. Когда официант ушел, она выпрямилась в кресле.

– Если вы не собирались покупать холдинг, то наше соглашение теряет силу.

Леховски жадно ел, не поднимая глаз от тарелки.

– *Caveat emptor*^[13].

– Соккрытие ключевой информации, – Элли под столом провела рукой по бедру Леховски и взглянула на собеседника, – я имею право отозвать платеж.

– Вы не можете отказаться, – запротестовал он.

Но Элли уловила в его голосе неуверенность. *Как только обольститель проявляет нерешительность, чары исчезают.*

Она лениво поковыряла содержимое тарелки и налила шампанское.

– Вероятно, мы сможем внести в наше соглашение некоторые изменения. Теперь, когда поглощение состоялось, папка Мирабо не представляет для вас никакой ценности.

Леховски смотрел на нее так, будто она уже была в его постели.

– Я бы не сказал, что она не представляет для меня никакой ценности.

Не сводя с него глаз, Элли легким движением провела рукой по груди.

– Я могу придать ей определенную ценность.

– Вы уже обещали мне кое-что в прошлый раз.

– И вот я здесь. Я выполняю свои обещания.

Леховски смотрел на нее в упор.

– Папка хранится в моем офисе. Мы можем поехать туда завтра утром.

– Я улетаю завтра первым рейсом, – Элли даже не заметила, как соврала. – Нельзя ли ее забрать по дороге домой?

– Мне хотелось бы иметь доказательства честности ваших намерений.

Элли отпила шампанского, перегнулась через стол и поцеловала Леховски в губы. Его язык проник в ее рот, словно язык ящерицы, и ей пришлось сделать усилие над собой, чтобы не отпрянуть назад. Чтобы уничтожить вкус чужой жевательной резинки и хоть немного уменьшить запах приторного одеколona, Элли осушила свой бокал одним глотком.

– Ну, каков аванс?

– Мы можем заехать за папкой по дороге в мой отель.

Элли напряглась.

– Вы остановились в «Софитель»?

– В «Хилтоне».

У Леховски был спортивный автомобиль, который он вел, словно безумец – наверное, в его руководстве по обольщению говорилось, что это производит на женщин впечатление. Когда они подъехали к его офису, Элли осталась в машине, а он пошел за папкой. От ее дыхания

лобовое стекло запотело, сквозь юбку она ощущала ледяной холод кожаного сиденья.

Элли сразу поняла, что это та самая папка. В этот день перед ее глазами прошло множество папок. Она увидела на обложке номер F2727 и начала листать документы, но Леховски перехватил ее запястье.

– Все на месте. Леховски умеет держать слово, – он ухмыльнулся. – Надеюсь, вы тоже.

– Очень скоро вы это выясните, – пробормотала Элли.

Пока они сидели в ресторане, ей удавалось не думать о том, что ей предстояло. В автомобиле иллюзии начали рассеиваться. Когда же в вестибюле отеля Леховски обнял ее за талию и повел к лифту, от них не осталось и следа. Его рука по-хозяйски проникла под блузку и поползла к груди.

Элли едва сдерживалась, чтобы не закричать. В лифте Леховски навалился на нее, прижимая к зеркальной стене. Она не сопротивлялась. Едва они вошли в номер, он принялся одной рукой развязывать ее пояс, а другой расстегивать пуговицы блузки.

Элли оттолкнула его и бросилась к двери.

– Куда же вы?

Она услышала в его голосе язвительные нотки. *Вы думаете, Леховски такой идиот, что не способен почувствовать подвох?* Он мог разыграть из себя шута, но он привык добиваться своего. Ей вспомнилось, как Дуг сказал еще летом: *«При первых признаках слабости они разорвут тебя на части».*

Элли помахала пластиковой табличкой «Не беспокоить» и повесила ее на наружную ручку двери.

– Не нужно, чтобы нас отвлекали. Я никуда не тороплюсь. – У нее пересохло во рту, и она произнесла эти слова с хрипотцой.

– Вы, кажется, сказали, что улетаете завтра первым рейсом.

– «Монсальват» может позволить себе еще один билет.

Она закрыла глаза. Леховски расстегнул все пуговицы, провел рукой по груди и сжал ее тело так, словно хотел выдавить из него сок. Если он и заметил, что Элли была вялой, словно тряпичная кукла, то не показал виду. Возможно, Леховски это вполне устраивало.

Нет такой женщины, которая не предпочитала бы грубоватое обращение чрезмерной деликатности.

– Я так и знал.

Элли открыла глаза. В комнату, серую от наступивших сумерек, хлынул яркий свет из коридора. В дверях стоял Дуг. Его лицо было искажено гневом и болью.

– Ты просто потаскуха.

– Пожалуйста, Дуг.

Элли отступила назад.

У Леховски от изумления отвалилась челюсть.

– Кто это?

– Заткнись!

Ударом, отточенным на поле для игры в регби, Дуг послал Леховски в нокдаун, и тот растянулся на кровати. Не давая ему опомниться, он схватил его за грудки, поднял и швырнул на пол.

– Если кто-то услышит хоть слово о том, что Элли была здесь сегодня вечером, я разыщу тебя, и ты пожалеешь, что прикоснулся к ней! Я отрежу тебе член и заставлю съесть! Ты понял?

Дуг схватил Элли за руку и потащил к двери. По пути она успела прихватить лежавшую на шкафу папку.

– Заставить это есть? Какая мерзость! Откуда ты это взял?

Они опять сидели в автомобиле. За окнами проплывали серые дома пригорода Люксембурга. На лице Дуга было написано смущение.

– Наверное, из какого-нибудь фильма.

– Ты был великолепен. Я здорово испугалась.

Элли сжала его колено. Он вздрогнул.

– Seriously, больше так не делай. Это было ужасно.

– Можно подумать, мне это доставило удовольствие.

Дуг сжал руль так, что побелели костяшки, и уставился на ночную дорогу. В салоне повисла напряженная тишина.

– Остановись здесь.

Он взглянул на Элли, но, увидев выражение ее лица, не стал спорить. Притормозив около придорожного магазина, спросил:

– Что случилось?

Элли обняла его за шею, притянула к себе и крепко поцеловала, ощутив губами тепло его губ. Спустя несколько мгновений он попытался отстраниться, но девушка не отпускала его до тех пор, пока не расслабились мышцы его шеи, пока не закрылись его глаза, пока его

руки не сомкнулись вокруг ее талии. Ей очень хотелось, чтобы он ее понял.

– Прости меня.

Она не сказала, за что. Если бы он спросил, она ответила бы: за все. Но он не спросил. Напряжение и злость исчезли с его лица. Он даже попытался улыбнуться.

– Полагаю, мы преподали этому подонку урок, который он никогда не забудет. Куда мы теперь?

Элли раскрыла папку. На третьей странице была карта.

– На юг.

Глава 38

Франция, 1142 г.

Я об Эреке, сыне Лака,
Начну рассказ. В него, однако,
Немало искажений вносят
Те, кто за песню денег просят
У графа, князя, короля.
Но вправе похвалиться я...

Я кланяюсь публике. В зале звучит смех. Здесь нет королей, и графов совсем немного, но им нравится лесть.

...Что выдумщикам всем на диво
Он у меня звучит правдиво^[14].

Мое хвастовство привлекает внимание слушателей. Они наклоняются вперед, любопытствуя, выполню ли я свое обещание. Я сижу рядом с очагом. Одна часть моего лица погружена в тень, на другой играют огненные блики. Они не видят меня. Перед их глазами рыцари, замки, короли и дамы, порожденные моим воображением. Но я вижу всех своих зрителей и ищу среди них знакомое лицо.

Мне нужно вернуться в Труа, чтобы найти нанявшего меня человека – ювелира с серебряной рукой и небесно-голубыми глазами. Но от Шатобриана до Труа далеко, и остатков денег, врученных мне аббатом, на столь длительное путешествие не хватило бы. Поэтому, продвигаясь все дальше на восток, я опять принимаю участие в турнирах: призрак из моей прошлой жизни зарабатывает пенни на кров и пропитание.

Я больше не сражаюсь в конном строю – по крайней мере, в этой части обещание, данное мною отшельнику, я выполняю. По утрам я выступаю в роли герольда, объявляя имена рыцарей, проезжающих мимо зрителей. Все смотрят на рыцарей, и никто не видит человека, стоящего прямо перед ними. Главная задача герольда состоит в том, чтобы знать всех и каждого. Вечером, накануне турнира, я рыскаю среди палаток и хожу по городским постоялым дворам, разузнавая имена и гербы рыцарей. Я посещаю бойцовые площадки, наблюдая за поединками и за зрителями. Малегант набирал своих людей именно таким способом – наверняка кто-нибудь из них вернется к прежним занятиям.

Я тоскую по своей прежней жизни. Я тоскую по гарцующему подо мной коню, по запаху масла, смолы и раскаленного металла. Я тоскую по нервному возбуждению перед атакой и чувству единства с людьми, стоящими со мной плечом к плечу. Я едва сдерживаю себя, чтобы не выйти на ринг. Клятва, которую я дал отшельнику, расплывчата, но она исключает участие в сражении за деньги.

Вечерами я хожу по пирам и рассказываю истории о рыцарских подвигах давно минувших времен, когда Артур был королем. Рыцари любят подобные истории. Они воображают себя героями.

В зале тускло горят свечи. Публика внимает мне. Я рассказываю о том, как Эрек увидел Эниду и влюбился в нее с первого взгляда. Как жизнь в замке наскучила им. Как они отправились на поиск приключений и научились доверять друг другу. Как они сражались с сотней рыцарей и двумя великанами. Как они освободили королевство короля Эврена от ужасного обычая. И, наконец, как Эрек привел Эниду в Кардуэл и сделал ее королевой, после чего они прожили долгую, счастливую жизнь.

Рассказывая историю, можно выбирать ее конец.

Когда же праздник миновал,
Король Артур уже не стал
Задерживать своих гостей —
Ни герцогов, ни королей,
Ни тех дворян простого званья,
Что были на коронованьи,

Но щедро одарил он их:
Не пожалел ни дорогих
Коней, ни тканей, ни оружия;
Любил Эрека он, к тому же
Душа его была щедра.
А нам рассказ кончать пора^[15].

Зал взрывается смехом и аплодисментами. Я наблюдаю за тем, как меняется выражение лиц рыцарей и дам по мере того, как они возвращаются в настоящее. Это похоже на волшебство. Подходящие слова, сказанные должным образом, способны воздействовать на сердца людей.

История завершается – и больше нечего сказать. Они хотят верить в это. Они хотят жить в мире историй со счастливым концом. Во всех моих историях счастливый конец – самый большой вымысел.

В зале появляются менестрели. Скамьи отодвигаются к стенам, дабы освободилось место для танцев. Публика топчется на месте. Некоторые расходятся по постоянным дворам, другие отправляются справить нужду, третьи соединяются с возлюбленными в продуваемых ветрами стойлах конюшни. На меня пристально смотрит человек в плаще, расшитом львами. Я встречаюсь с ним взглядом, и он тут же вступает в беседу со стоящей рядом дамой. Я продолжаю следить за ним.

Вот и он. Седовласый, одноглазый – каким я видел его, когда он стоял у ринга и наблюдал за поединком. *«Я служу у человека, который хорошо платит умелым воинам».* Тогда на нем был черный плащ, теперь алый, но черты его лица хорошо запечатлелись в моей памяти. У него слишком примечательная внешность. Интересно, узнал ли он меня?

Он выходит из зала. Я пробиваюсь сквозь собравшуюся вокруг меня толпу и следую за ним. Выбравшись наружу, я вижу, что его тень в свете дымного пламени жаровень мелькает уже в дальнем конце двора. Стук моих башмаков по каменной мостовой отдается гулким эхом, но он не оборачивается.

Город располагается на холме. На его вершине стоит замок, а вниз по склону, к реке, сбегает дома. Я неотступно иду за одноглазым.

Недавно закончился турнир, и главная улица все еще полна людей. Они пьют вино, поют песни. И это мне только на руку. Я могу идти за ним, скрываясь за спинами веселящихся людей, разгоряченных только что окончившимся турниром. Но так трудно не упустить его плащ в разноцветной и праздничной толпе. Дважды я едва не теряю его из вида. Чтобы сократить дистанцию, мне приходится ускорить шаг.

Дома кончаются, и передо мной открывается пустырь, простирающийся прямо до городских стен. Обычно горожане пасут здесь овец, но сейчас на месте пастбища разбит временный лагерь. Я гоню прочь воспоминания о том, как мы с Адой жили в подобных лагерях – может быть, и в этом самом городе.

Похоже, одноглазый знает, куда идет. Оказавшись между двух палаток, на узкой, грязной тропинке, он оборачивается и смотрит, следую ли я за ним. Я проскальзываю в соседний проход между рядами палаток, параллельный тому, по которому движется он. В темноте шесты и веревки так и норовят ударить меня по ногам.

Впереди полотнища палаток отражают блики пламени костра. Я пригибаюсь и крадусь, осторожно выглядывая из-за палаток. За одной из них четыре человека, все еще в стеганых куртках, надеваемых под доспехи, сидят на бревнах, поджаривая на палочках птиц. Человек, которого я преследую, подсаживается к ним, не обращая никакого внимания на то, что полы его дорогого плаща месят жидкую грязь у него под ногами. Он что-то говорит им вполголоса. Я не слышу его слов, но сопровождающие их жесты резки и настойчивы.

Стараясь оставаться незамеченным, я подкрадываюсь к группе как можно ближе. Одноглазый передает одному из людей кошелек:

– ...принесешь это мне туда.

– А как?..

Но одноглазый не слушает. Он смотрит вверх костра прямо на меня. Сморщенная кожа вокруг пустой глазницы разглаживается, как будто он пытается разглядеть меня отсутствующим глазом. Но со вторым глазом у него, судя по всему, нет никаких проблем. Стремясь подслушать разговор, я выдал свое присутствие.

– Вот он.

Все ясно. Он заплатил этим людям за мое убийство, я же максимально облегчил им задачу. Рыцари вскакивают на ноги и хватают оружие. Страх лишь на мгновение приковывает меня к земле.

Страх не за жизнь, а за то, что если я сейчас упустию одноглазого, то никогда больше не увижу его – и, следовательно, никогда не отыщу Малеганта и не получу ответы на свои вопросы.

Однако я не отыщу его и в том случае, если буду убит. Я бегу по лагерю, перепрыгивая через веревки и расталкивая людей, прежде чем они успевают задержать меня. Я вижу впереди дорогу, сворачиваю влево, пробегаю под аркой и по мосту. На противоположном его конце ворота с башней, за ними можно легко скрыться в лесу. Я хватаю кольцо и поднимаю вверх.

Ворота оказываются закрытыми. Должно быть, смотритель замка, опасаясь, что турнир привлечет внимание разбойников, предпринял меры безопасности. Я стучу в ворота, но в башне нет света. Сторож, по всей видимости, тоже отправился праздновать завершение турнира. Ему невдомек, что он, сам того не зная, подписал мой смертный приговор.

Я поворачиваюсь и прижимаюсь спиной к воротам. Единственный фонарь висит над аркой. В его свете я вижу, как в мою сторону движутся четыре человека, вооруженные мечами.

Я обещал отшельнику больше никогда не сражаться. У меня при себе только нож. В поисках помощи и спасения я вглядываюсь в темноту и замечаю, помимо моих преследователей, всего лишь одного человека. Это нищий, тяжело бредущий по мосту и стучащий по нему посохом. Один из убийц делает ему предупредительный жест, проведя ребром ладони по горлу.

– Почему вы хотите убить меня? – кричу я, и звуки моего голоса тонут в ночи.

Ближайший ко мне рыцарь пожимает плечами. Он не знает, ему это неинтересно. Все, что им движет, – это обещанная плата за мою голову. Убийца поднимает меч, готовясь нанести удар, и застывает на месте. Нищий, возможно, он слеп, продолжает брести по мосту. Наемник делает знак своему товарищу, чтобы тот избавился от свидетеля. Я хочу предупредить его, но крик застревает у меня в горле.

Возникший хаос и темнота не позволяют мне рассмотреть, что происходит в следующий момент. Я замечаю только хаотичное движение теней, а потом до меня доносится всплеск воды. Теперь на мосту осталось лишь три наемника. Нищий сбрасывает с себя плащ и вырастает на пятнадцать сантиметров, а его посох превращается в

дубину. Два моих врага бросаются к нему. Один из них получает такой удар в грудь, что я слышу, как трещат его кости. Он валится как подкошенный. Второй, бегущий за ним следом, спотыкается о его тело и летит вперед, натываясь на следующий удар дубины. Нас – способных стоять на ногах – остается на мосту всего трое. Нищий поднимает свой посох и, держа его словно копье, медленно направляется к оставшемуся убийце. Он пятится назад, пока не упирается в парапет. Ему некуда бежать. Взвесив шансы, он делает выбор и прыгает в реку.

Все это время я стою, не двигаясь с места. Неужели я спасен? Нищий поворачивается ко мне.

– Питер Камросский?

Голос мне знаком, но я не помню, где я его слышал. Я пристально вглядываюсь в его фигуру и теперь, когда на нем нет плаща, вижу рубаху цвета вина, расшитую львами. Это тот самый человек, который в зале не сводил с меня глаз.

Откуда ему известно мое имя?

– Я Кретьен. Питер мертв.

– Только не для нас.

Что-то ударяет меня в висок, и я проваливаюсь в темноту.

Глава 39

Шалон-сюр-Сон, Франция

Элли хотела избегать магистралей и продолжить путешествие ночью. Дуг возражал по обоим пунктам.

– Им неизвестно, каким автомобилем мы пользуемся и куда мы направляемся. Они же не могут поставить наблюдателей на всех мостах Франции.

– Для них не составит особого труда выяснить, куда мы едем. Кто-то в «Талуэт» должен знать о Мирабо. Как только они найдут этого человека, в их руках окажется вся необходимая информация, – Элли вспомнила частный самолет Сен-Лазара. – И они могут перемещаться куда быстрее нас.

– Именно поэтому мы должны ехать по магистралам.

Элли сдалась. И когда посреди ночи Дуг припарковал автомобиль около мотеля, она не стала возражать. Лежа в постели, она прижалась к нему и заснула еще до того, как он выключил свет.

Поклонникам французской кухни никогда не случалось наслаждаться ею в шесть утра в придорожном кафе. Пока Дуг ходил за едой, Элли еще раз попробовала позвонить по номеру с карточки Гарри из телефона-автомата. Она опять услышала лишь запись на автоответчике.

Они жевали жирные круассаны и изучали содержимое добытой папки. По шоссе грохотали многоосные грузовики, тяжелая кавалерия коммерции.

Документы в папке были составлены на английском языке, хотя это и не слишком облегчало работу с ними. Большинство бумаг были адресованы настолько узким специалистам, что даже Элли мало что в них понимала. Судя по всему, речь шла об угольном пласте неподалеку от Лиона, который разрабатывал холдинг. Мирабо упоминался в них всего один раз, и в документе, находящемся в самом конце. Его нашел Дуг, пока Элли ходила за новой порцией кофе.

Проект Мирабо. Разработка запасов углеводородов.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Вследствие экологических проблем, возникших в связи с процессом гидравлического дробления, осуществление данного проекта было приостановлено.

– И это все?

Дуг пробежал глазами еще несколько страниц.

– Здесь еще есть оценка экологического ущерба.

Они вместе прочитали документ. О Мирабо в нем не было ни слова.

– А это что такое?

В середине страницы под заголовком «Места, представляющие исторический/культурный интерес», Элли прочитала:

Затопленная часовня Святых Даров, Норманнская, XII–XIV(?) вв.

Ссылка на карте: квадрат D5

Риск: Низкий

– По крайней мере, хоть какая-то связь со Средними веками. – В голосе Элли прозвучало сомнение. На лице Дуга появилось странное выражение. – Что не так?

– До ближайшего места, где в то время могли быть норманнские постройки, километров пятьсот.

– Ты считаешь, руководители горнорудной компании могли это знать? Кроме того, как ты думаешь, что означает слово «затопленная»?

Дуг сверился с картой на обложке папки. Его палец замер на голубом пятне в центре карты.

– Квадрат D5 находится посередине озера.

Они съехали с шоссе и направились на восток. Сначала дорога петляла среди темных сосновых лесов, затем появились холмы. Иногда за поворотом в отдалении показывались зубчатые пики Альп и вновь исчезали за холмами. Это напомнило Элли о том, как близко проезжают они от замка Сен-Лазара, находившегося в Швейцарии,

недалеко от французской границы. Она повернулась и бросила взгляд в заднее стекло. Ей вдруг показалось, что Бланшар где-то недалеко.

– Кажется, приехали.

Слева от них вдоль дороги протянулся металлический забор, терявшийся в лесной дали. Венчали его несколько рядов колючей проволоки. Сначала за ним были видны только деревья, но когда дорога поднялась выше, показался крутой откос, опускавшийся в долину, образованную холмами. По всей очевидности, это была естественная впадина, впоследствии искусственно углубленная, о чем свидетельствовали широкие террасы на ее склонах. Тяжелые грузовики проторили дорогу, напоминавшую пролегший через лес шрам. Над долиной висела черная дымка. Никаких признаков озера не было. Элли бросила взгляд на карту.

– Въезд, по всей видимости, находится на вершине следующей гряды. Оттуда дорога должна вести вниз, к озеру.

– Ты хочешь туда заехать?

– Посмотрим.

Дорога сделала крутой поворот и начала подниматься к вершине горной гряды. Элли увидела сторожку и рядом с ней шлагбаум, выкрашенный в бело-красные полосы.

Дуг сбросил скорость. Шлагбаум был поднят. Перед ними стоял черный «Мерседес» с включенным двигателем. Казалось, он только что подъехал, хотя на шоссе Элли его не заметила.

– Не останавливайся.

Дуг с удивлением взглянул на нее. Она сжала его руку.

– Двигайся вперед.

Если бы за ними кто-нибудь наблюдал, все выглядело бы вполне естественно. Сначала автомобиль замедлил ход, затем, набирая скорость, помчался по спирали террас вниз. Узнали ли они Дуга и Элли? Обратили ли они внимание, что на автомобиле британские номера? Элли повернула голову назад, и ей показалось, что на дороге стоит человек и делает какие-то знаки руками. В следующий момент автомобиль повернул, и теперь она начала сомневаться в том, что она видела человека, а не дерево.

– Не тот въезд? – спросил Дуг.

– Не нравится мне этот «Мерседес». У него, кажется, на номерах швейцарский флаг.

Дуг взглянул в зеркало заднего вида.

– Пока сзади никого нет.

Они взобрались на грядку, перевалили через нее и начали спускаться по противоположной стороне. Деревья здесь росли гуще, будто пытаясь скрыть то, что за ними находилось. Металлический забор продолжался, ни разу не прервавшись.

– Сбавь скорость.

Впереди дорога уходила в глубь лесного массива. Неожиданно Дуг так резко нажал на тормоза, что автомобиль клюнул носом. Путь им преграждали ржавые ворота. С дороги они были практически незаметны.

– Пойдем пешком, – страх, поселившийся в душе Элли в тот самый момент, когда она вошла в склеп, начал пробуждаться вновь. – Если мы засветились у ворот, у нас мало времени.

Дуг накинул на плечи рюкзак с таинственными сокровищами «Монсальвата», и они быстро пошли по обочине под покровом деревьев, отыскивая в заборе лаз, через который можно было бы проникнуть на территорию. Они еще не успели далеко отойти, как тишину леса нарушило урчание автомобильного двигателя.

– Ложись!

Они бросились на землю и стали ждать. Спустя полминуты мимо них проехал автомобиль и скрылся за поворотом. Из-за мха и сосновых иголок, прилипших к лицу, Элли не смогла толком рассмотреть, кто это был. Они дождались, пока звук двигателя полностью затихнет, и пошли дальше, еще быстрее.

Элли довольно скоро заметила, что лес изменился. Вначале деревья стояли однородной зеленой стеной – теперь же большинство из них приобрели серо-коричневый оттенок. Мертвые иглы свисали с мертвых ветвей, мертвые деревья опирались на мертвые корни.

– Смотри.

На внутренней стороне забора мертвое дерево упало прямо на ограду, образовав хлипкий мостик поверх колючей проволоки. Дуг сцепил ладони и поднял Элли вверх. Она вцепилась в ствол и подтянулась. Покореженные ветки исцарапали ей лицо, а одна чуть не попала в глаз.

– Оно тебя выдержит? – спросил Дуг.

Элли ползла по мертвому дереву, словно муравей. Она уже преодолела половину пути, когда снова послышался звук автомобильного двигателя: кто-то поднимался обратно по склону. Она поползла быстрее, упираясь руками и ногами в развилки ветвей.

Секунду спустя раздался страшный треск. Ствол под девушкой подломился, и, чтобы сохранить равновесие, Элли схватилась рукой за колючую проволоку. Ей удалось удержаться, но шипы впились в ладонь. Элли закричала от боли, но так и не выпустила проволоку, решив, что упав вниз, она легко могла бы сломать себе шею.

– Держись!

Дуг схватился за ствол, подтянулся и пополз ей на помощь. Рокот двигателя приближался. Он осторожно обнял девушку за талию, дабы она могла освободиться от колючей проволоки. Кровь стекала по ее ладони и капала на землю. Попытавшись опереться на нее, она едва смогла вынести боль.

– Я держу тебя.

Они поползли дальше по стволу. Автомобиль уже шумел за поворотом.

Однако их вес оказался слишком большим для сухого мертвого дерева. Ствол треснул. За долю секунды до того, как он переломился, Дуг подался вперед, и они полетели за забор, приземлившись с глухим стуком на сухие ветки и желтые еловые иголки.

Черный «Мерседес» проехал мимо них, но на сей раз машина двигалась значительно медленнее. Элли затаила дыхание. Забор слегка покачивался. Заметили ли они это? Ей казалось, что звук треснувшего дерева был настолько громким, что не услышать это было просто невозможно. Она видела только колеса машины, не осмеливаясь поднять глаза. Неужели они останавливаются?

Автомобиль исчез за поворотом, но они боялись сдвинуться с места, пока звук двигателя не замер вдали.

Элли поднялась на ноги и смахнула с лица пыль.

– Как мы отсюда выберемся?

– Перейдем по мосту, когда доберемся до него, – Дуг вытащил носовой платок и перевязал ее ладонь, чтобы остановить кровь, затем повесил на плечи рюкзак, – если, конечно, этот мост существует.

Они углубились в лес, направляясь вниз по склону. Их ноги утопали в ковре из сосновых иголок, словно в снегу. Чем дальше они

шли, тем более коричневым становился лес. Теперь уже почти все деревья были затронуты неведомой болезнью. Элли вспомнила о папке. *Экологические проблемы, возникшие в связи с процессом гидравлического дробления.* Что это означает?

Темный лес впереди начал редеть, и между деревьями появились лоскуты серого неба. Они прибавили шагу. Деревья становились все тоньше. Неожиданно они оказались на открытом пространстве и с изумлением огляделись.

– А где озеро?

Они оказались в длинной, широкой долине, раскинувшейся среди холмов. По всей видимости, когда-то это было красивое место. Теперь же здесь царило запустение. Холмы были покрыты пятнами черной грязи. Мертвые деревья отступили вверх по склонам. Создавалось впечатление, будто здесь произошел взрыв. Неподалеку от них стояла церковь, возведенная из песчаника, с квадратной башней и без крыши.

– Так это Мирабо?

– Судя по карте, да. Должно быть, это и есть та затонувшая церковь.

Они спустились вниз по крутому откосу и пошли вдоль бывшего берега озера. Дуг попробовал наступить ногой на его поверхность. На вид грязь казалась твердой, но, как только молодой человек попробовал сделать первый шаг, нога будто провалилась в болотную топь. Элли схватила его здоровой рукой и потянула назад.

– Вероятно, там дальше есть какой-нибудь проход.

Чем больше Элли наблюдала эту безрадостную картину, тем сильнее ее охватывало отчаяние. Рваные ботинки, старые бакены, почерневшие пни деревьев, обломки камней. Посредине бывшего озера над поверхностью грязи высился заржавленный остов гребной лодки, поросший зелеными водорослями. Все вокруг было усеяно рыбьими скелетами. Очевидно, в свое время здесь на славу полакомились птицы.

Порыв ветра пошевелил ветви сосен. Мертвый коричневый лес пришел в движение. Со склона до Элли донесся шум, похожий на небольшой взрыв. Это рухнуло еще одно дерево. Серое небо оставалось равнодушным.

– Что это?

Дуг застыл на месте. Элли, внимательно смотревшая себе под ноги, налетела на него, едва не сбив на землю. В трех метрах от берега озера лежал плоский камень, наполовину погрузившийся в грязь. Сам по себе он не представлял ничего особенного, но в метре от него лежал другой такой же камень, а в метре от того – третий. Они увидели, что от берега в направлении церкви через топкую грязь пролегает прямая цепочка одинаковых камней, расположенных с одним и тем же интервалом.

Элли задумчиво смотрела на камни.

– Как же добраться до первого?

– Да здесь полно веток.

Дуг бросился в сторону деревьев и очень скоро вернулся с недоуменным выражением на лице, волоча за собой длинную доску.

– Кто-то о нас позаботился. Я нашел ее сразу, как только вошел в лес.

Элли обвела взглядом унылый пейзаж.

– Кто же?

– Во всяком случае, не твои бывшие коллеги.

Дуг бросил доску на дно бывшего озера, разбрызгав грязь.

Перепрыгивая с камня на камень, они двинулись к церкви. Подобравшись поближе, Элли увидела чуть ниже верхушки башни коричневую полосу, отмечающую старый уровень озера. От мысли, что там, где она сейчас находится, была когда-то глубина больше семи метров, ей стало не по себе.

Она задумалась.

– Интересно, когда это случилось?

– Отчет об этом был составлен год назад. Из него следует, что церковь тогда была еще затопленной.

От последнего камня до церкви расстояние было небольшим. Участок вокруг нее немного возвышался над окружающим дном. Они решили рискнуть. Грязь хлюпала под ногами, но прямо под ней они нащупали скальную породу.

– Она провалилась бы, если бы не была построена на чем-то твердом, – заметил Дуг.

– Но кто ее построил?

Когда они впервые изучали документы о Мирабо, Дуг усомнился относительно норманнского происхождения церкви. Однако ее

архитектурные особенности – квадратная башня с бойницами, концентрические арки вокруг двери – свидетельствовали в пользу этой версии. Дверь давным-давно сгнила, но ее петли сохранились. Через дверной проем Элли увидела два ряда колонн, ведущих к каменному возвышению. Это напомнило ей подвал «Монсальвата».

– Она хорошо сохранилась, – удивилась Элли. – Ей, должно быть, почти тысяча лет, затопило ее бог знает когда. И все, что ей требуется, – новая крыша и чистка.

– Норманны строили на совесть.

Дуг прошел к возвышению. Элли рассматривала капитулы на вершинах колонн. Вода смягчила и разгладила контуры резьбы, но она различала фигуры орлов, людей и каких-то фантастических животных. Имели ли они значение?

В поперечном нефе они обнаружили другие резные орнаменты. Из грязи, покрывавшей пол, поднимались каменные бугры. Сначала Элли подумала, что это остатки упавшей каменной кладки, но они были одинакового размера и располагались на одном и том же расстоянии друг от друга. Наклонившись над одной из них, она увидела расплывчатые контуры человеческих фигур, лежащих на спине.

– Фигурки, – сказал Дуг и указал на одну из них, по какой-то причине сохранившуюся лучше других, – похоже на щит, прижатый к груди. По всей вероятности, это рыцари.

– Может быть, там есть что-нибудь внутри?

Они попытались поднять камень. Вода до такой степени разгладила резьбу, что им не за что было ухватиться. Они не смогли сдвинуть его с места.

Неожиданно сзади раздался звук. Это был не стук упавшего камня и не шелест вспорхнувшей птицы, а металлический щелчок. Они обернулись.

В углу, плохо различимый на фоне облезлых стен, стоял человек в камуфляже, направив на них винтовку.

Глава 40

Франция, 1142 г.

– Если бы ты знал, как много людей тебя разыскивают, Питер. Тебе повезло, что первыми нашли тебя мы.

По-моему, он говорит это с иронией. Мои скованные кандалами руки подняты над головой и зацеплены за вбитый в стену крюк. Мне приходится вытягивать пальцы ног, чтобы опираться ими на пол. У меня болят ноги, горят руки, половина лица покрыта засохшей кровью, голова раскалывается от боли.

Мой тюремщик видит недоверие у меня на лице.

– Ты не знаешь, что сделали бы с тобой остальные.

Я смотрю глазом, свободным от корки засохшей крови, и вижу, что нахожусь в круглом каменном помещении. Его опоясывают окна с арками, но все, что мне удастся рассмотреть за ними, – ярко освещенная пустота. На мою голову падает серый свет. Похоже, я в башне. Дверей не видать.

– Кто ты?

Мой тюремщик делает шаг назад. Выглядит он впечатляюще: высокий, могучий, крепко сбитый. Он, должно быть, лет на десять старше меня, но написанная на лице торжественность делает его человеком без возраста. Он напоминает мне отца.

– Я принадлежу к священному ордену.

Я не могу себе представить человека, менее похожего на маленьких, вечно беспокоящих Бога монахов, с которыми я жил в аббатстве.

– Братству. Группе людей, связанных общей тайной.

Я сплевываю на пол кровью.

– А я тут при чем?

– Ты был частью этого братства всю свою жизнь, – он складывает руки на груди и подходит ко мне вплотную. Даже висая на крюке, я вынужден поднять голову, чтобы посмотреть ему в глаза. – Твой отец принадлежал к нашему ордену.

Он стоит слишком близко, его голос слишком громок. Мне хочется, чтобы он задернул портьеры на окнах – свет убивает меня.

– Мой отец?

– Люди, убившие его, пытались завладеть нашей тайной. Тайной, которую мы хранили на Иль-де-Пеше.

Я поворачиваюсь на крюке, словно труп на виселице. Мне хорошо известно, что он скажет дальше.

– Ты помог Малеганту завладеть ею. Ты предал себя и все то, что отстаивал твой отец. Предал тайну, оберегаемую нами на протяжении нескольких поколений.

У меня подгибаются ноги, но кандалы, зацепленные за крюк, поддерживают мое тело. Они впиваются мне в запястья – я едва не вывихиваю плечи.

Могучие руки хватают меня за бока и поднимают вверх. Его сила невероятна – он держит меня, словно ребенка.

– Сокровище, похищенное Малегантом, поистине бесценно. Мы убивали людей за меньшее, Питер Камросский.

Наконец до меня доходит, где я слышал этот голос.

– Той ночью, в тумане. На поле камней. Это был ты.

– Мы узнали о плане Малеганта и пришли, чтобы остановить его. Но опоздали и нашли только трупы.

Боль в его голосе причинила мне бóльшие страдания, нежели кандалы. Я чувствую во рту соленый вкус: кровь и морской воздух. *Никому нет спасения.*

– После нападения Малегант исчез. Ты – последний из оставшихся в живых, кто видел его.

– Что произошло с остальными?

Он будто не слышит моего вопроса.

– Малегант разыскивал тебя по всему христианскому миру.

– Он знал мое имя, – бормочу я.

– Он знал о тебе все. Его забавляло то, что ты служишь и предан ему, что ты принимаешь участие в его мерзких злодеяниях. Ему доставляло удовольствие посыпать наши раны солью твоего предательства. Теперь, после твоего бегства, он боится, что ты наведешь нас на его след. Поэтому-то тебе и повезло, что мы нашли тебя.

Он поднимает меня, чтобы отцепить от крюка, и осторожно опускает на пол.

– Почему бы тебе не убить меня? – В моем голосе звучит чуть ли не мольба.

– Потому что тебе выпало то, что никогда не выпадает большинству людей, – возможность искупить вину.

Труа

Мое сердце рвется из груди, когда мы проходим за городские стены через Парижские ворота. Кровь кипит в моих венах как перед сражением. Мир полон сверкающих красок, и я остро ощущаю каждый звук, каждое движение. Из-за этого к моему горлу подкатывает дурнота. Я пристально всматриваюсь в толпу, пытаюсь отыскать в ней лица из моих кошмаров – ювелира с серебряной рукой и Малеганта.

Я иду один, но знаю, что не одинок. Впереди, переодетый фламандским купцом, идет Гуго, рыцарь, спасший меня от наемников. Двое его людей присматривают за мной сзади. Они могли бы особенно не беспокоиться: мне нет никакого смысла бежать. Пока Гуго ведет меня к Малеганту, к тайне, похищенной им на Иль-де-Пеше, и к ответам на мучающие меня вопросы, я последую за ним хоть в пасть к дьяволу.

Я иду в квартал, где живет ювелир, и ищу дом под вывеской с изображением орла. Вот и он, но теперь на его вывеске изображен не орел, а золотой петух. Правда, за стоящими перед домом столами по-прежнему сидят менялы, передвигающие на клетчатой скатерти монеты, словно шахматные фигуры. За ними надзирает толстый человек в шапке, отороченной мехом горноста, то и дело подходя к ним и контролируя каждое движение их рук. Вино выплескивается из кубка в его руке, когда он отдает им приказы лающим голосом. Я говорю ему, что разыскиваю Малеганта де Мортена.

– Никогда не слышал о таком, – отвечает он.

Толстяк не замечает, как у меня кривится лицо, когда я задаю вопрос, – все его внимание поглощено деньгами.

– Как давно ты владеешь этой лавкой?

– Шесть месяцев.

– А что случилось с прежним ее владельцем?

– Когда я купил ее, дом был пуст. Приобрести ее мне помог один норманнский купец.

Мне приходится импровизировать:

– Моя семья хранила кубок в подвале этого дома. Где я могу найти его?

Он пожимает плечами и повторяет:

– Когда я занял дом, подвал был пуст.

Я отхожу, но продолжаю наблюдать. Боковым зрением я замечаю, как Гуго, стоя в дверном проеме, делает вид, будто торгуется с человеком, продающим пироги с рыбой. Я сосредоточиваю внимание на ювелирной лавке. Владелец, может быть, и сменился, но коммерция была прежней: обмен валюты с итальянскими купцами в ущерб последним. Некоторые из них вообще получают за свои монеты лист бумаги.

Я переключаю внимание на менял. Двое из них итальянцы. Они общаются с купцами на их родном языке. Третий не участвует в их операциях, но следит с хмурым выражением лица за тем, как они осуществляются. Он кажется мне знакомым. Когда лавка закрывается на обед, я иду за ним по улице и на площади, возле церкви Нотр-Дам, обращаюсь к нему:

– Я видел тебя у лавки ювелира.

Он смотрит на меня с подозрением. Ювелиры и даже их менялы не любят, когда незнакомцы суют нос в их дела. Я натягиваю на лицо улыбку.

– Разреши мне тебя угостить.

Я веду его в таверну. Гуго следует за нами и занимает столик у двери.

– Я заходил в эту лавку несколько месяцев назад, когда над ней была вывеска с орлом. Ты работал тогда в ней.

Он не отрицает этого.

– Я хочу разузнать кое-что о ее бывшем владельце. Старик с небесно-голубыми глазами и серебряной рукой, он сидел в крипте.

На его лице появляется выражение ужаса. Он испуганно оглядывается.

– Его имя Лазар де Мортен, – он сидит, не поднимая глаз от столешницы. – Я видел его всего два раза. Большую часть времени он

оставлял за себя управляющего.

– Одноглазого?

Меняла кивает.

– Алберика. Он говорил нам, что нужно делать.

– Ты знаешь, откуда он явился?

– Думаю, из Нормандии.

– А ты не знаешь, куда он ушел?

Он качает головой. Я меняю тему.

– Купцы дают тебе деньги и получают взамен бумаги – зачем они это делают?

Вопрос вызывает у него удивление, но одновременно и облегчение, видимо, эта тема кажется ему менее опасной.

– Бумаги – это переводные векселя. Они подтверждают, что купец сделал у нас вклад на определенную сумму. Этот купец может уехать домой, явиться с этим векселем в наш банк в Павии или Пьяченце, и ему там выдадут деньги.

– Разве они не разорятся в скором времени, принимая бумаги и отдавая взамен золото?

– Мы проделываем ту же самую операцию. Французский купец возвращается из Италии, является в банк, отдает бумагу и получает взамен деньги. Дважды в год мы считаем, сколько мы выплатили и сколько получили. Итальянский банк делает то же самое, и тот, кто оказывается должен своему партнеру, высылает ему деньги. Обычно разница получается небольшая. Это избавляет купцов от необходимости возить с собой золото через Альпы и лишает разбойников легкой наживы.

– Лазар выпускал переводные векселя?

– Да.

– Но сейчас его нет. Если у меня имелся бы такой вексель, я пришел бы к тебе сегодня и потребовал взамен его деньги, что ты сказал бы?

– Гильермо, наш хозяин, заплатил бы тебе. В Асенсьонтиде он послал бы вексель с курьером к меняле в Брюгге.

Я схватился за край стола.

– Так Лазар в Брюгге?

– Нет. В Брюгге находится еще один наш банк.

Я начинаю запутываться в этой паутине денег, во всех этих листках бумаги, сулящих богатство. Вне всякого сомнения, на это и рассчитывает Лазар.

– Тебе известно, как, в конце концов, деньги приходят к де Мортену?

На лице менялы играет лукавая улыбка.

– Когда заимодавец в Брюгге присылает нам свои векселя, я регистрирую их в главной бухгалтерской книге. Однажды произошла ошибка – он прислал нам вексель, который должен был хранить у себя. На нем отсутствовало имя, но я узнал по почерку.

– На нем не было надписей, указывающих на то, откуда он прибыл? Как он попал в Брюгге?

– Он прибыл из Лондона.

Глава 41

Мирабо, Франция

Человек двинулся вперед. Его рыжие волосы – длинные и спутанные – были свалены в импровизированные дреды. Их покрывали листья. Лицо, казалось, было испещрено трещинами, но, когда он подошел ближе, Элли увидела, что это камуфляжная краска. Его широко раскрытые круглые глаза напоминали совиные. На шее у него висела камера.

– Поднимите руки.

Он говорил по-английски с акцентом, немецким или голландским. Дуг и Элли выполнили его приказ.

– Вы из братства? – спросила Элли. – Друг Гарри?

Он совсем не был похож на Гарри.

– Меня зовут Элли. Я проникла в «Монсальват».

Определить его реакцию по лицу было невозможно. Он сделал резкое движение винтовкой.

– Вы работаете в компании?

Да? Нет? Какой ответ будет правильным? Он не был похож на сотрудника службы безопасности.

– Уже нет.

Ствол винтовки поднялся чуть выше. Элли и представить раньше не могла, как страшно стоять под оружейным дулом. У нее возникло ощущение, будто она чувствует напряжение пальца на спусковом крючке, малейшее движение которого отделяло жизнь от смерти.

– Раньше я работала на компанию, которой принадлежит холдинг «Талуэт». До меня доходили слухи, что здесь творится что-то нехорошее.

– Ладно.

Незнакомец задумался. Элли показалось, что он сбит с толку не меньше, чем они. Но у него имелось оружие.

– Кто вы?

– Меня зовут Джуст. Я состою в организации «Зеленые рыцари». Вы слышали о нас?

Элли что-то уклончиво пробормотала.

– Мы защищаем окружающую среду. Знаете легенду о Зеленом рыцаре? Он рубил головы за ложь и дурные поступки. Мы делаем то же самое с компаниями.

– Вы следили за холдингом?

Он похлопал пальцами по камере.

– Фиксировал результаты их деятельности.

– В таком случае мы союзники.

Дуг медленно полез в рюкзак и вытащил папку. Ствол винтовки контролировал все его действия. Дуг бросил папку под ноги Джуста.

– Здесь документы, касающиеся этого места.

Джуст присел на корточки и, все еще держа их под прицелом, перелистал одной рукой документы из папки. Элли заметила, что его лицо немного смягчилось.

– Это настоящее золото. Результаты геологических изысканий, счета-фактуры, экологические отчеты, оценки риска.

– Риска чего? – спросила Элли. – Что здесь произошло? Куда делось озеро?

Ствол еще немного опустился.

– Гидравлическое дробление, – по выражению лиц молодых людей Джуст понял, что им это ни о чем не говорит. – У «Талуэт» здесь угольная шахта. Срок концессии скоро истекает, и им нужно принять решение – продлевать ее или нет. Уголь весь выработан, но они думают, может быть, здесь есть что-нибудь еще. Вы знаете, что такое сланцевый газ?

– Что это такое?

– Природный газ, которым вы пользуетесь для приготовления пищи, заключенный в скальной породе. Скальная порода непроницаема, поэтому для того, чтобы высвободить газ, ее приходится вскрывать. Вы закачиваете внутрь скалы воду и химикаты, чтобы образовалась трещина. Это и есть гидравлическое дробление. Иногда этот процесс выходит из-под контроля.

– Холдинг занимался этим здесь?

– В глубокой тайне. Совершенно незаконно. У них нет на это разрешения, но они хотят узнать, есть ли здесь газ, прежде чем продлевать концессию. Однако они совершили ошибку: пробурили слишком глубоко и, вероятно, что-то потревожили. Вода ушла.

– И в результате появилась церковь, – сказала Элли. – Поэтому, когда Сен-Лазар начал свои маневры вокруг холдинга, братство обеспокоилось, что он об этом узнает.

– А что здесь такого ценного? – удивился Дуг.

Элли окинула взглядом помещение церкви без крыши, со стенами, покрытыми зеленой пеной и фигурками рыцарей с размытыми лицами.

– Должно быть что-то.

Джуст опять сделал резкое движение винтовкой, и Элли опять испытала приступ страха.

– Вы думаете, люди из холдинга что-то здесь спрятали?

– Они готовы на все, чтобы это сохранить, – ответила Элли, – но мы не знаем, что это. И эта тайна уходит в глубь веков.

Джуст немного подумал. Его взгляд скользнул по рюкзаку Дуга.

– Что в рюкзаке?

– То, что мы забрали у банка «Монсальват».

– Покажите.

Направленное на них дуло винтовки не оставляло выбора. Дуг снял с плеч рюкзак, расстегнул молнию и извлек наружу квадратную картонную коробку.

– Что это такое?

Дуг вытащил куб и подул на него. Его глянцевая поверхность затуманилась.

– Что это за штука?

– Нам тоже хотелось бы знать, – сказала Элли.

– Ну, вот что, хватит шутить со мной. Это похоже на бомбу.

– Мы похитили это из склепа в подвале банка, но не знаем, что это такое. По нашему предположению, в этой часовне может находиться ключ к этой загадке.

Джуст уставился на них с изумлением.

– Если это правда, ребята, вы еще безумнее меня. Возможно, если мы всадим в эту штуку пулю, что-нибудь и произойдет.

Он поднял ствол винтовки. Элли инстинктивно заслонила коробку своим телом. Джуст рассмеялся.

– Значит, это представляет ценность.

– Для кого-то, – Элли в отчаянии огляделась, судорожно соображая, где тут могут находиться друзья Гарри.

Если бы она была смелее или наблюдала эту сцену по телевизору, то была бы уверена, что Джуст не станет стрелять. Здесь же, в холодной, грязной церкви, она сомневалась. Ее сердце бешено стучало в груди. Она стояла, застыв на месте, подобно каменным рыцарям на церковных барельефах.

Ние Стентон погиб, пытаюсь вернуть это.

Дуг взял девушку за руку и потянул в сторону. Она подумала о матери, о долгих годах, проведенных в одиночестве из-за того, что ее муж отдал свою жизнь. Ради чего?

Скрепя сердце Элли закрыла рюкзак и толкнула его по полу в сторону Джуста, испытывая душевную боль, сравнимую с муками матери, отдающей в чужие руки своего ребенка.

– Где же вы собираетесь найти ваш ключ? – задал очередной вопрос Джуст.

Сосредоточься. Это помогло Элли преодолеть боль. Она посмотрела на каменных рыцарей.

– Они ничего не открывают, – Джуст проследил за взглядом девушки. – Я уже пробовал. Думаете, там внутри спрятаны сокровища?

У Элли закружилась голова. Она оперлась об одну из колонн, чтобы не потерять равновесие. Массивный камень напомнил ей о склепе подвала «Монсальвата».

Где находится самое ценное место в церкви?

В задней части часовни грязный пол полого поднимался вверх. Элли предположила, что там, внизу, очевидно, находится возвышение – там некогда находился алтарь. Она прошла туда, опустилась на колени и погрузила руки в грязь. Влага тут же пропитала ее джинсы.

На ее среднем пальце что-то шевельнулось. Кольцо Бланшара. Она так долго носила его, что совсем о нем забыла. Вынув руку из грязи, она сняла кольцо и положила его в карман.

– Ты нашла что-нибудь?

Элли вновь сунула руку в грязь.

– Пока нет.

В этот момент ее предплечье уперлось во что-то твердое и гладкое. Она обеими руками принялась разгребать грязь. Дуг присоединился к ней. В скором времени они откопали в полу

небольшое отверстие. Сквозь пленку грязи, покрывавшей камни, Элли рассмотрела клубок тонких линий, похожий на диаграмму или карту.

– Смотри, под этим изображено нечто вроде картинка.

Они удвоили свои усилия, разгребая грязь, чтобы расчистить находящийся под ней рисунок, и в конце концов отрыли отверстие площадью около квадратного метра. Джуст принес бутылку воды и вылил ее на камни, смыв с них остатки грязи. Их взорам открылась мозаика, такая же четкая, как в день, когда она была уложена.

Это была фигура, образованная пересекающимися прямыми линиями и острыми углами, напоминавшими звезду или корону. Она отличалась почти математической симметрией, как будто представляла графическое выражение неизвестного уравнения.

– Это лабиринт, – задумчиво произнес Дуг. – *Христов воитель в тьме дорог...* Наверняка это то самое.

– Нет, это не лабиринт, – возразила Элли. – И нет никаких путей. Линии пересекают друг друга по всей площади мозаики.

Она достала из своей сумки пилку для ногтей, опустилась на колени и попыталась отскоблить края мозаики, стараясь не упустить ни единой линии.

Сверху на нее легла тень. Джуст направил объектив камеры на пол. Он напряженно вглядывался в экран, и его лицо исказила гримаса.

– Что вы делаете?

– Фиксирую. Ведь это произведение искусства, не так ли? Оно представляет ценность, – Джуст обошел мозаику в поисках лучшего ракурса. – Мы находимся во Франции. Если политиков не волнует то, что холдинг загрязняет окружающую среду, может быть, их волнует культура.

Процедура очистки древней мозаики с помощью пилки для ногтей – не самая лучшая картинка на телеэкране. Не обращая внимания на камеру, Элли пыталась сдвинуть камни с места. Они не шевелились. Мозаичные плитки почти не имели швов.

– Может быть, здесь? – продолжая снимать, Джуст ткнул пальцем в центр рисунка, где линии образовывали массивный крест. – Это место отмечено буквой X, не так ли?

Но, несмотря на все попытки, Элли так и не удавалось расшатать камни. Она настолько увлеклась этим занятием, что не слышала шум двигателя до тех пор, пока Джуст не схватил ее за воротник и не

поднял рывком на ноги. Он подтащил ее к незастекленному окну. По грунтовой дороге на дальнем берегу озера, пролегавшей среди деревьев, двигался черный «Мерседес» и два красных грузовика.

– Не вы ли их сюда привели?

Элли так сильно трясло, что она едва могла говорить.

– Они хотят убить нас.

Откровенный ужас, прозвучавший в ее голосе, развеял сомнения Джуста. Автомобили остановились на вершине склона, и из них выпрыгнуло полдюжины человек. Подойдя к краю, они посмотрели вниз, а затем начали спускаться к покрытому грязью дну бывшего озера.

– Что у них в руках, оружие?

– Я уже говорил вам, что их деятельность здесь незаконна, – Джуст засунул камеру в рюкзак и повесил винтовку на плечо. – Если об их делах станет известно властям, это обойдется им в несколько сот миллионов евро. Вы думаете, ваша жизнь стоит для них дороже?

– А как насчет мозаики? – Дуг в отчаянии поскреб пол. – Мы еще ничего не нашли.

– Вы хотите дождаться их здесь? Желаю удачи.

Элли снова выглянула в окно. Люди все еще стояли на берегу, осторожно пробуя ногами грязь, проверяя, выдержит ли она их вес. Чтобы добраться до плоских камней, им пришлось бы обойти озеро вокруг.

– Сюда можно добраться другим путем?

– Только на вертолете.

В этот момент откуда-то донесся низкий рокот. Он постепенно нарастал, отдаваясь гулким эхом в чаше высохшего озера.

– Надеюсь, вы шутите, – сказала Элли.

Маленький вертолет, раскрашенный в цвета «Талуэт», пронесся над вершинами холмов и приземлился рядом с автомобилями. Два человека вскарабкались на его борт по приставной лестнице.

– И что теперь?

Джуст порылся в рюкзаке и достал что-то похожее на пистолет с чрезмерно широким стволом, какие можно увидеть в мультфильмах. Он сунул его за ремень брюк.

– Прошу прощения, но мне кажется, нам следует отсюда убираться, – он подошел к оконному проему, – вот здесь, если мы

выйдем через дверь, они нас могут заметить.

Дуг бросил последний взгляд на мозаику. Элли не заставила себя ждать. Она поставила ногу в сцепленные ладони Джуста, и он поднял ее к подоконнику. Протиснувшись сквозь узкое окно, она спрыгнула на отрог скалы. За ней последовал Дуг, вместе они помогли выбраться из церкви Джусту.

Церковь закрывала им вид на дальний берег озера, но о том, что там происходило, они могли догадаться по звукам. Элли услышала шум винтов взлетавшего вертолета, который стал постепенно нарастать, из чего можно было заключить, что он летит в их сторону. Она понимала, убежать от него невозможно, но знала, что придется попытаться, поскольку ничего другого не оставалось.

Казалось, дистанция между плоскими камнями теперь больше, чем была до этого. Каждый раз, наступая на очередной камень, она думала, что он сейчас уйдет из-под ноги и ее поглотит грязь. Она обернулась, чтобы посмотреть, идет ли за ними Джуст.

Тот сидел на корточках за церковью и возился со своим огромным пистолетом. Элли заколебалась. Шум винтов уже окружал их со всех сторон – казалось, вертолет висит прямо над ее головой. Но рюкзак все еще оставался у Джуста.

Когда вертолет пролетел над церковью, воздушная волна едва не сбила Элли с ног. Один из его пассажиров заметил ее и прицелился в нее из винтовки. Она подняла руки. *Сдаюсь.*

Но Джуст, прислонившись к стене, оставался для них невидимым. Вертолет совершил вираж в поисках места для посадки. В этот момент их новый приятель вышел из своего укрытия.

Из его рук вырвалась струя огня, направленная прямо в винтокрылую машину. Кабина вспыхнула, как сверхновая звезда. Казалось, время застопорило свой ход. Вертолет забился в воздухе, словно умирающая птица, и спикировал вниз.

Загипнотизированная гибелью воздушного судна, Элли не поняла, что с ней случилось. Она лишь почувствовала удар и через мгновение лежала на спине. Влажная грязь просачивалась сквозь ее одежду и затекала в уши. Земля содрогнулась. Небо осветилось ярким светом, раздался оглушительный грохот, и она ощутила горячее дыхание.

Подбежавший Дуг подсунул ей под спину руку и поднял девушку на ноги. Тем временем подошел и Джуст. За его спиной из руин церкви

поднимался столб пламени и черного дыма. Норманны строили на совесть, но даже их сооружение не смогло выдержать такого. Старые стены, подточенные многовековым воздействием воды, рухнули. Их пожирал огонь, выплевывая обломки, которые был не в состоянии переварить. Затем последовала серия небольших взрывов. В нескольких сантиметрах от головы Элли пролетел кусок скальной породы размером с кулак. Мелкий камешек попал ей в щеку.

Она поспешила вперед, перепрыгивая с камня на камень, словно лань. В ее спину ударяли осколки. Заслонив лицо рукой, она бросила взгляд через плечо. Сквозь дым она увидела, как люди из автомобилей спустились на берег. Из стволов их пистолетов вырывались вспышки пламени.

– Не бойтесь! – крикнул Джуст. – С такого расстояния они не смогут в нас попасть!

Продолжали греметь выстрелы. Элли видела, как неподалеку от нее пули поднимают фонтанчики грязи.

– Идемте быстрее.

Добравшись до берега, они с трудом вскарабкались по откосу к деревьям. Элли задыхалась, сердце бешено стучало в груди. Ей слышалось, будто справа вверху, на холме, едет автомобиль, но она продолжала бежать. Джуст положил ей руку на плечо и повернул ее в сторону.

– Там находится наш автомобиль! – крикнула она.

– И плохие парни тоже, – Джуст снял с плеч рюкзак и передал его Дугу. – Он чертовски тяжелый, а мне нужно, чтобы руки у меня были свободны для стрельбы.

Элли вспомнила о заборе.

– Как мы отсюда выберемся?

Но Джуст уже прокладывал путь среди деревьев. Она последовала за ним, надеясь, что он знает, куда идет. В отдалении хлопнула дверца автомобиля. Спустя минуту тишину леса взорвали автоматные очереди. На землю посыпались срезанные пулями ветви и щепки.

Джуст нырнул в узкую ложбину, находившуюся в тени упавшего ствола дерева. Прицелившись, он произвел два выстрела. Автоматный огонь прекратился на несколько секунд, затем свинцовый ливень разразился с еще большей яростью. Несколько пуль попали в лежащий ствол, но не проббили его насквозь.

– Думаю, их всего двое, – крикнул Джуст. – Вы говорили, у вас есть автомобиль?

– Мы оставили его в лесу на противоположной стороне дороги.

Он дернул головой, откинув ее назад.

– В двухстах метрах отсюда вы найдете дерево, на нем повязана красная лента. Сзади в заборе имеется лаз. Подгоните туда автомобиль, я буду ждать вас там. Камера в рюкзаке. Если со мной что-нибудь случится, отошлите снимки Зеленым рыцарям. Договорились? Они знают, что с ними делать.

– А как насчет этих людей с автоматами?

– Я о них позабочусь.

Джуст сунул руку в карман куртки и достал стеклянную пивную бутылку, наполненную прозрачной жидкостью, носовой платок и зажигалку. Открыв бутылку, он смочил жидкостью платок и затолкал его в бутылочное горлышко. Элли почувствовала запах бензина.

– Что же вы за эколог?

– Очень сердитый.

Джуст щелкнул зажигалкой, поднес огонь к платку, затем встал на ноги, пригнулся и швырнул бутылку.

Она разбилась о ствол дерева, и мертвый лес вспыхнул, словно фейерверк. Огонь пожирал сухую траву, сосновые иглы, сучья, растекаясь будто живая смерть.

Джуст навел ствол винтовки в сторону пламени.

Только потом Элли осознала, что услышала выстрелы до того, как он нажал спусковой крючок. Но в тот момент ее охватило смятение – чувство, будто нарушился мировой порядок. Секундой позже она поняла, почему.

Джуст качнулся назад. Из трех пулевых отверстий в его груди струилась кровь. Винтовка выпала из его рук, и он повалился вслед за ней, растянувшись на земле.

Брошенная им бомба улетела недалеко, и языки пламени уже подбирались к его безжизненному телу.

Дуг смотрел на него, словно загипнотизированный. Элли рванула его за рукав.

– Мы будем следующими, если не выберемся отсюда.

Взбежав вверх по холму, они отыскивали дерево с пластиковой красной лентой, свисавшей с ветки, а за ним небольшой железный

лист, подавшийся вперед при нажатии. Они пролезли в образовавшееся отверстие и побежали по дороге. Элли ощущала себя загнанным животным. Она перепрыгивала через стволы деревьев, пригибалась, ползла по земле. Дым уже стелился по асфальту.

Впереди она увидела серебристый отблеск. Это был их автомобиль – целый и невредимый. Поблизости никого не было. Она едва не сорвала дверцу с петель. Дуг выехал на дорогу, переключил передачу и нажал на акселератор до отказа. Запах горелой резины утонул в дыму ада, разверзшегося позади них.

Глава 42

Лондон, 1143 г.

Наша лодка скользит по Темзе. За Уолвичским поворотом на горизонте появляется Лондон. Подход к нему преграждает белая каменная башня, возвышающаяся над городом. На ее фоне все представляется таким маленьким и незначительным. Леса вокруг нее свидетельствуют о том, что ее строительство еще не завершено.

– Город хорошо защищен, – замечаю я.

Стоящий на носу лодки Гуго, облаченный в темный плащ, ворчит:

– Башня служит не для того, чтобы защищать город, а для того, чтобы господствовать над ним. Даже ее цвет чужд этим местам. Норманны привезли белый камень из-за моря, из Кана. Они в буквальном смысле воздвигли свою землю на нашей.

Мы путешествуем вместе уже шесть недель, но все, что я узнал за это время о Гуго, едва заняло бы восемь строк. Он англичанин. По всей видимости, его семья заключила какое-то компромиссное соглашение с норманнами, иначе он не был бы рыцарем. Однако я не раз замечал, что он испытывает ненависть к норманнам. Я не знаю, считает ли он меня норманном. У него много других причин ненавидеть меня.

Я не был в Англии почти восемь лет. Когда я уезжал отсюда, стояла весна, колосились поля, дороги были безопасны, города поражали красотой, и все любили короля Генриха. Теперь же стоит зима, страна расколота гражданской войной, и рана продолжает гноиться. Король Генрих умер, не оставив сына. Корону захватил его племянник Стефан, но дочь Генриха, Мод, оспаривает ее. Они обмениваются ударами и отвоевывают друг у друга земли. Это длится последние четыре года.

Во всех городах, которые мы проплываем, поднимаясь вверх по реке, ворота закрыты, а в сторожевых башнях горят огни. Время от времени мы видим странные курганы, высящиеся на ровном месте. Часто встречаются руины замков, разрушенных во время войны, и

некоторые из них все еще несут на себе следы пожара – незаживающие язвы на теле страны. По берегам реки стоят шесты с насаженными на них головами. Запах тления и огня.

Лондон выглядит так, будто готовится к осаде. У причалов столько судов, что мы тратим целых три часа только для того, чтобы добраться до своей якорной стоянки. Когда мы сходим на берег, люди шерифа задают нам всевозможные и не всегда приятные вопросы. Даже бочка вина, которую мы дарим им, не смягчает их нрав. Но они не находят в двойном дне нашей лодки кольчуги, щиты, мечи и копья.

Мы останавливаемся на постоялом дворе на Уэст-Чип. Гуго снимает комнату на втором этаже с окнами, выходящими на аллею, и щедро платит хозяину, дабы нас никто не беспокоил. Он ставит у окна два стула, и мы сидим на них часами, наблюдая и слушая через щели между половыми досками, как на первом этаже постояльцы пьют, играют и дерутся. Лондон – город постоянного шума и движения, как Труа во время ярмарки, с той лишь разницей, что он в сто раз больше, а шумит и движется ежедневно. Кузнецы, жестянщики, плотники и каменщики извлекают звуки из металла, дерева и камня, а уличные торговцы силятся перекричать друг друга.

В противоположном конце аллеи, по словам менялы из Труа, стоит дом, где производятся расчеты по долгам Лазара. Я хочу пойти взглянуть на него, но Гуго опасается, что меня могут узнать. Двое его людей – Берик и Ансельм – идут туда и сообщают, что двери дома заперты, а окна закрыты ставнями. Дважды в день они проходят мимо дома и смотрят, не появился ли там кто-нибудь, в то время как я сижу в четырех стенах и наблюдаю за людьми, проходящими под окном, рассматривая лица, скрытые шапками, шарфами и воротниками. Мы даже едим, не выходя из комнаты.

Дни тянутся медленной, однообразной, унылой чередой. Однажды вечером я спрашиваю Гуго:

– Что украл Малегант?

Чтобы задать этот вопрос, я набирался смелости целый час и был готов к тому, что не получу ответа. Гуго долго хранит молчание, и я уже думаю, что он решил проигнорировать меня. Но он наконец говорит:

– В этом мире есть вещи, недоступные нашему пониманию.

– Ты хочешь сказать, что не желаешь рассказывать мне об этом?

Гуго хмурится.

– Я хочу сказать, что ты не поймешь этого.

Он вытягивает ноги.

– В этом мире существуют предметы, обладающие определенными свойствами. Мы производим их, используем в повседневной жизни. Ну, например, ведро способно удержать воду, а с помощью топора мы рубим деревья. Но существуют и другие вещи, которые мы не в состоянии объяснить. Например, как удается семени заключить в себе целое дерево, или как женщина дает жизнь новому человеку.

Я беру со стоящего на столе блюда кусочек угря и ощущаю, как он скользит вниз по моему горлу. Я слизываю с пальцев соленый сок и вспоминаю, как я впервые увидел Аду. В тот вечер она внесла в зал такое же блюдо.

– Ты говоришь загадками.

– Потому что я не понимаю этого сам.

– Тогда зачем прилагать столько усилий, чтобы вернуть эти предметы?

– Потому что я знаю, какими способностями они обладают, хотя и не могу объяснить этого. Их могущество безмерно и пугающе.

– Ты видел их?

– Да.

– Ты можешь мне рассказать, как они выглядят?

– Совершенно обычно. Они могли бы быть любыми предметами из тех, что находятся в этой комнате. Но они обладают могуществом...

Меня начинает раздражать этот разговор.

– Какого рода могуществом?

Гуго машет рукой в сторону окна.

– Взгляни на Англию. Десять лет назад это была счастливейшая страна в христианском мире. Теперь же это заброшенное поле. Такого рода могущество и украл Малегант.

И вот я вижу его.

Конец января. Наступает вечер пятницы. Гуго нет дома. Я сижу в одиночестве. По аллее идет человек, останавливается на секунду и нюхает воздух, словно пойнтер. Его лицо скрывает шапка, отороченная мехом бобра, и держится он настороженно. Он поднимает голову, и его

взгляд скользит по зданию постоянного двора. В этот момент я вижу его лицо: серая кожа и единственный глаз.

Я подавляю в себе инстинктивное желание отпрянуть назад. Он не может увидеть меня в темном окне, но может заметить движение. Он стоит несколько секунд, затем проходит вперед и оказывается на улице.

Я выбегаю из комнаты и стремглав спускаюсь по лестнице. Солнце уже почти село, но я успеваю увидеть поверх толпы его приметную шапку. Он поворачивает вправо и идет в сторону реки по улице, пропахшей рыбой. Канавы завалены рыбьими отходами, ноги скользят на булыжниках мостовой из-за налипшей на них чешуи. Полумертвая рыба трепещется в корзинах, выставленных у дверей домов торговцев.

Одноглазый заходит в винную лавку на углу улицы. Темза течет совсем рядом, хотя я едва могу рассмотреть воду из-за целой флотилии судов, теснящихся в доках. Я отступаю в сторону, чтобы пропустить двух грузчиков, и тут же вхожу следом. Если одноглазый и смотрит на них, меня за ними он не видит.

В задымленном помещении с низким потолком горят сальные свечи, которые больше отбрасывают тени, нежели дают свет. Всматриваясь в самые темные углы, я замечаю в одном из них человека, снимающего отороченную мехом шапку. Я двигаюсь вдоль стены в его направлении, и когда прохожу половину пути, он поднимает голову и смотрит прямо на меня.

У меня останавливается сердце. Я безоружен, а винная лавка похожа на место, где драки являются обычным делом. По всей вероятности, хозяин вряд ли сильно обеспокоился бы, если тело одного из его клиентов выбросили бы в Темзу.

В этот момент из-за моей спины протискивается вперед человек и протягивает одноглазому руку. *Он смотрел не на меня.* Мое сердце начинает биться вновь.

– Алберик? – спрашивает вновь прибывший одноглазого громким голосом, натренированным на лондонских рынках.

– Олдермен? – отвечает на его приветствие одноглазый.

Они садятся напротив друг друга. Белые кудри Олдермена торчат по бокам, подобно гиацинтам. У него нос с горбинкой и красные щеки. Он берет предложенную ему кружку, отхлебывает из нее и слушает

Алберика. Я не слышу, что говорит одноглазый. У него манеры человека, привыкшего к тайным беседам в темных углах. Но я могу разобрать, что говорит его собеседник.

– Лондон поддерживает короля Стефана из Блау. Мы первыми признали его. Когда Мод приехала в Лондон, мы выгнали ее как тирана и узурпатора.

Слова Алберика не достигают моих ушей, но я вижу, как меняется выражение лица Олдермена.

– По-настоящему Лондон всегда будет верен только коммерции. Война всегда мешает купцам и банкирам.

Алберик отпивает из своей кружки. Его голова качается взад и вперед, как будто он смеется, – но даже если и так, то делает он это очень тихо. Я придвигаю свой стул поближе к ним.

– Ты ошибаешься. Война превосходный помощник в наших делах. Мы никогда не получали такой прибыли, как после ее начала. Слабые терпят крах, тогда как сильные могут назначать цены, которые им нравятся.

Олдермен выглядит встревоженным.

– Я думал, мы говорим о мире.

Алберик берет его за руку, стараясь успокоить.

– Мы о нем и говорим. После того, как победа Стефана будет достигнута, нам нужно будет лишь защитить наши привилегии.

– А мое вознаграждение?

Алберик сует руку в свою шапку и извлекает из нее кусок пергамента.

– Я подумал, что в подобном месте сумка с золотом будет слишком заметной.

Олдермен улыбается. Он вынимает свой кусок пергамента и двигает его через стол.

– Это обеспечит тебе аудиенцию.

Они допивают свое вино. Олдермен уходит. Алберик ждет несколько минут, задумчиво поглаживая пергамент, и затем резко встает и скрывается за дверь. Я не осмеливаюсь тут же следовать за ним, но когда наконец все же решаюсь, постоянно натываюсь на препятствия, пытаюсь выйти из переполненной таверны. Оказавшись на улице, я вижу, что он уже исчез, растворившись в ночи.

Глава 43

Окрестности Лиона, Франция

– И что теперь?

Дуг и Элли сидели в маленьком ресторанчике вдали от автострады. Девушка даже не представляла, где они находились: неизвестный город, красивая главная площадь, обрамленная атрибутами современной жизни – гипермаркетами, бутиками, ресторанами быстрого обслуживания. Улицы погрузились во тьму, хотя было всего пять часов. Она жадно проглотила бифштекс и попросила официанта принести вторую порцию картофельных чипсов. Казалось, со времени их завтрака на обочине шоссе прошла целая вечность. Дуг допил пиво и теперь то и дело поглядывал в сторону бара.

– В общем, ситуация складывается следующим образом, – начал он. – Мы украли то, сами не знаем что, от имени людей, с которыми незнакомы, и пытаемся отдать им это, но понятия не имеем, где они находятся, и не можем вступить с ними в контакт. Ты со мной согласна?

Элли кивнула.

– У нас была единственная зацепка. Мирабо. Теперь... – девушка ткнула вилкой в тарелку. – Я не знаю, что делать.

– В часовне Мирабо наверняка что-то было. То, что братство хотело защитить от «Монсальвата».

– Жаль, что мы не нашли это. По крайней мере, смерть Джуста была бы не напрасной.

Элли испытала острое чувство вины. От этих мыслей можно было сойти с ума. Сначала Гарри, теперь Джуст. Люди, которые повстречали ее и вскоре погибли.

Они оба погибли, спасая меня. Может быть, она злодейка из сказки – женщина с длинными волосами и призывным взглядом, стоящая на обочине дороги и обрекающая людей на смерть? Девушка бросила взгляд на Дуга и едва не поперхнулась.

Я не могу допустить, чтобы с ним произошло то же самое.

– О чем ты думаешь? – спросила Элли, чтобы заполнить паузу.

– Я думаю о поэмах и лабиринтах.

– Мы и так окончательно заблудились, а ты хочешь найти еще один лабиринт?

– В поэме говорится о лабиринте. На полу в церкви изображено нечто, похожее на него. Здесь должна быть какая-то связь.

– Там нет никакого лабиринта, а лишь геометрические фигуры. Это может быть что угодно, даже обыкновенным, правда очень красивым, орнаментом.

– Может быть, это и так, но тогда этот орнамент должен провести через лабиринт.

– Ну а где находится этот лабиринт? В Кардуэле?

Дуг пожал плечами.

– Я изучаю эту поэму уже три месяца. Рассмотрел все возможные варианты. Чертил на карте линии между Труа и Карлайлем – что само по себе глупость, поскольку в те времена подобных карт еще не было.

– Кроме лабиринта, поэма больше не содержит никаких ключей?

– Мне кажется, сама поэма представляет собой один большой ключ.

Внимание Элли привлекла необычная интонация, прозвучавшая в голосе Дуга. Элли посмотрела на него с любопытством.

– Что ты имеешь в виду?

Дуг слегка смутился.

– Ты знаешь, в чем состоит величайший вклад Кретьена де Труа в сокровищницу западной цивилизации?

– Рыцарская поэзия?

Он сделал глубокий вдох.

– Священный Грааль. Эта история началась с него. Он первым упомянул о нем.

Это показалось Элли настолько нелепым, что она не смогла удержаться от смеха. Но Дуг оставался серьезным.

– Разве он впервые упоминается не в Библии? Я всегда считала, что Священный Грааль использовался в качестве чаши во время Тайной вечери и что потом в него собрали кровь Иисуса, когда он был на кресте.

– Эта часть легенды появилась потом. В оригинальном произведении Кретъена «Повесть о Граале» это таинственный сосуд, явившийся сэру Персивалю однажды ночью, когда он пировал в одном далеком замке. Прекрасная женщина несет его, а за ее спиной – копье, с кончика которого капает кровь.

– Священное копье, пронзившее Иисуса на кресте, правильно?

– Кретъен ничего не говорит по этому поводу. И эта часть легенды возникла намного позже, – Дуг наклонился вперед. – Кретъен очень многое недоговаривает. Есть Грааль, причем это не чаша, а блюдо, и копье, вот и все. Никаких объяснений. Персиваль смотрит, как они приближаются к нему, и не спрашивает, что происходит, поскольку считает, что это было бы неучтиво. На следующее утро он просыпается и видит, что замок пуст. Всю оставшуюся жизнь он пытается отыскать исчезнувший Грааль.

– И ему это удастся?

– Мы не знаем. Кретъен не закончил эту поэму, она обрывается в середине строки. Предполагается, что он умер во время работы над ней, но точно это неизвестно. Некоторые считают, что он намеренно не закончил ее. Это еще одна загадка.

Элли закрыла глаза и подумала, не спит ли она. Открыв их вновь, она увидела, что Дуг смотрит на нее, ожидая ее реакции.

Она спросила вполголоса:

– Ты считаешь, поэма содержит тайну местонахождения Священного Грааля?

Это было безумие. Она почти испытала облегчение, увидев, что он покачал головой.

– Я считаю, что в поэме имеется указание, как найти братство.

– А Грааль?

Дуг вытянул ногу под столом и слегка ударил ею по рюкзаку.

– Думаю, что он уже в наших руках.

Мирабо, Франция

Туфли были настоящим произведением искусства. На бульваре Сен-Мишель в Париже худой, морщинистый сапожник собственноручно обмерил ноги, отрезал кусок кожи, прошил готовые

туфли и отполировал их так, что в них отражалось лицо его клиента. Он любил говорить, что каждая пара туфель индивидуальна, как и человек, который их носит. Если бы сапожник увидел эти туфли сейчас – выпачканные в иле и пепле, он, наверное, заплакал бы.

Но сейчас Бланшару было не до туфель. Если бы он и заметил, что грязь пропитывает выделанную вручную кожу, то все равно даже не задумался бы, что после такой прогулки их можно было бы только выбросить. Он смотрел на руины церкви и торчавший из них хвост вертолета, похожий на перекрученный крест.

Опускались сумерки. Звезд на небе не было видно. Они или спрятались, или упали на землю. Берег озера превратился в непрерывную полосу огня. Остатки озерного ила и водорослей все еще продолжали тлеть. Сверху доносился глухой шум лопастей винта – это парил в небе его собственный вертолет, который не мог совершить посадку. Нисходящий поток воздуха задувал дым в глаза пилота.

К Вивиану подошел начальник службы безопасности холдинга «Талуэт».

– Их было трое. Наш сотрудник застрелил одного, но двое других ускользнули.

– Их преследовали?

– Наша задача заключается в том, чтобы охранять территорию, мы не полиция. Мои люди пытались потушить огонь.

Бланшар вынул из кармана сигару и почти тут же сунул ее обратно. Он и так последнее время много курил.

– Эту церковь необходимо полностью раскопать. Привезите краны, экскаваторы, все, что нужно.

– Для этого потребуется некоторое время, мсье. После пожара подъездные пути заблокированы.

– Тогда доставьте оборудование по воздуху. Или расчистите завалы. Затраты не имеют значения. Я хочу осмотреть каждый сохранившийся камень.

Начальник службы безопасности двадцать лет прослужил в воздушно-десантных войсках французской армии. Половину этого срока он провел в Африке, свергая тиранов и защищая демократию, или наоборот – в зависимости от того, что в данный момент было нужно правительству. Ему приходилось иметь дело с некоторыми из наиболее жестоких мафиози западного полушария, страдавших

гигантоманией. Но даже в их оборудованных кондиционерами дворцах, охранявшихся головорезами с мачете в руках, он не испытывал такого страха.

По старой, казалось, уже давно забытой привычке он козырнул и побежал, отдавая на бегу распоряжения по рации.

Бланшар окинул взглядом разрушенную церковь. Миллиарды евро вылетели на ветер из-за пилота-лихача и осветительной ракеты.

Невероятность произошедшего выводила его из себя. Зачем им было направлять сюда Элли, если они хорошо знали, что он охотится за ней? И что она нашла в архиве холдинга? Складывалось впечатление, будто они пытались привлечь внимание к тому, что больше всего старались скрыть. Может быть, это был блеф? Не сработавшая западня? Или...

– Она действует сама по себе, – пробормотал он себе под нос. Его губы растянулись в улыбке. – Она ищет то же, что и мы, и даже не знает, о чем идет речь.

Окрестности Лиона

Элли пощупала ногой рюкзак, чтобы убедиться, что он находится под столом.

– Ты полагаешь, в картонной коробке, лежащей под моим стулом, заключена величайшая легенда в истории?

Дуг кивнул. Робость с него как рукой сняло. Теперь его лицо светилось уверенностью. Сама же она не была уверена даже в существовании Грааля.

Но что, если он все-таки существует? – сказал ей внутренний голос – *Что, если он действительно находится в твоём рюкзаке? Величайшая легенда в истории – и ты обладаешь ею.*

– Так что же нам делать?

Вопрос прозвучал довольно наивно.

– Спасать мир? Стремиться к заключению союза с Богом? – Дуг попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой, а мышцы лица будто свело нервной судорогой.

Элли обмякла на стуле. Ее подавляла масштабность стоящей перед ними проблемы.

– Я украла его, – произнесла она почти шепотом. – Я спустилась в подвал и украла его.

Еще одна мысль, пролетевшая в сознании черным облаком: *«Монсальват» ни за что не позволит нам сбежать с ним».*

– Мы должны передать его братству. Знать бы только как.

Элли осторожно подвинула свой стул назад.

– Для начала найдем интернет-кафе. У нас осталась камера Джуста, и он погиб ради этих фотографий. По крайней мере, мы сможем отослать их его друзьям.

Единственное интернет-кафе, которое им удалось найти, располагалось в здании с большими окнами и люминесцентными лампами, освещавшими его, словно телевизионный экран. Они заплатили три евро и выбрали компьютер в задней части зала. Поиск сайта Зеленых рыцарей не занял много времени. На главной странице было изображено письмо от корпоративных юристов с требованием прекратить деятельность организации. Поперек него красным маркером было написано кратко и емко, куда они могут идти.

Дуг извлек из камеры карту памяти и вставил ее в ридер. На экране открылась папка.

– Здесь целая куча материала – есть и видеозаписи. Если мы попробуем загрузить все это, то просидим здесь до второго пришествия.

Элли просмотрела несколько страниц сайта Зеленых рыцарей.

– Здесь указан номер почтового ящика в Утрехте. Мы можем отослать карту памяти по почте.

– А как же мы обойдемся без нее? На ней единственные снимки Мирабо, имеющиеся в нашем распоряжении.

На рекламном плакате, висевшем над кассой, сообщалось о дисках, картах и других аксессуарах, имевшихся в продаже. Дуг купил еще одну карту памяти и принялся копировать на нее все то, что хранилось на камере Джуста. Тем временем Элли отправилась в магазин канцелярских принадлежностей на противоположной стороне улицы, чтобы купить конверт. Когда она вернулась, на экране компьютера демонстрировалась видеозапись Джуста. Вот и она, скребущая пилкой для ногтей по камням. Хорошо, что снимал Джуст, и его не было в кадре. Воспоминание о его гибели было слишком болезненным.

Весь экран заполнила мозаика – клубок черных линий. Дуг нажал кнопку паузы и за двадцать центов сделал распечатку изображения. Элли наблюдала за ним в то время, как он изучал лист бумаги, извлеченный из принтера.

– Что ты думаешь? – Над верхним уголком губы справа у него появилась складка, которая, как было известно Элли, появлялась, когда он делал записи или смотрел в пространство, сидя за обеденным столом.

Дуг поднял голову.

– Я думаю о женщине по имени Аннелиз Стирт. Она отличный специалист по Кретьену и легенде о Граале. Когда я изучал поэму для мистера Спенсера, все материалы, которые я обнаружил, были почерпнуты из ее книг и статей.

– Ты с ней общался?

– Мне очень хотелось, но я не мог, поскольку подписал с мистером Спенсером соглашение о конфиденциальности, – Дуг грустно улыбнулся. – Полагаю, оно уже утратило силу.

– Как мы сможем ее найти?

Дуг щелкнул по клавише компьютера.

– С помощью всевидящего ока интернета.

Элли набрал два слова:

Священный Грааль

Курсор запорхал над кнопкой «Поиск».

– Если бы это было так легко.

Дуг добавил к запросу слова «Аннелиз Стирт» и щелкнул мышью. Еще два щелчка вывели на экран страницу Литературного факультета университета Реймса департамента Шампань-Арденны. На ней под портретом женщины с длинными седыми волосами и в очках в круглой оправе были приведены адрес электронной почты и номер телефона.

Дуг взглянул на часы.

– Шесть часов. Будем надеяться, она работает допоздна.

Дуг решил позвонить через интернет, поскольку такой звонок было невозможно отследить. Он оплатил эту услугу, надел наушники и уже было собрался набрать номер, как Элли вдруг схватила его за руку.

– Ты уверен, что это хорошая идея? По твоим словам, она – лучший специалист в мире по Кретьену де Труа. Что, если в «Монсальвате» знают о ней?

– У нас не так много вариантов, – Дуг открыл свой бумажник, лежавший на столе. – У меня семьдесят семь евро и мелочь. А у тебя?

Элли заглянула в свой кошелек.

– Около пятидесяти.

– Два бака бензина или две ночи в отеле. А нам еще нужно что-то есть. Если мы в ближайшее время не найдем Братство, у нас кончатся деньги, время и удача. Что мы будем делать тогда?

Элли задумалась, пытаясь вспомнить какой-нибудь ключ, который ей мог дать Гарри, но на память так ничего и не пришло.

– С Мирабо ничего не получилось, – сказал Дуг. – Коробка откроется нескоро. Все, от чего мы можем отталкиваться, – это поэма.

Он положил ей руку на плечо.

– В активе у нас то, что в «Монсальвате» не знают о нашем отчаянном положении – они, по всей вероятности, думают, будто мы находимся в безопасности, вступив в контакт с Братством.

Элли неохотно кивнула. Дуг нажал кнопку.

Аннелиз Стирт.

Ее голос, в котором ощущался шотландский акцент, звучал достаточно дружелюбно.

– Вас беспокоит доктор Дуглас Каллэм. Я занимаю должность младшего научного сотрудника в колледже Святого Иоанна в Оксфорде.

– Кажется, я не знакома с вашими публикациями.

– Я занимаюсь поэзией Кретьена де Труа и недавно сделал открытие, по поводу которого хотел бы узнать ваше мнение. Думаю, вы захотите познакомиться с ним.

Пауза.

– Что это?

– Мне будет легче показать, нежели рассказать.

– Вы сможете ко мне подъехать?

– В данный момент мы находимся на некотором расстоянии от Реймса, – Дуг взглянул на часы. – Мы успеем только часам к десяти вечера.

– Даже я не работаю так поздно, – Аннелиз Стирт была явно удивлена. – Но в это время я еще не сплю. Если то, что вы хотите показать мне, имеет такое значение, почему бы вам не приехать ко мне домой?

Дуг записал адрес и распечатал карту. Он встретился взглядом с Элли. Несмотря на смертельную усталость, они улыбнулись друг другу.

– Это безумие, – проговорила девушка.

– Ты только сейчас заметила?

Глава 44

Окрестности Винчестера, Англия, 1143 г.

Я возвращаюсь на постоянный двор и не успеваю переступить порог комнаты, как Гуго в ярости прижимает меня к стене.

– Где ты был?

Он подумал, что я сбежал и выдал его Малеганту. После того, что произошло на Иль-де-Пеше, я не могу винить его.

Я жду, когда он отпустит меня, и затем рассказываю то, что мне удалось подслушать. Он успокаивается, но лицо его становится еще мрачнее.

– Я не совсем понял, – признаюсь я. – Алберик то прославлял войну, то говорил о победе короля.

Гуго ходит по комнате широкими шагами, складывая в мешок многочисленные пожитки.

– Тебе это говорит что-нибудь?

– Говорит.

– Что именно?

Я не жду ответа – в лучшем случае будет еще одна загадка. Но Гуго поворачивается и смотрит мне прямо в глаза.

– Они хотят убить короля.

И теперь мы скачем сквозь ночь на взятых в займы конях. Четыре рыцаря, две упряжки с доспехами и оружием – и я. У меня в ушах свистит ветер.

В глубине ночи я еду рядом с Гуго. Мы подгоняем своих коней, заставляя их перебирать ногами как можно быстрее. Нам предстоит дальний путь – но сейчас мы скачем чуть быстрее рыси.

– Для чего все это? Я думал, мы охотимся на Малеганта.

– Мы это и делаем.

К передней части седла Гуго прикреплен латунный герб, изображающий двух борющихся львов. Он злоеще поблескивает в темноте.

– Малегант украл оружие необыкновенной мощи и теперь хочет его использовать.

– Чтобы убить короля?

– Малегант ненавидит порядок. Ему хочется жить в раздробленном мире, где царит беззаконие и где могло бы беспрепятственно процветать зло, которому он служит.

– Убийство короля приведет к такому?

Я жду ответа. Когда Гуго начинает говорить, его голос звучит торжественно, словно голос пророка.

– Сила течет по миру, как вода. Иногда она испаряется, иногда собирается в глубоких водоемах. Она накапливается в людях, но также и в предметах. Некоторые из этих людей и предметов сплетают ткань нашего бытия, другие разрывают ее. Когда двое сходятся в схватке... Раны никогда не заживают.

Он замолкает. Впоследствии я не могу отделаться от ощущения, что этот ночной разговор мне приснился.

Заря застает нас среди широкой долины. Местность представляется мне знакомой, и неожиданно мое сердце пронзает боль утраты. Я был здесь прежде: юный оруженосец вез невесту своему господину. Тогда было лето, сейчас деревья и кусты покрыты белым инеем. В темноте я не узнал эту местность. Неподалеку отсюда должен находиться замок, где я впервые увидел Аду, где она вплела в свои волосы золото и вносила блюдо-Грааль, подобно служанке.

За нашими спинами восходит солнце. На склоне холма оно освещает сверкающие бока коня, вырезанного в скале, размером с церковь. Я думаю, кто мог сделать это, и не пересек ли я ночью невидимую границу с другим миром, миром символов и чудес. Я думаю, смогу ли обрести когда-нибудь свободу.

Мы подъезжаем к деревне, убогому поселению недалеко от реки. Даже церковь имеет жалкий вид. Единственное, что отличает ее от окружающих строений, – целостность крыши. Все остальные здания зияют глядящими в небо дырами, как будто кто-то решил заново покрыть их соломой, а потом, выполнив половину работы, отказался от этой затеи. Но кто кроет дома соломой в январе?

– Что случилось с крышами?

– Они вынули солому, чтобы кормить свой скот.

Я оглядываюсь.

– Но никакого скота не видно.

– Тогда, возможно, чтобы кормиться самим.

Это деревня живых призраков. Когда мы въезжаем в нее, жители выползают из своих домов и наблюдают за нашей кавалькадой. Их одежда явно непригодна для того, чтобы согреться в январскую стужу. Впереди небольшая группа крестьян высыпает на дорогу, преграждая нам путь. Я натягиваю повод, но эти люди не выказывают враждебности. Они настолько худы, что смести их в сторону не составляет никакого труда.

– Где же женщины? – бормочет Ансельм.

И действительно, когда мы подъезжаем ближе, я вижу среди них одних лишь мужчин. Даже те, кто держит на руках детей, едва различимых в тряпье, в которое они завернуты, истощавших и жалобно хныкающих.

Мы останавливаемся перед ними. Люди с угрюмыми лицами молча смотрят на нас. Один из них – в отороченной мехом шапке, совершенно неуместно сдвинутой набекрень, – сделал шаг вперед. Судя по всему, это деревенский староста.

– Где ваши женщины? – спрашивает Гуго.

Этот вопрос производит неожиданный эффект – как если бы стае гусей бросили горсть зерна. Люди начинают разом говорить, всякая почтительность отброшена. Из-за гвалта я не могу разобрать ни единого слова.

Спустя некоторое время старосте удается утихомирить крестьян.

– Когда мы не смогли отдать графу десятину, он вместо нее забрал наших женщин. Они прядут и шьют, а он продает изготавливаемую ими одежду и ничего им не платит. Если они не успевают сделать столько, сколько хочет граф, он раздевает их догола и бьет. Живут они в хлеву, взаперти. Трое уже умерли.

– Кто ваш граф?

– Граф Вантажский. Джоселин де Отфорт.

Я должен был предвидеть это. Очевидно, я все же пересек границу с другим миром – миром, где мое прошлое оживает и обрушивается на меня. Неожиданно открываются старые, давно зарубцевавшиеся раны и саднят точно так же, как в тот самый день, когда погибла Ада.

– Кто?

– Джоселин де Отфорт. Его поместье находилось в Нормандии, но он потерял его, когда туда вторглись анжуйцы. Король Стефан отдал ему взамен земли в Англии, которые принадлежали его мачехе, и придумал для него титул.

Взгляд старосты украдкой скользнул по нашим повозкам. Мы сняли наконечники с копий, но определить, что это именно копья, совсем нетрудно. Один из мешков раскрылся, и в отверстии тускло блестит кольчуга.

– Вы рыцари?

– Путешественники, – резко отвечает Гуго. – А вы не даете нам проехать.

Среди крестьян поднимается ропот. Они еще теснее обступают Гуго. Сидя в седле, он подобен острову в море лиц, на которых написано отчаяние. Староста берет в руку уздечку и тянется к Гуго. Тот вынужден наклониться, чтобы услышать его.

– Эти земли истощены – вы видите сами. Джоселин ничего с них не получает. Единственная плодородная земля, находящаяся в его распоряжении, – эта дорога. Он эксплуатирует ее так же нещадно, как и нас.

– Что ты имеешь в виду?

– Он следит за дорогой. В полумиле отсюда, в густой роще, путь вам преградит повозка. Часть из вас спешится, чтобы убрать ее с дороги, но она тяжела, поскольку нагружена речными камнями. Спешатся остальные, и в следующий момент десятков копий пронзят ваши тела.

– Почему ты рассказываешь нам об этом?

– Посмотри на нас. В нашей деревне не осталось ни единого зернышка, которое не отнял бы Джоселин.

Гуго выдергивает уздечку из руки старосты.

– Если бы мы останавливались, чтобы покарать каждое встретившееся нам на дороге зло, то никогда не выбрались бы из Лондона.

– Умоляю вас.

Староста падает на колени в грязь и чуть ли не целует копыта коня Гуго. Это душераздирающее зрелище. Его счастье, что конь слишком устал для того, чтобы стукнуть ему копытом по голове.

– Если ты избежишь западни, Джоселин поймет, что мы предупредили тебя. Он уничтожит нас – и наших женщин. Он способен сделать с ними кое-что и похуже, чем заставить шить одежду.

– Итак, он не знает, что мы едем. Надеюсь, ты не сообщил ему об этом?

Староста широко улыбается, обнажая зубы, половина из которых выпала от голода.

– Я же сказал – Джоселин следит за дорогой и видел вас. Он проезжал здесь четверть часа назад.

Мы надеваем кольчуги и разрабатываем план. Я не носил доспехов со времен экспедиции на Иль-де-Пеш. Я содрогаюсь, когда металлические кольца ложатся на мою грудь. Спустя минуту кольчуга ощущается, словно вторая кожа.

Мы делаем необходимые приготовления. В то время как Гуго и остальные проезжают чуть дальше по дороге, Алебард и я вскарабкиваемся на стропила домов с оголенными крышами. Меня бьет дрожь. Перед глазами стоит Ада, привязанная к дереву, и копьё, по древку которого стекает ее кровь. В душе поет ангел, предвещающая сладостное блаженство мести. Джоселин никогда не отличался терпением. Интересно, думаю я, сколько времени он выдержит, прежде чем явится сюда, чтобы узнать, почему мы не едем в его западню.

А вот и он.

Его сопровождают два рыцаря и десяток слуг, мало чем отличающихся от разбойников. Он заметно потолстел и явно наслаждается жизнью. Челюсть у него стала еще тяжелее, под доспехами явно выпирает округлившийся живот.

Я сжимаю кулаки. На ладонях, в тех местах, где ногти впиваются в кожу, выступают капельки крови.

Джоселин подъезжает к старосте и приставляет острие копья к его горлу. Меня вновь пронзает воспоминание об Аде.

– Где они?

Даже его манера говорить вызывает ассоциацию с избыточным весом: протяжная, монотонная речь, лишённая изысканности, свойственной его отцу. Все выдает в нем человека, не брезгающего поживиться за чужой счет.

– Они поехали другой дорогой.

Староста стоит с опущенной головой. По его щеке пролегает широкий шрам, затянутый черной коростой. Его происхождение не вызывает сомнений.

– Лжец! – Джоселин разворачивает коня. – Здесь нет другой дороги. Ты предупредил их?

– Мы ничего им не сказали.

Джоселин прикасается острием копья к его шее.

– Ты предал меня. Я предупреждал тебя, но ты не послушался. Теперь...

Внезапно тишину рвет пронзительный визг. Из одного из домов выскакивает поросенок и бежит по дороге. За ним стелется шлейф дыма: кто-то привязал к его хвосту пучок сена и поджег.

С радостными криками слуги кидаются вслед за бедным животным. Некоторые из них даже бросают копья. Джоселин смеется и не пытается остановить их. Он с силой бьет старосту тупым концом копья по голове.

– Как жить господину, если крепостные предают его?

Улыбка гаснет на лице Джоселина, когда он видит, как из домов на улицу выбегают люди и окружают его слуг. Их вооружение примитивно – ножи, серпы, деревянные молотки, даже балки от собственных домов, но эту атаку нельзя остановить. Некоторые из крестьян выступают в роли живых щитов, принимая на себя удары, обливаясь кровью, чтобы те, кто идут за ними, могли подобраться ближе к противнику. Они выбивают оружие из рук слуг, стаскивают их из седел на землю, рвут их на куски.

Джоселин со своими рыцарями пришпоривают коней. Горнемант в свое время говорил: рыцаря делает рыцарем не рождение, не обучение, не воинское искусство, а его конь. Толпа доведенных до звероподобного состояния крестьян может смести целый отряд пехотинцев, но всего три рыцаря способны обратить их в бегство.

Улицу перегораживает груда камней, тщательно уложенная часом ранее. Рыцарям приходится объезжать ее – подобно тому, как вода огибает скалу. Они задевают плечами стены домов. Слава богу – Джоселин движется прямо на меня.

Я считаю шаги. Если прыгнуть слишком рано, меня затопчет конь, если слишком поздно – я отскочу от его крупа. Я точно рассчитываю время и – как мы не раз делали это в саду в Отфорте – прыгаю с

крыши, хватаю всадника и увлекаю его вниз. Мы падаем на землю, и я прижимаю свою голову к груди Джоселина. В момент приземления до моего слуха доносится какой-то хруст. Я не чувствую никакой боли.

На другой стороне улицы Ансельм выбросил из седла своего противника, и они борются, катаясь по земле. Дальше на дороге Гуго и другие окружили третьего рыцаря. Я поднимаю щит Джоселина и вынимаю копье из соломы, где я спрятал его ранее. Сзади меня раздается лязг железа. Мой враг, с трудом поднявшийся на ноги, сорвал с головы шлем.

Я столько лет мечтал о мести, но теперь, когда пришла эта вождеденная минута, ее осуществление представляется мне слишком легким. Боевые навыки у меня уже не те, что были прежде, поскольку мне долгое время не доводилось упражняться в них, но я сохранил силу и ловкость. Джоселин, похоже, не использовал меч несколько лет. Сильный и смелый юноша превратился в толстого, медлительного увальня в плохо пригнанных тяжелых доспехах. К тому же он поранился при падении.

Он вынимает из ножен меч и бросается на меня. Я отступаю в сторону и наношу ему удар щитом в лицо. Из его носа струится кровь. Я вновь вижу перед собой Аду, пронзенную копьем. Я хватаю его руку с мечом, выкручиваю ее и бью по ней ребром щита. Раздается треск кости. Джоселин делает шаг назад, задевает шпорой землю, падает в грязь и бьется, словно рыба, выброшенная на берег.

Я наступаю ногой ему на горло и поднимаю копье. Оно нависает над лицом моего врага. Его зрачки скашиваются, сближаясь друг с другом, и взгляд упирается в наконечник копья.

– Взгляни на меня.

Он не может оторвать глаз от копья. Я отвожу его назад, чтобы нанести удар. Зрачки Джоселина расходятся, будто их тянут за привязанные к ним нити.

Залечит ли его убийство мои раны?

Тяжесть копья в моей руке говорит мне: *да*. Оно оттягивает плечо, словно побуждая ударить. Я хочу верить в это.

Но моя рука немеет – она не желает двигаться. Я вспоминаю отшельника. *Будешь ли ты проявлять любовь к отверженным, жалость к несчастным?*

Я убил Аду. Я думал, что сумею сыграть роль Тристана для его Изольды, и вписал несчастье в нашу историю. Я забыл, что на каждого Тристана приходится король Марк. Если бы я хотел убить Джоселина, то мог бы найти его в любое время, когда мне заблагорассудится. Истинная причина, почему я не сделал этого, почему разъезжал по турнирам и нанимался в разбойники, грезя о том, как буду штурмовать Отфорт, заключалась в том, что в глубине души я осознавал лежавшую на мне вину.

Джоселин похитил Аду и привязал ее к дереву. Человек Джоселина бросил копье. Если бы сейчас я лежал в грязи у его ног, меня уже не было бы в живых. Сколько лет я ждал этого момента?

Жалость к несчастным.

Копье в моей руке наливается свинцом. Моя рука дрожит. У меня больше нет сил, чтобы держать древко.

Легче нанести удар.

Глава 45

Окрестности Реймса, Франция

Аннелиз Сирт жил в сельской местности провинции Шампань, к юго-востоку от Реймса. Элли и Дуг ехали среди холмов по широким долинам, засаженным виноградниками. В пронесившихся за окнами деревнях луна освещала приземистые дома из песчаника с разбитыми окнами и запертыми дверями. Ни один человек не попался им на глаза. Когда Элли уже решила, что они проехали, Дуг свернул в сторону и остановился на посыпанной гравием дорожке перед железными коваными воротами.

– Ты уверен, что это здесь?

Элли думала, что все ученые живут в убогих, обветшалых домах, вроде дома Дуга, главным образом предназначенных для хранения книг. Доктор Сирт обитала в трехэтажном особняке с высокими эркерами и башенкой, нависавшей над одним из углов, стоявшем в окружении нескольких хозяйственных построек.

– Судя по карте, здесь. Похоже, она еще не спит.

Дорога заняла у них больше времени, нежели они рассчитывали – был уже двенадцатый час, но в окнах первого этажа еще горел свет. Элли окинула взглядом особняк, размышляя о том, что их ждет.

– Давай оставим автомобиль здесь, – предложила она.

– Если в доме кто-то есть, они уже заметили нашу машину, – отозвался Дуг.

– Это не слишком обнадеживает.

– Пойду, посмотрю. Если со мной что-нибудь случится, немедленно уезжай.

Я и так подвергла твою жизнь слишком большой опасности, хотела сказать Элли. Но Дуг уже открыл дверцу и нырнул в ночную тьму. Элли наблюдала, как он, пройдя через открытые ворота, решительным шагом шагает по дорожке. Если он и испытывал страх, то никак не проявлял этого. Саму же Элли била крупная дрожь.

Ты не заслужил такого, шептала она, обращаясь к нему. *Ты не заслужил того, что я с тобой сделала.*

Дуг достиг конца дорожки и огляделся. Элли видела, как он двинулся влево, затем вправо, заглядывая за углы дома. У нее екнуло сердце, когда Дуг скрылся за каким-то строением – гаражом или мастерской, но спустя мгновение он появился вновь и призывно махнул ей рукой.

Элли проехала по дорожке, вылезла из автомобиля и подошла к двери, возле которой уже находился Дуг. Он поднял дверной молоток, но не успел постучать, как дверь распахнулась. На пороге стояла высокая женщина, более симпатичная, нежели на фотографии в интернете. Ее седеющие волосы были стянуты сзади в довольно свободный хвост и обрамляли миловидное лицо с круглыми щеками и ямочкой на подбородке.

– Доктор Каллэм?

Дуг поздоровался с ней за руку.

– Это моя коллега Элли Стентон.

Пожимая ей руку, Элли поняла, какой неряхой она выглядит.

В ресторане она умыла лицо и постаралась оттереть всю грязь с одежды, но на джинсах все еще остались глина и сажа после падения в озеро, а от волос пахло дымом.

– У нас лопнула крышка, и, меняя ее, я споткнулась и упала в канаву.

– Бедняжка, – Аннелиз обняла ее за плечи и повела по коридору с полом, выложенным каменной плиткой, его стены были увешаны картинами с изображениями собак. – Хотите переодеться? Вы ужинали?

– Мы и без того злоупотребили вашим гостеприимством, заставив так долго ждать, – запротестовал Дуг.

Аннелиз ввела их в элегантно оформленную гостиную. В камине уютно мерцал огонь. Над ним висела пара сверкающих пистолетов. Окна украшали длинные портьеры из парчи. Казалось, в комнате не было ни одного предмета моложе ста лет.

– Сейчас я поставлю чайник.

Аннелиз вышла из комнаты. Элли присела на край расшитой золотом кушетки, очень надеясь не испачкать ее. Она ощущала себя заблудшей душой, набредшей на оазис в пустыне и не желающей

верить в то, что это не мираж. Все вокруг казалось таким мягким, теплым и умиротворяющим, что она чуть не расплакалась.

Аннелиз вернулась с подносом, на котором помимо чайника и трех чашек стояла тарелка с багетом, ломтиками ветчины и паштетом.

– Я порылась в холодильнике. Похоже, вам не мешало бы перекусить.

Элли сделала, дабы соблюсти приличия, пятисекундную паузу и принялась за паштет.

– Какой у вас замечательный дом, – невнятно произнесла она с набитым ртом.

– Мой отец был шотландцем, а мать немкой, но оба они хотели быть французами. Этот дом стал средством достижения их цели.

Аннелиз села в глубокое кресло, подогнув под себя ноги.

– Но вы, наверное, приехали сюда не для того, чтобы восторгаться моим домом.

– Мы хотели поговорить с вами о ваших исследованиях, – проговорил Дуг.

– Говорите прямо – о Священном Граале. Я знаю, в научных кругах это считается чуть ли не ругательством, – и она внимательно посмотрела на гостей. – Говоря откровенно, мне нравятся ваши сомнения. Очень многие люди, с которыми мне доводится сталкиваться, относятся к этой теме с фанатизмом.

Элли намазала на кусок багета масло и положила сверху ломтик ветчины.

– Люди в этой области делятся на две категории: ученые и безумцы. Я стараюсь избегать безумцев, но нельзя быть ученым – настоящим ученым – и уберечься от встречи с ними. Они говорят о тамплиерах, картах таро, потомках Иисуса, масонах и прочей конспирологической галиматье. Порой невозможно не восхищаться их изобретательностью, но тем не менее все это полный бред.

– Нас больше интересует Кретьен де Труа и его поэзия.

Аннелиз задумчиво кивнула.

– Пока вы ко мне добирались, я посмотрела информацию о вас, доктор Каллэм. Ваша область – французские поэты и их классические модели. Вы ничего не публиковали о Кретьене.

– Мое исследование еще не закончено.

– Вы сказали, что хотите что-то показать мне?

Дуг взглянул на Элли. Та достала из рюкзака кожаный тубус, извлекла из него лист пергамента, развернула его и передала Аннелиз вместе с переводом Дуга.

– Где вы это взяли?

– Друг семьи нашел на чердаке, – ответил Дуг. – Он знал, что я изучаю старинные рукописи, и передал мне пергамент.

Аннелиз надела очки, висевшие у нее на шее на красном шнурке, и пробежала глазами строки. В глазах у нее загорелись огоньки интереса.

– Вы думаете, это произведение Кретьена?

Дуг кивнул.

– И вы убеждены в его подлинности?

– Мы не стали бы вас беспокоить, если бы не были абсолютно в этом уверены.

– Язык вроде бы соответствует. Шампанский диалект, лексика. Судя по аллюзиям – чаша, копье, девушка, это имеет отношение к Граалю. Но это вы наверняка и сами знаете. Что вы хотели услышать от меня?

– По нашему мнению, это своего рода загадка, – выпалила Элли и зарделась. – Теперь вы сочтете нас безумцами.

– Если перефразировать высказывание Генри Киссинджера, одно то, что вы безумцы, еще не означает, что вы не правы.

Аннелиз сняла очки, протерла их платком и бросила взгляд на пергамент.

– Некоторые ученые, заслуживающие доверия, считают, что поэмы Кретьена изобилуют загадками. В рукописи «Ланселота» совершенно безосновательно выделена заглавная буква в строке 4401. Поэма содержит 7118 строк. Если 7118 разделить на 4401, получается 1,62 – золотое сечение. Совпадение? Никто не знает.

Она помешала ложкой свой чай.

– Вы не занимались изучением шахматных задач?

Дуг покачал головой, с недоумением глядя на нее.

– Что вы имеете в виду?

– Кретьен был явно неравнодушен к шахматам. Они фигурируют в нескольких его поэмах – я уверена, вам известно об этом – как и клетчатые полы, черно-белые лошади и гербы, а также шахматные доски, используемые в качестве щитов...

Улыбнувшись, она замолчала, давая им возможность высказаться. Первой воспользовалась этой возможностью Элли.

– Поэма представляет собой сетку: восемь строк по восемь слогов. Похоже на шахматную доску.

Аннелиз посмотрела перевод Дуга.

Христов воитель в тьме дорог
Искал надежный поворот.

– Слово, которое вы перевели как «поворот»...

– Я думал, возможно, оно имеет отношение к турнирам, – сказал Дуг. – Но слово «турнир» не подходило по размеру.

– Вы могли бы перевести его как «тур». Слышали когда-нибудь о Рыцарском турне?

Элли и Дуг покачали головами. Аннелиз поднялась с кресла и включила серебристый лэптоп, стоявший на позолоченном столике.

– Рыцарское турне – это шахматная задача. Цель заключается в том, чтобы провести рыцаря, то есть коня, по всем клеткам доски, используя только «ход конем».

– Это можно сделать?

– И даже очень легко. Эта задача была известна много столетий назад. Ее самые ранние решения восходят к эпохе раннего Средневековья.

– Какое это имеет...

– Ваша поэма представляет собой шахматную доску: каждая клетка – это слог. Возможно, если вы прочтете их в том порядке, в каком перемещается по доске конь, узнаете что-то новое.

– А как вы узнали о том, в каком порядке следует читать поэму?

Аннелиз нажала несколько клавиш компьютера. Элли и Дуг уставились на экран. На нем появилось изображение колючего клубка пересекающихся черных линий с наложенными на них треугольниками. Это не была мозаика из Мирабо, но между ней и этим изображением прослеживалось определенное сходство.

Аннелиз, сидевшая спиной к ним, не увидела изумления на их лицах.

– Так выглядит одно из решений.

– *Одно из решений?* – повторила Элли. – Сколько же их всего?

Аннелиз пробежала курсором вниз по странице. Вместо изображения на ней появился текст.

– Больше, чем вы можете предположить, – она прочитала несколько абзацев и горько усмехнулась. – Согласно этому сайту, никто не знает, сколько существует возможных вариантов. По последней оценке, свыше ста триллионов.

Она собрала чашки и поставила их на поднос.

– Боюсь, больше ничем не могу быть вам полезной.

– Огромное спасибо, – сказала Элли. – Благодаря вам нам теперь есть о чем поразмыслить.

– Все это, очевидно, ерунда. В Граале есть нечто такое, что пробуждает фантазии даже у такого старого, закоренелого циника, как я. Восемьсот лет назад Кретъен де Труа описал инкрустированное драгоценными камнями блюдо. В следующем поколении оно стало чашей Христа. В германской традиции это камень, упавший с небес. Сегодня бытует мнение, что это сосуд эзотерической мудрости. Вы знаете, некоторые ученые полагают, будто Кретъен умышленно напичкал свою поэму всевозможными символами, не объяснив их смысла. Ее сюжет остался незавершенным. Вероятно, это шутка, имевшая целью заставить людей ломать голову над разгадкой до умопомрачения.

– Вы не считаете это шуткой, – мягко возразила Элли, засовывая кожаный тубус обратно в рюкзак и поднимаясь с кресла. – Но мы и так задержали вас.

– У вас есть где переночевать?

– Мы найдем отель.

– Поблизости ничего подходящего нет. Оставайтесь здесь. Я буду очень рада.

Элли взглянула на Дуга. Ей ужасно захотелось принять душ, улечься на чистую простыню и укрыться мягким одеялом.

– Очень мило с вашей стороны...

Аннелиз повела рукой.

– В моем доме множество комнат.

Комната, которую она отвела им, была теплой и уютной. Дугу пришлось в буквальном смысле вытащить Элли из ванной, чтобы

принять душ самому. Девушка сложила свою одежду на углу кровати и забралась под толстое одеяло. Ее голова утонула в подушке. Когда Дуг спустя десять минут лег рядом с ней, она уже засыпала. Он обнял ее.

– Это Рыцарское турне...

– Я знаю...

– Оно в рюкзаке. Мы могли бы...

– Шшш... – девушке совсем не хотелось сейчас об этом думать.

Элли проснулась в темноте. Светящиеся стрелки часов на прикроватном столике показывали без четверти четыре. Она лежала, вспоминая события вчерашнего дня и наслаждаясь ночным покоем. Ей не нужно было никуда идти, она находилась в тепле и безопасности. Рядом раздавалось мерное дыхание Дуга.

Ей захотелось в туалет. Она соскользнула с кровати и ступила на паркетный пол. Туалет находился в конце коридора, освещенного лишь тусклым светом луны, падавшим через окно. Ей так и не удалось найти выключатель.

Я словно призрак, подумала она. *Привидение, бредущее по старому дому.* Ее охватило странное чувство нереальности происходящего.

Вместо ручки смывной бачок был снабжен старомодной цепью, висевшей где-то в темноте. Она пошарила рукой, пытаясь нащупать ее, и в этот момент в окне вспыхнул свет. Выглянув, она увидела на подъездной дорожке лучи автомобильных фар.

Глава 46

Долина Белой лошади, Англия, 1143 г.

Копье завязло в грязи, на расстоянии толщины волоса от лица Джоселина. Из царапины на щеке сочится кровь. Его зрачки расширены настолько, что можно подумать, будто он вот-вот отдаст Богу душу от страха. Впервые он смотрит на меня осмысленным взглядом.

– Откуда ты взялся? – шепчет он.

Говорить не о чем. Приняв решение, я не хочу больше его видеть. Спотыкаясь, я бреду мимо дома, и меня выворачивает наизнанку. Ансельм смотрит на меня и ничего не понимает. Я сам ничего не понимаю. В моей душе царит смятение. Я знаю только одно: одна рана не может исцелить другую. Возможно, это по силам только милосердию.

Дальше по дороге, в пяти милях от деревни, мы находим ферму, где Джоселин держит женщин. При нашем приближении стражники выбегают из дома, но, увидев, как их господина ведут на веревке, они бросают оружие. Ансельм выламывает дверь топором. Жмурящиеся от света женщины имеют жалкий вид: бледные, истощенные лица, нечесанные волосы, протертые до дыр платья. В то же время сквозь их пальцы струится золото – золотые нити, которыми они прошивают платья для придворных дам. Каждая нить, должно быть, стоит больше, чем Джоселин тратит в месяц на поддержание в них жизни. У меня опять возникает сильное желание убить его.

Ансельм обрезает веревку, связывающую Джоселина.

– Если я когда-нибудь услышу, что ты опять плохо обращаешься со своими вассалами, то затолкаю тебе эту веревку в горло, – он указывает пальцем на меня. – Я не столь всепрощающ, как мой друг.

Мы оставляем их во дворе фермы. Джоселин выглядит не менее ошеломленным, чем женщины. Похоже, они не знают, что им делать с неожиданно обрушившейся на них свободой.

Солнце уже касается горизонта, когда мы прибываем ко двору. Он находится на линии фронта, но крупных столкновений здесь нет. Стоя на вершине гряды, мы видим красные и зеленые пятна палаток, усеивающие поля от леса до реки. Осада в полном разгаре: на берегу реки установлена баллиста. Каждые десять минут она сотрясается, словно насекомое, и в сторону города на противоположном берегу летит камень. Одни из них перелетают через стены, прерывая чей-нибудь ужин; другие плюхаются в воду. Некоторые достигают цели.

В полумиле от реки расположено поместье. На его башне развеваются два флага: английский с двумя львами и расшитое золотом знамя рядом с ним.

– Стефан относится к своей королеве как к ровне, – замечает Гуго. В его голосе звучит восхищение, хотя и не в адрес короля.

– В Винчестере именно королева Матильда командовала его войсками и нанесла поражение Мод, – замечает Ансельм. – Странные наступили времена – женщины командуют армиями и воюют друг с другом.

– Воистину странные времена, – соглашаюсь я.

Мы пересекаем распростершийся по полям лагерь. Здесь уже не вырастут озимые. Армия движется подобно великану, сокрушающему все, что попадает на пути. Эти великаны бесчинствуют на земле Англии уже несколько лет. Следы их пребывания еще долго будут оставаться на бедной земле даже после их исчезновения.

И вот мы уже рядом с поместьем. На траве возле ворот сидит человек с деревянной ногой и строгает кусок туфа. Во дворе царит деловая суета, на нас никто не обращает внимание. Мы спешиваемся и идем прямо в зал.

Прежде я никогда не видел короля. Если бы Ансельм не указал на него, я, по всей вероятности, и не понял, что это он. В центре просторного зала сидит темноволосый человек с удрученным видом, в то время как рыцари за столами вполголоса обмениваются сплетнями. Даже не слыша их слов, я догадываюсь, что беседы их невеселы.

– Когда-то он был самым могущественным монархом в христианском мире, – бормочет Ансельм. – Посмотри на него теперь.

Гуго говорит что-то капельдинеру, и тот исчезает за боковой дверью. Спустя минуту он появляется в сопровождении человека в

ярко-синем одеянии и меховой шубе.

– Генри, епископ Винчестерский, аббат Гластоберийский, – объявляет слуга.

– Наш друг, – шепчет мне на ухо Ансельм.

Епископ чем-то похож на человека, сидящего на троне, он только старше и полнее. Его пальцы почти не видны из-за нанизанных на них колец, золотых и серебряных, с камнями, переливающимися всеми цветами летнего сада. При каждом движении они звенят, словно колокольчики.

Он узнает Гуго и приветствует его, затем пристально смотрит на меня.

– Кто это?

– Один из людей Малеганта, но он исправился.

– Разве они на это способны?

Гуго отвечает кивком головы.

– Малегант направляется сюда. Мы должны предупредить короля.

Епископ бросает взгляд через плечо. Стефан Блуаский продолжает сидеть в своем кресле, устремив неподвижный взгляд на золотую чашу, которую держит в руках. Король должен быть средоточием жизни, источником силы и величия для своего государства, на этого же одинокого человека просто больно смотреть.

– Тебе лучше поговорить с королевой. Мой брат сегодня сам не свой.

Мы находим Матильду Булонскую в холодной квадратной комнате, выходящей окнами на реку и осаждаемый город. Она выглядит величественнее своего супруга. У королевы кожа нежно-кремового цвета, светлые, почти белоснежные волосы ниспадают длинными косами до бедер. Ее шелковое платье украшено искусно вытканными золотыми цветами.

Гуго рассказывает ей о том, что один человек намеревается убить короля. Она теребит застежку браслета, но больше никак не проявляет своих эмоций. С того самого момента, как она стала королевой Англии, люди оспаривали право ее мужа на трон – обычно при поддержке войск. Значит, еще один?

Предостережение Гуго приводит королеву в замешательство. Она спрашивает его:

– Но как этот человек может убить его? Ведь он король!

Уместный вопрос. В прошлом году императрица Мод захватила Стефана Блуаского во время битвы при Линкольне и держала в плену несколько месяцев, пока Матильда не захватила в битве при Винчестере графа Роберта Глостерского, командующего войсками императрицы Мод. Это привело к обмену пленными, и король Стефан оказался на свободе. Я не могу забраться в голову Мод, но готов держать пари, что она никогда не помышляла об убийстве Стефана.

– Цезарь не был столь велик, чтобы Брут не мог заколоть его.

Королева, славящаяся своей образованностью, понимает намек.

– Но это же случилось в языческие времена. Убить помазанника Божьего...

Она качает головой. Для нее это просто немыслимо.

– Эти люди отнюдь не благородны, – продолжает настаивать на своем Гуго. – Это безбожные разбойники. Они убили графа де Пеша, а теперь хотят ввергнуть целое королевство в бездну анархии.

– Убийство короля не то же самое, что убийство графа.

Гуго не возражает против справедливости этого замечания.

– А вы видели, в каком состоянии пребывает наше королевство?

Королева подходит к окну. Уже опустились сумерки, и на горизонте отчетливо видно алое зарево. Это горит чей-то дом.

– Неурожаи, бароны угнетают своих арендаторов, тела покойников лежат непогребенными, сыновья идут против отцов. Некоторые священники говорят, будто Христос и ангелы покинули Англию навсегда.

Гуго согласно кивает.

– И если король Стефан погибнет, те же самые священники будут называть это время благословенным – золотым веком – по сравнению с тем, что последует за этим убийством.

В его голосе звучат нотки отчаяния, и это выводит королеву из равновесия. Она поворачивается к епископу Генри.

– Вы знаете этих людей? Вы доверяете им?

Епископ кивает.

– Тогда приведите ко мне Вильгельма.

Гуго и я покидаем королеву. Со стропил все еще свисают связки лука – должно быть, до того, как это поместье предоставило свои покои королю, здесь была кладовая. Гуго меряет шагами комнату, а я

смотрю в окно. В темноте вспыхивает все больше огней – кажется, пылают все королевство.

Золотой век.

Открывается дверь. Входит Вильгельм Ипрский, капитан армии, и направляется в покои королевы. Мы следуем за ним. Это высокий, симпатичный мужчина с резкими чертами лица и властным взглядом. Седина в темных волосах придает его облику еще бóльшую внушительность, в то время как несколько кривая улыбка вызывает желание завоевать его доверие. Я знаю его по слухам – на протяжении многих лет он слыл самым грозным предводителем наемников к западу от Рейна. Теперь он служит королю. Странные времена.

– Эти люди прибыли из Лондона, – сообщает королева, – они утверждают, будто одноглазый купец направляется сюда, чтобы убить короля, – Матильда пожимает плечами, давая понять, что не верит подобным нелепым сказкам. – Вы могли бы принять надлежащие меры по обеспечению безопасности короля?

С этим вопросом она обращается ко всем присутствующим и поначалу не замечает реакцию Вильгельма. Улыбка исчезает с его лица, и оно приобретает серый цвет.

– Одноглазый человек появился здесь час назад. У него было письмо от наших пекарей в Лондоне и мешок золота на наши расходы. Он хотел оказать нам помощь.

– Где он сейчас?

– Он попросил об аудиенции у короля, – сейчас Вильгельм выглядит испуганным, словно десятилетний оруженосец, он говорит почти шепотом. – Я думал, это подбодрит его.

Вызывается стража, зажигаются фонари. Все поместье выворачивается наизнанку. Требуется четверть часа, чтобы понять, что произошло невероятное.

Король исчез.

Глава 47

Окрестности Труа, Франция

По дорожке к дому подъехали два черных «Мерседеса» и припарковались рядом с «Ниссаном», заблокировав его. Открылись дверцы, и из автомобилей вылезли с полдюжины мужчин. Командовал ими высокий человек с серебристыми волосами, блестящими в лунном свете.

Элли ринулась в комнату и растолкала Дуга.

– Бланшар здесь!

– Каким образом?

– Не имеет значения.

Элли быстро натянула на себя одежду. Вокруг нее вновь распространился запах грязи и пота, от которого она было избавилась, приняв душ. Дуг выскочил из кровати и тоже поспешно оделся.

– Как ты думаешь, это она позвонила Бланшару?

– У тебя будет возможность спросить у него, если мы отсюда не выберемся.

Элли посмотрела в окно. В задней части дома все было тихо – длинные аллеи и живые изгороди утопали в лунном свете. Под окном стена была ровной, без водосточных труб и каких-либо украшений.

– Может быть, спрыгнем? – спросил Дуг.

Элли покачала головой.

– Шеи мы, вероятно, не сломаем, но уйти не сможем.

Она схватила рюкзак и шагнула на лестничную площадку. У подножия лестницы вспыхнул свет. Со стороны коридора донеслись приглушенные голоса. На каменных плитах заметались тени, хотя фигуры людей заслоняла лестница.

Дуг присоединился к девушке. От земли их отделяли три этажа. Элли услышала, как заскрипели ступени.

– Мы в ловушке.

Девушку охватило отчаяние. Пройти столь долгий путь и так легко попасться. Нетрудно было догадаться, что все кончится именно

так.

Тем временем Дуг дергал за ручки двери на лестничной площадке. Элли присоединилась к нему.

– Нам негде спрятаться, – прошептала она. – Если они не найдут нас в комнате, то разнесут весь дом.

Крадущиеся шаги крупного человека, старающегося ступить как можно тише, доносились уже со второго этажа.

– Такой большой дом должен иметь в задней части лестницы для слуг.

Дуг дошел до конца коридора и пощупал рукой стену. Она была выкрашена в белый цвет, обшита панелями и ничем не отличалась от других стен.

– Здесь есть отверстие под лепным украшением.

Он просунул в отверстие палец. Раздался щелчок, затем скрип, и стена повернулась внутрь.

– Вуаля!

В телефоне Дуга был встроенный фонарик. Он включил его, и Элли увидела крутую спиральную лестницу. Она закрыла за собой дверь и последовала за другом по лестнице вниз, ориентируясь по свету фонарика. Многие поколения слуг отшлифовали камни ступеней. На одном из них девушка поскользнулась, и Дуг едва успел поймать ее, зажав девушке рукой рот.

– Осторожно.

Элли прислушалась. Внизу снова зазвучали голоса. Они продолжали спускаться и увидели перед собой сноп света, проникавшего сквозь круглое отверстие в стене.

– Должно быть, это задвижка другого входа.

Элли опустилась на колени и приложила глаз к отверстию. Она увидела интерьер гостиной, в которой они сидели вечером. Огонь в камине погас, но горели лампы. Аннелиз Сирт стояла возле камина с бокалом в руке, глядя на кого-то, кто находился вне поля зрения Элли.

– Минуло двадцать пять лет с того момента, когда он показывал мне его, а я все прекрасно помню, как будто это было вчера, – донеслись слова Аннелиз, – и я сохранила номер вашего телефона. На всякий случай.

– Очень кстати.

Этот голос – холодный и твердый – принадлежал Бланшару. У Элли пересохло во рту.

– Мистер Спенсер будет очень рад обрести его вновь.

Аннелиз отхлебнула из бокала. Ее движения были порывистыми и резкими. Бокал зазвенел, когда она поставила его на каминную доску.

– Вы не представляете, как мне хотелось еще раз увидеть его. С тех самых пор, как я побывала в замке мистера Спенсера. Я ощущала себя сэром Персивалем. В тот вечер я увидела столько чудесных вещей и с того момента жаждала вернуться туда. Разумеется, я не сказала об этом ни слова.

– Если бы вы сказали...

Крики, проникавшие через отверстие в двери и со стороны лестницы, отозвались в доме эхом. Казалось, они доносятся отовсюду. Наверху кто-то барабанил в дверь.

Дуг помог Элли встать на ноги.

– Они уже знают, что нас нет в комнате.

Удары в дверь продолжались. Элли услышала скрип, затем треск и крики ярости. Она огляделась. Они находились на первом этаже, но лестница уходила дальше вниз – очевидно, в подвал. Им не оставалось ничего другого, как спуститься в него.

Луч света фонарика Дуга уперся в старую дверь, обитую деревянными досками и окованную железными брусками. Она оказалась незапертой. Открыв ее, они обнаружили на другой стороне два массивных засова. Дуг закрыл дверь и запер ее изнутри.

– Некоторое время она выдержит.

– Где мы находимся?

Дуг обвел лучом фонарика окружающее пространство. Они увидели кирпичные стены с углублениями и несколько бочек, покрытых толстым слоем пыли.

– Здесь, наверное, раньше хранили шампанское. Должно быть, когда-то рядом с этим особняком были разбиты виноградники.

– Куда же они делись?

Дуг вновь обвел помещение лучом фонарика, на этот раз медленнее.

– В бочках наверняка еще сохранилось немного вина, если оно не превратилось в уксус. Они слишком большие, чтобы их можно было пронести сюда через такой узкий проход.

За дверью слышались шаги. Элли взглянула на засовы, прикидывая, сколько времени они смогут выдержать.

– Ты здесь, Элли?

Это был голос Бланшара. Услышав его, она почувствовала, как к горлу подкатил комок, лишив ее способности говорить.

– Ты в ловушке, Элли. Открой дверь.

Последовала пауза.

– Я всегда знал, что ты особенный человек. Ты работала лучше, чем кто-либо за восемьсот лет. И побегать за собой нас заставила. Но теперь все кончено. Ты присвоила то, что принадлежит нам. Верни это, и мы все забудем.

Тем временем Дуг возился в дальнем углу. Элли все еще не могла произнести ни слова. В голосе Бланшара слышалось раздражение.

– И вы, Дуглас Каллэм. Вы решили помочь вашей подруге? Чрезвычайно благородно с вашей стороны – особенно если учесть, как она поступила с вами, – слышался сухой смех. – По всей вероятности, она вам не рассказывала. Она предала вас, полностью отдавшись мне. Вы были для нее ничем – пока она не поняла, что может использовать вас.

У Элли возникло ощущение, будто она была сделана из стекла и удар молотка разбил ее на миллион кусков. Она бросила взгляд через плечо. Дуг наполовину скрылся в нише между двумя колоннами, ворочая что-то тяжелое у стены.

– Мое терпение не безгранично, Элли. Открой дверь.

Она услышала какой-то шорох, за которым последовал щелчок. Что это?..

Стены подвала сотряслись от мощного взрыва. Элли показалось, что ее голова разлетелась на мелкие кусочки. Дверь заходила ходуном. С нее, словно со старого ковра, посыпалась пыль. Однако она устояла.

Почувствовав, что ее кто-то схватил сзади, Элли закричала, хотя из-за звона в ушах почти не слышала собственного крика. Это оказался Дуг. Он что-то говорил, но его слова не отпечатывались в ее сознании. Он потащил девушку к нише, в которой зиял широкий проем. Входную дверь потряс еще один взрыв. Дуг произнес что-то неразборчивое, похожее на слово «пулемет».

Он вел Элли по низкому, выложенному камнями туннелю, который закончился деревянной лестницей и люком. В петлях висел

открытый замок. Дуг вынул его и откинул крышку люка. Они оказались в одной из хозяйственных построек. Через окно в задней стене Элли увидела особняк, гордо высившийся в двадцати метрах от них. Очевидно, постройка некогда составляла часть винодельни – теперь же она использовалась в качестве гаража. Львиную долю его пространства занимал зеленый «Ленд Ровер», а вдоль стен на полках лежали садовые инструменты. Рядом с ними висела связка ключей на кольце с брелоком из пробки из-под шампанского. Дуг снял их и бросил Элли.

– Ты поведешь.

– Куда мы поедем?

– Приготовься.

С одной из полок Дуг взял ржавую кувалду. На его лице было такое выражение, что Элли испытала облегчение, когда он вышел на улицу. Она села за руль и завела двигатель.

В течение нескольких секунд стояла неправдоподобная тишина. Элли сидела, дрожа всем телом, и отнюдь не была уверена в том, что сможет управлять автомобилем. Она взглянула на рюкзак, лежавший на заднем сиденье. Он был грязный и оборванный после выпавших на его долю приключений. Ей подумалось, не выбросить ли его Бланшару и бежать куда-нибудь, где их не смогли бы найти.

Тишину нарушил звон разбитого стекла. Спустя секунду Дуг вбежал в гараж и запрыгнул на пассажирское сиденье.

– Давай!

Элли нажала на акселератор. Дверцы гаража были открыты лишь наполовину. Выезжая, автомобиль задел их и помчался по подъездной дорожке. В зеркале заднего вида отразилась широкая полоса света, заливавшего особняк. На его фоне Элли увидела фигурки людей, бегущих к машинам. К ее ужасу, они тронулись с места.

– Я думала, ты разбил их.

– Я разбил передние фары. Они не смогут преследовать нас, потому что не будут видеть, куда едут.

Впереди маячили ворота, за которыми пролегалa дорога.

– В какую сторону поедем?

– Все равно.

Элли выехала на дорогу и повернула вправо. Она гнала так, что у нее не было времени посмотреть назад.

Дестриер выехал за ворота и остановился. Без передних фар по этим сельским дорогам далеко не уедешь. Он выскочил из салона «Мерседеса», бросился к багажнику и достал винтовку с оптическим прицелом. Положив ее на крышу автомобиля, он прицелился. «Ленд Ровер» приближался к полосе деревьев. В свете его задних фар Дестриер отчетливо видел в прицел силуэт водителя.

Его палец лег на спусковой крючок.

Глава 48

Уилшир, Англия, 1143 г.

По крайней мере, нет и тела.

Гуго говорит:

– Они должны были где-нибудь это спрятать. Они доставят туда короля и используют это там.

Он не поясняет, что подразумевает под словом «это».

Дозорные подвергаются тщательному допросу. Каждый из них что-то видел, пусть даже он говорит так только для того, чтобы угодить королеве. Драгоценные часы уходят на то, чтобы отделить правду от лжи. Во всех направлениях рассылаются разведчики. Всем им известно только одно: они должны разыскать одноглазого торговца. Королева не сказала никому из них, зачем он ей нужен.

– Вы представляете, какую выгоду извлечет Мод, если все узнают, что короля похитил торговец?

Матильда намекает на то, что половина Англии и так уже не верит в право Стефана Блуаского на престол, а если распространится слух о его похищении, у него не останется никаких шансов удержать трон. Мы должны вернуть его живым.

Слуги приносят дрова. Огонь горит всю ночь. Королева и епископ Генри не выходят из королевских покоев. В это время Гуго и Вильгельм Ипрский ходят по поместью, набирая людей, запасаясь оружием и провизией. Никем не замечаемый, я слоняюсь без дела, рассматривая гобелены.

Во дворе собирается группа рыцарей, но они еще не знают, куда должны отправиться.

Перед рассветом во двор галопом врывается один из разведчиков. Пастух на дороге в Монмаут рассказал ему, что видел шестерых всадников, поспешно направлявшихся в сторону Уэльса. Впереди был высокий человек, облаченный в плащ с капюшоном, на огромном черном коне. За ним ехали остальные, и среди них пастух разглядел фигуру, кутающуюся в длинный плащ с капюшоном.

Для Вильгельма этого вполне достаточно. Мы седлаем коней.

Вильгельм Ипрский отобрал тридцать рыцарей, включая Берика, Ансельма, Гуго и меня. Я вспоминаю об оружии, находящемся в распоряжении Малеганта, которое он намеревается использовать для покушения на короля, и думаю, не слишком ли нас мало.

Дороги почти безлюдны. Все те, кто встречаются нам на пути, видят блеск мечей, слышат лязг доспехов и думают только о самом худшем. Где бы мы ни появлялись, живые изгороди трепещут, а деревья перешептываются эхом только что стихших голосов.

После полудня мы оказываемся на берегу реки, настолько широкой, что ее вряд ли перелетит стрела. Мы находимся недалеко от морского побережья: кроншнепы склевывают червей на песке, ветер доносит запах водорослей. Местность представляется настолько незнакомой и чужой, что я не верю своим ушам, когда Гуго произносит название реки. *Северн*. Последний раз я видел ее, когда, будучи десятилетним сиротой, направлялся в Отфорт. И тогда я сидел в лодке.

– Переправиться здесь они не могли.

Вильгельм ездит кругами по берегу. Конь не способен переплыть такую широкую реку. На берегу стоят причальные столбы для парома, но единственная лодка, находящаяся в поле нашего зрения, больше похожа на дырявое корыто.

Ансельм указывает на лодку пальцем. На ее носу я замечаю дыры, прорубленные топором. Они проделаны не сегодня: дерево на краях дыр успело почернеть.

– Кто-то не хочет, чтобы мы переправились на противоположный берег.

Мы скачем вдоль берега, пока путь нам не преграждает гигантский камень. Мы сворачиваем на мелководье и, объехав препятствие, замечаем недалеко от берега лодку с двумя людьми на борту. Мы останавливаемся и ждем, когда течение реки принесет их к нам, но они не двигаются с места. Лодка стоит на якоре. Один из людей насаживает на крючок наживку и бросает леску в воду. Гуго подъезжает к ним как только можно ближе, насколько это позволяет сделать глубина реки, приветствует их и спрашивает:

– Есть здесь где-нибудь поблизости брод или мост?

Рыбак хмурится и кладет удочку. Гуго распугал рыбу.

– Ни того, ни другого.

– Лодка?

– Ничего более крупного, чем наша, – рыбак смотрит на рыцарей, собравшихся на берегу. – Нечего и думать, чтобы перебраться верхом через реку шириной в двадцать лиг.

– Ты не видел рыцарей, проезжавших здесь? Пять человек и пленник?

– Они были здесь сегодня утром.

– Они переправились?

– Не здесь. Дальше, вверх по течению.

По мере того как мы поднимаемся вверх по течению, река становится уже и мельче. Все чаще появляются длинные песчаные отмели. Я вижу, что Гуго не терпит оказаться на другом берегу, однако песчаные отмели коварны: они разделяют реку на узкие, глубокие и быстрые каналы.

В конце концов Гуго призывает Вильгельма остановиться.

– Здесь можно организовать переправу.

Вильгельм качает головой.

– Слишком опасно.

Противоположный берег выглядит почти отвесным, но канал довольно узок – раньше я перепрыгивал и более широкие.

– Позволь мне попробовать.

Я снимаю с себя доспехи, отъезжаю немного назад, пришпориваю коня и галопом мчусь вперед. Конь взмывает в воздух. Его спина поднимается подо мной, я наклоняюсь вперед и сжимаю коленями круп. От бешеной скорости у меня начинает кружиться голова.

Наш отряд входит в воду, поднимая каскады брызг. Я ошибся, когда оценивал ширину реки, но не конь. Он устремлен вперед, его голова откинута назад. Его мощные ноги вспенивают поток. В течение минуты меня не оставляет ощущение, будто я сижу на бочке, и мне остается лишь сохранять равновесие, чтобы не скатиться вниз. Затем тело животного напрягается, его ноги касаются дна. Вскарabкиваясь на берег, жеребец оставляет за собой тучи песка, и вода струями стекает по его бокам. Наконец он достигает вершины и со стоном падает на колени.

Мое состояние не лучше. Я вылезая из седла и поворачиваюсь лицом к остальным. Подавляя кашель, вызванный попавшей в рот водой, я кричу им:

– Вы видите?

Тридцать человек смотрят на меня с выражением восхищения, смешанного с недоверием. Ни один из них не отваживается последовать за мной.

– Оставайся там, – кричит Гуго, – и поищи место, где они переправились. Мы поищем их следы с этой стороны и присоединимся к тебе.

Этот план мне не нравится. Опускаются сумерки, холодает, а я весь мокрый. Я не знаю, сколько еще сможет пройти мой конь, и у меня нет ни доспехов, ни оружия.

Гуго перебрасывает через реку копьё.

– Возьми вот это. И не мешкай.

Я стою, утопая ногами в песке, и смотрю, как они удаляются от меня. Когда они скрываются из вида, я отстегиваю седло и кладу его на траву сохнуть, затем снимаю с седла потник, смахиваю воду с коня и пытаюсь оценить его состояние. Поняв, что он немного отдохнул и восстановил силы, я вновь надеваю на него уздечку и веду вдоль берега.

Метрах в двухстах от берега я замечаю тропинку, бегущую параллельно реке. Я всматриваюсь в поля, пытаюсь обнаружить какие-нибудь признаки фермы, но ничего не вижу. Вздохнув, я поворачиваю на север. Мне хочется забыть о Малеганте, короле, сокровище Гуго – все, чего я сейчас жажду, это мягкая постель и блюдо горячей еды.

На пути мне попадается березовая роща с подлеском. В ней темно, хотя березовые стволы как будто отливают серебристым светом. Пения птиц не слышно – интересно, думаю я, куда они делись.

За моей спиной с хрустом ломается сучок. Я оборачиваюсь. Среди деревьев стоит человек и смотрит на меня. Он одет в грязную блузу и обут в причудливые ботинки с кроличьим мехом, но я и не думаю смеяться над ним. В руках он держит лук, и стрела в натянутой тетиве нацелена прямо мне в горло.

Глава 49

Окрестности Труа, Франция

Дверца пассажирского сиденья открылась, и «Мерседес» слегка качнулся.

– Я хорошо их вижу, – бросает Дестриер, медленно поворачивая винтовку вслед за удалявшимся автомобилем. – Стрелять?

В своей жизни Бланшар не часто колебался. Дестриер еще раз взглянул на шефа.

– Так мне стрелять?

Вивиан неотрывно смотрит на огоньки габаритных огней «Ленд Ровера», напоминавшие в ночной тьме блеск драгоценных камней. Он молчит.

Дестриер забеспокоился.

– Еще немного, и они скроются за деревьями.

Никакого ответа.

– Черт возьми, Бланшар, стрелять или нет? – Он повернул шкалу на прицеле, чтобы скорректировать дистанцию, его палец вновь лег на спусковой крючок. – Я стреляю.

Ствол, перехваченный сильной рукой, дернулся вверх, и пуля ушла в небо.

Дестриер опустил винтовку и воззрился на Бланшара с неприкрытой яростью.

– Только потому, что вы ее трахали...

Тяжелый удар в челюсть прервал его тираду. Дестриер ощутил во рту солоноватый вкус крови. Он не привык к такому обращению. Ему потребовалось чудовищное усилие воли, чтобы не съездить Бланшару по носу прикладом винтовки.

– Это не ваше дело, – в темноте видно, как изо рта Бланшара вырывается пар. – Если вы хотите продолжать работать в «Монсальвате», не смейте больше говорить на эту тему.

Тем временем «Ленд Ровер» скрылся за деревьями.

Они ехали в течение часа и не обменялись за это время ни единым словом. Элли то и дело переводила глаза с дороги на зеркало заднего вида и обратно. Она не осмеливалась взглянуть на Дуга. Только когда в поле их зрения появилась вывеска круглосуточного супермаркета, Дуг нарушил молчание.

– Заедем сюда.

Торговый зал был практически пуст. В отделе канцелярских товаров они купили миллиметровку, кальку и школьный набор по геометрии. По дороге к кассе Элли захватила две коробки печенья, несколько пакетиков растворимого кофе и упаковку с шестью банками кока-колы.

– Здесь где-нибудь поблизости есть отель? – спросила Элли у кассира.

– Если проедете пять километров дальше по дороге, увидите кемпинг.

Занимался рассвет. Кроваво-красные лучи пронзали затянутое серыми облаками небо. Увидев указатель кемпинга, они свернули на грязный проселок. Через несколько сотен метров дорогу им преградила пластиковая цепь с табличкой «Въезд запрещен». За ней располагалась вереница установленных на кирпичи фургонов и стояла кабинка туалета, а дальше простиралось чистое поле. Надпись на прибитой к дереву доске гласила, что кемпинг закрыт до апреля.

Дуг вылез из салона и отцепил цепь. Элли въехала на территорию кемпинга и припарковалась за фургонами так, чтобы машину нельзя было заметить с дороги. Дуг достал перочинный нож и вскрыл замок одного из фургонов.

– Чрезвычайно полезный навык.

– Понапрасну растроченная молодость, – Дуг произнес эти слова без тени улыбки.

Внутри фургон был весьма живописен: стены желтого цвета, выложенные оранжевым линолеумом полы, изъеденные мышами матрасы. Элли задернула занавески, оставив зазор для наблюдения. Дуг вытащил из пакета канцелярские принадлежности и разложил их на столе. Он махнул головой в сторону маленькой кухни, встроенной в перегородку.

– Как ты думаешь, она работает?

Элли чувствовала, что у нее на душе лежит тяжелый камень.

– То, что сказал Бланшар...

– Неплохо было бы сейчас выпить кофе.

Она вышла на улицу, чтобы он не заметил ее слез, и обнаружила под фургоном газовый баллон. С деревьев падали дождевые капли, на проводе линии электропередачи сидела стая ворон. Открыв вентиль, Элли, к своему удивлению, услышала тихое шипение.

В фургон Элли вернулась немного успокоившись. Чайника не было, но под раковиной она нашла кастрюлю и вскипятила в ней воду для кофе. Дуг корпел над бумагами.

Первым делом он нарисовал на миллиметровке сетку восемь на восемь квадратов и вписал в нее поэму в оригинальном варианте, слог за слогом. Строчки заполнили всю сетку до последнего квадрата. После этого Дуг нарисовал такую же сетку на листе кальки, взял распечатку мозаики из Мирабо и с помощью линейки скопировал ее на сетке.

– Интересно, в Средние века была калька? – поинтересовалась Элли.

– Если пергамент окунуть в воду, он становится полупрозрачным. А может быть, они пользовались карандашом. А может быть, этого еще никто никогда не делал.

Дуг наложил диаграмму на поэму и выровнял листы таким образом, что две сетки совместились. Они совпали идеально – линии рыцарского турне соединяли слоги в новой последовательности.

Однако что-то было не так.

– Замкнутый контур, – пробормотал Дуг, – можно начинать читать с любого места и в любом направлении.

– Начни отсюда, – Элли взяла оригинал рукописи и ткнула пальцем в позолоченную букву в начале пятой строки. – Вот и объяснение, почему он выделил букву Е в середине поэмы. А если присмотреться, то внутри буквы видны спирали, закручивающиеся против часовой стрелки.

– В большинстве своем лабиринты в средневековых церквях направлены против часовой стрелки.

Дуг взял чистый лист бумаги и переписал на слоги поэму в новом порядке, начав с первой буквы пятой строки и закончив третьим слогом следующей строки. Элли заглядывала ему через плечо, сверяя его копию с оригиналом.

Закипевшая вода начала переливаться через край кастрюли, и шипение конфорки заставило Элли оторваться от решения головоломки. Девушка нашла две замызганные кружки и заварила кофе. Одну из них она поставила рядом с Дугом, и тот буркнул под нос «спасибо».

Как два ребенка, играющих в чайную церемонию в нашем доме в Уэнди, подумала Элли. Его несокрушимое спокойствие угнетало ее.

Дуг положил ручку на стол и отхлебнул кофе.

– Я никак не могу уловить смысл всего этого. Наверняка должно быть что-то вроде вторичного кода.

На Элли навалилась смертельная усталость. Она с трудом подавила зевок, но глаза предательски закрывались. Дуг посмотрел на нее прищурившись.

– Тебе нужно поспать. Я еще немного поработаю.

На заднем сиденье «Ленд Ровера» Элли нашла коврик. Она постелила его на матрац и легла, укрывшись потраченным молью одеялом, найденным в фургоне. Неожиданно сон сняло как рукой. Она лежала с полузакрытыми глазами, притворяясь спящей, и наблюдала за Дугом, склонившимся над столом. Он посасывал кончик ручки и барабанил пальцами по краю кружки. И она поняла, что сейчас ей хочется крепко его обнять и уложить рядом с собой.

В какой-то момент она перестала притворяться, и глаза ее действительно сомкнулись. Дуг поднялся из-за стола и вошел в ее сны. Некоторые из них были экстатическими, другие – кошмарными. Но главным чувством, которое владело всем ее существом, была печаль.

Элли проснулась с чувством, будто она вообще не спала. Узкая полоска мира, которую она видела через зазор между занавесками, была погружена в сумерки, похожие на рассвет. Но часы показывали четыре часа пополудни. Получалось, что она проспала весь световой день.

Фургон был пуст. По всей видимости, Дуг уходил, потом возвратился и снова ушел. На столе рядом с аккуратной стопкой бумаг и зеленой книгой лежал новый пакет с продуктами. Рядом с мойкой стояли вымытые кофейные кружки.

Элли подошла к столу. Верхний лист бумаги был покрыт каракулями, случайно выбранными слогами, записанными в разных

последовательностях, буквами, обведенными кружками, перекрещивающимися линиями, соединявшими эти буквы. Посредине страницы было написано слово, обведенное толстыми линиями, которое бросилось ей в глаза.

ЛОКМЕНЕЗ

Зеленая книга оказалась путеводителем Микелина по Бретани. На карте западного полуострова была наклеена полоска бумаги с написанным на ней словом *Finisterre* — «край света». На некотором расстоянии от Бреста, в глубь континента, в той части карты, где единственной надписью была *Montagnes Noires*^[16], Дуг написал карандашом букву «X».

X отмечает место, X – это поцелуй, X читается как «экс», «бывший».

Элли выглянула в окно. «Ленд Ровер» стоял на месте, но Дуга не было видно. Где он? Пошел за покупками? Прогуляться? Его пальто висело на спинке стула – наверняка он отлучился ненадолго.

Она знала, что ей нужно делать, хотя и испытывала отвратительное чувство. *Теперь ты знаешь, кто я такая на самом деле*, мысленно сказала она ему. *Больше я не стану навлекать на тебя беду.*

Элли поспешно вложила бумаги в путеводитель и сунула его в рюкзак. Ей не хотелось, чтобы он застал ее здесь. Она знала, что он не отпустит ее одну. *Так ты будешь в большей безопасности*, пообещала она ему. Это было единственное, что она могла для него сделать.

Девушка забрала с собой пакет с продуктами – в надежде, что Дуг не станет возражать. Она оставила на столе двадцать евро, чтобы он не умер с голода, и записку на листе миллиметровки. У нее не было времени для того, чтобы в полной мере выразить чувство благодарности и чувство вины. Она ограничилась словами:

Прости меня за всё.

Выехав с территории кемпинга, она помчалась по дороге, ни разу не оглянувшись.

Глава 50

Керлеон, Уэльс, 1143 г.

Лук в руках человека грубой работы, шишковатый – не из рога или тиса, какие используют норманны, а из необработанного карликового вяза. Это не помешает ему убить меня. Валлийские лучники попадают в темноте в глаз летучей мыши.

Я бросаю копье и поднимаю руки. Это мудрое решение. Из-за деревьев выходят еще несколько человек. Лица их серы от грязи, а зелено-коричневые куртки делают их похожими на ожившие деревья. Они связывают мне руки и ведут за собой.

Мы бредем в ночи. Какие бы опасности ни подстерегали их в пути, эти люди не боятся их. Попасть в плен – значит оказаться в длинном темном туннеле. Я смотрю под ноги и вижу вперед лишь на ярд. Я не думаю о короле или Малеганте – мне все равно. Я думаю о Джоселине. Вспоминаю тяжесть копья в руке, и как острие дрожало над его лицом. Вспоминаю приступ милосердия. И пытаюсь понять, почему я поступил так. Веревка натирает мне запястья, и я обращаюсь к Богу: *«Так Ты отплатил мне?»*

На рассвете мы достигаем города с высокими каменными башнями. Он стоит на берегу реки в окружении роц и лугов. У деревянных причалов разгружаются морские суда. Но если присмотреться внимательнее, картина меняется. Город напоминает старую меховую шубу в разноцветных заплатках. Отверстия в кирпичной кладке заделаны раствором с камнями или просто загорожены кольями, а в красивых красных крышах, в тех местах, где выпала кровельная плитка, торчит солома. В центре поселения находится огромное круглое здание, похожее на шатер: каменные стены венчает коническая соломенная крыша. Камни выглядят старыми, солома еще не утратила желтый цвет.

– Чье это владение?

Мой вопрос не удостоивается ответа. Извлекая слова из глубин памяти, я повторяю его на валлийском языке. Стражники удивлены.

– Моргана ап Оуайна, короля Морганнуга.

Они запирают меня в загоне с плетеной оградой, где пахнет свиньями, и уходят. Дует ледяной ветер, а я еще не просох после купания в реке. Я сворачиваюсь калачиком и засыпаю.

Спустя несколько часов – сколько точно, не знаю – стражи возвращаются. Они связывают мне руки сзади, просовывают прут между локтями и спиной и волокут меня по улицам, словно плуг, к круглому строению, которое я увидел, как только попал в город. Перед его воротами стоит под дождем группа пленников. Я не узнаю их без доспехов, пока на глаза мне не попадается Гуго.

– Это твои друзья? – спрашивает один из стражей.

Я киваю. Он вынимает прут из моих локтей и толкает меня к остальным. Я едва не падаю в грязь – Гуго успевает подхватить меня.

– Они схватили меня вскоре после того, как мы расстались.

– Нас тоже. Мы нашли брод, которым воспользовался Малегант. Через две минуты нас окружили.

– Что они собираются с нами сделать?

– Предоставить нам аудиенцию у короля Морганнуга.

Гуго произносит это имя с презрением. Мне с детства известно, что королевство Морганнуг не существовало в течение пятидесяти лет. Когда норманны захватили Уэльс, они уничтожили его наряду с другими старыми королевствами. Я полагаю, что сейчас, в условиях анархии, порожденной гражданской войной, какой-то предприимчивый местный лорд или разбойник захватил власть и воскресил этот отживший свое титул, дабы упрочить свой авторитет.

Вильгельм стоит сразу за Гуго.

– Ничего не говори о короле, – шепчет он мне, когда я оказываюсь рядом с ним.

Стражи ведут нас через двойные ворота в зал короля Моргана. Мы попадаем в круглое помещение, в самом центре которого стоит столб, поддерживающий соломенную крышу. Зал опоясывает тянувшийся вдоль стен круглый стол, за которым, словно судьи, сидят рыцари и бароны.

Такого скопления королей я, пожалуй, еще не видел нигде. Множество гобеленов, висящих на стенах, повествуют о жизни всего лишь одной коронованной особы. Вот молодой король с золотым

венцом на голове выслушивает пророчества, произносимые седобородым старцем. Тот же король, только старше и в короне, убивает смуглого гиганта; побеждает римского императора; участвует в грандиозной битве; и, наконец, лежит в лодке в окружении женщин в белых одеяниях. А прямо напротив дверей я вижу того же короля, величественно восседающего на троне, украшенном резными драконами и львами.

Король шевелится. Я смотрю на него во все глаза. Дымная атмосфера зала обманывает мое зрение. Последний образ – это отнюдь не гобелен, а реальный человек из плоти и крови, примерно моего возраста, с аккуратно постриженной бородой, с золотой короной на голове. Он очень похож на того, кто изображен на всех этих гобеленах.

Я не знаю, каким образом он сумел добиться королевского титула, но готов признать, что ему он подходит больше, чем королю Стефану. Король откидывается в кресле и изучает пленников. Вильгельм Ипрский проскальзывает за спины своих рыцарей и опускает голову, дабы не быть узнанным. Гуго оказывается впереди и смотрит королю прямо в глаза.

– Кто вы?

– Рыцари из Англии. Враг кое-что украл у нас. Мы последовали за ним сюда, чтобы вернуть свое.

Король сжимает пальцы.

– Вам следовало обратиться ко мне за помощью. Что именно он у вас украл?

Гуго хранит молчание. Это явно не нравится правителю.

– Если король Англии решит вторгнуться в мое королевство, я дам ему сражение. Я отброшу его обратно к морю и объединю Британию. Она опять станет такой, какой была при Артуре.

Он блефует. У него внушительный двор, но армия Стефана Блауского способна завоевать его королевство в течение недели. Если Стефан до сих пор не сокрушил этого претендента на британский престол, то только потому, что у него есть более неотложные дела. Но людям Моргана нравятся слова правителя. Они вскакивают из-за стола, кричат и аплодируют. Некоторые из них швыряют в нас остатки пищи со своих тарелок. Я уворачиваюсь от корки хлеба и слушаю, о чем они говорят. Одно имя неотступно звучит у меня в ушах.

Артур, Артур, Артур.

Наконец до меня доходит смысл происходящего. Морган воспользовался ситуацией и узурпировал власть, прикрывшись громким титулом, давно ушедшим в предания. Но титул, на который он претендует, гораздо более древний и значительный, нежели титул короля Морганнуга.

Морган поднимает руку, и в зале воцаряется тишина. Гуго уже собирается что-то сказать, но тут вперед выступаю я, стараясь занять наиболее освещенное место. Этот прием я использовал, когда был бардом, – никто не слушает человека, находящегося в тени.

– Я могу рассказать вам историю.

Морган переводит взгляд на меня.

– Мне нужны ответы на мои вопросы. Мне нужна правда. У меня при дворе лучшие менестрели и арфисты в Уэльсе. Они рассказывают мне легенды и предания.

– Не такие, как моя. Это величайшая из историй, когда-либо рассказанных при королевском дворе.

Обычное бахвальство барда. Никто не платит за то, чтобы услышать обычную, не слишком интересную историю.

– Это история о Персивале Валлийце, которую никто никогда не слышал прежде. Это история тайн.

Наши взгляды встречаются. Король Морган заинтригован. Он кивает в знак согласия.

– Расскажи свою историю, и посмотрим, понравится ли она мне.

– Рассказывать легче с развязанными руками.

Страж перерезает веревку, связывающую мои руки. Я потираю запястья, затем подхожу к столу и беру кубок с вином, чтобы промочить горло.

– Давным-давно, когда королем был Артур...

Я начинаю свой рассказ. Иногда я ловлю себя на том, что уклоняюсь в сторону или повторяюсь, но каждый раз инстинктивно возвращаюсь к сюжету, подобно слепому, нащупывающему палкой край дороги. Я наблюдаю за лицом короля, как наблюдал за лицом Ады, когда мы с ней сидели на берегу реки в Отфорте, примечаю эпизоды, которые ему нравятся, и по возможности делаю на них акцент. Некоторые из них я заимствую из историй моей матери, другие – из других легенд, слышанных мною в других залах или прочитанных

в детстве в книгах. Кроме того, я выдергиваю нити из грубой ткани собственной жизни, окрашиваю их в яркие цвета и вплетаю в свой гобелен, вешиваемый в зале.

Я рассказываю королю о том, как Персиваль родился в дремучем лесу в Уэльсе. Как его отец и братья – рыцари короля Артура – были убиты в один день. Как мать всячески ограждала его от всего, что связано с рыцарями и рыцарским духом, дабы уберечь его от такой же судьбы – и как он решил стать рыцарем в тот самый момент, когда заметил красочные плюмажи и блестящие доспехи воинов, проезжавших по лесу.

Я рассказываю о том, как Персиваль отправился в Керлеон, где Артур держал свой двор, и многозначительно обвожу взглядом зал.

– Это был не самый грандиозный или величественный двор...

Лицо Моргана багровеет. Он чрезвычайно обидчив.

– ...всего тысячи три рыцарей, или около того.

Зал сотрясает смех. Морган бьет ладонью по подлокотнику своего кресла и одобрительно кивает головой. Все внимание присутствующих опять привлечено к моему сказанию.

Я продолжаю говорить и рассказываю о том, как Артур посвятил Персиваля в рыцари, после чего он отправился на поиски приключений. Как он встретил леди Бланшфлор, как спас ее замок от злодея Кламадю и сделал ее своей возлюбленной, хотя и не женой. В моей истории нет никаких мужей.

Зал постепенно погружается во тьму: слуги забыли заменить свечи. Я вновь ищу наиболее освещенное место и рассказываю о том, как Персиваль отправился в новое путешествие, вышел на берег широкой реки и встретил там рыбака. Как рыбак направил его к замку в скрытой от глаз долине, и как в тот вечер за ужином он стал свидетелем чудес, которым не мог найти объяснения.

Во время беседы Персиваля с хозяином замка в зал вошел оруженосец и принес копье. Он подошел к очагу, чтобы всем было видно древко и железный наконечник. Капля крови скатилась с его острия и коснулась руки оруженосца.

После этого двое слуг внесли золотые канделябры – каждый на дюжину свечей. Их пламя отражалось в искусной резьбе подсвечников. За ними вошла девушка – прекрасная и благородно одетая – с блюдом в руках. Оно было из чистейшего золота,

украшенное драгоценными камнями на земле и в море, и излучаемый ими свет затмевал пламя свечей, как солнце затмевает звезды.

Как до этого копье, блюдо пронесли мимо рыцаря, и оно исчезло в другой комнате. Рыцарь не осмелился спросить, каково их предназначение.

В зале нет ни одного человека, кто не остался бы до рассвета, чтобы узнать, каково предназначение копья и блюда.

Я рассказываю им о том, как Персиваль проснулся на следующее утро и обнаружил, что замок пуст. Как разводной мост поднялся за спиной, едва его конь проскакал по нему. Как он больше не смог найти этот замок, и эти поиски довели его до безумия. Как он полностью потерял память, забыв даже Бога. Как он блуждал пять лет, пока в Великую пятницу его не принял к себе отшельник и не вернул ему душевное здоровье. Как он дал обет не проводить две ночи подряд под одной крышей, пока не выяснит, почему копье кровоточило, и что содержало блюдо.

Как...

Я неожиданно замолкаю. Морган думает, что это драматический эффект, и ждет продолжения. Поняв, что я не собираюсь продолжать, он поднимается, словно человек, пробудившийся от сна.

– И?..

Я пожимаю плечами.

– Финал мне неизвестен. История еще не закончилась.

Глава 51

Лондон

Бланшар сидел в своем офисе, устремив взгляд на шахматную доску. Партия подошла к эндшпилю: на доске оставались лишь два короля и белый конь. Он теребил в руке коня, перебирая варианты следующего хода.

Куда теперь?

Бланшар хорошо играл в шахматы – не гениально, не как автомат, но выиграть у него было нелегко. Он прекрасно знал, что следует не только просчитывать собственные ходы, как это объясняют шахматные учебники, но и поставить себя на место противника. *В чем он видит свою силу? Свою слабость? Что он предпримет дальше?* В тех редких случаях, когда Вивиан играл с компьютером, он чаще всего проигрывал. Ему было необходимо, чтобы во время игры напротив него находился человек, со всеми своими эмоциями и устремлениями. Тогда он мог бы препарировать его, влезть в душу, чтобы в конце концов одержать победу.

Взять хотя бы Элли. В тот самый момент, когда она вошла в его офис в безвкусном и дешевом костюме, с широко распахнутыми глазами, лучащимися наивностью, он понял, что это грозный противник. Сен-Лазар называл ее пешкой – но Бланшар видел, что она была той самой пешкой, которая способна стать ферзем. Однако, несмотря на все свое уважение к ней, он ее недооценил. Он не сумел удержать ее в узде, и теперь она вырвалась на свободу.

У Вивиана оставался последний шанс. Инженеры в Мирабо сообщили, что часовня не подлежит восстановлению. Вертолет разбил вдребезги все тайны, которые она хранила много веков. Элли еще может появиться в поле зрения, но после бегства из дома Аннелиз Стирт она будет соблюдать предельную осторожность.

Какой ход сделает она? Какой ход сделает он?

Резким движением Бланшар отодвинул доску в сторону, опрокинув короля, и включил компьютер. Его палец на секунду завис

над клавишей, а потом он резко нажал на нее.

Через двадцать четыре часа все решится.

Керлеон, Уэльс

Нас, тридцать пять рыцарей, запирают на ночь в тесном загоне, огороженном частоколом. Здесь даже нет места для того, чтобы облегчиться, и приходится справлять нужду между кольями. Но, по крайней мере, нам не холодно. Около полуночи приходит королевский мажордом, отпирает ворота и ведет нас обратно в замок. Очаг едва тлеет, стражники разошлись. Король сидит в одиночестве, окутанный дымом, – как будто ожили драконы, украшающие его трон.

– Вы можете взять своих коней, оружие и доспехи. Провожатые обеспечат вам безопасное возвращение из моего королевства.

Гуго пытается что-то сказать, но Морган обрывает его:

– Я хочу еще кое-что вам сообщить. Люди, которых вы ищите, покинули Морганнуг сегодня вечером, направившись на северо-запад. Они остановились на постоялом дворе, чтобы накормить коней, – мальчик с конюшни слышал, как они в разговоре упоминали место под названием Кум Бихан. Оно находится в Гвинедде, на берегу моря. Три дня тяжелого пути через горы.

Гуго наклоняет голову.

– Спасибо, Ваше величество.

Король сдержанно улыбается.

– Позаботьтесь о безопасности вашего барда. Я хочу узнать, чем заканчивается его история.

Мы едем три дня и три ночи, находя кров и пропитание, где только можем. Спим не более получаса, и опять в седло. Путешествие чрезвычайно утомительное, местность труднопроходимая. Я понимаю, почему норманны так и не смогли завоевать Уэльс, почему Морган ап Оуайн смог изгнать их, как только внимание норманнского короля переключилось на другую область. Это непокорная страна узких долин, ледяных болот и темных лесов, простирающихся за горизонт. Особенно тяжело здесь приходится коням. Один за другим они хромеют и падают в изнеможении. Мы не оставляем рыцарей,

оставшихся без коней, хотя нам еще предстоит долгий, полный опасностей путь домой.

Возникает ощущение, будто эта земля постепенно поглощает нас. С каждым днем долины становятся все глубже, горные вершины все выше тянутся к облакам. Снег одеялом покрывает самые высокие пики, где обитают лишь орлы и Бог.

Вечером второго дня мы останавливаемся для отдыха на очередной горной гряде. Гуго подъезжает ко мне и поворачивается в седле, что-то высматривая вдаль.

Он показывает рукой назад.

– Ты видишь их?

Я смотрю в указанном направлении, напрягая глаза, но не могу ничего рассмотреть.

– Кто там?

– Всадники. Они следуют за нами от самого Керлеона.

– Люди Малеганта?

Я смотрю снова, но опять ничего не вижу.

– Моргана.

– Он что, передумал? Они преследуют нас?

– Следят за нами, – Гуго невесело усмехается. – Ты думаешь, твоя история произвела на короля Моргана столь сильное впечатление, что подвигла его к милосердию? Он понял ее смысл, как бы ты ни пытался его скрыть. Ему известно, что мы ищем нечто могущественное – оружие. Он хочет заполучить его сам.

Я вглядываюсь в долину, простирающуюся позади нас, в ряды деревьев, верхушки которых напоминают борозды в распаханном поле. Отбрасываемая горами тень превращает их коричневую окраску в серую. Это похоже на конец света.

На третий день, когда уже опускаются сумерки, мы подъезжаем к длинному озеру, расположившемуся в узкой долине. Вокруг нас высятся горы, похожие на спящих гигантов. На одной из них, у восточного берега озера, отражаясь в небе, пылает огонь.

Гуго вылезает из седла.

– Это они. Слава Богу, мы не слишком опоздали.

Мы спешиваемся и даем коням возможность напиться озерной воды. Нам не нужно привязывать их – у них нет сил, чтобы уйти

далеко. Наше состояние ненамного лучше, но у нас нет выбора. С трудом преодолевая прибрежные скалы, мы идем к цели, надеясь, что люди на склоне горы не услышат звон наших доспехов и оружия.

Но в дальнем конце озера мы обнаруживаем вырубленные в горной породе ступеньки, ведущие к перевалу между двумя вершинами. Это не удивляет меня. Я помню, как мать говорила о том, что Уэльс – это девственная земля на краю света, что каждая скала и дерево там может скрывать дверь в волшебную страну. Высокие камни стоят прямо, подобно деревьям. Иногда, во время отлива, на дне озера обнажается целый лес. Я думаю, эти ступеньки – то же самое, что тайная дорога, которую открывает луч лунного света или песня вьюрка.

Подъем по такой лестнице в темноте – чрезвычайно трудная задача. Все мои мышцы болят после стольких дней, проведенных в седле. Луна скрывается за облаком. Мы карабкаемся, неуклюжие в своих доспехах, словно крабы, проверяя ногой каждый камень, дабы удостовериться, что он не произведет шум. По долине прокатывается эхо отдаленного грома. Надвигается гроза. Над нами в темноте колеблется пламя костра.

Последние несколько ярдов оказываются самыми трудными: почти вертикальный подъем по влажному граниту скалы. Наверняка должен быть другой путь, но Гуго не хочет нарваться на дозорных. Мы привязываем мечи к спинам и карабкаемся вверх, моля Бога, чтобы треск горящих дров заглушил шум.

В конце концов я подтягиваюсь на руках и переваливаюсь через гребень скалы, плюхаясь животом на заросли вереска. Повернув голову, я осматриваю открывшуюся моим глазам ровную площадку.

Франция

«Ленд Ровер» был снабжен спутниковым навигатором, но Элли выключила его. Она сомневалась, что перемещение автомобиля можно отслеживать по GPS, но мысль о чипе, посылающем в космос сигналы, позволяющие контролировать его местоположение, испугала ее. Вместо навигатора она пользовалась дорожным атласом, стараясь по возможности ехать второстепенными дорогами. Жалко, что Аннелиз

владела столь заметным автомобилем. Лучше бы это был «Рено» или «Ситроен».

Раньше Элли не представляла, насколько велика Франция. Сверяясь с атласом, она каждый раз видела, что ей предстоит еще долгий путь. Около трех часов ночи она едва не уснула за рулем. Когда спустя несколько минут шок прошел, она почувствовала, что глаза закрываются снова. Ей стало ясно, что не остается ничего другого, как сделать паузу. Элли съехала на обочину, перебралась на заднее сиденье и свернулась калачиком. На рассвете ее разбудил прогрохотавший мимо трактор.

Теперь у нее появилась новая забота. Стрелка указателя уровня топлива безжалостно клонила к нулю. Она остановилась на маленькой заправочной станции и потратила свои последние евро на несколько литров бензина. Стрелка еле заметно поднялась вверх.

Она была уже в Бретани. Основные дороги здесь проходили вдоль побережья, но Элли выбрала шоссе, пересекавшее полуостров посередине, по извилистой долине, лежавшей в тени зеленых холмов. Ей было известно, что даже во Франции этот край считался диким. Его обитатели говорили на своем собственном языке, имели свои собственные обычаи, своих собственных духов и магию. Стрелка снова коснулась красной полосы.

Элли почти достигла своей цели, не доехав по проселочной дороге, которую чуть не пропустила, пять километров до места, обозначенного Дугом на карте. «Ленд Ровер» скатился по склону холма и уткнулся носом в траву. После стольких часов, прожитых под аккомпанемент автомобильного двигателя, тишина представлялась ей зловещей. Она просидела в неподвижном автомобиле минут пять, набираясь смелости, затем вылезла из салона и направилась в сторону росших неподалеку деревьев.

Лес производил на нее странное, почти сюрреалистическое впечатление. Если в Мирабо все было коричневым и мертвым, то здесь всюду бурлила жизнь. По стволам деревьев вились стебли плюща, землю устилал губчатый мох, из которого, стоило на него наступить, сочилась вода. Поначалу Элли нашла этот весенний островок посреди зимы весьма приятным, но чем глубже она забиралась, тем все более

угнетающе он на нее действовал. Яркие краски начали казаться ей неестественными, ядовитыми, подавляющими все вокруг.

Небо постепенно затянули черные тучи. В лесу заметно стемнело. В отдалении раздались раскаты грома. В скором времени застучали капли дождя, от которых не спасали голые деревья. Ее одежда почти сразу промокла, рюкзак за спиной стал вдвое тяжелее. Струи воды заливали лицо, ослепляя девушку, и Элли уже начала терять надежду когда-нибудь выбраться из этого леса.

Ей показалось, что впереди небо посветлело. Она упорно шла вперед, проваливаясь в мох и скользя ногами по голым камням. В конце концов деревья расступились, и она оказалась на вершине горной гряды. Внизу простиралась узкая долина, похожая на шрам на теле леса. Посередине ее пересекала узкая полоска деревьев, а по краям были навалены огромные камни, подобные гигантским мячам для гольфа. По долине протекала река, образуя маленькие озера, штурмуя камни, образуя маленькие искрящиеся водопады, а иногда исчезая в скрытых от глаз каналах. Землю покрывал сплошной ковер мха.

Элли почувствовала страшную усталость. Она села на берегу реки и, не обращая внимания на дождь, пропитавший ее насквозь, устремила взгляд на хаотическое нагромождение скал. Ей хотелось плакать, но не осталось сил даже на это. Эта гонка продолжалась несколько дней, но сейчас ей казалось, что уже прошло несколько месяцев. Что бы здесь ни находилось, она никогда не сможет это найти.

Девушка протерла глаза, смахнув капли дождя, и вновь уставилась перед собой. Внезапно на фоне унылого серо-зеленого марева вспыхнуло яркое пятно. Среди заваленного камнями поля стоял человек в красной куртке с капюшоном, выглядевший карликом рядом с огромными камнями.

Он помахал рукой и принялся карабкаться по склону горы. Этот человек мог быть кем угодно – охотником, лесником, туристом, но Элли так не думала. Она сидела и ждала.

На полпути он становился и поднял голову.

– Элли Стентон?

Она молча кивнула.

– Мы ждем вас.

Кум Бихан

Вокруг огромного костра стоят человек десять. Они внимательно смотрят на тонкий высокий камень, похожий на палец, стоящий за небольшим возвышением. К нему привязан король, на котором из одежды лишь одна белая льняная рубаха. Он находится на противоположной от меня стороне костра, и от этого кажется, будто его тело объято пламенем. Между ним и костром расположен плоский камень, напоминающий алтарь. На нем что-то лежит, но что именно, мне мешают рассмотреть огненные блики. Перед камнем стоят два человека – один очень высокий и широкоплечий, в черных доспехах, второй ниже ростом, сутулый, с капюшоном на голове. Я не вижу их лиц, но Малеганта узнаю с первого взгляда. Второй, должно быть, ювелир с небесно-голубыми глазами и серебряной рукой, Лазар де Мортен.

Малегант поднимает с камня-алтаря черное копьё и направляется к королю. Глаза короля расширяются от ужаса. Даже сейчас он не верит, что кто-то действительно способен поднять на него руку. Малегант поднимает копьё.

Это сцена из кошмарного видения, преследующего меня на протяжении последних пяти лет: связанная и смертельно испуганная жертва, палач и копьё. Я не могу допустить, чтобы это случилось вновь. Я погружаю ладони в мягкую землю и бросаюсь вперед, подобно волку. Малегант находится слишком близко от короля, и я не успею добежать до него. Я выхватываю из-за пояса нож и мечу его – прямо сквозь пламя костра. Он ударяет Малеганта в спину и отскакивает от кольчуги. Тот ощущает удар и поворачивается.

Он видит упавший нож и смотрит, кто мог его бросить. Огонь освещает меня – стоящего перед ним, безоружного. Я не представляю для него угрозы. Он делает шаг в мою сторону.

Я поднимаю руку к своему плечу, делая вид, будто сдаюсь. Мои пальцы обхватывают рукоятку меча, привязанного за спиной. Рыцарь не видит его. Я жду, когда он подойдет ближе, затем молниеносным движением выдергиваю меч из ножен и наношу удар, целясь в горло.

Прости меня, шепчу я, обращаясь к отшельнику.

Вершина холма превращается в поле боя. Люди двигаются вокруг костра, словно тени, нанося друг другу удары. Некоторые из рыцарей Вильгельма Ипрского достигли вершины, но их еще немного. Единственное, что они могут сделать, – сдерживать натиск врагов. Я вижу, как Малегант хватается человека за воротник и пояс и сбрасывает вниз.

Он вновь поворачивается к королю, но опять подвергается нападению. Гуго удаётся вскарабкаться на вершину. Он набрасывается на Малеганта. Тот видит его и поднимает меч. Они обмениваются ударами. Гуго – крупный мужчина, но на фоне Малеганта он как бы потерял часть своей силы. Первый удар разбивает его щит, второй едва не отрубает ему руку.

Я бегу к ним. На полпути мне кто-то преграждает путь. Я вижу серое лицо в красных отблесках огня и глазницу в лучах морщин, похожую на просверленное отверстие. Алберик. У него в руке меч, но я сомневаюсь, что он умеет пользоваться им. Я делаю простейший ложный выпад и затем вонзаю меч в его плечо.

Наверное, он кричит, но в пылу боя я ничего не слышу. Я вспоминаю его широко разинутый рот, его выпученный глаз. Кожа вокруг выбитого глаза натягивается так туго, что кажется, вот-вот лопнет. Мне остается лишь подтолкнуть его к обрыву. В течение секунды он шатается на краю, затем срывается, и вместе с ним падает вниз мой выпавший из руки меч.

Я поворачиваюсь. Невозможно понять, кто берет верх в сражении, видно лишь, что оно протекает все с тем же ожесточением. Малегант и Гуго бьются около каменного алтаря перед костром. Гуго прижимает что-то к груди левой рукой, а мечом в правой руке отражает удары Малеганта.

Тебе выпало то, что никогда не выпадает большинству людей, – возможность искупить вину.

Я выхватываю из костра головню и бегу к ним. Малегант отбивает меч Гуго в сторону и прижимает его руку к камню. Другой рукой он пытается отнять у рыцаря предмет, который тот прижимает к груди. Это яйцевидный белый камень. Гуго дергается и извивается, словно птица, попавшая в силок, но не может освободиться.

Небрежно, словно это какой-то никчемный булыжник, Малегант бросает камень в сторону. Рукой в перчатке он вырывает меч из руки

Гуго, поворачивает и прикладывает к его горлу.

Головня в моей руке пылает, словно у меня в руках хвост кометы. Малегант поворачивается ко мне и делает едва уловимый шаг в сторону. Теперь у него в каждой руке по мечу – ангел смерти, бросающий мне вызов. Над соседней горой небо озаряет вспышка молнии. Размахивая головней, я надвигаюсь на Малеганта.

Двумя мечами он может легко отсечь мне голову. Но тут из-за его спины показывается Гуго и обрушивается на него со всей силой, на какую способен. Он обхватывает моего врага так плотно, что тот не может сделать ни шага, а уж тем более поднять меч. Малегант пытается освободиться от его объятий, но все его попытки тщетны.

Теперь моя очередь спасать Гуго. Но я обо что-то спотыкаюсь на бегу и падаю на колени. В пылу сражения я поначалу не обращаю на это внимание, но, видимо, ангел побуждает меня оглянуться, чтобы увидеть, что оказалось у меня под ногами.

Это копьё.

Должно быть, Малегант бросил его в тот момент, когда Гуго напал на него сзади. Я наклоняюсь и поднимаю его из грязи. Еще не успев разогнуться, я чувствую какое-то движение справа от меня. Вокруг царит хаос яростной битвы, но многочисленные турниры приучили меня не терять головы. Я медленно поворачиваюсь назад.

Прямо на меня движется Лазар. Его капюшон откинулся назад, и сейчас этот старик само воплощение смерти, а не человек из плоти и крови. Несмотря на возраст, он весьма проворен. Серебряной рукой он прижимает к груди белый камень, в другой сверкает кривой нож.

Повинуясь рефлексу, я поднимаю копьё. Оно оказывается тяжелее, чем я рассчитывал. Я не знаю, из чего оно сделано, но мне кажется, будто его чем-то пропитали. В темноте Лазар не видит его. Все, что от меня требуется, – крепко держать древко. Лазар делает все остальное.

Локменез

Элли последовала за человеком вниз по склону. Она не видела никаких меток, но он уверенно провел ее среди скал в дальний конец долины, к лощине в тени большой скалы. По ее поверхности протекал

ручей, скрывавшийся в расщелине. Заглянув в нее, Элли увидела далеко внизу бурлящую пену реки.

– Слишком узкий проход, – замечает ее сопровождающий. – Старайтесь не дотрагиваться до воды.

Элли с испугом взглянула вниз.

– Вы хотите, чтобы я туда спустилась?

– Эта дорога не так уж плоха, как кажется. Я забыл представиться, мое имя Леон.

Он протянул руку, и Элли машинально пожала ее. Ее новый знакомый оказался старше, чем ей показалось вначале, – вероятно, за пятьдесят – но был худощав и подтянут. Редящими волосами и очками без оправы он напомнил ей ее учителя географии в пятом классе.

– Вы сделали большое дело. Мы уже почти на месте.

Следуя его инструкциям, она встала на камень коленями, вытянула назад ноги, пока они не повисли, и схватилась руками за желобок в скальной породе, подумав при этом, каково его происхождение – искусственное или естественное. Ее ноги оказались в пустоте. В нескольких сантиметрах струился вниз ледяной ручей, его обжигающие капли брызгали ей на ноги.

– Отпускайте руки.

Элли в недоумении посмотрела на Леона.

Он устало улыбнулся.

– Не бойтесь. Доверьтесь мне.

Разжав руки, Элли полетела вниз, но полет оказался не таким долгим, как она ожидала. Она опустилась примерно на полметра, приземлившись на невидимую площадку. Под ногами в скале были прорублены переkreщивающиеся борозды, не позволявшие подошвам ее кроссовок скользить.

Элли подняла голову и увидела Леона, смотревшего вниз.

– Чуть впереди вас туннель.

Элли присела на корточки, пошарила рукой перед собой и не ощутила ничего, кроме воздуха. Она продвинулась вперед, выставив вперед руку. Раздался глухой звук, затем плеск. Тусклый свет наверху исчез после того, как Леон спустился следом. Послышался легкий щелчок, и узкий туннель осветил луч фонаря.

– Можете подняться на ноги.

Элли последовала совету, подняла руку и нащупала потолок. Пройдя тридцать шагов, она почувствовала, что воздух стал прохладнее и немного светлее. Они оказались в небольшой пещере. Леон встал рядом с ней. Луч его шахтерского фонаря осветил каменные стены, фрагменты гипсовых фигур рыцарей и дам, сводчатые окна, заполненные землей, веерные своды, уходившие вверх в чернильную темноту.

– Где мы? – спросила Элли.

– В замке Локменез.

Луч фонаря вновь опустился вниз, пробежал по полу, выложенному каменной плиткой, и замер на сверкающем бензиновом генераторе, установленном в нише. Леон склонился над ним и дернул за веревку. Генератор кашлянул три раза, взревел и, войдя в рабочий режим, мерно загудел.

Помещение сразу ожило. Голые лампы, висевшие на проводах между стен, наполнили его светом. Это оказался довольно большой зал с очагом в одном конце и каменным дверным проемом с резьбой, ведущим в туннель, через который они пришли, в другом. Единственными признаками современности были лампы и спутанные провода вокруг генератора. Чуть дальше Элли увидела некую конструкцию из стальных элементов, опирающуюся на колесики. Она удивилась, подумав, каким образом они смогли доставить ее сюда.

– Так это действительно замок?

– Он был погребен под оползнем двести лет назад. Уже в то время о нем мало кто знал, а впоследствии люди о нем совершенно забыли. Но надо отдать должное его строителям, они поработали на совесть.

Элли кивнула, хотя архитектурные особенности замка, как и фрагменты плохо сохранившегося барельефа, не привлекли ее внимания. Она не могла отвести взгляд от дальнего конца зала. Там над каменным столом в воздухе парило черное копьё.

– Это... *то самое* копьё?

Элли почувствовала головокружение. Возникло ощущение, будто ее подвесили в пустом пространстве. Казалось, мир вывернулся наизнанку и превратился в зазеркалье, насыщенное невероятными чудесами.

Лицо Леона хранило непроницаемое выражение.

– Кретъен допускал поэтические вольности. Кровь, струящаяся с кончика копья, – я не знаю, откуда он это взял.

Завороженная Элли приблизилась к копью и протянула руку, чтобы прикоснуться к нему. Резкий окрик Леона заставил ее отдернуть руку.

– *Не трогайте!*

Элли отступила назад и окинула взглядом пустой зал.

– Я думала, вас здесь будет больше.

– Мы не были в этом замке несколько лет. Только узнав о том, что произошло в Мирабо, мы подумали, что вы можете появиться здесь. Разыскивая вас, мы проехали пол-Европы.

– Я рада, что вы нашли меня.

Девушка не была уверена, что действительно рада этому. Довольно бесцеремонные манеры Леона вызывали у нее беспокойство. Похоже, он не имел понятия, какие испытания выпали на ее долю. Многое представлялось ей непонятным и необъяснимым. Элли ощущала себя жертвой чудовищной мистификации. Ей пришла в голову мысль, что, если сюда провести много света, он вполне может оказаться картонным. Она опять взглянула на парящее в воздухе копьё. Теперь, когда ее глаза привыкли к полумраку, она смогла рассмотреть, что в подвешенном состоянии его удерживает тонкая проволока.

– А как насчет поэмы и узора в часовне?

– Поэма – это уловка, тактическая хитрость. Когда Кретъен опубликовал «Повесть о Граале», нам нужно было каким-то образом отвлечь людей Сен-Лазара, пока мы разбирались, что все это значит. Это был всего лишь ложный ход. Мы не предполагали, что поэма превратится для него в навязчивую идею. И что спустя восемьсот лет она приведет вас к нам, – в его глазах Элли прочитала восхищение. – Вам первой удалось разрешить эту загадку.

Я сделала это не одна. Как жаль, что здесь нет Дуга. У нее кольнуло в груди.

Здесь ему бы грозила опасность.

Леон бросил взгляд на ее рюкзак.

– Ну а как насчет другого предмета? Он у вас?

С того самого момента, когда Элли выбралась с таинственной коробкой в руках из подвала «Монсальвата», ей отчаянно хотелось избавиться от нее. Все последующие дни она была для нее тяжким

бременем. Однако, расстегнув молнию рюкзака и взяв в руки черную, словно оникс, коробку, Элли, к своему немалому удивлению, испытала боль утраты. Леон прикоснулся к ее поверхности, и на ней ожили красные светящиеся символы.

– Вы можете открыть ее?

Элли вдруг страшно захотелось узнать, что находится внутри.

Леон пожал плечами.

– Мы ждали почти девять столетий, чтобы обрести ее вновь. Можно подождать и еще немного.

Она постаралась не выдать своего разочарования.

– А в ней действительно... Священный Грааль? – Элли с трудом выдавила из себя последние два слова.

– Он не священный, во всяком случае, в христианском смысле – и вовсе не Грааль. Но это то, о чем писал Кретъен.

– Кретъен де Труа принадлежал к вашему братству?

На лице Леона было все то же непроницаемое выражение.

– Как и вы, он не был одним из нас, но... оказался вовлеченным в наши дела. Я не знаю, видел ли Кретъен когда-нибудь Грааль, но он стал для него настоящим наваждением на всю оставшуюся жизнь.

На нее снизошло озарение.

– Вот почему он не закончил часть своих поэм. Поэтому его символы и сводили читателей с ума столетиями. Он сам не знал, что собой представляет Грааль.

– Он придумал его, – произнес Леон. – И с тех пор на протяжении многих поколений люди играли в своего рода испорченный телефон, описывая его. Из блюда он превратился в чашу, из чаши в камень – затем в карты Таро, эзотерическую мудрость, вечную жизнь...

Леон взял коробку в руки и положил ее не на каменный стол, как того ожидала Элли, а в очаг. Парящее в воздухе копье качнулось, когда он проходил мимо.

Девушка переступала с ноги на ногу. Ей было холодно.

– Так значит, это просто легенда? Вечная жизнь и все прочее?

Покажи мне что-нибудь, думала она. Все, что угодно. То, ради чего я рисковала жизнью.

– Этот предмет обладает определенным могуществом.

– Каким могуществом? Что он *делает*?

– Это выходит за пределы вашего понимания, – Леон, стоявший за каменным столом перед висящим копьем, походил на жреца перед алтарем. – В этом мире действуют два принципа: жизнь и смерть, созидание и уничтожение, называйте это как хотите. Существуют определенные предметы, которые управляют ими – подобно тому, как магнит заставляет двигаться железные опилки. Нет ни инструкций, ни кнопок или других устройств, с помощью которых эти предметы приводятся в действие, но, поверьте мне, они вполне реальны.

Созидание и уничтожение.

– Стало быть, копьё уничтожает?..

– Представьте, что это атомная бомба. Цепная реакция испаряет ткань мира.

– ...и Грааль...?

– Он исцеляет. Это как волна, накатывающаяся на пляж. Как бы ни была изборождена поверхность песка, вода вновь разглаживает ее. «Монсальват» стремится заполучить копьё потому, что эти люди сеют хаос, и за счет этого процветают. Мы хотим обрести Грааль, чтобы приносить добро в этот мир. Восемь столетий между нами сохранялось равенство сил. У нас было копьё, у них Грааль. И вот теперь благодаря вам в нашем распоряжении имеется и то, и другое.

Неподдельное воодушевление, с которым Леон говорил, испугало Элли.

– Он обладает магической силой?

– Вы когда-нибудь наблюдали за тем, как ребенок играет с пультом дистанционного управления? Он думает, что это магия, – и он прав. Магией мы называем силы, природу которых не в состоянии осознать.

– Что-то не очень понятно, – пробормотала Элли.

– Сейчас поймете. На протяжении трехсот лет мы были одержимы механикой, разделяя вещи на все более и более мелкие части, чтобы увидеть, как они функционируют. Но жизнь – это не вещь. Если ее разделить, она исчезнет. Это-то Кретъен и понял. Тот, кто ищет Грааль как нечто, чем можно владеть, обречен на неудачу. Эту ошибку допустили Гавейн, Персиваль и многие другие герои его романов. Вот почему Грааль сводит нас с ума – потому что мы не можем *владеть* им.

Красная куртка, шахтерский фонарь, который Леон так и забыл снять, его глаза, горящие праведной страстью, – все это испугало Элли. И ей хотелось лишь одного – немедленно выбраться отсюда и никогда не возвращаться.

– Мы сейчас куда-то отправимся? Гарри обещал, что вы спрячете меня в безопасном месте.

– Очень скоро. Мы только...

Леон не договорил. Из туннеля донесся шум, как будто кто-то пнул лежавший на земле камень, и тот с грохотом покатился вниз.

– Кто это может быть?

– Только не наши друзья.

Элли охватил ужас.

– За мной никто не мог проследить, клянусь вам.

– Бланшар ничего вам не давал?

Элли покачала головой. Но в тот же момент вспомнила. Немиющей рукой она полезла в карман джинсов и нащупала небольшой камень.

В памяти тут же всплыли подвал «Монсальвата» и Бланшар, надевающий ей на палец холодное кольцо. *Кольцо власти.*

Она вытащила его из кармана и положила на ладонь.

– Он подарил мне вот это.

Леон не рассердился. Его лицо оставалось совершенно спокойным, как будто он ожидал чего-нибудь подобного. Из дверного проема, ведущего в туннель, появился маленький предмет. Подпрыгнув, он докатился до середины комнаты и замер на полу, словно банка из-под воды, выброшенная из проезжающего автомобиля.

– Закройте глаза! – прокричал Леон.

Глава 52

Кум Бихан, Уэльс, 1143 г.

Удар молнии раскалывает мир с небес до самой сердцевины. Раскаты грома переваливают через холм и поднимают мое ставшее невесомым тело вверх, подобно волнам. Я вижу всю битву целиком – одно остановившееся мгновение, словно застывшее в сине-белом свете.

Затем свет меркнет. Лазар идет прочь, пошатываясь, держась за бок и вопя от боли. Что-то стекает по моей руке. Сначала я думаю, что это капли дождя, но, бросив взгляд вниз, понимаю, что это кровь. Неужели это Лазар? Неподалеку на земле лежит стрела. Но среди людей Малеганта нет лучников.

Что-то ударяет меня в рукав. Еще одна стрела. Мне неизвестно, где скрывается лучник, но если я не найду укрытие, это не будет иметь значения. Я прячусь за каменным алтарем. Гуго, сидящий сзади меня на корточках, освобождает от пут короля.

Как только все веревки разрезаны, они присоединяются ко мне. От поверхности камня отскакивает стрела. На нас сыпется каменная крошка.

– Что это?

– Люди Моргана.

Я обнаруживаю за спиной сломанный щит. Я протягиваю руку и подтаскиваю его к себе, затем поднимаю над головой и выглядываю из-за камня. Почти сразу две стрелы разбивают щит вдребезги.

Судя по всему, исход битвы решен. Из тридцати человек нашего отряда осталось не больше дюжины. Они сидят на корточках, прикрываясь щитами от шквального дождя стрел. Земля вокруг костра усеяна телами.

Я нигде не вижу Малеганта.

– Где?..

– Он бежал.

Еще одна вспышка молнии озаряет поверхность холма. Стрелы как будто повисают в воздухе. Опять слышатся раскаты грома. Гроза продолжается. Холодный ветер остужает мое разгоряченное лицо. Я чувствую запах дождя.

Гуго указывает рукой на копье, лежащее у моих ног. Втоптанное в грязь, оно ничем не отличается от другого оружия, оставленного на поле боя.

– Возьми его и иди к берегу. Мы последуем за тобой, когда сможем.

– А что же король?

– Вильгельм Ипрский отвезет его в Харлех, там верный гарнизон.

– А ты?

Гуго вытирает свой меч.

– Ты не убил Лазара. Он все еще владеет тем, за чем мы охотимся.

Локменез, Франция

Несмотря на то, что Элли зажмурилась и прикрыла лицо ладонями, она ощутила яркую вспышку, сравнимую разве что с разрядом молнии. Одновременно или почти сразу следом раздался оглушительный грохот – не раскат грома, как во время грозы, а резкий удар, сейчас ей казалось, что он расколол ее голову надвое.

Элли почувствовала запах дыма и открыла глаза. Большинство ламп перегорели, а те, что продолжали работать, испускали неровные мерцающие блики, в которых клубилась пыль. У нее что-то текло из носа, поднеся руку к глазам, она поняла, что это кровь. В ушах стоял звон – не идет ли кровь и из них? Девушке казалось, что она прыгнула в воду с большой высоты.

Элли бросила взгляд в сторону двери и увидела в клубках дыма пять фигур с автоматами в руках. Они освещали свой путь мощными шахтерскими фонарями. Она попыталась поднять трясущиеся руки, но у нее не хватило для этого сил.

Один из них шагнул вперед, на освещенное место, и снял с головы фонарь. Слепящимися глазами Элли рассмотрела знакомые грубые черты лица Дестриера.

– Мечты развеялись, как дым... – он рассмеялся, – наконец-то мы добрались до тебя, сука.

Он повернул голову, как будто кто-то его позвал из туннеля, но Элли ничего не услышала. Даже голос Дестриера казался ей таким далеким, будто он говорил с ней, закрыв лицо подушкой.

Из туннеля вырвался еще один луч света. Спустя мгновение в каменном дверном проеме появился Бланшар. Он окинул взглядом зал, увидел Элли, улыбнулся, но не подошел к ней, а остался стоять, словно ожидая кого-то еще.

В разрушенном проеме показался старик на инвалидном кресле. Элли бросила на него взгляд. Она была поражена, насколько болезненно хрупким выглядел этот человек. Но взгляд ярко-голубых холодных глаз пригвоздил ее к каменным плитам пола. Элли и представить не могла, сколько ему пришлось испытать, прежде чем он оказался здесь. Разве такое возможно на инвалидном кресле?

– Элеонор Стентон, – заговорил он холодным механическим голосом, эти звуки издавал прибор, закрепленный у него под подбородком. – Вы сделали все то, что мы от вас ожидали.

Элли осознала, что все еще сжимает кольцо в ладони. Она разжала кулак, и Бланшар увидел его.

– Ты хранила его. Мое кольцо власти.

Второй раз за день она задалась вопросом – что происходит? Магия?

Бланшар злорадно ухмыльнулся, будто прочитав ее мысли.

– В него вмонтирован передатчик GPS. Маяк, способный помочь мне найти улетевшую птичку. Батарейка слишком мала, после активации ее хватает на двадцать четыре часа, но этого оказалось достаточно.

Бланшар прошел к каменному столу. Рядом с Элли под дулами автоматов стоял заметно напрягшийся Леон. Копье все еще раскачивалось после взрыва. Банкир протянул было руку, чтобы взять его, но тут же отдернул. Затем он обошел стол, вынул из очага черную коробку и опять улыбнулся Элли.

– Ты принесла ее назад. Очень разумно. Мы ожидали, что ты попытаешься украсть ее, но даже я сомневался, что тебе удастся это сделать.

– Вы для того пригласили меня на работу, чтобы использовать в качестве пешки в своей игре?

– А что, ты вообразила, будто мы пригласили тебя на работу из-за твоих познаний в финансах?

Бланшар положил коробку на колени Сен-Лазару. Рука старика мелко дрожала, но пальцы уверенно набрали последовательность символов, загоревшихся на крышке. Она открылась.

Бланшар неуверенно взглянул на старика, тот коротко кивнул. Элли впервые увидела, как ее бывший начальник проявляет почтительность. Он запустил руки в коробку.

Кум Бихан

Дождь меняет картину битвы. Он усиливается, и град стрел постепенно сходит на нет. Над затухающим костром, словно над уставшим драконом, поднимаются облака пара. Лязг железа уступает место журчанию воды. Она разбавляет потоки крови.

Я дожидаюсь, когда падает последняя стрела, выскакиваю из своего укрытия, нахожу мертвое тело – это совсем нетрудно, – взваливаю его на плечи и начинаю спускаться вниз по предательски скользкой тропке. Я молю Бога, чтобы больше не сверкали молнии, и стараюсь не издавать шума, но на крутом склоне, с рыцарем в доспехах на плечах и с копьем в свободной руке это не представляется возможным.

В тридцати метрах от вершины я слышу скрежет лезвия, вынимаемого из ножен, – похоже, это нож – и догадываюсь, что это один из лучников. Склон очень крут, камни скользкие от дождя, люди Моргана не знают, что их ждет на вершине, и поэтому не торопятся взбираться на нее.

– Помогите мне! – кричу я на валлийском языке. – Он ранен.

Лучник не видит меня в темноте, но слышит родную речь. Я вижу приближающуюся фигуру и иду ей навстречу, бормоча ободряющие слова мертвецу на моих плечах.

Нож отправляется обратно в ножны.

– Что случилось?

– Он пытался подняться.

Я снимаю тело с плеч, и лучник просовывает свою правую руку под его плечо, принимая на себя ношу.

– Боже, как он тяжел.

Резким движением плеча я сбрасываю тело таким образом, что оно всем своим весом обрушивается на лучника. На нем доспехи, и поэтому я не пытаюсь заколоть его копьем. Вместо этого ударом ноги я подсекаю его ноги. Он падает вместе с покойником. Я нахожу у него на поясе нож, вынимаю и приставляю к его горлу. Убить его не составило бы труда.

Но в эту ночь и так уже погибло много людей. Действуя быстро, пока он не сообразил, что с ним происходит, я снимаю с него ремень и связываю ему руки. У него имеется платок, которым он стирает влагу с тетивы, – я засовываю его ему в рот. Затем снимаю с него башмаки и швыряю их в темноту. Это не удержит его надолго, но на то, чтобы уйти отсюда подальше, мне вполне хватит времени. Еще я забираю у него щит.

Используя драгоценное копье в качестве посоха, я спускаюсь вниз по склону. Дождь барабанит по моим плечам. Наконец звуки меняются – я слышу мягкие удары капель о воду. Озеро. Я выхожу на берег и оказываюсь на дне долины. Дождь прекращается. Ветер разрывает облака в клочья. Между ними пробивается лунный свет.

Я не вижу наших коней. Неужели их увели люди Моргана? Я близок к отчаянию, но вдруг до моего слуха доносится ржание со стороны рощицы, справа от меня. Должно быть, кони нашли там убежище от грозы. Я кричу, и один из них мчится ко мне рысью. Он оседлан – у нас не было времени снять с них седла, когда мы сюда приехали.

Я не знаю, в каком направлении находится море, но слышу шум текущей воды. Он доносится с дальнего конца озера. Я скачу туда по узкой лошине, пролегающей между двух холмов, время от времени заезжая в воду.

Ручей постепенно расширяется и превращается в реку. Вдоль нее тянется тропинка, удобная для верховой езды. Я оглядываюсь назад, но вершины холма, где происходило сражение, не видно. Костер погас.

Я направляюсь вдоль реки к морю. Я знаю, что должен спешить, но меня одолевает страшная усталость. Ослабив поводья, я даю коню возможность самому выбирать путь. В скором времени я улавливаю

запах соли. Впереди слышится плеск волн. Под копытами коня мягко шуршит песок.

Я спешиваюсь и снимаю седло. Конь ложится, и я, прислоняясь к его боку, вбираю в себя его тепло, сжимая древко копья, лежащего рядом.

Ночные ужасы еще не закончились. Малегант, Сен-Лазар и Морган все еще представляют угрозу. На меня возложена обязанность хранить копьё. Но я почти не спал уже четверо суток. Я ехал, карабкался по скалам, сражался до полного изнеможения. У меня больше нет сил. Я засыпаю.

Локменез

Несмотря на слова Леона, Элли ожидала увидеть чашу – золотую, инкрустированную драгоценными камнями. Ее поэтический образ столетиями формировало коллективное воображение западной культуры. Вместо этого Бланшар извлек из коробки яйцевидный камень размером с мяч для игры в регби. Камень был мутновато-белым, но даже при тусклом освещении переливался мириадами искр, подобно алмазу с множеством граней. В задымленном и запыленном воздухе отраженный свет создавал вокруг него нимб.

Когда Бланшар повернул камень в руке, Элли заметила, что на одном из его концов имеется углубление, служащее опорой для плоской чаши, а основание плоское, благодаря чему он способен стоять на ровной поверхности. Бланшар подошел к каменному столу и поставил на него реликвию так, что она оказалась прямо под копьем.

– Они были разлучены в XII веке, – бормочет он. – С тех пор мы и ждали этого момента.

– Зачем? – простодушно спросила Элли.

– Копье причиняет раны, а камень исцеляет. Но лишь копьё, которое причинило рану, способно излечить ее.

Сен-Лазар подался вперед, как будто он хотел встать с кресла и пойти. Холод столетий коснулся щеки Элли. Она подумала: интересно, сколько лет провел старик в этом инвалидном кресле.

Бланшар опять потянулся к копью. И опять Элли почувствовала, как напрягся Леон. Бланшар повернулся к присутствующим спиной и

не заметил этого, но Сен-Лазар не упускал ничего.

– Остановитесь!

На его белом, словно из слоновой кости, лице застыло выражение свирепой сосредоточенности. Он перевел взгляд своих бездонных синих глаз на Элли.

– Вы сделаете это.

Тон его механического монотонного голоса был безжалостным. Элли стояла, не двигаясь с места.

Сен-Лазар слегка кивнул. Дестриер подошел к Элли, схватил ее за волосы и потащил к столу.

– Где я мог ее видеть, – проскрежетал Сен-Лазар.

Элли удалось вырваться из рук Дестриера и встать на противоположной стороне стола, повернувшись лицом ко всем присутствующим в зале. Начальник службы безопасности «Монсальвата» отступил в сторону, не отводя направленный на нее ствол пистолета.

Бланшар не сводил с девушки пристального взгляда. И сейчас Элли попыталась отыскать в его лице хоть маленькую толику душевной теплоты, былой привязанности, но так ничего и не увидела. Она почувствовала, как у нее на глаза наворачиваются слезы. Но она точно знала, что вовсе не Бланшар был тому виной, а то множество совершенных ею ошибок, которые уже невозможно исправить.

Бланшар неверно истолковал ее слезы.

– Мне очень жаль, – проговорил он, едва заметно пожав плечами.

Она обвела взглядом зал – подобно человеку, собравшемуся покончить с собой и прощающемуся с миром, который он покидает. На лице Дестриера играла глумливая и торжествующая ухмылка победителя. Сен-Лазар устремил взгляд на Леона, а он, в свою очередь, неотрывно смотрел на Элли. Он прошептал ей что-то неразборчивое и демонстративно перевел взгляд с копья на очаг, находившийся за ее спиной.

Что бы Леон ни пытался ей сообщить, даже если бы Элли удалось расслышать его слова, это не могло изменить ее судьбу. Она посмотрела на стоявший на столе камень, тусклый и невзрачный в тени Бланшара, затем перевела взгляд на копьё. Оно было не монолитным, а состояло из двух одинаковых по длине брусков черного железа, соединенных цилиндром из тщательно отшлифованного

дерева. Сейчас она отчетливо видела два поддерживающих его провода, опускающихся с крыши. Какие-либо узлы отсутствовали: провода входили непосредственно в древко копья.

Элли подняла обе руки. Ее пальцы обхватили холодное железо. Глаза Сен-Лазара сощурились.

Девушку сотрясала дрожь. Она ощутила, как по ее телу пробежала волна электрического разряда.

И тут мир взорвался.

Кум Бихан

Я просыпаюсь на рассвете. Меня разбудил не свет, хотя поначалу я это не осознаю. Полоса серого песка тянется до серого моря, по серому небу плывут серые облака. Единственный предмет, нарушающий эту унылую монотонность, – кривобокая лодка, выброшенная прибоем на берег.

Ветер доносит до моего слуха цокот подков по гальке. Я вскакиваю на ноги, хотя сразу становится понятно, что никакой угрозы нет. Всадник склонился над поводьями и кивает головой, как будто спит. Он удерживает в руке копье, но оно болтается сзади, словно весло. Конь выглядит не лучше. С трудом бредя по берегу, он шатается как пьяный.

Моя первая мысль – всадник не представляет опасности. Вторая – он едва жив. Затем я понимаю, что это Гуго.

Я подбегаю к коню, хватаю уздечку и пытаюсь спустить моего товарища на землю. У меня ничего не получается: он привязал себя поясом к седлу, чтобы не свалиться вниз. Я развязываю пояс, стаскиваю Гуго с седла и замечаю глубокую рану на его предплечье и еще одну на боку. Я снимаю с него шлем. Он смотрит на меня и щурится, будто пасмурный день для него слишком ярок.

– Кретьен?

– Как дела?

Гримаса боли искажает его лицо.

– Лазар ускользнул. Я попытался его преследовать, но Малегант помешал мне.

– А как остальные? Ансельм, Берик?..

– Все погибли.

Я убираю волосы с лица рыцаря. Вспоминаю, что в моей седельной сумке есть фляга. Вынимаю ее и смачиваю губы раненому.

О том, чтобы уехать отсюда, не может быть речи. Если даже я привяжу Гуго к седлу, он не выдержит в седле и пяти миль. Я снимаю с него кольчугу и заворачиваю его в попону. Несмотря на истощение, он весит не меньше пони. Я беру его на руки и бреду, пошатываясь, по пляжу к лодке. Она вся в лентах водорослей, некоторые ее доски искорежены временем и солью, но в ней имеются весла, мачта и парус.

Я укладываю Гуго на дно лодки и кладу рядом с ним копье. Он ощупывает его и пытается улыбнуться.

– По крайней мере, оно им не досталось.

Я упираюсь плечом в транец и пытаюсь толкнуть лодку в воду. Но она не движется с места. Лодка тяжела для одного человека и к тому же плотно увязла в прибрежном песке. Я думаю, не использовать ли мне коней, но у меня нет упряжи, да и животные, скорее всего, сломали бы себе шеи.

Я опять залезаю в лодку, опускаюсь на колени возле Гуго и говорю ему, что мы дождемся прилива и тогда сможем отплыть. Я не знаю, понимает ли он мои слова. Его глаза стекленеют, он едва узнает меня.

Локменез

Это не походило на взрыв светошумовой гранаты, использованной несколькими минутами ранее. Тогда это было одно мгновение – вспышка, треск, слепота и звон в ушах. На сей раз все происходило значительно медленнее: исходивший со стороны крыши глухой рокот постепенно нарастал, пока не стал ощущаться почти физически, вытесняя воздух из зала. Элли еще успела заметить наверху какие-то вспышки и клубы дыма, на нее начали падать первые обломки и задрожал пол.

Она схватила со стола камень и нырнула в очаг. Грохот усилился, и спустя секунду потолок начал быстро опускаться вниз. Последнее, что Элли смогла заметить, – это беспомощную фигуру Сен-Лазара в инвалидном кресле.

Воцарилась тьма. Элли закрыла голову руками и свернулась в клубок вокруг камня. Она чувствовала, как по ней бьют мелкие камешки, сыпется песок. Мир вокруг нее таял – звуки, камни и пламя сливались в одну беспорядочную яростную волну, затопившую ее целиком.

Элли не могла сказать, как поняла, что все кончилось. Она даже не была до конца уверена в том, что жива – лишь ощущала искорки жизни внутри себя, пробивавшиеся сквозь удушающую тяжесть онемевшей плоти. Еще она чувствовала, что к ее животу прижато что-то твердое и округлое, и это придавало ей уверенность. Она приоткрыла глаза.

Было светло. Это внушало ей надежду. Элли приоткрыла глаза шире, попыталась повернуть голову и, поняв, что ей это удалось, огляделась вокруг.

Она лежала в камине, наполовину заваленная землей и камнями. Ее укрытие почти не пострадало – лишь несколько кирпичей вывалилось из трубы. Она посмотрела вверх. Через трубу свет не поступал, но в задней стене зияла большая брешь. Она-то и служила источником света. Тусклый и мутный, это все же был естественный, дневной свет.

Элли освободилась от засыпавших ее камней и земли. Камин был настолько большим, а труба настолько широкой, что она могла свободно в ней стоять. Девушка схватила первый попавшийся ей обломок камня и принялась выбивать кирпичи. Под воздействием взрыва раствор раскрошился, и ей не составляло особого труда разломать кладку. В скором времени она уже стояла перед достаточно большим отверстием, через которое можно было пролезть. Выставив сначала наружу камень-Грааль, Элли последовала за ним. Она поморщилась от боли. Ее руки были в крови, царапинах и синяках. Два пальца, судя по всему, были сломаны.

Сзади послышался шум сдвигаемых камней. Элли огляделась. После взрыва весь зал был завален камнями и землей. Девушка не могла понять, откуда исходит звук. Она судорожно повернулась.

Из кучи земли торчала кисть руки. Элли могла поклясться, что секунду назад ее там не было. Кисть дрогнула, ее почерневшие пальцы

сжались, земля вздрогнула опять, и рядом с первой показалась вторая рука. На ее запястье блеснул золотом браслет часов «Картье».

Элли схватилась за стену, но кирпичи зашевелились под ее руками. На секунду она испугалась, что сейчас вся труба обвалится на нее. Ладони горели, но она, преодолевая боль, сделала резкое движение и подтянулась. В последний момент выбравшийся из-под завала Бланшар ухватил ее за лодыжку, но Элли удалось вырваться.

Кирпичи под ней обвалились, Элли рухнула вниз. Она оказалась на узкой винтовой лестнице и покатила по ступенькам. Выставив перед собой руку, она попыталась остановить падение, но в конце концов с глухим стуком приземлилась на дно. Ее тело снова пронзила боль.

Элли с трудом поднялась на ноги. Ступеньки лестницы покрывал тонкий слой земли, но в остальном они были довольно чистыми. Дневной свет, который она заметила в самом начале, очевидно, исходил сверху, хотя винтовая лестница скрывала его источник.

Она должна была добраться туда. Элли схватила с пола Грааль и начала взбираться по лестнице. Свет был слишком тусклым, и она едва видела ступеньки. Некоторые из них отсутствовали, другие были завалены кусками обвалившихся стен. Ее ноги в разорванных джинсах были покрыты кровью вперемешку с грязью. Девушка поднялась на очередной пролет и остановилась, чтобы перевести дух. При каждом вдохе у нее возникала острая боль в груди. Элли подумала, что, по всей вероятности, сломала ребро. Она наклонилась и, стараясь не обращать внимания на боль, прислушалась к своему дыханию.

Это было не единственное, что она услышала. Снизу, из темноты, доносились звуки шагов. Человек не бежал по лестнице, но поднимался явно быстрее ее, а у нее уже и без того не было сил. По ее телу пробежала дрожь страха.

Она продолжила подъем.

Воздух становился светлее и чище. Звуки шагов снизу приближались, но Элли почти не слышала их. Она была поглощена своим собственным восходящим миром и сосредоточила внимание на боли, дабы не предаваться отчаянию.

И неожиданно она достигла своей цели. Сделав последний поворот, она оказалась на верхней площадке башни.

После стольких часов, проведенных в подземелье, дневной свет показался ей незнакомым и чужим. Солнце садилось за облака, заливая открывшийся перед Элли пейзаж кроваво-красными лучами. Когда ее глаза все же привыкли к солнечному свету, она все еще не могла поверить, что выбралась из каменной ловушки.

Элли взяла себя в руки и огляделась. Башня была возведена на склоне холма. Позади росли деревья, нависавшие над краем откоса, который был всего на несколько метров выше башни. Перед ней простиралось открытое пространство.

Взрыв в зале привел к обвалу склона, обнажил остов башни и оставил огромный кратер перед ней. На дне кратера были видны осыпавшиеся кирпичи, но большая часть зала осталась под землей. Вперемежку с кирпичами лежали вырванные с корнем деревья.

На лестнице все еще звучали уже значительно замедлившиеся шаги, и в скором времени послышалось тяжелое дыхание, после чего звякнул засов двери. Элли не обернулась.

– Замечательный вид, – задыхаясь, произнес Бланшар.

– И все это сделало копьё?

Банкир хрипло рассмеялся. Элли неохотно повернулась в его сторону. Его спутанные седые волосы торчали во все стороны. Одежда висела клочьями. Руки и ноги были сплошь в порезах. Из широкой раны на щеке сочилась кровь. Правая рука безвольно болталась вдоль туловища. Единственное, что было у него чистое – маленький черный и неуместно блестящий пистолет, который он держал в левой руке.

– Копьё послужило для нас приманкой. Я думаю, твой друг подсоединил к нему детонатор. Когда ты коснулась его двумя руками, то запустила реакцию и произошел взрыв.

Элли вспомнила провода, окутывавшие генератор.

– Крыша...

– Взрывчатка.

Бланшар закашлялся. Пистолет ходил ходуном в его руке. Он выплюнул сгусток крови.

– Копьё – подделка. А вот эта штука, – он показал на камень, – боюсь, настоящая.

Элли почти забыла о камне, который продолжала инстинктивно, словно дитя, прижимать к груди.

– Ты добила́сь большего, чем я ожидал, Элли. Большого, нежели твой отец, большего, нежели все эти идиоты за столетия. Но тебе придется отдать его.

Его разбитые губы искривились в кровавой усмешке.

Элли уже была готова отдать ему камень. Но последние его слова вызвали у нее чувство протеста. *Больше, нежели твой отец.* Она вспомнила о нем, человеке, известном ей только по фотографиям, который пробрался в туннель, чтобы завладеть камнем, находившимся сейчас в ее руках. Она вспомнила о матери, оставшейся вдовой, терпевшей нужду многие годы и умершей в больнице Бланшара. Она вспомнила Дуга и порадовалась, что не притащила его сюда.

Элли еще крепче прижала камень к груди.

– Нет.

Бланшар кивнул.

– Понимаю.

Раздался выстрел.

Кум Бихан

На этом пляже время не идет. Здесь нет ни солнца, ни колокольного звона, только серое спокойствие и плеск волн. Похоже, прилива уже не будет никогда.

Я внимательно изучаю копьё и пытаюсь понять, из чего оно изготовлено. На ощупь оно кажется каменным, хотя камень наверняка уже давно раскрошился бы. На нем выгравированы странные узоры, настолько тонкие, что я едва ощущаю бороздки подушечками пальцев. Я несу его к морю и смываю с острия кровь Лазара.

По моей руке пробегает дрожь, она дергается. Может быть, у меня мышечный спазм, но я уверен, что это из-за копьё. Я кладу его обратно на дно лодки и укрываю краем попоны.

«Сила накапливается в глубоких сосудах, – говорил Гуго. – Она прирастает не только у людей, но и у предметов».

Если это копьё и наделено силой, то она несет зло.

Чтобы убить время, я перепиливаю трос, которым лодка привязана к камню. Меч Гуго настолько туп, что мне приходится прилагать массу усилий, чтобы перерезать волокна. Бросив работу, я

иду искать точильный камень. Я нахожу его в седельной сумке и принимаюсь за работу. С гор дует холодный восточный ветер, но лицо Гуго лоснится от пота, а лоб горяч. Я достаю флягу, но она пуста.

Чтобы мы могли отправиться в морское путешествие, нам нужна вода.

Мы находимся недалеко от устья реки, но я не решаюсь отправиться туда без оружия. Я облачаюсь в доспехи, седлаю своего коня, беру с собой валлийский щит, а также копье и меч Гуго. Волшебное копье я оставляю в лодке, рядом с Гуго. Наконец начинается прилив. Волны достигают лодки, но почти сразу отступают. Я думаю, у меня в запасе есть час, если не больше, пока лодка снимется с мели.

Я скачу по песчаным дюнам к берегу реки. Вода в ней оказывается солоноватой, но пить ее можно. Фляга слишком мала, и я пытаюсь набрать воду в свой шлем, но она протекает через заклепки. Я смотрю на отражение своего лица в реке: изможденное, окровавленное, покрытое слоем грязи. Я мечтал быть совсем не таким рыцарем. Если бы я увидел себя нынешнего, будучи восьмилетним мальчиком, то убежал бы в ужасе.

Мухи летают над моим отражением, словно над разлагающимся трупом. Я надеваю шлем и забираюсь в седло. Приливная вода прибывает все быстрее, и я не хочу, чтобы лодку унесло в море без меня. Я взбираюсь на дюны и смотрю вниз.

Лодка на месте. Но не это пугает меня. По пляжу мчится галопом черная лошадь с черным всадником в седле. Заметив меня, он останавливается.

– *Питер.*

Ветер относит то, что он кричит. Хотя рыцарь и обладает гигантским ростом, ему явно приходится напрягать голосовые связки. Видно, что он провел в седле достаточно много времени и сражался не меньше меня.

Я спускаюсь с дюн, скачу в сторону пляжа и на расстоянии выстрела из лука от него останавливаюсь. Волны обрушиваются на берег, ветер треплет конскую гриву. Такое впечатление, будто мы единственные люди на земле. Мы опускаем копья.

Малегант прищипоривает коня. У меня нет шпор, но мой конь знает, что делать. Мы мчимся навстречу друг другу. В ушах свистит

ветер. Я кладу копьё поперек шеи коня, пригибаюсь в стременах, подогнув колени, и наклоняю голову вперед, как меня учил Горнемант.

Столкновение. Щит лучника не способен противостоять копьё Малеганта. Оно пробивает его и проходит сквозь кольчугу, испарывая кожу моей руки и чудом не затрагивая мышцу. Напор Малеганта настолько силен, что он не только выбивает щит из моей руки, но и чуть не выбрасывает меня из седла.

Мое тело сотрясает дрожь. Я едва удерживаю копьё. Но мне нужно развернуться раньше Малеганта. Я натягиваю поводья. Это похоже на турнир, только сейчас на кону стоит не выкуп или слава.

Я проворен, но Малегант не уступает мне, и у меня больше нет щита. Мы снова сближаемся, но кони скачут медленнее. Кажется, до столкновения проходит целая вечность. Я уклоняюсь от копья Малеганта, но в результате и мое копьё едва касается его.

Мы вновь разворачиваемся. Теперь мы находимся настолько близко друг к другу, что нам нет нужды идти в атаку. Мы обмениваемся ударами, но они недостаточно сильны, чтобы пробить доспехи. Моя нога вылетает из стремени, а седло начинает соскальзывать с крупа коня. Я чувствую, как рвется подпруга. Но мои удары тоже начинают достигать цели: Малегант с трудом удерживается в седле. Он скользит назад, его копьё устремляется вверх. Я пользуюсь возможностью и наношу ему удар в плечо. Он валится назад и с глухим стуком падает в песок.

Но и я после этого удара теряю равновесие и лечу вниз, стараясь не попасть под ноги коня.

Мы вскакиваем на ноги и вынимаем из ножен мечи. Чтобы выиграть время и перевести дух, я кричу ему:

– Кем я был для тебя?

Губы Малеганта растягиваются в ухмылке.

– Никем.

– Зачем ты взял меня с собой на Иль-де-Пеш?

– Чтобы убить тебя.

– Зачем?

– Незавершенное дело, – Малегант смеется. – Всех остальных членов твоей семьи я уже убил.

Намного позже я часто буду думать, была ли это правда, или он просто хотел спровоцировать меня. Сейчас же, в пылу сражения, я,

ошеломленный и оглушенный полученными ударами, не подвергаю его слова сомнению. Мне снова десять лет, и я стою перед горящим замком моего отца. Единственное, что дает мне силы и цель в жизни – это месть.

Любой поединок некрасив сам по себе, но этот уродливее большинства других. Мы оба изнурены ночным сражением. После ударов, которыми мы с ним уже обменялись, я бреду по песку в его сторону, с трудом переставляя ноги. Я бросаюсь на врага, он отступает в сторону и опускает меч на мой шлем. В последний момент мне удается увернуться, но недостаточно быстро. Удар приходится по верхушке шлема – его лямки рвутся, и он сваливается с моей головы. Я чувствую, как в ней начинают бить колокола. Малегант поднимает меч, чтобы раскроить мне голову. Я инстинктивно поднимаю руку со щитом.

Но у меня нет щита. Я подставляю под удар предплечье. Трещит кость, рука безвольно повисает и выворачивается. Сквозь кольца кольчуги сочится кровь, орошая песок. Я чувствую, что кость прорвала кожу и торчит наружу. Когда я пытаюсь повернуть руку, кость застревает в кольце кольчуги, и я едва не теряю сознание от боли. Малегант смеется.

И все же я еще не потерял руку. Его меч разрубил кольчугу и сломал кость. Удар был достаточно сильным.

Его меч затупился и утратил кончик во время ночной битвы. Лезвие моего меча хорошо заточено.

Боль приносит ясность в мое сознание. Пошатываясь, я отступаю назад. Меч болтается в моей здоровой руке, создавая впечатление, будто я с большим трудом удерживаю его. Видя это, Малегант наступает. Он утомлен не меньше меня и жаждет как можно быстрее покончить со мной. Ускоряя шаг, он поднимает меч, намереваясь нанести мне удар по голове.

Но хотя мое туловище раскачивается из стороны в сторону, ноги твердо стоят на земле. Внезапно я бросаюсь вперед, выставив меч вперед. Он натывается на него, и мне остается лишь прочно держать руку, а остальное довершает инерция стремительного движения моего противника.

Острие пронзает его доспехи и вспарывает живот. Малегант взмахивает мечом, но я нахожусь слишком близко, и ему недостает

пространства, чтобы причинить мне вред – тем более тупым лезвием.

Я делаю шаг назад, упираюсь ногой ему в пах и извлекаю меч из его тела. Из живота у него струится кровь, но он все еще стоит на ногах. Второй удар приходится по шлему. Лезвие меча ломает его носовую перегородку и проникает в полость рта, выбивая три зуба. Малегант валится на землю.

Я перерезаю лямки шлема и снимаю его с головы. Он все еще сопротивляется. В его руке появляется нож, и он с трудом поднимается на колени. Опасности он уже не представляет и лишь вызывает жалость.

Я берусь за рукоятку меча двумя руками и изо всех оставшихся сил наношу удар. Голова Малеганта катится по пляжу и застывает на линии прибойя. Его кровь заливает песок у моих ног.

Локменез

До этого момента Элли считала, что за последние дни она приобрела иммунитет к боли. В течение секунды она ничего не чувствовала. Затем ее бок как будто взорвался изнутри. Она рухнула на землю, накрыв камень своим телом и заливая его кровью. Сквозь лихорадочный туман она смутно осознавала, что Бланшар склонился над ней и пытается ее перевернуть. Налет респектабельности окончательно слетел с него. Он вцепился в нее подобно обезумевшему животному.

Земля вновь задрожала, хотя Элли не знала, в чем причина. На фоне красного неба появился силуэт человека, который оттащил от девушки Бланшара. Сквозь красную пелену она различила лицо Дуга и закричала, хотя это мог быть всего мираж, вызванный болью и близкой смертью.

В руке Бланшара что-то блеснуло. Прежде чем он успел выстрелить, Дуг вырвал из рук банкира пистолет и разрядил ему в живот. Бланшар согнулся, качнулся назад и...

Элли, лежа на земле, не видела, как он упал. Она только слышала его крик, разносившийся по долине звучным эхом.

Уэльс

Гуго лежит, вытянувшись на дне лодки. Руки сложены на груди поверх меча. Глаза закрыты. Я склоняюсь над ним и шепчу ему в ухо:

– Мы спасли короля и добыли копье.

Он не слышит меня. Он уже никогда ничего не услышит. Я неумелыми руками устанавливаю мачту и закрепляю на ней парус. Получается у меня не очень хорошо, но этого вполне достаточно. Ветер натягивает полотно и уносит нас в море.

Глава 53

Гластонбери, 1143 г.

Монахи смотрят на меня с тревогой. Невозможно скрыть то, что я везу. Хотя это покрыто мешковиной, они догадываются, в чем дело. То, что это спрятано под покровом, и вызывает у них беспокойство, как и то, что я выражаю желание увидеть аббата.

С тех пор, как я отплыл от валлийского берега, минуло много времени. Я снова в Англии. Королевство все еще раздирает война – ни Стефан, ни Мод не могут добиться решающего преимущества. Вместо того чтобы сражаться по-настоящему, они опустошают земли друг друга. Если не можешь убить короля, разори его королевство.

Я помню, как Гуго говорил: *«Благословенные времена, золотой век»* – по сравнению с тем, что настало бы, если бы копьё пронзило короля. Мне приходится верить ему. Иначе все было напрасно.

Однако здесь, в Гластонберийском аббатстве, монахи выглядят более сытыми и довольными, нежели братья, с которыми я жил в Бретани. Я вспоминаю их иногда – как сейчас, когда слышу доносящееся из церкви монотонное пение псалмов, напоминающее жужжание пчел в летний день. Интересно, как бы сложилась моя жизнь, если бы я остался там и продолжал заниматься переписыванием старинных рукописей. Или если бы я пошел по предначертанному мне пути, когда мне в возрасте восьми лет выбрили на голове тонзуру. Был бы я счастливее?

Аббат принимает меня в часовне. Она богато украшена – как и подобает часовне богатейшего монастыря в Англии. На мозаичном полу пересекающиеся линии создают затейливые узоры, сливающиеся в паутину, не имеющую ни начала, ни конца. Через окно я вижу крутой склон уходящего ввысь Гластонберийского холма со странными складками в траве, напоминающими затерянный лабиринт развалин замка.

– Расскажи мне, что произошло, – просит аббат.

Его взгляд скользит по мешковине. Он выглядит постаревшим с тех пор, когда я видел его в последний раз. Щеки его запали, волосы еще больше поседелели, но камни на его кольцах не изменились, оставаясь столь же яркими и блестящими. Они все еще нежно звенят, когда он шевелит пальцами.

Я рассказываю ему почти все. О том, как мы попали в плен к Моргану ап Оуайну, о нашем путешествии по Уэльсу, о сражении на вершине холма. О многом он уже знал – от Вильгельма Ипрского и его людей, а также от своего брата, самого короля. Но он не знал, что было дальше.

Я завершаю историю битвой на пляже.

– А копьё? – спрашивает аббат.

Он знает ответ, поскольку не сводит глаз с мешковины с того самого момента, как я перешагнул порог часовни. Мои руки трясутся, когда я передаю ему реликвию. Надеюсь, он не догадывается, почему.

Аббат развязывает мешковину и вынимает копьё. Черная поверхность покрыта крапинками, будто его отливали в спешке. Кузнец, изготовивший его для меня, никак не мог взять в толк, зачем кому-то могло понадобиться копьё целиком из железа. Я стою, затаив дыхание. Если раньше Генри держал в руках настоящее копьё, моя подделка не введет его в заблуждение.

Он прикасается к нему с видимым благоговением. У меня отлегает от сердца – я стараюсь не выдать своего облегчения.

– А другой... предмет? Ты знаешь, что случилось с ним?

– Лазар де Мортен бежал вместе с ним.

Выражение его лица меняется, на него набегают тень.

– Мы найдем его.

В словах аббата звучит твердая решимость, и его внимание тут же переключается на решение очередной задачи. Я выполнил свой долг, а он человек дела. Мне неизвестно, каковы его функции в братстве Гуго, но он является аббатом Гластонберийским, епископом Винчестерским, братом и советником короля. Уже подойдя к двери, он останавливается и поворачивается ко мне.

– Что ты собираешься делать?

Удивительно, что он проявляет заботу обо мне. Он ничего мне не должен. Да, я принес ему копьё, но тем самым лишь отчасти искупил

свою вину. И он должен понимать, что я знаю слишком много, чтобы можно было просто так отпустить меня.

– Я хотел бы вернуться во Францию.

– У тебя там земля?

– Нет.

– Семья?

– Нет.

Аббат хмурится. В его мире наличие земли и семьи – основной принцип существования. Он не понимает, как можно их не иметь.

– Вильгельм рассказывал мне, что ты искусный бард.

– Судить об этом я предоставляю публике.

Он не обращает внимания на это проявление ложной скромности.

– Мой брат, граф Блуа, обожает слушать истории. Думаю, мне удастся добыть для тебя теплое местечко при его дворе в Труа. Он не принадлежит к нашему братству, но симпатизирует нам.

Я кланяюсь.

Уилшир, Англия

В этот солнечный майский день даже на шоссе ощущалось дыхание весны. Элли и Дуг выехали из Оксфорда в Ньюбери, свернули на автостраду М-4 и направились на запад. Говорили они мало. Сидевший за рулем Дуг заметил, как Элли поежилась.

– Болит бок?

– Все в порядке.

Рана все еще побаливала при ходьбе, но Элли уже не обращала на это особого внимания. Она улыбнулась Дугу той улыбкой, смысла которой он пока не понимал. Она еще не сказала ему – для пущей уверенности нужно было подождать неделю, – но в глубине души знала точно. Внутри ее зарождалась новая жизнь. Счастьем ее не было предела.

Они ехали среди известковых холмов, где объекты современной инфраструктуры доминировали над древним ландшафтом, где стоячие камни служили указателями дорог, по которым люди ходили на протяжении четырех тысяч лет, где на склонах были вырезаны

изображения животных. Элли опустила окна, и струя свежего ветра растрепала ее волосы.

В офисах «Монсальвата» многочисленные чиновники и бухгалтеры разбирались с активами банка. После его краха по Лондону прошла волна слухов, но она быстро спала. Это был не первый банк, обанкротившийся в этом году, и явно не последний. В Сити никто не был особенно удивлен. «Монсальват» всегда играл по собственным правилам и часто шел на неоправданный риск. Сегодня такого рода поведение не остается безнаказанным. Рано или поздно это должно было произойти – на радость конкурентам.

Дуг и Элли приблизились к развилке, двигаясь по автостраде М-48 в направлении Чепстоу, перед мостом через Северн свернули на проселок, проехали через небольшую деревню и наконец оказались на берегу реки, между электрической подстанцией и установкой по переработке канализационных стоков. Они сидели, словно пара влюбленных подростков, и смотрели на воду.

– В твоём представлении это и есть романтический день на природе? – шутливо спросила Элли.

– Смотря что понимать под романтикой.

Она ждала, когда он продолжит.

– Помнишь, ты говорила, что Леон – человек из замка – сказал, будто поэма представляет собой блеф. Будто настоящие ключи к местонахождению копья содержатся в «Повести о Граале».

Элли кивнула.

– Кретьен, описывая замок Грааля, упоминает два реальных места в качестве метафор. Он говорит о башне замка, что *«оттуда и до Бейрута ты не найдешь лучшей»*. Описывая галереи, он замечает, что *«они были самыми великоленными, которые только можно увидеть оттуда и до Лиможа»*.

– И что?

– И Бейрут, и Лимож были некогда римскими городами. Лимож назывался *Августоритум*, Бейрут – *Колония Юлия Августа*.

– То есть оба были названы в честь императора Августа.

– Точно. Я заглянул в справочник названий римских населенных пунктов на территории Британии и нашел место под названием Августа. Сейчас оно называется Ауст.

Элли вспомнила надпись на дорожном указателе.

– Деревня, которую мы только что проехали.

Дуг смотрел на противоположный берег Северна. Река медленно несла свои воды. В коричневых песчаных склонах берегов виднелись узкие каналы. Из воды торчала огромная каменная скала.

– Путь в замок Грааля Персивалю преградила река. Он посмотрел на ее глубокие, бурные воды и не осмелился переправиться через нее. Рыбак сказал ему, что на расстоянии двадцати лиг в обе стороны нет ни мостов, ни бродов, ни паромов.

Дуг посмотрел влево, где через реку был переброшен белый подвесной мост.

– К счастью, в нашем распоряжении имеется шоссе.

Они сели в автомобиль и переехали через реку по мосту. На противоположном берегу их встретил красочный плакат «Добро пожаловать в Уэльс».

– Северн всегда служил границей, – заметил Дуг. – Между англичанами и валлийцами, саксами и кельтами. Цивилизованная рациональность, с одной стороны, и необузданная иррациональность – с другой.

Элли рассмеялась.

– Стало быть, я выросла не на той стороне.

На первом же повороте они свернули с шоссе и несколько километров двигались вдоль пашни. Дуг съехал на обочину, остановился возле поля для гольфа, вылез из автомобиля и достал из багажника два рюкзака. Один из них он передал Элли.

– Я решил устроить пикник.

Ей не нужно было спрашивать, что было во втором рюкзаке. С тех пор как они вернулись из Франции, это было с ними всегда, словно тень или запах, не будучи ни хорошим, ни плохим.

Они отыскиали в заборе калитку. Изображенный на табличке палец указывал на тропинку, ведущую в долину.

– Персиваль отвернул от реки и взобрался на вершину холма, – продолжал рассказывать Дуг. – Он увидел крышу замка, почти полностью скрытого за деревьями.

– Я не вижу никакого замка.

– Это загадочное место. Оно то появляется, то исчезает.

Следуя по тропинке, они достигли неглубокой лощины. Пели птицы, жужжали шмели, ярко светило солнце. Элли сняла джемпер и

наслаждалась ласковыми прикосновениями солнечных лучей к обнаженным рукам. У подножья холма протекал ручей. Она присела возле него, зачерпнула воду в ладонь и попробовала ее на вкус. От холода у нее свело скулы и заболела голова.

Долина постепенно сужалась. Тропинка петляла между двух холмов. Дуг вытащил из рюкзака карту и сверился с ней.

– Должно быть, это здесь.

Они свернули с тропы и стали взбираться вверх по крутому склону среди деревьев. Шрам на боку Элли начал пульсировать, но она не жаловалась. Они пересекли поле и подошли к ограде из колючей проволоки. В ней не было калитки. Дуг раздвинул проволоку, чтобы Элли могла протиснуться сквозь нее.

– Мы вторгаемся на частную территорию?

– Это не самое худшее из того, что мы уже сделали.

Перебравшись через ограду, они вновь углубились в рощу, и Элли потребовалось некоторое время, чтобы глаза привыкли к царившему там полумраку. Неожиданно из-за кустов перед ними предстали стены. Обвитая плющом колонна, которую она вначале приняла за дерево, оказалась частью едва сохранившейся башни высотой метров семь. Грубо обработанные коричневые камни торчали из сломанной кирпичной кладки подобно сучьям. Повсюду стояли искривленные деревья с наростами на стволах. Между корнями большого старого тиса лежал обломок стены.

Элли повернулась к Дугу.

– Ты знал, что этот замок находится здесь?

– Он фигурирует в списке исторических построек Уэльса. Я нашел этот список в сети.

– Если бы у сэра Персиваля был интернет!

Они двинулись вперед, прокладывая путь среди деревьев и отмечая очертания древних зданий, которые едва заметно поднимались над пологом леса.

– Замок был возведен в XII веке, но уже многие столетия лежит в руинах, – сказал Дуг. – Он сориентирован на юго-восток. Многие полагали, что это часовня.

– Ты думаешь?..

Элли услышала за спиной шелест листьев. Она резко повернулась, не обращая внимания на резкую боль в боку, и увидела шедшего

следом за ними седовласого старика. На нем были зеленые резиновые сапоги и стеганая безрукавка. В руке он держал трость. Старик мог быть кем угодно – фермером, рыболовом, землевладельцем, в чьи владения они проникли. Однако в его серьезных глазах не было ни любопытства, ни гнева.

– Я так и думал, что вы придете сюда.

– Кто вы? – спросила Элли.

Она затаила дыхание, хотя и не испытывала страха.

Старик оперся о трость.

– Можете называть меня Джорджем. Под этим именем меня знал Гарри – и ваш отец. Он был бы чрезвычайно горд тем, что вы сделали, Элли.

Он обошел груды камней со слоем раствора и постучал по ним тростью.

– Если вас привели сюда поиски копья, то, боюсь, вы опоздали на несколько столетий.

– Кретьен спрятал его здесь?

– Да. Он пытался спрятать копье от нас, полагая, что прячет его и от Сен-Лазара. Он изготовил копию и передал ее нам, и мы в течение нескольких лет пребывали в заблуждении. Когда нам стало ясно, что это он написал «Повесть о Граале», мы воспользовались теми же ключами, что и вы.

– Где же сейчас находится копье? Настоящее.

– В надежном месте, – старик поднял желудь и потер его между пальцами. – Каждые несколько сотен лет кто-нибудь, не состоявший в нашем братстве, спасает одно из принадлежащих нам по праву сокровищ и считает за лучшее спрятать его от нас. Но каждый раз в конце концов оно возвращается к нам.

Он многозначительно взглянул на рюкзак Дуга. Тот с недовольным видом отвел глаза в сторону.

– Вы можете присоединиться к нам. Оба. Вы, несомненно, заслужили рыцарское звание.

– Присоединиться к кому? – поинтересовался Дуг. – К организации, не способной защитить собственных членов? К организации, которая использует в своих интересах невинных людей, а затем бросает их на произвол судьбы? Вы со спокойной душой погребли Элли под склоном холма, лишь бы покончить с Сен-Лазаром.

Лицо старика исказила болезненная гримаса.

– Мы безуспешно боролись с «Монсальватом» в течение восьми веков, не желая применять оружие, которым владели, и не имея возможности исцелять раны, которые они причиняли. Вы не представляете, как тяжело это для нас было. Возможно, в конце концов мы просто утратили бы все, за что боролись.

– Тогда, вероятно, эта утрата стала бы ценой, которую вам пришлось бы заплатить.

– Отдай его ему, – спокойно произнесла Элли.

Дуг повернулся к ней.

– Ты добыла его с риском для жизни и сохранила, провезя через пол-Европы. Он должен принадлежать тебе.

– Если он обладает какой-нибудь силой, если он способен творить добро, пусть лучше принадлежит ему.

Дуг сопротивлялся еще некоторое время, пытаясь настоять на своем, затем неожиданно со свирепым выражением лица протянул рюкзак старику. Элли почувствовала, как с ее плеч свалилось тяжкое бремя. Она была уверена, что приняла правильное решение.

Старик с достоинством поклонился.

– Благодарю вас.

Неожиданно Элли пришла в голову мысль.

– Как вы называете его? Вы можете сказать мне это?

К ее удивлению, старик покраснел.

– Даже нам не удалось избежать влияния чар Кретьена. Мы называем его Грааль.

К автомобилю они возвращались молча. Сначала Дуг шел впереди быстрым шагом, но постепенно снизил скорость, и Элли смогла догнать его. Она взяла его под руку и положила голову ему на плечо.

Они не уехали сразу, а стояли некоторое время на обочине дороги. Дуг оперся на крыло автомобиля, а Элли уткнулась лицом ему в грудь.

– Ты тоже чувствуешь это? – спросила она – Что мы никогда больше не сможем сюда вернуться?

Дуг медленно кивнул.

– В историях Кретьена описывается благообразный мир двора с его законами, обычаями и протоколами, наряду с диким миром лесов,

где кипят сражения и происходят чудеса. Сейчас мы покинем это место. История завершилась.

– Некоторые истории имеют свой конец, – ответила Элли, – но наша так скоро не закончится.

Но что-то все еще тревожило девушку. Она хотела сказать это сейчас, пока чары окончательно не рассеялись. Откинув голову назад, она заглянула Дугу в глаза.

– То, что Бланшар сказал в ту ночь, в доме Аннелиз Стирт...

Дуг поцеловал ее в губы.

– Я ничего не хочу знать.

Брюгге, 1184 г.

Догорает свеча. Я сижу в высокой башне и пишу, уже еле различая пергамент. Годами я рассказывал легенды о мужчинах и женщинах, заключенных в башнях. В моих преданиях это вызов судьбы, препятствие, которое необходимо преодолеть. В реальности все иначе.

Я пережил свой век. Моя история закончилась сорок лет назад, а я продолжаю ее рассказывать, подобно певцу, который еще долго поет на сцене после того, как разошлись зрители. Я служил графу Блуа и его сыну графу Шампанскому. Оба уже покойники. Человек, которому я служу сейчас – Филипп Фландрский, – еще не родился, когда началась моя история. Он платит мне жалованье, а я тешу его тщеславие: пишу, что он достойнее самого Александра Великого. Он изображает смущение, но в глубине души хочет верить мне. Я восхваляю его мудрость, его любовь к истине, его справедливость, его верность долгу. А больше всего я восхваляю его щедрость, особенно когда близится день выплаты жалованья.

Брюгге – странное место. Люди здесь отличаются угрюмым нравом и отсутствием чувства юмора. Единственное, что их интересует, это коммерция. Вместо дорог здесь каналы, удобные для перевозки товаров. Город существует за счет овец, но в нем не слышно блеяния ягнят или предсмертных криков со скотобойни. Они присутствуют лишь в бухгалтерских книгах, а также в виде тюков с

шерстью, которую здесь окрашивают, и шкур, которые здесь дубят. Фламандцы пасут в Брюгге исключительно деньги.

Я ничем не отличаюсь от них. Сажу в башне, отрезанный от внешнего мира, и живу сплетнями и слухами. Когда Филипп настаивает, я сочиняю подержанные рассказы о подержанных судьбах. Но большую часть времени я посвящаю собственной истории, которую пишу и переписываю уже сорок лет. Другой я не знаю. Не проходит и часа, чтобы я не подумал о камне и копье, причиняющем никогда не заживающие раны. Я думал, что если отдам копье, то смогу освободиться от его власти. Вместо этого оно завладело моим воображением.

Я взял несколько листов пергамента и записал свою историю, но последние листы остаются чистыми. Бард волен выбирать конец. Но я не знаю, как завершить ее. Я пишу ее, переписываю и никак не могу закончить.

Женщина на балконе услышала стоны и сбежала по лестнице в зал. Она подошла прямо к королеве и спросила, что случилось.

Что случилось?

История не заканчивается. Поиски не завершены. Я могу рассказать лишь ту часть истории, которую знаю.

Я кладу перо. На листе пергамента расплывается чернильное пятно, но оно не затрагивает слова.

Я тушу пальцами свечу.

Примечания и благодарности

Кретьен де Труа известен исключительно по своим литературным произведениям. Из них до наших дней дошли лишь пять поэм о короле Артуре. Он написал их во второй половине XII века. Они легли в основу жанра рыцарского романа. Без Кретьена и его богатого воображения не было бы ни Камелота, ни Ланселота с его запретной любовью к королеве Гвиневре, ни Священного Грааля.

Сегодня почти невозможно представить мир, в котором не существовал бы Священный Грааль. Такова была сила и таинственность замысловатого повествования Кретьена, что уже в первом поколении читателей начался процесс его распространения, адаптации и преобразования, продолжившийся и по сей день. Оглядываясь назад, ученые приложили громадные усилия и проявили невероятную изобретательность, пытаясь проследить мифическое прошлое Грааля. Несмотря на все эти попытки, совершенно очевидно, что, хотя животворный сосуд представляет собой неизменный архетип в человеческой мифологии, образ именно Священного Грааля принадлежит одному Кретьену.

Все названия компаний и фирм, фигурирующие в настоящем романе, являются целиком и полностью вымышленными, и если они или имена их владельцев или служащих существуют в действительности, это либо чистой воды совпадение, либо результат заговора, чьи корни уходят гораздо глубже, нежели я могу проследить.

Подобно Кретьену, я составлял свою историю, используя массу всевозможных материалов. Я чрезвычайно благодарен всем тем, кто посвятил меня в тонкости функционирования Лондонского Сити, в особенности Марку Клейнману, Софи и Маркусу Гринам, Нику, Эдварду Соьеру, Дону Саймону Уоппину и Марку Хэлламу. Кроме того, я извлек для себя много полезного из источников Национальной библиотеки Франции, Британского Музея, Библиотеки Йоркского собора и Библиотеки Йоркского университета. Сюжет «Тристана и Изольды», описанный в 15-й главе, основывается на спектакле Королевской Оперы в постановке Кристофа Лоя с участием дизайнера Йоханнеса Лейекера.

Я хотел бы поблагодарить трех редакторов издательства Random House, работавших над настоящей книгой, – Оливера Джонсона, Кейт Элтон и Джорджину Хаутри-Вур, – а также всех, кто помогал в оформлении и продвижении книги. В эти быстро меняющиеся времена одной из постоянных величин является мой агент Джейн Конуэй-Гордон, которая всегда готова испечь вкусный пирог и дать дельный совет.

Подобно вымышленному мною Кретьену, я начал писать с целью произвести впечатление на женщину, в которую был влюблен. Возможно, мои истории не столь захватывающи, как его, но моя романтическая история оказалась счастливее: жена Эмма до сих пор находится в центре всего того, чем я занимаюсь. Наш сын Оуэн сопровождал меня в длительном, утомительном путешествии, посвященном сбору информации. При этом он всегда пребывал в хорошем расположении духа, демонстрировал замечательное чувство юмора и время от времени довольствовался в качестве компенсации за это круассаном и порцией жареных мидий.

notes

Примечания

1

Специализированное сберегательное учреждение в
Великобритании. (*Здесь и далее прим. переводчика*).

2

Рыбачья лодка, сплетенная из ивняка и обтянутая кожей, в Ирландии и Уэльсе.

3

Мелкие феодалы во Франции и Италии, вассалы рыцарей, получившие от них небольшие земельные наделы.

4

Один из древнейших музыкальных инструментов.

5

Это война (*фр.*).

6

Повесть о Граале (*фр.*).

7

Завязать (*фр.*).

8

Золото, серебро, лазурь, красный, зеленый (*фр.*).

9

Красный с серебряным шевроном, повсюду, орел с соболем, в доспехах и держащий копье, оба золотые.

10

Перевод В. Лебедева.

11

Какие-либо записи, соответствующие критериям поиска, не найдены. (*фр.*)

12

Да? Жду. (*фр.*)

13

Да будет бдителен покупатель (*лат.*).

Перевод Н.Я. Рыковой.

Перевод Н.Я. Рыковой.

Черная гора (*фр.*) – горный массив, входящий в состав природного заповедника Лангедока.

Table of Contents

[Том Харпер Гробница судьбы](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Глава 41](#)

[Глава 42](#)

[Глава 43](#)

[Глава 44](#)

[Глава 45](#)

[Глава 46](#)

[Глава 47](#)

[Глава 48](#)

[Глава 49](#)

[Глава 50](#)

[Глава 51](#)

[Глава 52](#)

[Глава 53](#)

[Примечания и благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

15

16